

XXVIII.

Тайные переговоры въ арміяхъ.—Дантонъ пытается обуздать революцію.—Дюмуре въ Парижѣ.—Онъ входитъ въ соглашеніе съ Дантономъ.

1.

Пока Дюмуре торжествовалъ надъ прусскою арміею посредствомъ своего военнаго таланта, его политическій талантъ также не дремалъ. Лагерь Дюмуре, въ послѣдніе дни кампаніи, былъ въ одно и то же время и главной квартирой и центромъ дипломатическихъ переговоровъ. Самъ давнишній дипломатъ, навывшій въ придворныхъ интригахъ, основательно знакомый съ секретами иностранныхъ кабинетовъ и съ глухимъ соперничествомъ, какое таится подъ кажущейся гармоніей союзовъ, Дюмуре завязалъ или только допустилъ сношенія,—полуочевидныя, полускрытыя,—съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, съ военными лицами и министрами, которые оказывали наиболѣе вліянія на рѣшенія короля прусскаго. Дантонъ, единственный министръ, съ которымъ Дюмуре предстояло войти въ соглашеніе по внутреннимъ дѣламъ, былъ довѣреннымъ лицомъ въ этихъ переговорахъ. Воровство королевской мебели изъ кладовыхъ, происшедшее въ Парижѣ, съ предполагаемымъ соучастіемъ темныхъ агентовъ коммуны, доставило,—какъ говорятъ,—Дюмуре средства подкупа, но не тѣ крупныя средства, путемъ которыхъ выкупаютъ отечество, а просто деньги на тайныя издержки, которыми оплачивается интрига и снижается благосклонность второстепенныхъ агентовъ двора и главной квартиры.

Герцогъ Брауншвейгскій, не менѣе Дюмуре, желалъ договариваться въ продолженіе военныхъ дѣйствій. Главная квартира короля прусскаго раздѣлялась двумя интригами: одна старалась удержать короля въ арміи, другая добивалась, чтобы онъ удалился оттуда. Довѣренное лицо короля, графъ Шуленбургъ, принадлежалъ къ первой; герцогъ Брауншвейгскій былъ душою второй. Гаугвицъ, Луккезини, Ломбардъ, частный секретарь короля, Калькрейцъ и принцъ Гогенлоэ служили намѣреніямъ генералиссимуса. Они безпрерывно представляли королю, что польскія дѣла, болѣе парижскихъ безпорядковъ важныя для его государства, требовали присутствія короля въ Берлинѣ, если онъ хотѣлъ получить свою долю въ этой большой добычѣ, которую Россія могла поглотить всю. Король возражалъ на это съ твердостью человѣка, честь котораго замѣшана въ великомъ дѣлѣ, предъ глазами всего свѣта, и который хочетъ, по крайней мѣрѣ, отстоять свою славу. Онъ остался при арміи и по-

слалъ графа Шуленберга, вмѣсто себя, наблюдать за операціями въ Польшѣ. Съ этого дня король, оставшись одинъ въ лагерѣ, былъ вполне предоставленъ вліяніямъ, заинтересованнымъ въ томъ, чтобы замедлить его движенія и ослабить его рѣшенія. Съ этого же дня все клонилось къ отступленію.

2.

Герцогъ Брауншвейгскій искалъ только предлога, чтобы открыть переговоры съ французской главной квартирой. Пока онъ находился позади Аргонна, въ десяти миляхъ отъ Гранпре, этотъ предлогъ самъ собою не являлся. Король прусскій увидѣлъ бы трусость или измѣну въ подобныхъ предложеніяхъ. Это и была одна изъ причинъ, побуждавшихъ герцога перейти Аргоннъ и встать лицомъ къ лицу съ Дюмуре. Безъ сомнѣнія, такова же была тайная причина того явленія, что генералиссимусъ, послѣ большого передвиженія своихъ военныхъ силъ и столькокихъ напрасныхъ демонстрацій въ лагерѣ „la Lune“, не схватился, однакожъ, съ французской арміей холоднымъ оружіемъ, завязалъ только канонаду вмѣсто того, чтобы дать настоящее сраженіе, и вечеромъ удалился въ свои боевыя линіи, оставивъ дѣло нерѣшеннымъ. Сраженіе при Вальми, по мысли герцога, было лишь переговорами посредствомъ пушечныхъ выстрѣловъ. Въ его глазахъ, Дюмуре держалъ судьбу французской революціи въ своихъ рукахъ. Герцогъ не могъ думать, чтобы этотъ генералъ захотѣлъ служить слѣпымъ орудіемъ неистовствъ анархической демократіи.

„Онъ бросить свою шпату“, говорилъ герцогъ своимъ приближеннымъ, „на сторону конституціонной, умѣренной монархіи. Онъ обратится противъ тюремщиковъ своего короля и сентябрьскихъ убійцъ. Охранителю предѣловъ своего отечества, ему стоитъ только пригрозить, что откроетъ границы союзникамъ, чтобы навести трепетъ на вожаковъ національныхъ собраній и внушить имъ повиновеніе. Переговоры между Пруссіей и монархической Франціей, подъ покровительствомъ Дюмуре, въ тысячу разъ желательнѣе крайностей войны, въ которой Пруссія рискуетъ и арміей и казной противъ отчаянія цѣлой націи. Нашъ интересъ въ томъ, чтобы возвысить Дюмуре въ глазахъ его соотечественниковъ, дать возможность его имени сдѣлаться болѣе внушительнымъ и популярнымъ, чтобы мы могли договариваться съ нимъ и предоставить ему свободу располагать своею арміею противъ парижскихъ якобинцевъ. Я знаю Дюмуре. Я взялъ его въ плѣнъ, 32 года тому назадъ, въ семилѣтнюю войну. Покрытый ранами, онъ попалъ въ руки моихъ уланъ; я спасъ ему жизнь, окружилъ попеченіями, назначилъ ему жилищемъ свой дворъ, вмѣсто тюрьмы, — сдѣлалъ плѣнника собесѣдникомъ моихъ праздниковъ и моимъ другомъ. Я хочу его видѣть, хочу развѣдать его тайныя намѣренія и обратить ихъ къ интересамъ Германіи. Онъ признаетъ человѣка, которому когда-то обязанъ былъ спасеніемъ жизни, и въ теченіе нѣсколькихъ совѣщаній мы больше подвинемъ дѣла Европы, чѣмъ послѣ многихъ кровопролитныхъ кампаній“.

3.

Такъ говорилъ герцогъ Брауншвейгскій. Онъ не ошибался относительно тайныхъ видовъ Дюмуре, ошибался только въ его могущество. Революція,

находившаяся тогда въ полной силѣ, не отдавалась ни на чью волю: она гнула все, но себя не позволяла сгибать. Между тѣмъ, только что обѣ арміи возвратились на свои позиціи на другой день послѣ сраженія при Вальми, какъ герцогъ Брауншвейгскій послалъ прусскаго генерала Геймана и полковника Манштейна, адъютанта короля прусскаго, въ лагерь Келлермана, подѣ предложеньемъ переговоровъ о размѣнѣ плѣнныхъ. Дюмуре, увѣдомленный Келлерманомъ, отправился на конференцію. Она была продолжительна, носила отпечатокъ интимности и льстивости со стороны пруссаковъ,—гордая, сдержанная, почти безмолвная со стороны Дюмуре. Одно слово могло его погубить, одинъ жестъ могъ его выдать; онъ велъ переговоры съ врагомъ своего отечества, имѣя подлѣ себя соперника въ лицѣ Келлермана, позади себя—мрачныхъ комиссаровъ конвента. „Полковникъ“, отвѣчалъ онъ на признанія короля прусскаго и герцога Брауншвейгскаго, „вы сказали, что меня уважаютъ въ прусской арміи; я могу подумать, что меня презираютъ, если считаютъ способнымъ выслушивать такіа предложенія“. Ограничились соглашеніемъ о перерывѣ непріязненныхъ дѣйствій предѣ фронтомъ обѣихъ армій.

4.

Въ ту же ночь, которая послѣдовала за этой официальной конференціей, довѣренные агенты Дантона, Вестерманнъ и Фабръ д'Эглантинъ, прибыли въ лагерь подѣ предложеньемъ примиренія Дюмуре съ Келлерманомъ, но съ тайнымъ порученіемъ уполномочить на переговоры и ускорить ихъ, принявъ за исходный пунктъ скорое очищеніе территории. Въ ту же самую ночь частный секретарь короля прусскаго, Ломбардъ, по приказанію короля и не безъ согласія герцога Брауншвейгскаго, нарочно попалъ въ руки патруля французскихъ гусаръ, вмѣстѣ съ нѣсколькими экипажами, былъ приведенъ въ главную квартиру и имѣлъ ночной разговоръ съ Дюмуре, подробности котораго открылъ послѣ. Освобожденіе Людовика XVI изъ плѣна въ башнѣ Тампля и восстановление во Франціи конституціонной монархіи были, со стороны короля прусскаго, предварительными условіями переговоровъ. Дюмуре высказывалъ тѣ же принципы, признавался въ такихъ же желаніяхъ и обязывался своимъ личнымъ словомъ всѣми силами содѣйствовать такой реставраціи, „но“, прибавлялъ онъ, „принимать подобныя обязательства въ тайномъ трактатѣ значило бы бесполезно губить себя. Его рождающаяся популярность не имѣла еще достаточной силы, чтобы отваживаться на подобныя рѣшенія. Конвентъ единодушно, съ энтузіазмомъ, объявилъ, что никогда не признаетъ короля. Единственнымъ средствомъ дать Дюмуре вѣсъ въ глазахъ націи, необходимый для спасенія короля, было представить его Франціи освободителемъ отечества, умирителемъ революціи. Отступленіе иностранныхъ армій съ французской территории было бы первымъ шагомъ къ порядку и миру“. Генераль отказалъ въ настоятельной просьбѣ Ломбарда принять совѣщаніе съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, но передалъ этому посреднику записку для короля прусскаго, подкрѣпленную доказательствами. Въ этой запискѣ онъ излагалъ королю побужденія и возможность союза съ Франціей, основаннаго на взаимности интересовъ. Дюмуре старался доказать королю опасность союза съ императоромъ,—

союза, который, истощая Пруссію въ людяхъ и деньгахъ, будетъ выгоденъ только для Австріи. Подъ предлогомъ проводовъ Ломбарда въ главную квартиру короля прусскаго, Дюмуре послалъ Вестермана, довѣреннаго человѣка и помощника Дантона, въ прусскій лагерь. Когда Ломбардъ отдалъ отчетъ королю, передавъ ему конфиденціальныя слова Дюмуре, король уполномочилъ герцога Брауншвейгскаго имѣть разговоръ съ Вестерманомъ.

Этотъ разговоръ происходилъ въ присутствіи генерала Геймана. Онъ заключился, со стороны герцога, требованіемъ тайнаго договора, который обѣщаль бы свободу Людовику XVI и, прервавъ враждебныя дѣйствія между арміями, позволилъ бы пруссакамъ удалиться, не опасаясь нападенія при отступленіи. Герцогъ сложилъ всю ненавистную сторону войны на австрійцевъ и французскихъ принцевъ и безъ возраженій предоставилъ военно-плѣнныхъ эмигрантовъ карѣ законовъ ихъ отечества. Вестерманъ возвратился передать эти сообщенія своему генералу. Дюмуре увѣдомилъ о нихъ Дантона съ экстреннымъ курьеромъ. Дантонъ, вмѣсто всякаго отвѣта, прислалъ декретъ конвента, возвышавшій, что Французская республика не будетъ договариваться съ врагами прежде, чѣмъ они очистятъ ея территорію.

Но послѣднее слово Дантона дошло до Дюмуре другими путями. Переговоры вовсе не были прерваны. Гласныя и публичныя конференціи о размѣнѣ плѣнныхъ служили только маскою болѣе тайнственнымъ переговорамъ и перепискѣ. Дюмуре, боясь, чтобы его сношенія съ прусскимъ лагеремъ не послужили поводомъ къ обвиненію его войсками въ измѣнѣ, пошелъ навстрѣчу подозрѣнію. „Дѣти мои“, сказалъ онъ солдатамъ, тѣснившимся около него, при проѣздѣ генерала мимо постовъ, „что вы думаете обо всѣхъ этихъ переговорахъ съ пруссаками? не внушаютъ ли они вамъ какого-нибудь подозрѣнія противъ меня?“—„Нѣтъ, нѣтъ“, отвѣчали солдаты, „за другого мы бы тревожились и стали бы выискивать ошибки въ его дѣйствіяхъ, но съ вами мы закрываемъ глаза, вы нашъ отецъ“. Искусный генералъ усыплялъ, такимъ образомъ, свою армію.

5.

Такое же сближеніе между генералами обоихъ противныхъ лагерей замѣчалось и въ станѣ Келлермана. Но тамъ разговоры касались только размѣна плѣнныхъ.

Одно обстоятельство ускорило рѣшимость короля прусскаго и герцога Брауншвейгскаго. Прусскій майоръ Массембахъ, близкій человѣкъ къ королю, обѣдалъ у Келлермана съ нѣсколькими французскими генералами и съ двумя сыновьями герцога Орлеанскаго. Послѣ обѣда Диллонъ, разговаривая въ амбразурѣ окна съ Массембахомъ, сказалъ ему, что если король, его повелитель, не согласится признать республику, то Людовикъ XVI, дворянство и духовенство во Франціи неизбежно погибнуть,—что даже самъ онъ, хотя и преданный, по принципамъ и по сердцу, народному дѣлу, не спасетъ своей головы отъ народнаго топора. Потомъ, бросивъ кругомъ себя по залѣ быстрый, тревожный взглядъ и замѣтивъ, что собесѣдники, разбившись на оживленныя группы, за нимъ не наблюдаютъ, онъ увлекъ Массембаха на балконъ. „Смо-

трите“, сказалъ онъ ему вслухъ, „какой прелестный край!“ Потомъ, понизивъ голосъ, перемѣнивъ тонъ, несмотря на Массембаха и скрывая даже движеніе своихъ губъ, прошепталъ: „предупредите короля прусскаго, что въ Парижѣ готовятъ проектъ нашествія на Германію, зная, что на Рейнѣ нѣтъ нѣмецкихъ войскъ, и этимъ хотятъ принудить вашу армію къ отступленію“. Это опасное признаніе, повторенное Массембахомъ въ тотъ же вечеръ королю, совпадало съ движеніями Кюстина, который приготавливалъ вторженіе къ Шпейеру и Майнцу. Король былъ пораженъ и болѣе прежняго сталъ склоняться къ соглашенію.

Между тѣмъ австрійская партія, партія войны и особенно эмигранты, для которыхъ война была единственной надеждой, роптали въ прусскомъ лагерѣ и осаждали главную квартиру короля жалобами и упреками.

„Что предвѣщаютъ“, говорили они, „эти конференціи между королемъ и Дюмурье? Не хотятъ-ли спасти жизнь короля французскаго, жертвуя нами? Но тогда что станетъ съ монархіей, съ религіей, съ дворянствомъ, съ собственностью? Это будетъ значить, что наши союзники только для того и вооружались, чтобы собственными руками предать насъ врагамъ!“ Таковы были жалобы, которыми вожди эмигрантовъ и посланные французскихъ принцевъ изливали въ прусской главной квартирѣ.

Нѣмецкій Вольтеръ, Гете, сопровождавшій герцога Веймарскаго въ этой кампаніи, сохранилъ въ своихъ мемуарахъ разсказъ объ одной изъ тѣхъ ночей, которыя предшествовали отступленію нѣмцевъ: „Въ кругу людей, которые окружали бивачные огни, и лица которыхъ были озарены блескомъ пламени, я увидѣлъ старца“, говоритъ онъ, „котораго, помнилось мнѣ, уже видалъ прежде, въ болѣе счастливыя времена. Я приблизился къ нему. Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, повидимому, не понимая, по какой странной игрѣ судьбы видитъ меня самого среди арміи, наканунѣ сраженія. Этотъ старецъ былъ маркизъ де-Вомбелль, французскій посланникъ въ Венеціи, котораго я видѣлъ за два года передъ тѣмъ въ этой столицѣ аристократіи и удовольствій, куда я сопровождалъ тогда герцогиню Амелію, какъ Тассъ сопровождалъ Леонору. Я заговорилъ со старикомъ о его прелестномъ дворцѣ на каналѣ въ Венеціи и о той восхитительной минутѣ, когда, по прибытіи молодой герцогини со свитою, въ гондолѣ, къ дверямъ его дворца, онъ насъ принималъ со всею граціею и великолѣпіемъ своей страны, среди музыки, иллюминацій и праздниковъ. Я думалъ развлечь старика, напомнивъ ему такія веселыя воспоминанія, но этимъ только съ большею жестокостію навелъ его на мысль о настоящей скорби. Слезы покатались по его щекамъ. „Не будемъ говорить больше объ этихъ вещахъ, сказалъ онъ мнѣ,—то время слишкомъ далеко отъ насъ. Даже тогда, празднуя съ моими благородными гостями, я радовался только по наружности. Сердце у меня надрывалось. Я предвидѣлъ послѣдствія бурь въ моемъ отечествѣ и удивлялся вашей безпечности. Что касается до меня, то я безмолвно приготавлился къ перемѣнѣ моего положенія. Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ мнѣ пришлось покинуть и этотъ постъ, и дворецъ, и Венецію, которая сдѣлалась для меня такъ дорога,—и начать жизнь изгнанія, приключеній и бѣдствій, которыми я приведенъ сюда... гдѣ, быть

можетъ, мнѣ придется быть свидѣтелемъ, печально продолжалъ изгнанникъ, какъ мой король будетъ покинутъ арміею королей“. Маркизь де-Вомбелль удалился, чтобы скрыть свою горестъ и, подойдя къ другому огню, закрылъ себѣ голову плащомъ“.

6.

Маркизь де-Вомбелль былъ посланъ въ главную квартиру барономъ Бретѣлемъ, чтобы заботиться объ интересахъ Людовика XVI. Въ палаткѣ короля прусскаго совѣты все умножались. Французскіе принцы предлагали идти на Шалонъ. Король склонялся къ отважнымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ. Герцогъ энергически противился движенію впередъ. Онъ указывалъ на отдаленность Вердена, служившаго арсеналомъ и магазиномъ арміи,—на затруднительность и медленность сообщеній, на позднее время года, на возрастающія болѣзни, на уменьшающуюся съ каждымъ днемъ численность союзниковъ, на подрѣзание французовъ свѣжими силами на ихъ собственной почвѣ, на невозможность перейти дефилеи Гранпре безъ несчастія, если побѣжденная армія должна будетъ вновь завоевывать себѣ дорогу къ Германіи. Герцогъ заключалъ необходимость выждать результатъ переговоровъ, хорошо зная, что простое ожиданіе, увеличивая опасность, придаетъ больше силы партіи отступленія. Такъ протекали дни, а дни эти были силою. Король начиналъ ослабѣвать. Очевидно было, что въ условіяхъ переговоровъ онъ искалъ уже только предлога, чтобы не опозорить своей арміи, и что удовольствовался бы самыми призрачными гарантіями жизни и свободы Людовика XVI. Демурье и Дантонъ дали ему такіа гарантіи.

Вестерманъ, возвратившись въ Парижъ, конфиденціально представилъ Дантону истинное настроеніе умовъ въ обоихъ лагеряхъ. Дюмурье вручилъ Вестерману показное письмо къ министру иностранныхъ дѣлъ, Лебрену. „Если я продержу короля прусскаго еще восемь дней на сторожѣ“, писалъ онъ Лебрену, „то его армія будетъ поражена безъ битвы. Это государь очень нерѣшительный. Онъ хотѣлъ бы найти средство выпутаться изъ затрудненія. Отчаяніе, быть можетъ, доведетъ его до нападенія на меня, если ему не представится удобный исходъ. Въ ожиданіи я продолжаю чинить перо саблею“.

Секретное письмо, которое главнокомандующій писалъ къ Дантону, содержало въ себѣ признаніе въ болѣе дальнихъ переговорахъ. „Король прусскій требуетъ, прежде чѣмъ договариваться съ нами“, писалъ Дюмурье, „формальнаго освѣдомленія о Людовикѣ XVI, о томъ, какого рода его плѣнъ, какая ему готовится участь, и выказывается ли должное уваженіе къ коронованной особѣ“.

Дантонъ хотѣлъ добиться освобожденія территоріи какой бы ни было цѣною. Это было необходимо для основанія республики и одно только могло прикрыть тотъ ужасъ, какой сентябрьскія преступленія начинали соединять съ его именемъ и властью. Сверхъ того, Дантонъ, связанный со дворомъ давнишними отношеніями, желалъ, въ сущности, спасти жизнь короля и его семейства. Онъ поручилъ своимъ агентамъ въ совѣтъ коммуны посѣтить Людовика XVI въ Тампльской башнѣ, составить о положеніи узниковъ офиціальный отчетъ, въ которомъ политическая неволя короля была бы прикрыта кажущеюся благора-

зумною заботливостью о его жизни, и гдѣ форма уваженія и состраданія маскировала бы стѣны, тюремные засовы и суровость Тампля.

Меръ Петіонъ и прокуроръ коммуны Манюэль согласились содѣйствовать намѣреніямъ Дантона. Они испросили у коммуны копію со всѣхъ ея постановленій, относившихся до Тампльской башни. Они сами отправились въ Тамплъ, допрашивали короля, показывали видъ, что приносятъ почтительное сочувствіе узнику въ его неволѣ, и вручили Дантону протоколъ, который свидѣтельствовалъ о ихъ знакахъ участія къ королевскому семейству. Эти поступки, сдѣлавшись извѣстными въ Парижѣ и совпадая съ очищеніемъ территоріи, сообщили правдоподобіе слуху о тайной перепискѣ между Людовикомъ XVI и королемъ прусскимъ, въ которой посредникомъ былъ Манюэль,—перепискѣ, имѣвшей цѣлью добиться отступленія пруссаковъ взаменъ гарантіи жизни Людовика XVI. Этой переписки никогда не существовало. Агенты Людовика XVI въ лагерѣ короля прусскаго, де-Бретель, де-Каллонъ, де-Бомбелль, де-Мутъе, маршалъ де-Брольи и маршалъ де-Кастри,—не переставали до 29-го сентября умолять о сраженіи и о маршѣ къ Парижу, какъ о единственномъ спасеніи для французскаго короля.

Между тѣмъ Вестерманъ выѣхалъ изъ Парижа съ этой бумагой, предназначенной усыпить упреки совѣти короля прусскаго относительно его чести. Дюмуре вѣлѣлъ снести бумагу въ прусскую главную квартиру своему ближайшему повѣренному, полковнику Тувено. Тувено, снабженный полномочіями отъ своего генерала и друга, на словахъ далъ герцогу Брауншвейгскому увѣреніе въ личномъ настроеніи Дюмуре: „Онъ рѣшился спасти короля и регулировать революцію“, генералъ объявить себя за восстановление монархіи, когда къ тому наступитъ время и когда онъ достигнетъ того, чтобы армія ему повиновалась, а Парижъ трепеталъ предъ нимъ. Но для этого Дюмуре нужна громадная популярность. Такую популярность могутъ дать ему только добровольное очищеніе французской территоріи королемъ прусскимъ или рѣшительная побѣда надъ вашей арміей. Онъ готовъ и къ битвѣ, и къ переговорамъ. Выбирайте“.

7.

Герцогъ Брауншвейгскій передалъ королю слова Тувено и бумаги, относившіяся къ Тамплю. Послѣдній секретный совѣтъ былъ созванъ на 28-е сентября, въ присутствіи короля. Герцогъ заранѣе подготовлялъ роли и мнѣнія. Онъ отдалъ отчетъ королю о состояніи тайныхъ переговоровъ, которые не оставляли другой надежды спасти жизнь Людовика XVI, кромѣ очищенія французской территоріи. Онъ положилъ на столъ полученныя ночью депеши изъ Англіи и Голландіи съ извѣщеніемъ, что оба эти правительства формально отказываются приступить къ коалиціи противъ Франціи. Наконецъ, онъ подтвердилъ признаніе, сдѣланное Массембаху генераломъ Диллономъ, и указалъ, что Кюстинъ уже двигаетъ свои колонны на Рейнъ и готовъ отрѣзать отступленіе прусской арміи. Герцогъ заклиналъ короля уступить какъ своему великодушному состраданію къ Людовику XVI, такъ и интересамъ своей собственной монархіи,—не проникать далѣе въ страну, гдѣ страсти были воспламенены, и не рисковать битвой, самый счастливый результатъ которой будетъ опять пролитіемъ той же прусской крови, бесполезно и изолированно проливаемой за дѣло, которому измѣнила

Европа. Король покраснѣлъ и уступилъ. Приказаніе готовиться къ бою, отданное имъ наканунѣ, было замѣнено приказаніемъ готовиться къ отъѣзду. Отступленіе было рѣшено.

Открытая военная конвенція была заключена между генералами двухъ армій. Дюмурею самъ опредѣлили ее слѣдующими словами въ письмѣ къ министру Лебрену: „Нужно смотрѣть на все это“, говорилъ онъ, „какъ на переговоры чисто военные, какіе дѣлались греческими и римскими военачальниками. Возвысимся до тѣхъ геройскихъ временъ, если хотимъ быть достойными республики, которую мы создали!“ Этими словами онъ прикрывалъ истинное значеніе конвенціи. Военная по виду, она въ сущности была политической. Дюмуре показывалъ только часть ея, скрывая остальное.

Военная сторона конвенціи гласила, что французская армія обязывается не тревожить пруссаковъ въ ихъ отступленіи къ Маасу, и что по ту сторону Мааса французская армія, не нападая, займетъ наблюдательное положеніе,—подъ тѣмъ условіемъ, что король прусскій возвратитъ безъ бою французской арміи города Лонгви и Верденъ, занятые его войсками. Политическая и устная часть конвенціи гарантировала королю прусскому жизнь королевскаго семейства во Франціи и ручалась за усилія Дюмуре возстановить конституціонную монархію и умирить революцію. Этотъ договоръ, существованіе котораго было предметомъ столькихъ споровъ и обвиненій, нынѣ уже не можетъ быть оспариваемъ. Честь прусскаго кабинета предписывала ему отрицать подобный договоръ и приписывать мирное отступленіе союзной арміи искусству ея движеній и безсилію французовъ. Но изъ прусскаго же кабинета впослѣдствіи исходили признанія, свидѣтельства и документы, которые удостовѣряютъ въ дѣйствительности переговоровъ. Эти же переговоры только и объясняютъ непонятную неподвижность Дюмуре, который допустилъ герцогу Брауншвейгскому и королю прусскому безнаказанно совершить фланговое движеніе, подвергавшее ихъ опасности быть разрѣзанными на части, и соразмѣрялъ движенія французской арміи съ медленными движеніями пруссаковъ: французы имѣли такой видъ, какъ будтобы сопровождаютъ непріятелей, а не гонятъ ихъ изъ своихъ предѣловъ.

8.

Эти переговоры Дюмуре не были ни измѣною, ни слабостью. Это было чутье патриотизма и пониманіе обстоятельствъ. Оно спасало Францію однимъ мановеніемъ, вмѣсто того, чтобы подвергать ее опасности, нанося ударъ. Вѣрное очищеніе территоріи было гораздо лучше для Франціи въ ея крайнемъ положеніи, чѣмъ сомнительная битва. Атакованный во время отступленія, герцогъ Брауншвейгскій,—который былъ все еще сильнѣе Дюмуре на 40,000 бойцовъ, могъ обратиться назадъ и уничтожить французскую армію. У Франціи не было ни второй арміи, ни второго Дюмуре. Неудача подвергала ее непріятельскому нашествію. Отголосокъ этого низвергнулъ бы республику, только что утвердившуюся послѣ побѣды 10 августа. Дантонъ,—больше, чѣмъ кто-нибудь,—заинтересованный въ отчаянныхъ мѣрахъ, самъ понялъ это и былъ соучастникомъ благоразумнаго поступка Дюмуре. Энергія Дантона, доходившая до преступленія,

не простиралась до безумія. Онъ принялъ конвенцію и перемиріе на свою отвѣтственность.

Дюмуре имѣлъ еще другое побужденіе, чтобы не злоупотреблять отступленіемъ пруссаковъ и щадить ихъ. Дипломатъ прежде, чѣмъ быть солдатомъ,— онъ зналъ, что коалиція таитъ въ себѣ, въ видѣ глухого соперничества, зародышъ своего разложенія. Россія и Австрія оспаривали у Пруссіи самыя драгоцѣнныя обрывки Польши, пока прусская армія тратила силы въ крестовомъ походѣ королей противъ Франціи. Прусскій кабинетъ и герцогъ Брауншвейгскій не скрывали отъ себя этой опасности. Союзъ съ Франціей, даже республиканской, могъ входить въ заднія мысли прусскаго кабинета. Не надо же было отодвигать въ тѣнь такія мысли короля прусскаго и его націи, доводя войну до ожесточенія, а отступленіе короля до униженія. Оставить пруссакамъ военныя почести, изгнать самихъ ихъ съ почвы республики, было дѣломъ глубокаго искусства. Всегда можно примириться съ такимъ врагомъ, гордость котораго не уязвлена. Свобода имѣла слишкомъ много враговъ на материкѣ, чтобы не постараться сохранить себѣ союзъ въ сердцѣ Германіи. Но истинный, секретный мотивъ у Дюмуре былъ личный. Мелкая война, которая могла продолжаться всю зиму и, быть можетъ, всю слѣдующую кампанію противъ пруссаковъ, въ Арденнахъ и на Маасѣ, не соотвѣтствовала ни его политическому положенію, ни его честолюбію. Ему нужны были двѣ вещи: титулъ освободителя французской территоріи и свобода внести повсюду свою дѣятельность и свой талантъ. Безирепятственное отступленіе пруссаковъ и тайный договоръ съ ихъ державой гарантировали ему оба эти необходимыя условія его положенія. Спокойный за свои границы съ этой стороны, онъ могъ теперь получить позволеніе отъ конвента осуществить свою военную мечту и перенести войну въ Бельгію. Побѣдитель пруссаковъ внутри предѣловъ отечества, онъ былъ бы побѣдителемъ австрійцевъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ. Къ титулу освободителя территоріи республики онъ прибавилъ бы титулъ покорителя Брабанта. Блистая этою двойною славою, на что не могъ онъ отважиться для короля, или республики, или для себя самого? Возстановить-ли онъ Людовика XVI на конституціонномъ тронѣ? Возвысить-ли новую династію, вышедшую изъ вѣдръ революціи, въ лицѣ молодого герцога Шартрскаго, сына герцога Орлеанскаго, который, среди огня Вальми, явился ему какъ бы окруженнымъ ореоломъ будущаго? Предоставить ли Дюмуре Францію на жертву ея сотрясеніямъ и не создать ли самъ независимую державу въ этихъ бельгійскихъ провинціяхъ, вырванныхъ имъ изъ-подъ австрійскаго гнета и отъ грабительства Франціи? Дюмуре не зналъ, какое приметъ рѣшеніе; онъ былъ готовъ принять то, которое доставитъ ему больше счастья. Но прежде всего ему нужно было завоевать Бельгію. Дюмуре предоставилъ своимъ помощникамъ медленно слѣдовать за прусскою арміей, которая удалялась, убивъ свои стоянки и дороги слѣдами болѣзни и смертности, сокращавшими ея численность, и возвратился для триумфа въ Парижъ.

9.

Вечеромъ, въ самый день прибытія своего въ Парижъ, Дюмуре бросился въ объятія Дантона, несмотря на кровь 2-го сентября, которою этотъ министръ

былъ покрытъ. Эти два человѣка считали другъ друга одинъ—головою, другой—рукою отечества, среди ужасовъ, имъ переживаемыхъ. Они поклялись другъ другу въ союзѣ и въ дружбѣ; они понимали, что необходимы одинъ другому. Дантонъ дополнялъ Дюмуре; Дюмуре дополнялъ Дантона. Одинъ отвѣчалъ за армію, другой отвѣчалъ за народъ. Вдвоемъ они чувствовали себя господами революціи.

Около этого времени герцогъ Шартрскій, въслѣдствіи короля французовъ, явился на аудіенцію военнаго министра Сервана съ жалобою на несправедливость къ нему со стороны бюро. Серванъ, больной, лежалъ въ постели. Онъ слушалъ молодого принца разсѣянно. Дантонъ былъ тутъ же и, казалось, распорядился военнымъ министерствомъ больше, чѣмъ самъ министръ. Онъ отвелъ въ сторону герцога Шартрскаго и сказалъ ему тихо: „что вы здѣсь дѣлаете? Вѣдь вы видите, что Серванъ только призракъ министра и что онъ не можетъ ни оказать услугу, ни повредить вамъ. Зайдите завтра ко мнѣ; я васъ выслушаю и самъ улажу ваше дѣло“. Когда герцогъ на слѣдующій день явился въ канцелярію, Дантонъ принялъ его съ отбѣнкомъ отеческой рѣзкости: „Ну, молодой человѣкъ, что это я узналъ? Увѣряютъ, что вы произносите рѣчи, похожія на ропотъ, что вы порицаете великія мѣры правительства, что вы изливаетесь въ состраданіи къ жертвамъ, въ проклятіяхъ палачамъ? Берегитесь, патріотизмъ не допускаетъ небрежности, а вамъ еще нужно заставить простить себѣ громкое имя“. Принцъ признался съ твердостью, стоявшею выше его возраста, что армія питаетъ отвращеніе къ крови, пролитой не на полѣ битвы, и что сентябрскія убійства казались ему позоромъ для свободы. „Вы слишкомъ молоды, чтобы судить объ этихъ событіяхъ“, возразилъ Дантонъ, тономъ начальника, „чтобы ихъ понять, нужно быть на нашемъ мѣстѣ. Отечеству угрожали, и ни одного защитника не явилось встать за него; непріатели наступали, готовы были насъ утопить; намъ нужно было провести между тиранами и нами рѣку крови! На будущее время извольте молчать! Возвратитесь въ армію, хорошенько сражайтесь, но не рискуйте попусту своею жизнью, у васъ еще многіе годы впереди; Франція не любитъ республики, она обладаетъ привычками, слабостями и потребностями монархіи; послѣ нашихъ бурь, она будетъ приведена къ ней своими пороками или необходимостью; кто знаетъ, что готовитъ вамъ судьба? Прощайте, молодой человѣкъ. Помните о предсказаніи Дантона!“

10.

На слѣдующій день Дюмуре обѣдалъ у Ролана съ главнѣйшими жирондистами. Войдя въ залу, онъ подаль г-жѣ Роланъ букетъ изъ цвѣтовъ олеандра въ знакъ примиренія и какъ бы посвящая свою побѣду жирондистамъ. Слава счастливой кампаніи озаряла мужественную фигуру Дюмуре. Всѣ партіи хотѣли освѣтиться ея лучами. Сидя между г-жею Роланъ и Верньо, Дюмуре принималъ похвалы собесѣдниковъ съ задумчивою сдержанностью. Борьба между ними и якобинцами, хотя и глухая, была уже начата. Дюмуре не хотѣлъ объявлять себя ни за кого, кромѣ отечества. Г-жа Роланъ простила ему все. Послѣ обѣда Дюмуре отправился въ оперу. Тамъ его, какъ триумфатора, приветствовали рукоплесканія всего народа. Дантонъ съ торжественнымъ видомъ

сидѣлъ подлѣ него въ ложѣ министра внутреннихъ дѣлъ и, казалось, представлялъ Дюмуре народу. Г-жа Роланъ и Верньо, пріѣхавшіе въ театръ нѣсколькими минутами позже, открыли ложу и хотѣли было войти въ качествѣ свиты побѣдителя. Но, замѣтивъ подлѣ Дюмуре зловѣщее лицо Дантона, г-жа Роланъ сдѣлала движеніе ужаса. Рядомъ со слабой ей показалась фигура преступленія. Самая слава казалась ей оскверненною прикосновеніемъ Дантона. Г-жа Роланъ удалилась незамѣченной и увлекла съ собою Верньо. Человѣкъ 2-го сентября закрывалъ передъ ними героя Вальми.

Казалось, цѣлый вѣкъ миновалъ между днемъ, въ который Дюмуре покинулъ Парижъ, и днемъ, когда онъ туда возвращался. Онъ оставилъ монархію, а находилъ республику. Послѣ нѣсколькихъ дней междувлестія, въ теченіе которыхъ парижская коммуна и законодательное собраніе взаимно оспаривали власть, попавшую въ руки убійцы и поднятую въ крови однимъ Дантономъ, національный конвентъ собрался и готовился дѣйствовать. Избранный подъ впечатлѣніемъ отголоска 10-го августа и ужаса сентябрьскихъ дней, онъ состоялъ изъ людей, которые питали отвращеніе къ монархіи и не вѣрили въ конституцію 91 года; не вѣрили въ попытку сдѣлки партій подъ именемъ конституціонной монархіи: люди крайняго направленія одни только указывались народу крайнимъ положеніемъ обстоятельствъ. Жирондисты и якобинцы, соединившіеся на минуту въ общемъ заговорѣ противъ королевскаго сана, были повсюду избраны единогласно, чтобы завершить дѣло. Ихъ полномочіе состояло въ томъ, чтобы покончить съ прошлымъ, подавить сопротивленіе, превратить въ ничто тронъ, аристократію, духовенство, эмиграцію, иностранныя арміи, бросить вызовъ всѣмъ королямъ и провозгласить уже не отвлеченное народное самодержавіе, которое можетъ обезобразиться и потеряться въ сложномъ механизмѣ смѣшанныхъ конституцій, но то народное самодержавіе, которое вникаетъ въ политическія мнѣнія каждаго человѣка безъ исключенія, до послѣдняго изъ гражданъ, и которое, съ неодолимымъ всемогуществомъ, даетъ господство общей мысли, общей волѣ или даже общей страсти. Таковъ былъ инстинктъ минуты.

Всѣ имена, какія Франція слыхала съ начала своей революціи,—въ своихъ совѣтахъ, въ клубахъ, въ мятежахъ,—всѣ они очутились въ спискѣ членовъ конвента. Франція ихъ избрала не за умѣренность, а за пылъ; не за мудрость, а за смѣлость; не по причинѣ зрѣлаго возраста, а именно за ихъ юность. Это было отчаянное избраніе. Отечество понимало, что среди опасностей, въ которыя оно было повергнуто своею рѣшимостью перемѣнить порядковъ вещей, нужны бойцы, а не законодатели. Оно хотѣло учредить не столько правитель-ство, сколько временную силу. Проникнутая потребностью единства и энергіи въ дѣйствиі, Франція сознательно подавала голосъ за сильную диктатуру. Только, вмѣсто того, чтобы дать эту диктатуру одному человѣку, который могъ обмануться, ослабѣть или измѣнить, она давала ее 750 представителямъ, которые ей отвѣчали за свою вѣрность самымъ своимъ соперничествомъ и которые, наблюдая другъ за другомъ, не могли бы ни остановиться, ни отступить, не увидавъ позади себя подозрѣній народа и даже казни. Не знаній, не правосудія, не добродѣтели требовала отъ своихъ избранныхъ Франція; она требовала отъ нихъ твердой воли.

XXIX.

Конецъ законодательнаго собранія.—Конвентъ.—Несогласія.—Монархія.—Республика.—Жирондисты.—Колло д'Эрбуа требуетъ уничтоженія королевскаго сана.—Жирондисты принимаютъ это предложеніе.—Верньо предлагаетъ немедленно составить актъ о низложеніи.

1.

21-го сентября, въ полдень, двери залы манежа открылись, и въ нихъ медленно и торжественно вошли все эти люди, изъ которыхъ самымъ знаменитымъ предстояло выйти оттуда только на эшафотъ. Зрители на трибунахъ, полные вниманія, стоя и наклонившись на перила, рассматривали, показывали другъ другу и называли по именамъ главныхъ членовъ конвента, по мѣрѣ того, какъ послѣдніе проходили.

Члены законодательнаго собранія лично сопровождали конвентъ, чтобы самимъ торжественно сложить съ себя власть. Послѣдній президентъ распущеннаго собранія, Франсуа Нешато, сказалъ: „Представители націи, законодательное собраніе прекратило свои дѣйствія, оно слагаетъ правленіе въ ваши руки; оно подаетъ французамъ примѣръ уваженія къ большинству народа; свобода, законы, миръ — эти три слова начертаны греками на дверяхъ Дельфійскаго храма. Вамъ предстоитъ ихъ начертать на всей почвѣ Франціи“.

Петіонъ былъ единодушно избранъ президентомъ. Жирондисты привѣтствовали улыбкою такое назначеніе, какъ привѣтствіе ихъ преобладанія въ конвентѣ. Кондорсе, Бриссо, Рабо-Сентъ-Этьенъ, Верньо, Ласуръ, все жирондисты, за исключеніемъ Камюса, заняли мѣста секретарей. Манюэль всталъ и сказалъ: „Возложенная на васъ миссія требуетъ мудрости и могущества, по-истинѣ сверхъестественныхъ. Когда Кинеасъ вошелъ въ римскій сенатъ, то онъ подумалъ, что видитъ тамъ собраніе царей. Подобное сравненіе было бы для васъ оскорбленіемъ. Здѣсь нужно видѣть собраніе философовъ, занятыхъ подготовкою счастья всему міру. Я требую, чтобы президентъ Франціи помѣщался въ національномъ дворцѣ, чтобы атрибуты закона и силы были всегда подлѣ него и чтобы каждый разъ, когда онъ откроетъ засѣданіе, все граждане вставали съ мѣстъ“.

При этихъ словахъ поднялся ропотъ неодобренія. Чувство республиканскаго равенства, составлявшее душу народнаго собранія, возмущалось даже противъ тѣни придворныхъ церемоній. „Къ чему это представляться президенту конвента“, сказалъ молодой Таллиенъ, одѣтый въ фуфайку, „виѣ этой залы вашъ

президентъ—простой гражданинъ. Кто захочетъ съ нимъ говорить, тотъ сходитъ въ третій или и въ послѣдній этажъ его безвѣстнаго жилища. Вотъ гдѣ надо искать патріотизма и добродѣтели!“

Всякій отличительный знакъ президентскаго достоинства былъ устраненъ. „Наша миссія велика и возвышенна“, сказалъ Кутонъ, сидя подлѣ Робеспьера, „я не боюсь, чтобы среди вашихъ преній осмѣлились заговорить о королевскомъ санѣ. Но королевскій санъ не одинъ только надо устранить изъ нашей конституціи,—то же слѣдуетъ сдѣлать и со всякаго рода личной властью, которая стремилась бы стѣснить права народа. Говорили о тріумvirатѣ, о протекторатѣ, о диктатурѣ; въ публикѣ распространяють слухъ, что среди конвента образуется партія за то или за другое изъ этихъ учреждений. Посраимъ эти пустые проекты, если они существуютъ; поклянемся всѣ охранять полное и прямое самодержавіе народа. Поразимъ одинаковымъ позоромъ и королевскій санъ, и диктатуру, и тріумvirатъ“. Эти выраженія относились къ Дантону и возбудили первыя подозрѣнія Робеспьера. Дантонъ понялъ такіа слова и не замедлилъ отвѣчать на нихъ отреченіемъ отъ своей должности, которое, освобожда его отъ исполнительной власти, возвращало его снова въ привычную сферу.

2.

Съ одной стороны, Дантонъ былъ уже утомленъ шестинедѣльнымъ правленіемъ, въ продолженіе котораго подвергъ Францію потрясеніямъ, сообразнымъ со своимъ характеромъ; съ другой, хотѣлъ удалиться на время отъ власти, чтобы видѣть, въ какомъ видѣ выкажутся новые люди, новыя обстоятельства, новыя партіи; наконецъ (до какой степени домашнія обстоятельства оказываютъ тайное вліяніе на общественныхъ дѣятелей!), жена Дантона, умирающая отъ изнурительной болѣзни, относилась съ прискорбіемъ къ зловѣщей репутаціи, какою ея мужъ запятналъ свое имя, возбуждая подобныя неистовства или даже только имъ потворствуя; она со слезами заклинала мужа выйти изъ водоворота, который велъ къ подобнымъ безумнымъ дѣламъ, и искупить преступленія или несчастія своей министерской дѣятельности уединеніемъ. Дантонъ любилъ и уважалъ первую подругу своей юности; ея голосъ звучалъ для него неземною нѣжностью; тревожно смотрѣлъ Дантонъ на двухъ малютокъ, которыхъ она, умирая, оставляла безъ матери. Онъ стремился отдохнуть на время, гордый избавленіемъ отъ врага территоріи отечества, но стыдился той цѣны, какую извращенный патріотизмъ потребовалъ отъ него въ сентябрскіе дни.

3.

Видимое нетерпѣніе обнаруживалось въ первыхъ словахъ, въ положеніи, занятомъ конвентомъ, даже въ молчаніи его. Французы никогда не откладываютъ до слѣдующаго дня то, что могутъ сдѣлать тотчасъ. Одна мысль была во всѣхъ умахъ, во всѣхъ взорахъ, на всѣхъ губахъ; она не могла не разразиться немедленно. Первый вопросъ, подлежавшій обсужденію, былъ вопросъ о монархіи или республикѣ. Франція поставила свое рѣшеніе. Собраніе не могло откладывать своего. Оно только размышляло о величіи всего дѣла. Бываютъ

слова, въ которыхъ заключена жизнь и смерть народовъ; бываютъ минуты, въ которыя рѣшается будущее человѣчества. Конвентъ стоялъ на порогѣ неизвѣданныхъ судебъ: онъ не колебался, онъ собирался съ силами.

4.

Франція родилась, выросла, состарилась при монархіи; монархическая форма, силою времени, сдѣлалась ея натурою. Какъ воинственная нація, Франція короновала своихъ первыхъ солдатъ; какъ нація феодальная, она поставила свое гражданское правительство на такихъ же феодальныхъ основахъ, какимъ было подчинено и землевладѣніе; какъ религіозная нація, она освятила своихъ вождей, надѣлила своихъ королей нѣкотораго рода божественнымъ полномочіемъ,—обожала монархію, какъ догматъ,—преслѣдовала независимость мнѣній, какъ мятежъ,—наказывала оскорбленіе величества, какъ святотатство. Пустая тѣнь личной независимости и провинціальныхъ привилегій существовала въ парламентахъ въ провинціальныхъ штатахъ, въ коммунальномъ управленіи. Закономъ былъ король; дворяне—подданными, народъ—рабами или, самое большое,—отпущенниками. Какъ нація воинственная и гордая, Франція старалась облагородить свое рабство честью, освятила повиновеніе преданностью, олицетворила страну въ монархіи. Исчезни король,—она не знала бы, гдѣ отечество. Право, долгъ, знамя, все исчезало съ королемъ. Король былъ видимымъ божествомъ націи: добродѣтель заключалось въ повиновеніи ему.

Ничто не создавало въ народѣ навыка къ гражданскимъ добродѣтелямъ, которыя составляютъ душу свободнаго правительства. Почести, титулы, вліяніе, власть, ранги,—ничто не исходило отъ народа,—все исходило отъ короля. Честолюбіе смотрѣло не внизъ, а вверхъ. Уваженіе не давало ничего, милость давала все. Сверхъ того, связь, столь же древняя, какъ сама монархія, соединяла ее съ религіей; ниспровергнуть одну значило низвергнуть и другую. У Франціи были двѣ вѣковыя привычки: монархія и католицизмъ. За нихъ держалось и общественное мнѣніе и совѣсть; нельзя было искоренить одно, не поколебавъ другое. Исчезла монархія,—католицизмъ, какъ верховное и гражданское учрежденіе, падалъ вмѣстѣ съ нею. Вмѣсто одной развалины было двѣ.

Наконецъ, королевская фамилія во Франціи, считавшая монархію своимъ неотчуждаемымъ удѣломъ, а верховную власть—законнымъ достояніемъ своего рода, была соединена браками, родствомъ, союзами со всѣми царствующими фамиліями Европы. Напасть на права монархіи во Франціи значило посягать на нихъ или угрожать имъ въ цѣлой Европѣ. Королевскія фамиліи составляли одну семью, европейскія короны были между собою солидарны. Уничтожить титулъ и права монархіи въ Парижѣ—значило отмѣнить наслѣдственные права королей во всѣхъ ихъ столицахъ; больше того, это значило перевернуть и извратить всѣ внѣшнія отношенія Франціи къ европейскимъ государствамъ, основанныя на фамиліонной политикѣ,—значило установить ихъ съ этихъ поръ на политикѣ національныхъ интересовъ. Примѣръ былъ угрожающій, война вѣрная, ужасная, всеобщая. Вотъ что исторія подсказывала жирондистамъ.

Съ другой стороны, республиканизмъ, миссію котораго сознавалъ въ себѣ конвентъ, внушалъ его членамъ слѣдующія мысли: „Надо покончить съ королевскимъ трономъ. Назначеніе революціи состоитъ въ томъ, чтобы замѣнить предразсудки разумомъ, узурпацію правомъ, привилегію равенствомъ, рабство свободою въ европейскихъ обществахъ, начиная съ Франціи. Королевскій санъ—это предразсудокъ и узурпація, терпимыя цѣлыми вѣками вслѣдствіе невѣжества и трусости народовъ. Единственное легальное основаніе его составляетъ привычка. Абсолютный король—это человѣкъ-народъ, ставящій себя на мѣсто державнаго человечества; это передача человечествомъ своихъ титуловъ, правъ, разума, свободы, воли, интересовъ въ руки одного. Это значить создавать, путемъ вымысла, божество тамъ, гдѣ природа поставила только человѣка. Это значить унижать, ограблять, развѣнчивать миллионы людей, равныхъ по правамъ, иногда даже высшихъ короля по степени пониманія и добродѣтели, для того, чтобы всѣмъ этимъ возвысить и увѣнчать одного. Это значить уподоблять націю праху, который она попираетъ, и отдавать ея цивилизацію, поколѣнія людей, пережитыя столѣтія въ собственность одной фамиліи, которая будетъ располагать верховнымъ наслѣдіемъ.

„Вступимъ ли мы въ сдѣлку съ этой привычкою къ монархіи и сохранимъ ли названіе, уничтоживъ сущность? Учредимъ ли, чтобы понравиться толпѣ рутинеровъ, монархію конституціонную, представительную, гдѣ король будетъ только наслѣдственнымъ первымъ сановникомъ, обязаннымъ пассивно выполнять волю народа? Но какою силою и какою пользою будетъ обладать подобное учрежденіе? Мы дѣлали опытъ этого и наши дѣти сдѣлали бы то же послѣ насъ. Изъ двухъ одно: или этотъ конституціонный король будетъ имѣть собственное право и личную волю, или у него ничего этого не будетъ. Если онъ имѣетъ собственныя права и личную волю, то эти королевскія права и воля, находясь часто въ противорѣчій, а иногда и въ борьбѣ съ волею народа, внесутъ въ конституцію только зародышъ противорѣчій, международной войны и гибели. Правительство, вмѣсто того, чтобы представлять гармонію и единство, сдѣлается олицетвореніемъ антагонизма и борьбы. Это будетъ анархія, добровольно учрежденная наверху, чтобы установить порядокъ и миръ внизу. Это безмыслица.

„Или король вовсе не будетъ обладать ни авторитетомъ, ни личной волей. Тогда, безсильный, бесполезный и презираемый, онъ будетъ лишь позолоченной стрѣлкой, которая показываетъ время на циферблатѣ конституціи, но которая ни въ чемъ не регулируетъ ея механизма и не управляетъ имъ. Это поношеніе королевскаго титула и униженіе знака власти.

„Но тутъ еще не все. Или этотъ представительный король будетъ существомъ ничтожнымъ, призракомъ, или человѣкомъ способнымъ, честолюбивымъ; если онъ—ничтожное существо и пустой призракъ, то къ чему онъ, если не къ приниженію своего сана и не къ обращенію вашей монархіи въ жалость и посмѣшище въ глазахъ народа? Но, если это человѣкъ способный и честолюбивый, то какую живую, непрерывную опасность для равенства и національной свободы создадите вы тогда собственными руками!

„Эта монархія, уважаемая по имени и по атрибутамъ верховной власти, безпрестанно выставленная на поклоненіе толпы и во дворцахъ, и на церемоніяхъ, и въ храмахъ, и во главѣ армій; богато одаренная королевскимъ содержаніемъ и неотчуждаемыми, постоянно увеличивающимися имѣніями, составляющая элементъ развращенія людскихъ характеровъ, органъ всеобщей воли, исполнительницу всѣхъ законовъ, будетъ договариваться со всѣми иностранными дворами; назначать всѣхъ министровъ, слагать на нихъ свою отвѣтственность и свою непопулярность, сдѣлается каналомъ для всѣхъ милостей, единственнымъ наслѣдственнымъ учрежденіемъ среди конституціи, гдѣ все будетъ избирательно и пожизненно,—учрежденіемъ, передающимъ отъ отца къ сыну честолюбивыя преданія захвата власти, переживающимъ людей и партіи, не уничтожаясь никогда само. Какимъ образомъ такой санъ, въ такихъ рукахъ, останется безобиднымъ для равенства и свободы среди націй? Не будетъ ли онъ, очевидно, имѣть надъ народными властями то преимущество, какое принадлежитъ непреходящему надъ преходящимъ, и не поглотитъ ли онъ, по истеченіи одного столѣтія, все то, что мы неблагоразумно ему ввѣрили изъ нашихъ правъ и интересовъ, послѣ того, какъ потратили столько мужества, чтобы ихъ себѣ завоевать? Лучше было и не ниспровергать этотъ предразсудокъ, чѣмъ возстановить его нашими собственными руками!

„Демократическая республика, продолжали гирондисты, составляетъ единственное правительство, сообразное съ разумомъ. Тамъ нѣтъ челоуѣка обоготвореннаго, нѣтъ фамиліи, стоящей внѣ закона, нѣтъ лица внѣ равенства, нѣтъ фикціи, предполагающей въ сынѣ геній или добродѣтель отца, и дающей однимъ наслѣдственную власть, другимъ наслѣдственное повиновеніе.

„Человѣческій разумъ составляетъ въ глазахъ республиканской теоріи, единственную законность власти. Разумность даетъ право не на господство,—нація не знаетъ другого господства, не исходящаго изъ нея самой, — но право на управленіе, учреждаемое въ интересахъ и на пользу всѣхъ. Избраніе служитъ народнымъ помазаніемъ на эти должности,—полномочіемъ, отбываемымъ по волѣ народа. Оно безпрестанно возводитъ и низлагаетъ. Ни одинъ гражданинъ не заключаетъ въ себѣ болѣе верховной власти, чѣмъ другой. Всѣ обладаютъ ея долею по степени права, способности, интереса, какіе они имѣютъ въ общей ассоціаціи. Значеніе, чье бы то ни было, всегда личное и пожизненное, составляетъ только свободное признаніе общественнымъ разумомъ достоинствъ, знаній, добродѣтелей гражданъ. Превосходство натуры, просвѣщенія, преданности, удостовѣренное взаимнымъ выборомъ гражданъ изъ своей среды, безпрестанно и внезапно будетъ возвышать наиболѣе достойныхъ къ управленію. Но подобное превосходство узаконяетъ себя заслугами и никогда не угрожаетъ выродиться въ тиранію. Избранные подобнымъ образомъ люди исчезаютъ, какъ только кончилось ихъ служеніе обществу, входятъ въ опредѣленный срокъ въ ряды простыхъ гражданъ,—власть прекращается съ жизнію любимцевъ народа, и они уступаютъ мѣсто другимъ выдающимся личностямъ, которыя будутъ служить народу въ свою очередь. Это—истинная сила общественной власти, принадлежащая не нѣкоторымъ только личностямъ, а всѣмъ, непрерывно исходящая изъ своего единственнаго источника—народа и восходящая къ нему же неот-

чуждаемою, чтобы опять выдѣляться изъ него всегда по его волѣ. Это—круговоротъ правительственной власти, скопированный съ того неизмѣннаго круговорота поколѣній, который никогда не останавливается, не закрѣпощаетъ будущее прошедшему, не цѣпляетъ ни верховную власть, ни законъ, ни разумъ, но который, по примѣру природы, продолжается, постоянно обновляясь.

„Королевскій санъ—это правительство, сдѣланное для существа совершеннаго: это мечта. Республика—правительство, сдѣланное по образу человѣка. Это политическая дѣйствительность.

„Но если республиканская форма разумна, то она же и справедлива. Она безпрерывно респредѣляетъ, нивелируетъ, уравниваетъ взаимныя права, титулы, превосходство, обязанности, интересы классовъ народа, гражданъ между собою.

6.

„Потомъ, еслибы даже республика и не составляла идеала разумнаго правительства, то она въ настоящую минуту является необходимостью для Франціи. Франція съ низложеннымъ королемъ, съ вооруженнымъ противъ себя дворянствомъ, съ лишеннымъ власти духовенствомъ, съ цѣлой монархической Европой на своихъ границахъ, не нашла бы ни въ какой монархической формѣ, ни въ какой умѣренной монархіи, ни въ какой обновленной династіи, той нечеловѣческой силы, въ которой она нуждается, чтобы восторжествовать надъ столькими врагами и пережить такой кризисъ. Король былъ бы заподозрѣнъ, конституція безсильна, династію стали бы отвергать. При такомъ положеніи вещей отчаянная и могучая энергія народа, вызванная изъ нѣдръ этого самаго народа и единодушно обращенная въ правительство, составляетъ единственную силу, какая можетъ выставить волю, равную съ препятствіями, и преданность, стоящую въ уровень съ опасностями. Антей, касаясь земли, возрождался. Франція должна коснуться народа, чтобы укрѣпить на немъ точку опоры революціи. Колебаться между формами правительства въ подобную минуту—значить губить ихъ всѣ. Намъ нѣтъ выбора! Республика составляетъ послѣднее слово революціи, какъ и послѣднее усиліе національности. Должно ее принять и отстаивать или жить постыдною жизнью народовъ, которые предають врагамъ свои очаги и боговъ, въ выкупъ за свою жизнь“.

Таковы были размышленія, которыя разумъ и страсть, прошлое и настоящее Франціи поочередно подсказывали жирондистамъ, склоняя ихъ къ республикѣ. Какъ политика, такъ и необходимость налагали на нихъ тогда эту форму правленія. Жирондисты ее приняли.

7.

Однакожь, жирондисты уже боялись, чтобы эта республика не попала въ руки яростной и безумной демагогіи. Дни 10-го августа и 2-го сентября тревожили ихъ. Они хотѣли дать нѣсколько дней на размышленіе и на реакцію въ собраніи и въ общественномъ мнѣніи противъ этихъ народныхъ неистовствъ. Люди, пропитанные республиканскими идеями древности, когда свобода гражданъ предполагала рабство массъ и когда республики были, въ сущности, многочисленными аристократіями, они худо понимали христіанскій духъ демократиче-

скихъ республикъ будущаго. Жирондисты хотѣли республики, но съ условіемъ, чтобы они одни управляли ею, по идеямъ и въ интересахъ средняго, просвѣщеннаго класса, къ которому принадлежали. Они предполагали составить республиканскую конституцію по образцу одного только этого класса, передъ которымъ исчезали королевскій санъ, церковь и аристократія. Подъ именемъ республики эти люди разумѣли царство знанія, добродѣтелей, собственности, талантовъ, привилегій, которыя принадлежали бы ихъ классу на будущее время. Они мечтали о томъ, чтобы включить различныя гарантіи, оговорки, исключенія, ограниченія въ избирательныя условія, въ гражданскія права, въ отправление общественныхъ обязанностей; эти ограниченія возвысили бы, безъ сомнѣнія, уровень способностей въ составѣ правительства, но оставили бы въ нѣго слабую, невѣжественную, неимущую или наемную массу народа. Такъ какъ, по мнѣнію жирондистовъ, конституція должна была поправить то, что было простонароднаго и бурнаго въ республикѣ, то они отдѣляли мысленно плебсъ отъ націи. Служа одной, они рассчитывали предохраниться отъ другого. Они вовсе не хотѣли своими собственными руками, — посредствомъ нечаянной, не обдуманной и смѣлой конституціи, — безропотно ковать себѣ топоръ, подъ которымъ ихъ головамъ оставалось бы только преклониться и пасть. Сильные численностью и краснорѣчіемъ въ конвентѣ, жирондисты надѣялись на свое преобладаніе.

8.

Но это преобладаніе, сохранявшееся еще въ департаментахъ и въ собраніи, поблѣднѣло въ послѣдніе два мѣсяца въ Парижѣ предъ смѣлостью коммуны, предъ диктатурою Дантона, предъ демагогіей Марата и особенно предъ обаяніемъ Робеспьера. Коммуна завладѣла властью. Маратъ утешалъ, Дантонъ управлялъ. Робеспьеръ выросъ. Жирондисты, умалившіеся на сумму всего того, что было добыто этими новыми силами и этими людьми, слѣдовали, часто съ ропотомъ, за движеніемъ, которое ихъ увлекало. Не съумѣвъ ничего предусмотрѣть, ничѣмъ управлять во время бури, они съ виду еще господствовали надъ движеніемъ, хотя лишь въ той мѣрѣ, какъ обломки, брошенные въ волны, держатся еще на верху валовъ, но вполнѣ увлекаются ихъ волненіемъ.

Всѣ усилія жирондистовъ умѣрить анархическое увлеченіе столицы только показывали ихъ слабость. Нація отъ нихъ удалялась. Ни одинъ изъ этихъ людей, любимцевъ общества при законодательномъ собраніи, не былъ выбранъ въ конвентъ городомъ Парижемъ. Всѣ враги ихъ, напротивъ, сдѣлались народными избранныками. Коммуна провела всѣхъ своихъ кандидатовъ. Дантонъ, Робеспьеръ и Маратъ, продиктовавшіе имена избирателей, диктовали теперь голоса.

Нетерпѣливый народъ требовалъ крайнихъ рѣшеній у обѣихъ партій. Популярность шла съ публичнаго торга. Надо было соперничать въ энергіи и даже въ ярости, чтобы пріобрѣсть ее. Монархическая оговорка, сдѣланная Верньо, Гаде, Жансонне и Кондорсе, упомянувшихъ о назначеніи воспитателя королевскому принцу въ декретѣ о низложеніи, навлекла на жирондистовъ подозрѣнія. Эта монархическая подкладка, повидимому, обличала въ нихъ заднюю

мысль возстановить монархію послѣ низверженія ея. Якобинскіе журналы и трибуны старались извлечь выгоду изъ этого подозрѣнія жирондистовъ въ роялизмъ и умѣренности. „Вы не сожгли своихъ кораблей“, говорили они, „пока мы сражались, чтобы низвергнуть тронъ навсегда, вы писали нашею кровью почтительныя оговорки въ пользу королевскаго сана“.

Жирондисты не могли иначе отвѣчать на эти обвиненія, какъ употребивъ смѣлость противъ своихъ враговъ. Но тутъ ихъ останавливала новая боязнь. Они не могли сдѣлать ни шагу далѣе по пути якобинцевъ и коммуны, не омочивъ ногъ въ крови 2-го сентября. Эта кровь внушала имъ отвращеніе, и они, не разсуждая, остановились предъ преступленіемъ. Рѣшившись подать голосъ за республику, они въ то же время хотѣли голосовать такую конституцію, которая бы давала республикѣ нѣкоторое сосредоточеніе власти и правильность, свойственныя монархіи. По воспитанію и по характеру эти люди были римлянами: народъ и сенатъ Рима были единственнымъ политическимъ идеаломъ, который смутно представлялся имъ для подражанія. Доступъ всего народа къ правленію, водвореніе той христіанской и братской демократіи, которую Робеспьеръ превозносилъ въ своихъ теоріяхъ и рѣчахъ, никогда не входили въ планы жирондистовъ. Перемѣна правительства исчерпывала всю ихъ политику. Перемѣна общества была политикою демократовъ. Первые были только людьми политическими, вторые—философами. Одни думали о завтрашнемъ днѣ, другіе—о потомствѣ.

Итакъ, прежде провозглашенія республики жирондисты хотѣли дать ей такую форму, которая предохранила бы ее отъ анархіи и отъ диктатуры. Якобинцы хотѣли провозгласить республику, какъ принципъ, на всякій случай, хотя, быть можетъ, изъ нея пролились бы потоки крови, даже хотя явились бы временныя тиранніи, такъ какъ изъ республики же, по мнѣнію якобинцевъ, произошли бы торжество и благо народа и человѣчества. Дантонъ, глубоко равнодушный къ правительственной формѣ, лишь бы она ему давала власть, хотѣлъ провозгласить республику, чтобы замѣшать всю націю въ дѣло революціи, и чтобы сдѣлать неизбежнымъ и страшнымъ столкновение между свободою Франціею и тронами, причемъ старый политическій міръ былъ бы разбитъ и очистилъ бы мѣсто не принципамъ, а новымъ людямъ.

Наконецъ, многіе другіе,—въ родѣ Марата и его сообщниковъ,—хотѣли провозгласить республику, какъ народную месть противъ королей и аристократовъ и какъ эру волненія и смутъ, въ которую умножатся случаи, принижающіе то, что наверху, и возвышающіе то, что внизу. Пѣна нуждается въ буряхъ, чтобы подняться и плавать на поверхности. Политика демагоговъ была лишь мятежомъ, возведеннымъ въ принципъ, и анархіей, записанной въ конституцію.

9.

Однакожь, каждая изъ этихъ партій должна была сѣсть, чтобы не доставить другой честь инициативы и выгоду первенства.

Жирондисты, гордые своею численностью въ конвентѣ, собрались на совѣтъ у г-жи Роланъ и рѣшили не допускать сужденій о переменѣ формы

правления прежде, чѣмъ завладѣють исполнительными комиссіями и особенно комиссіей конституціи, которая подготовили бы планъ дѣйствія, обезпечили бы имъ средства и были бы органами ихъ воли. Эти люди считали себя въ достаточной степени господами конвента, по численности своихъ приверженцевъ и по нравственному авторитету, чтобы предупредить въ первыя засѣданія безразсудное провозглашеніе республики. Съ этою увѣренностью они вступили въ залу.

Дантонъ, Робеспьеръ, самъ Марать не предполагали ускорять минуту этого провозглашенія. Они хотѣли сообщить ему торжественность величайшаго органическаго акта, какой только нація могла совершить. Они хотѣли, кромѣ того, развѣдать свою силу въ конвентѣ и сгруппировать своихъ приверженцевъ, неизвѣстныхъ другъ другу, чтобы сформировать республику при самомъ ея рожденіи, по своимъ идеямъ и честолюбію. Такимъ образомъ, между всѣми вождями собранія было безмолвно условлено молчаніе относительно великой мѣры. Но наканунѣ перваго засѣданія нѣкоторые молодые, восторженные члены конвента,—Сень-Жюстъ, Лекиньо, Пани, Бильо-Вареннъ, Колло-д'Эрбуа и нѣкоторые члены коммунъ, собравшись на банкетъ въ Пале-Роялѣ, разгоряченные разговоромъ и винными парами, единодушно осудили такую медлительность вождей и рѣшились помѣшать боязливой осторожности и разстроить проекты жирондистовъ, бросивъ своимъ врагамъ слово—республика. „Если они его примутъ“, сказалъ Сень-Жюстъ, „они погибли, потому что будутъ нами вынуждены принять это слово. Если они его устраниать, они опять погибли, потому что, противясь народной страсти, будутъ подавлены непопулярностью, которую мы соберемъ надъ ихъ головами“.

Лекиньо, Сержанъ, Пани, Бильо-Вареннъ одобрили смѣлый макіавелизмъ Сень-Жюста. Колло-д'Эрбуа, недавній комедіантъ, театральнй ораторъ, издававшій звучнымъ голосомъ, гибкими тѣлодвиженіями,—человѣкъ оргій и смѣлыхъ выходовъ, взялъ на себя сдѣлать предложеніе и поклялся стать лицомъ къ лицу,—даже одинъ, если нужно, съ безмолвіемъ, изумленіемъ и ропотомъ Жиронды.

10.

Вечеромъ, какъ было условлено, Колло-д'Эрбуа, входя въ засѣданіе, далъ лозунгъ нетерпѣливымъ. Якобинцы держались наготовѣ, чтобы служить ему отголоскомъ. Слово, разражающееся среди нерѣшительнаго собранія, внезапно вызываетъ рѣшимость. Никакое благоразуміе не можетъ сдержать то, что находится въ мысляхъ всѣхъ. Лишь только Колло-д'Эрбуа потребовалъ уничтоженія монархіи, какъ одобреніе, по виду единодушное, поднялось со всѣхъ концовъ залы и показало, что этотъ единичный голосъ выразилъ сознаваемую всѣми необходимость. Кинеттъ и Базиръ потребовали, изъ уваженія къ новому учрежденію, чтобы провозглашенію республики предшествовали серьезныя формы и торжественное размышленіе. „Что за надобность разсуждать“, вскричалъ Грегуаръ, „когда всѣ согласны! Короли въ нравственномъ порядкѣ—то же самое, что чудовища въ мірѣ физическомъ. Исторіи королей—это мартирологъ націи!“ Молодой Дюко, изъ Бордо, другъ и воспитанникъ Верньо, понимая необходимость

соединить голосъ своей партіи съ общимъ возгласомъ, чтобы народъ не могъ различить перваго отъ послѣдняго въ этомъ голосованіи, сказалъ: „Составимъ немедленно декретъ, онъ не нуждается въ особыхъ мотивахъ послѣ свѣта, разлитаго днемъ 10-го августа. Мотивомъ вашего декрета быъ уничтоженіи королевскаго сана будетъ исторія преступленій Людовика XVI!“

Такимъ образомъ, республика была провозглашена съ различными чувствами, но однимъ голосомъ. Обязанная своимъ происхожденіемъ одной партіи, но отнятая у нея посредствомъ завистливаго искательства другой,—брошенная, въ видѣ вызова, якобинцами ихъ врагамъ, принятая съ привѣтствіемъ жирондистами, чтобы только не предоставить честь патриотизма якобинцамъ, республика представляла собою отчаянное рѣшеніе, безвѣстную пропасть, куда размышленіе вело политиковъ, куда головокруженіе привлекало людей неблагоразумныхъ; республика составляла, по мнѣнію патриотовъ, единственное убѣжище, какое оставалось отечеству,—она же была темною пропастью, гдѣ каждый думалъ потопить своихъ соперниковъ, устремляясь туда вмѣстѣ съ ними,—пропастью, которую всѣ должны были поочередно наполнить своими преступлениями, борьбою, добродѣтелями и кровью.

XXX.

Республика принята единодушно. — Жирондисты у г-жи Роланъ. — Обвиненіе противъ Марата. — Рѣчь Верньо. — Дантонъ. — Робеспьеръ. — Интимныя подробности. — Бурныя сцены. — Маратъ. — Его личность. — Разрывъ между Дантономъ и жирондистами.

1.

Провозглашеніе республики было принято съ пламенною восторженностью въ столицѣ, въ департаментахъ, въ арміяхъ. Для философовъ это былъ образецъ человѣческаго правительства, извлеченный изъ-подъ развалинъ 14 вѣковъ предрассудковъ и тиранніи. Для патріотовъ это было объявленіемъ войны со стороны націи, поднявшейся на ноги, — провозглашеннымъ ею въ самый день побѣды при Вальми, предъ лицомъ троновъ, сговорившихся противъ свободы. Для народа это была упоительная новость. Каждый гражданинъ считалъ себя, такъ сказать, увѣнчаннымъ частью этого новаго народного самодержавія, которое актомъ конвента было отнято отъ поколѣнія королей и возвращено народу. Нація хотѣла впервые дохнуть свободнымъ, жизненнымъ воздухомъ, который долженъ былъ ее возродить. Это былъ одинъ изъ тѣхъ короткихъ промежутковъ, когда въ одномъ моментѣ сосредоточиваются цѣлые горизонты энтузіазма и надеждъ, ожидаемыхъ народомъ цѣлыми вѣками; хотя недолго народъ наслаждается этими надеждами, но не забываетъ ихъ никогда; эти свѣтлыя точки, какъ прелестное сновидѣніе, скоро и ускользаютъ отъ народа, который опять впадаетъ въ грубую дѣйствительность, окружается трудностями и муками, сопровождающими жизнь націй. Не бѣда. Эти часы иллюзій такъ прекрасны и полны, что отвѣчаютъ за цѣлые вѣка въ жизни человѣчества, и исторія какъ бы останавливается, чтобы ихъ продлить и увѣковѣчить.

2.

Больше всего радовались республикѣ жирондисты. Собравшись вечеромъ у г-жи Роланъ, — Петіонъ, Бриссо, Гаде, Луве, Бойе-Фонфредъ, Дюко, Гранжневъ, Жансонне, Барбару, Верньо, Кондорсе, — торжествовали осуществленіе своей мысли во внѣшнемъ мірѣ; добровольно набрасывая покрывало иллюзій на затрудненія завтрашняго дня и на мракъ будущаго, они вполне предались самому великому наслажденію, какое Богъ на землѣ даровалъ человѣку: лелѣянью своей идеи, созерцанію своего дѣла, обладанію своимъ осуществленнымъ идеаломъ.

Во время ужина эти благородныя натуры предались возвышенному обмѣну

мыслей. Взоры г-жи Роланъ, блѣдной отъ волненія, искрились необыкновеннымъ блескомъ, который, среди славы и радости настоящей минуты, какъ бы освѣщаль уже вдали эшафотъ. Старый Роланъ, казалось, совѣтовался взоромъ со своей женой о положеніи дѣлъ и какъ бы спрашивалъ ее, не составляетъ ли настоящій день апогея ихъ жизни, послѣ котораго оставалось только умереть. Кондорсе толковалъ съ Бриссо о необъятномъ горизонтѣ, какой новая эра открывала человечеству. Бойе-Фонфредъ, Барбару, Ребекки, Дюко,—молодые друзья, почти братья, поздравляли другъ друга, увѣренные, что имъ предстоитъ еще долгая жизнь, которую они посвящаютъ отечеству и свободѣ. Гаде и Жансонне пользовались почетнымъ отдыхомъ отъ своихъ долгихъ трудовъ, достигнувъ этой торжественной минуты, къ которой они привели—таки революцію. Петіонъ, счастливый и вмѣстѣ съ тѣмъ печальный, видѣлъ, что популярность его покидаетъ; впрочемъ, въ мысляхъ онъ и самъ добровольно отказывался отъ нея, какъ скоро она становилась цѣною преступленія. Сентябрская кровь отняла у Петіона упоеніе популярностью. Когда это опьяненіе миновало, Петіонъ опять сдѣлался человѣкомъ добра.

Верньо, на котораго обращали взоры всѣ собесѣдники, какъ на главного виновника и единственнаго посредника будущей республики, высказывалъ въ своей позѣ и въ фізіономіи безпечную довѣрчивость силы, которая отдыхаетъ между двумя сраженіями. Онъ смотрѣлъ на своихъ друзей съ ясной и въ то же время меланхолической улыбкой. Верньо говорилъ мало. Въ концѣ ужина онъ взялъ стаканъ, наполнилъ его виномъ, всталъ и предложилъ выпить за вѣчное существованіе республики. Г-жа Роланъ, полная воспоминаніями древности, просила Верньо насыпать въ его стаканъ, какъ дѣлали древніе, листьевъ изъ букета розъ, который она носила въ тотъ день. Верньо протянулъ свой стаканъ, бросилъ листья розы въ вино и пилъ; потомъ, садясь на свое мѣсто и наклонившись къ Барбару, сказалъ въ полголоса: „Барбару, не розы, а вѣтки кипариса нужно было сегодня вечеромъ осыпать въ наше вино. Мы пьемъ за республику, колыбель которой обагрена сентябрскою кровью: кто знаетъ, не пьемъ ли мы и за свою собственную смерть? Что нужды, прибавилъ онъ,— пусть это вино будетъ даже моею кровью, а я все-таки еще разъ выпью за свободу и за равенство!“—„Да здравствуетъ республика!“ вскричали разомъ собесѣдники.

Эта зловѣщая мысль опечалила ихъ, но не привела въ уныніе. Они готовы были все принять отъ революціи, даже смерть.

3.

Послѣ пира жирондисты выслушали обзоръ состоянія республики, составленный Роланомъ, при помощи жены, для конвента. Этотъ проектъ категорически ставилъ вопросъ о выборѣ между Франціей и парижской коммуной. Роланъ, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, напоминалъ конвенту безпорядки, анархію и преступленія, какія ознаменовали междувластіе законовъ отъ 10-го августа до открытія новаго собранія, и требовалъ, чтобъ исполнительная власть была закрѣплена въ рукахъ центрального правительства. Жирондисты обѣщали энергически поддерживать проекты своего министра и обуздать, нако-

нецъ, узурпацію парижской коммуны. Это значило объявить войну Дантону, Робеспьеру, Марату, которые господствовали въ ратушѣ.

Такая реставрація національной власти была и затруднительна и опасна для жирондистовъ, которые ее предпринимали. Роланъ, скорбя о сентябрьскихъ неистовствахъ, но не имѣя силы, необходимой для ихъ подавленія, два раза писалъ законодательному собранію, требуя кары законовъ на зачинщиковъ и виновниковъ убійствъ. Такіе протесты,—конечно, мужественные, если взять въ соображеніе, что они были писаны подъ ножомъ убійцы и въ совѣтѣ министровъ, гдѣ засѣдалъ Дантонъ,—были, однакожь, наполнены извиненіемъ совершившимся убійствамъ и плачевными уступками народной ярости; но онѣ требовали уваженія къ жизни и собственности гражданъ. Такія замѣчанія показывали въ Роланѣ цензора, а не пособника коммуны. Этого было довольно, чтобъ намѣтить самого Ролана, а также и его жену, ненависти и пикамъ убійцы.

Въ самомъ дѣлѣ, наблюдательный комитетъ коммуны имѣлъ дерзость приказать арестовать Ролана. Дантонъ, узнавъ о такомъ непомерно-возмутительномъ поступкѣ и зная лучше, чѣмъ кто-нибудь, что декретъ объ арестѣ въ такіе дни былъ смертнымъ приговоромъ, бросился въ наблюдательный совѣтъ, пожурилъ членовъ комитета и разорвалъ приказъ объ арестѣ. Самъ министръ, Дантонъ понималъ, что тайная власть, которая присвоиваетъ себѣ право издавать приказы о заточеніи и смерти такого-же министра, разить слишкомъ близко къ нему самому, и что невозможно не подавить подобной попытки. Съ этого дня, Роланъ сдѣлался предметомъ всякихъ клеветъ листовъ Марата и цѣлью всякаго волненія крайнихъ партій. Угрожаемый каждую минуту даже въ своемъ жилищѣ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, недостаточно охраняемый слабымъ карауломъ жандармовъ, онъ часто былъ вынужденъ, для безопасности, проводить ночи внѣ дома. Когда Роланъ ночевалъ у себя, жена его сама прятала подъ его подушку пистолеты, частію для защиты противъ ночного нападенія подосланныхъ убійцъ, частію для того, чтобы добровольною смертью избавить себя отъ убійства. Роланъ, одушевленный этой мужественной женщиной, не ослабѣлъ подъ бременемъ своихъ обязанностей. Его письма въ департаменты, имѣвшія цѣлью бороться съ кровожадными подстреканіями коммуны,—публичные листки, которые редактировались въ его бюро и самыя смѣлыя статьи которыхъ дышали вдохновеніемъ его жены,—честный республиканскій журналъ „Часовой“, писанный Луве подъ диктовку Ролана, свидѣтельствовали объ усиліяхъ его удержать революцію на пути справедливости и закона.

Вскорѣ Дантонъ и Фабръ д'Эглантонъ попытались вырвать у Ролана это средство дѣйствія на общественное настроеніе, притянувъ къ себѣ большую часть двухъ милліоновъ тайныхъ фондовъ, ввѣренныхъ собраніемъ исполнительной власти. Они успѣли въ этомъ и обезоружили министра внутреннихъ дѣлъ, лишивъ его и послѣдняго слабаго рычага, какой ему еще оставался для дѣйствія на общественное мнѣніе.

4.

Со своей стороны Маратъ, менѣе повелительный, но столь же жадный, не довольствуясь захватомъ печатныхъ станковъ изъ королевской типографіи, по-

Кутонъ.

требовалъ у Ролана денежную сумму на издержки печатанія народныхъ памфлетовъ, какіе были въ его портфель. Маратъ взымалъ противъ министра къ мести патріотовъ. Дантонъ взялъ на себя закрыть ротъ Марата. Герцогъ Орлеанскій, находившійся въ тайныхъ связяхъ съ Дантономъ, далъ ему нужную сумму. Несмотря на то, Маратъ излил свою злобу въ кровавыхъ строкахъ противъ Ролана, его жены и друзей. Каждая попытка, какую дѣлала эта партія для возстановленія дѣятельности правительства, порядка и безопасности въ Парижѣ и департаментахъ, изображалась *другомъ народа* и наемниками коммуны, какъ заговоръ противъ патріотовъ. Воровство изъ дворцовой мебелиной кладовой, происшедшее при этихъ обстоятельствахъ, служило поводомъ къ новымъ обвиненіямъ противъ министра внутреннихъ дѣлъ въ небрежности или даже въ сообщничествѣ.

Роланъ былъ встревоженъ этимъ обстоятельствомъ, лишившимъ націю драгоценныхъ вещей въ минуту нужды. Дѣятельно, но безуспѣшно распорядился онъ преслѣдованіемъ безвѣстныхъ виновниковъ такого грабежа. Схватили нѣкоторыхъ изъ нихъ, воровъ по ремеслу, которые, повидимому, были замѣшаны въ это воровство только для прикрытія позорныхъ именъ,—именъ настоящихъ похитителей сокровищъ. Часть драгоценныхъ вещей, находившихся въ сокровищницѣ монархіи, была найдена зарытою въ Елисейскихъ Поляхъ; остальное исчезло безъ слѣда. Дантона сильно подозрѣвали въ употребленіи части скрытыхъ драгоценностей на наемъ войскъ Дюмурье и на подкупъ главнаго штаба короля прусскаго, чтобъ добиться освобожденія отечественной территоріи. Темные вожаки коммуны, между которыми виновные, очевидно, имѣли сообщниковъ, были обвиняемы въ обращеніи другой части сокровищъ на платежъ анархіи и на продленіе своего господства: обвиненія неопредѣленные, подозрѣнія бездоказательныя, которыхъ время и не оправдало, и не опровергло вполне.

На ожесточенныя обвиненія Марата Роланъ отвѣчалъ адресомъ къ парижанамъ. Удары его переходили за Марата и падали на коммуну, борьба которой съ собраніемъ разгоралась съ каждымъ днемъ. „Унизить національное собраніе, возбудить возстаніе противъ него, распространять недовѣріе между властями и народомъ, вотъ цѣль афишъ и листовъ Марата“, говорилъ Роланъ. „Прочитайте листокъ отъ 8-го сентября, гдѣ все министры, кромѣ Дантона, предаются публичному порицанію и обвиняются въ измѣнѣ! Если бы эти діатрибы были безыменными или подписаны какимъ-нибудь безвѣстнымъ именемъ, то я бы отнесся къ нимъ съ презрѣніемъ; но онѣ носятъ имя человека, который считается въ числѣ членовъ избирательнаго собранія и коммуны и котораго молва прочитъ въ конвентъ. Подобный обвинитель заставляетъ меня отвѣчать ему, и если бы даже этотъ отвѣтъ долженъ былъ сдѣлаться моимъ предсмертнымъ завѣщаніемъ, я все-таки произнесъ бы его, чтобъ онъ принесъ пользу моему отечеству. Я родился съ твердымъ характеромъ, который служитъ вообще поддержкою добродѣтели,—я презираю фортуна, люблю честную славу, не могу жить иначе, какъ только въ мирѣ съ своею совѣстью. Пусть прослѣдятъ мою жизнь, пусть перечитаютъ мои сочиненія: я вызываю недоброжелателей найти тамъ хотя одинъ поступокъ, одно чувство, за которыя я могъ бы краснѣть. Въ теченіе 40-лѣтней административной дѣятельности я дѣлалъ добро. Я не люблю власти. 60 лѣтъ работы дѣлаютъ въ моихъ глазахъ отставку пред-

почтительнѣ бурной жизни. Меня обвиняютъ въ злоумышленіяхъ съ партією Бриссо: я уважаю Бриссо потому, что признаю въ немъ сколько честности, столько же и таланта. Я радовался 10-го августа, я трепеталъ послѣдствій 2-го сентября. Я понималъ гнѣвъ народа, но хотѣлъ, чтобъ убійцы были остановлены. Я самъ былъ намѣченъ, какъ жертва. Пусть злодѣи подсылаютъ ко мнѣ убійцъ, я ихъ жду; я нахожусь на своемъ постѣ и съумѣю умереть“.

5.

Бриссо, имя котораго сдѣлалось наименованіемъ всей партіи, также вынужденъ былъ защищаться противъ обвиненія въ желаніи возстановить во Франціи монархію, подъ властью герцога Брауншвейгскаго. Петіонъ не переставалъ въ объясненіяхъ и въ рѣчахъ, произносимыхъ въ собраніи, напоминать о своихъ старыхъ заслугахъ и правахъ на довѣріе народа. Это значило показывать, что они забыты. Имя г-жи Роланъ, безпрестанно смѣшиваемое съ именемъ ея друзей, покрывалось гнусными намеками и было брошено на жертву зависти и поруганій общественнаго мнѣнія. Самъ Верньо подвергался оскорбленіямъ, угрозамъ; его имя и талантъ были указываемы сентябрскимъ убійцамъ. Два раза Верньо попиралъ свою начинающуюся непопулярность въ двухъ рѣчахъ, гдѣ онъ одной рукой бросалъ вызовъ врагамъ Франціи, другой—угрозу тиранамъ коммуны. Первая рѣчь, произнесенная въ тотъ моментъ, когда было возвѣщено мнимое пораженіе Дюмуре въ Аргоннѣ, оживила общественный духъ и сдѣлала сильную диверсію междоусобной враждѣ коммуны и жирондистовъ. Кутаръ исчислялъ силы, какія оставались у Дюмуре. Верньо смѣнилъ его на трибунѣ.

„Подробности, которыя вамъ сообщаютъ, успокоительны“, сказалъ онъ, „но невозможно удержаться отъ нѣкотораго безпокойства при видѣ лагеря подъ Парижемъ. Откуда происходитъ это оцѣненіе, въ которое, повидимому, погружены граждане, остающіеся въ Парижѣ? Не скроемъ ничего; время же, наконецъ, сказать истину. Прошлыя преслѣдованія, слухи о будущихъ, внутреннихъ смуты распространили тревогу и ужасъ. Человѣкъ добра долженъ скрываться, когда дошло до такого положенія дѣлъ, при которомъ преступленіе совершается безнаказанно. Наоборотъ, есть такіе люди, которые только и показываются среди общественныхъ бѣдствій, подобно тѣмъ вреднымъ насекомымъ, которыхъ земля выставляетъ на свѣтъ только во время бурь. Эти люди безпрестанно распространяютъ подозрѣнія, недовѣріе, зависть, ненависть, месть. Они жаждутъ крови. Въ своихъ мятежныхъ предложеніяхъ они дѣлаютъ аристократичною самую добродѣтель, чтобъ имѣть право попирать ее ногами. Они стараются дѣлать преступленіе демократическимъ, чтобъ имѣть возможность насыщаться имъ, не боясь меча правосудія. Всѣ ихъ усилія клонятся теперь къ тому, чтобы опозорить самое прекрасное дѣло, какое когда-либо существовало, чтобы возбудить противъ него націи, которыя остались дружественными революціи. О граждане Парижа! съ глубокимъ волненіемъ спрашиваю васъ, неужели вы никогда не сорвете маску съ этихъ развратныхъ людей, которые для снисканія вашего довѣрія не обладаютъ ничѣмъ инымъ, кромѣ низкихъ средствъ и наглыхъ притязаній? Граждане! когда приближается непріятель и въ это время человѣкъ, вмѣсто того, чтобъ побудить васъ взяться за шпагу

для его отраженія, приглашаетъ васъ хладнокровно рѣзать женщинъ и безоружныхъ гражданъ, такой человѣкъ—врагъ вашей славы, врагъ вашего блага. Онъ васъ обманываетъ, чтобы погубить васъ. Когда же, напротивъ, человѣкъ говоритъ вамъ о пруссакахъ только для того, чтобы указать вамъ, куда именно вы должны разить, — когда онъ направляетъ васъ къ побѣдѣ только достойными вашего мужества средствами, — такой человѣкъ—другъ вашей славы, другъ вашего счастья; онъ хочетъ васъ спасти! Откажитесь же отъ междоусобныхъ раздоровъ! идите все вмѣстѣ въ станъ. Вотъ гдѣ ваше спасеніе!

„Я каждый день слышу слова: „мы можемъ испытать неудачу“. Что тогда сдѣлають пруссаки? Придутъ-ли они въ Парижъ? Нѣтъ, если Парижъ приведенъ въ оборонительное положеніе, достаточно внушительное, — если вы подготовите посты, гдѣ могли бы противопоставить врагу сильное сопротивленіе, потому что тогда непріятель побойся быть преслѣдуемымъ и окруженнымъ даже остатками разбитыхъ имъ армій, — побойся быть ими подавленнымъ, какъ Сампсонъ развалинами ниспровергнутаго имъ храма. И такъ, въ лагерь, граждане! въ лагерь! Но что же? въ то время, когда ваши друзья, ваши сограждане, побуждаемые геройскою преданностью отечеству, покидаютъ то, что сама природа дала имъ наиболѣе дорогого, — своихъ женъ, дѣтей, свои очаги, — неужели вы останетесь погруженными въ изнѣженную праздность? Развѣ у васъ нѣтъ другого способа проявить свое рвеніе, какъ только спрашивать, подобно аиньянамъ: „что сегодня новаго?“ Въ лагерь, граждане, въ лагерь! Когда ваши братья орошаютъ, быть можетъ, своею кровью равнины Шампани, не побоимся оросить нѣсколькими каплями пота равнины Сенъ-Дени, чтобы обезпечить отступленіе братьевъ“.

6.

Эта рѣчь, въ которой фигуры Дантона, Робеспьера и Марата очень прозрачно указывались за людьми крови, которыхъ Верньо предавалъ проклятію Франціи, такъ наэлектризовала собраніе, что ни одинъ голосъ не осмѣлился отвѣчать оратору, и партія коммуны казалась на мгновеніе потошленною этимъ потокомъ патріотизма. Два дня спустя, по поводу новой жалобы Ролана на захватъ власти коммуною, Верньо еще прямѣе заклеилъ возбудителей къ сентябрьскимъ убійствамъ и объявилъ открытую войну маскированной тираниіи яacobинцевъ. Петиціи заключенныхъ требовали предохранительныхъ мѣръ для безопасности тюремъ.

„Если бы нужно было только бояться народа“, началъ Верньо, „то я сказалъ бы, что можно надѣяться на все лучшее, потому что народъ справедливъ и ненавидитъ преступленіе. Но здѣсь есть злодѣи, нанятые для того, чтобы сѣять раздоръ, распространять тревогу и низвергать насъ въ анархію (Рукоплесканія). Они трепетали принесенной вами клятвы охранять всеми силами безопасность личности, собственности, выполненіе законовъ. Они сказали: хотять прекратить проскрипцію, хотять вырвать у насъ жертвы, хотять домишлатъ намъ убивать ихъ въ объятіяхъ женъ и дѣтей. Ну, такъ прибѣгнемъ же къ арестамъ, ихъ поставимъ комитетъ коммуны. Будемъ обвинять, арестовывать, сгонять въ тюрьмы тѣхъ, кого мы хотимъ погубить. Потомъ взволнуемъ народъ,

выпустимъ убійцъ и учредимъ въ тюрьмахъ бойню человѣческаго мяса, гдѣ мы можемъ вдоволь утолить свою жажду крови! (Единодушныя и неоднократныя рукоплесканія собранія и трибуны). А знаете-ли вы, господа, какъ располагаютъ свободою гражданъ эти люди, которые воображаютъ, что революція сдѣлана для нихъ, — которые безумно думаютъ, что Людовика XVI послали въ Тампль для того, чтобы возвести ихъ самихъ на тронъ въ Тюльери? (Рукоплесканія). Знаете ли вы, какимъ образомъ произошли эти приказы объ арестахъ? Парижская коммуна полагается въ этомъ отношеніи на свой наблюдательный комитетъ. Этотъ наблюдательный комитетъ, вслѣдствіе злоупотребленія всѣми принципами или изъ преступной довѣрчивости, даетъ частнымъ лицамъ страшное право арестовать тѣхъ, кто имъ покажется подозрительнымъ. Эти лица передаютъ свое право еще другимъ довѣреннымъ людямъ, которымъ нужно предоставить полную возможность удовлетворять своей мести, для того, чтобы они исправно служили цѣлямъ мести своихъ сообщниковъ. Вотъ отъ какого причудливаго скопленія разныхъ лицъ зависать свобода и жизнь гражданъ! Вотъ въ какихъ рукахъ находится общественная безопасность! Остѣвленные парижане осмѣливаются называть себя свободными! Ахъ, правда, что они болѣе не рабы коронованныхъ тирановъ, но они рабы самыхъ низкихъ людей, самыхъ отвратительныхъ злодѣевъ! (Новыя рукоплесканія). Пора сломать эти позорныя цѣпи, подавить эту новую тираннію; пора тѣмъ, которые заставляютъ трепетать людей добра, затрепетать въ свою очередь и самимъ! Мнѣ не безызвѣстно, что къ ихъ услугамъ являются и кинжалы. О, въ ночь 2-го сентября, въ эту ночь жестокостей, не хотѣли ли направить эти кинжалы противъ нѣсколькихъ депутатовъ и въ томъ числѣ противъ меня? Не доносили ли на насъ народу, какъ на измѣнниковъ? Къ счастью, тутъ былъ въ самомъ дѣлѣ народъ; убійцы были заняты въ другомъ мѣстѣ! (Общее волненіе). Голосъ клеветы не произвелъ никакого дѣйствія, а мой можетъ еще раздаваться здѣсь! И я вамъ говорю, что онъ будетъ гремѣть всею силою противъ преступленій и тирановъ; что мнѣ за надобностію до кинжаловъ и убійцъ! какое значеніе имѣетъ жизнь для народнаго представителя, когда дѣло идетъ о спасеніи отечества! Когда Вильгельмъ Телль прицѣливался стрѣлою, которая должна была сбить роковое яблоко, поставленное извергомъ на голову его сына, онъ вскричалъ: „пусть погибнуть мое имя и моя память, лишь бы Швейцарія была свободна!“ (Продолжительныя рукоплесканія). Мы также скажемъ: „пусть погибнуть національное собраніе и его память, лишь бы Франція была свободна!“ Депутаты встанутъ, подъ влияніемъ единодушнаго порыва, повторяя съ энтузіазмомъ клятву Верньо. Трибуны подражаютъ этому движенію и соединяютъ свои голоса съ голосами депутатовъ.

Верньо, прерванный на минуту, продолжаетъ: „Да, пусть погибнуть національное собраніе и его память, если своею смертію оно избавитъ націю отъ преступленія, которое запятнало бы французское имя,—если его доблесть повѣдаетъ европейскимъ націямъ, что, несмотря на клеветы, которыми стараются обезчестить Францію, все еще есть, даже среди временной анархіи, въ которую повергли насъ разбойники,—все еще найдутся въ нашемъ отечествѣ нѣкоторые общественныя добродѣтели, и что въ немъ уважаютъ человѣчество!!!“

Пусть погибнуть національное собрание и его память, если на нашем прахѣ преемники наши, болѣе счастливые, будутъ въ состояніи возвести зданіе такой конституціи, которая обезпечитъ счастье Франціи и упрочитъ царство свободы и равенства!“

7.

Подобныя рѣчи утѣшали на минуту людей добра, но не утешали людей крови. Жирондисты имѣли за себя разумъ, краснорѣчіе, большинство въ собраніи. Но одни только якобинцы обладали для выполненія своихъ мыслей организованною властью въ комитетахъ ратуши, и сильною арміею въ отдѣлахъ. Самыя лучшія чувства жирондистовъ улетучивались, прозвучавъ прекрасными словами. Воля якобинцевъ становилась дѣйствіемъ на другой же день послѣ того, какъ зарождалась. Они продолжали безнаказанно пренебрегать собраніемъ. Ихъ журналы и ораторы требовали вторичнаго 10-го августа противъ Ролана и его друзей. Колло-д'Эрбуа открыто стремился замѣнить его въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и сбѣжалъ противъ Ролана народную ненависть. Нашъ, швейцарецъ по происхожденію, сынъ привратника одного зданія въ Парижѣ, покровительствуемый Роланомъ, проведенный имъ въ военное министерство, оставилъ Ролана, какъ скоро тотъ не могъ быть болѣе полезенъ его фортунѣ, и перешелъ въ ряды враговъ министра.

По мнѣнію Ролана и Верньо, насильственное и анархическое царство мятежа, подъ именемъ коммуны, должно было прекратиться само собою въ тотъ день, когда національный конвентъ централизуетъ общественную волю и приметъ въ свои руки власть, на минуту похищенную у народа мятежниками и гонителями. Ревность департаментовъ по поводу преобладанія Парижа надъ націей, негодование людей порядка, возбужденное сентябрьской рѣзней, должны были, по мнѣнію жирондистовъ, уничтожить коммуну, возстановить исполнительную власть и возвратить ее самымъ достойнымъ и способнымъ людямъ. Эта увѣренность дѣлала ихъ терпѣливыми въ теченіе пяти недѣль, которыя истекали. Конвентъ собирался, департаменты надѣялись всего отъ этого представительнаго собранія, зарожденнаго среди такихъ великихъ кризисовъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ въ своихъ циркулярахъ ласкалъ департаменты надеждою на скорое возстановленіе порядка. „Ваши представители“, говорилъ онъ имъ, „чуждые партіямъ, которыя волнуютъ столицу, удалятся, по прибытіи въ Парижъ, отъ людей мятежа, каковы Марать и Дантонъ. Анархія ихъ оттолкнетъ самымъ отвращеніемъ, которое она внушаетъ добрымъ гражданамъ“. Роланъ обѣщалъ, кромѣ того, нравственную поддержку армій, и въ особенности Дюмурье, котораго побѣда дѣлала умирителемъ отечества. Сантерръ, командующій національною гвардіею отдѣловъ, принадлежалъ, правда, къ партіи коммуны по своимъ связямъ съ Пани, однимъ изъ главныхъ вожаковъ этой партіи, но Варбару и Ребекки отвѣчали за марсельскіе батальоны, побѣдившіе 10-го августа,—представлявшіе силу, по ихъ мнѣнію, достаточную для защиты конвента противъ парижскихъ предмѣстій. 800 другихъ марсельцевъ прибыли съ юга по ихъ призыву. Сверхъ того, Марать производилъ отвращеніе, а Дантонъ внушалъ ужасъ. Такія соображенія, часто представляемыя жиронди-

стамъ холоднымъ авторитетомъ Бриссо, краснорѣчивымъ негодованіемъ Верньо, оживляемая страстными взорами и сердцемъ г-жи Роланъ, сообщали этимъ молодымъ людямъ увѣренность въ побѣдѣ и нетерпѣливое желаніе рѣшительной борьбы.

8.

Въ противоположной партіи проявлялось нѣкоторое колебаніе, обличавшее безпокойство. Засѣданія клуба якобинцевъ съ нѣкотораго времени сдѣлались непродолжительными и незначительными. Новые члены конвента не записывались въ него. Казалось, они боялись компрометировать свое значеніе и свою независимость, присоединившись къ обществу, заподозрѣнному въ насиліи и узурпаціи. Петіонъ и Барбару тамъ съ успѣхомъ боролись противъ Фабра д'Эглантина и Шабо. Марать волновала только самые низкіе слои черни. Онъ былъ скорѣе громозвучнымъ скандаломъ революціи, чѣмъ революціонною силою. Засѣдая въ коммунѣ, онъ лишалъ ее популярности. Самъ Дантонъ казался устраннымъ приближеніемъ конвента. Прошлое давило собою талантъ Дантона. Онъ хотѣлъ бы заставить другихъ забыть это прошлое и особенно забыть его самъ. Все, что напоминало Дантону сентябрскіе дни, казалось ему безпокойнымъ и горестнымъ. Человѣкъ проищательный и какъ бы вдохновляемый дикимъ нравительственнымъ гениемъ, онъ понималъ, что роль вождя демагогической партіи въ ратушѣ была ролью кратковременною, непрочною, второстепенною, недостойною ни Франціи, ни его самого. Управление возстаніемъ, свирѣпая казни и кровавое управленіе въ шестинедѣльный промежутокъ междувластія не удовлетворяли его честолюбія.

Чтобы прочно наложить свою диктатуру на новое собраніе, Дантону нужно было одно изъ двухъ: армія или популярность. Армія? онъ ея еще не имѣлъ, хотя и думалъ склонить на свою сторону; популярность? Дантонъ обладалъ слишкомъ вѣрнымъ и опытнымъ политическимъ чутьемъ, чтобы долго разсчитывать на свою популярность. Онъ видѣлъ, что она стирается и ускользаетъ отъ него съ каждымъ часомъ. Кромѣ того, Дантонъ обладалъ достаточною высотой взгляда, чтобы умѣть ее презирать. Обсуживать и презирать свою собственную популярность—это знакъ государственнаго человѣка. Дантонъ родился съ такимъ знакомъ. Одного только ему недоставало для того, чтобы занять положеніе истинно-государственнаго человѣка и удерживать ее за собою: нравственности въ честолюбіи и невинности въ средствахъ. Наказаніе постигло Дантона тотчасъ же. Высоко поднятый и внушавшій еще страхъ благодаря отголоску своихъ злодѣйствъ, онъ уже не скрывалъ отъ себя того отвращенія, какое внушалось окружающимъ его именемъ. Это чувство общественнаго отвращенія Дантонъ не могъ побѣдить иначе, какъ новыми преступленіями или добровольнымъ удаленіемъ со сцены въ теченіе нѣкотораго времени. Новыя преступленія? Дантонъ не чувствовалъ къ нимъ охоты. Сентябрьская кровь была для него слишкомъ горька, чтобы онъ сталъ лить ее еще болѣе. Дантонъ обладалъ въ сущности сердцемъ, хотя и развратнымъ, но не безчувственнымъ. Его жестокость была скорѣе судорожною страстью, чѣмъ алчностью свирѣпой натуры. Не натура Дантона требовала рѣзницъ, а его система. Дантонъ не сознавался еще въ этомъ публично, но сознавался женѣ. Онъ рас-

каивался. Мы видѣли, что Дантонъ, подобно Султь, думалъ на время добровольно покинуть власть. Онъ достаточно презиралъ своихъ соперниковъ, чтобы считать возможнымъ предоставить имъ арену дѣйствій.

„Что ты думаешь объ этихъ людяхъ?—сказалъ онъ однажды вечеромъ Камиллу Демулену, говоря о жирондистахъ, о Робеспьерѣ и Маратѣ, въ минуту интимнаго изліянія, когда гордость Дантона нерѣдко выдавала самые потаенные его секреты, что ты о нихъ думаешь? Изъ нихъ нѣтъ ни одного человѣка, который стоилъ бы только одной мысли Дантона! Природа только двухъ людей отлила въ форму государственнаго человѣка, способнаго управлять революціями: Мирабо и меня. Постѣ насъ она разбила форму. Эти люди все болтуны, которые теряютъ время на словопрєнія и засыпаютъ на рукоплесканіяхъ. Не думаешь ли ты, что я буду съ ними бороться и оспаривать у нихъ трибуну и министерство? Разочаруйся! Я стану въ сторонѣ и предоставлю этихъ людей, съ ихъ безсиліемъ, ничтожеству ихъ собственныхъ мыслей и правительственнымъ затрудненіямъ. Величіе событій ихъ подавить. Чтобы освободиться отъ всѣхъ ихъ, мнѣ нужны только они сами“.

Такимъ образомъ, жирондисты находили предъ собою арену почти пустую, а общественное мнѣніе лишеннымъ силы. Одинъ только человѣкъ выросъ въ общественномъ мнѣніи и въ популярности съ 10-го августа, и этотъ человѣкъ былъ Робеспьеръ. Постараемся изучить его здѣсь до той минуты, когда онъ затеряется среди бури событій.

9.

Робеспьеръ казался тогда философомъ революціи. Могуществомъ отвлеченія, которое принадлежитъ только сильному убѣжденію, онъ, такъ сказать, отдѣлился отъ самого себя, чтобы слиться съ народомъ. Превосходство Робеспьера происходило отъ того, что никто, повидимому, столько, какъ онъ, не служилъ революціи для нея самой. Онъ возвышался посредствомъ своей преданности дѣлу. Путемъ естественнаго отраженія народъ въ немъ узнавалъ себя. Революція была для Робеспьера не политическимъ дѣломъ, а какъ-бы религіей его разума. Онъ не требовалъ отъ нея только своего возвышенія, онъ требовалъ, въ особенности, полнаго завершенія ея самой. Идеи Робеспьера, сначала смутныя, какъ инстинктъ, начинали проясняться путемъ ученія и практики. Талантъ его, сперва непокорный и тяжелый, начиналъ лучше служить его волѣ. Лишенный внѣшнихъ даровъ и внезапнаго вдохновенія, свойственнаго природному краснорѣчію, онъ столько работалъ надъ самимъ собою, столько размышлялъ, столько писалъ, столько вычеркнулъ изъ себя, столько боролся съ невнимательностью и сарказмами своихъ слушателей, что, наконецъ, сдѣлалъ свое слово гибкимъ и горячимъ, и самую свою личность, несмотря на худощавую и неуклюжую фигуру, тонкій голосъ и нескладныя движенія, обратилъ въ орудіе краснорѣчія, убѣденія и страсти.

Подавляемый въ учредительномъ собраніи Мирабо, Мори, Казалесомъ, побѣждаемый въ клубѣ якобинцевъ Дантономъ, Петіономъ, Бриссо, оставляемый въ тѣни въ конвентѣ несравненнымъ ораторскимъ превосходствомъ Верньо, Робеспьеръ уже тысячу разъ отказался бы отъ борьбы и возвратился бы къ

безвѣстности и безмолвію, если бы не чувствовали, что его поддерживает упорная идея, которая въ немъ горѣла, и непреклонная воля, сознававшая въ себѣ силу господствовать надъ всѣмъ, какъ господствовала надъ нимъ самимъ. Но Робеспьеру было бы легче умереть, чѣмъ молчать, когда молчаніе казалось ему отступничествомъ отъ своихъ вѣрованій. Въ этомъ состояла его сила. Онъ былъ самый убѣжденный человѣкъ во всей революціи: вотъ почему онъ долго былъ ея безвѣстнымъ слугой, потомъ любимцемъ, потомъ тираномъ, потомъ жертвой.

Окружающіе Робеспьера вѣрили, что революція въ его глазахъ была лишь осуществленіемъ философіи XVIII вѣка, расцвѣтомъ справедливости и разума въ законѣ. Робеспьеръ былъ ходячею философскою утопіею. Его политика, изложенная въ „Contrat social“, была буквою, лишенною духа евангельской теоріи, которую онъ хотѣлъ осуществить въ демократическомъ учрежденіи. Свобода, равенство, братство между гражданами, миръ между націями,—эти слова, истолкованныя въ смыслъ пользы всѣхъ людей и разрушенія всѣхъ неравенствъ, всѣхъ тираній, были его объявленнымъ кодексомъ. Робеспьеръ примѣнилъ формулы и выводы этого кодекса, не колеблясь, ко всѣмъ вопросамъ, ко всѣмъ обстоятельствамъ, поднимаемымъ временемъ. Озаряемый свѣтомъ теоріи, которую никакое внѣшнее дуновеніе не колебало въ его умѣ, онъ до сихъ поръ не сбивался съ пути. Интересомъ Робеспьера было его вѣрованіе, честолюбіемъ—его дѣло, друзьями—всѣ тѣ, которые служили этому дѣлу сколько можно полезнѣе, врагами—всѣ тѣ, которые казались Робеспьеру измѣнниками дѣла. Несчастьемъ Робеспьера и вскорѣ его преступленіемъ было считать себя единственно—чистымъ и способнымъ подозрѣвать, ненавидѣть, преслѣдовать тѣхъ, завидовать тѣмъ людямъ, которые соперничали съ нимъ въ направленіи общественнаго мнѣнія.

Однакожъ Робеспьеръ заслужилъ прозваніе неподкупнаго,—самый лучшій титулъ, какой можетъ быть данъ народомъ, потому что служить патентомъ на безусловное довѣріе въ такое время, когда народъ не довѣрялъ никому. Робеспьеръ, понимавшій возможность осуществленія своей политической философіи подъ самыми разнородными правительственными формами, лишь бы только душою ихъ была демократія, вовсе не декламировалъ противъ монархіи, вовсе не отвергалъ конституціи 1791 года, не участвовалъ въ заговорѣ 10-го августа, не возбуждалъ къ учрежденію республики. Онъ предпочиталъ республику, безъ сомнѣнія, какъ болѣе совершенную форму политическаго равенства и какъ такое правительство, при которомъ народъ не довѣрялъ своей свободы никому, кромѣ самого себя, но вовсе не видѣлъ и непосредственнаго, коренного неудобства въ томъ, чтобы демократія сохранила главу въ лицѣ короля и единство власти въ видѣ популярной монархіи. Такая уступка миру и застарѣлымъ привычкамъ націи казалась Робеспьеру предпочтительнѣе революціонныхъ кризисовъ, которые нужно пережить для преобразованія имени и механизма правительства. Твердость убѣжденій Робеспьера не исключала въ немъ умѣренности приложенія ихъ къ жизни. Среди крайнихъ идей онъ руководствовался умѣренностью; лишь честолюбцы, подобные жирондистамъ, или агитаторы, подобные демагогамъ, стремились больше всего къ республикѣ, но не Робеспьеръ. Онъ

вступалъ въ сдѣлку съ временемъ потому, что не требовалъ отъ него, какъ самъ говорилъ, ничего для себя. Все для народа и для будущаго.

10.

Жизнь Робеспьера была доказательствомъ безкорыстія его мыслей; эта жизнь была самою краснорѣчивою изъ его рѣчей. Если бы его учитель Жанъ-Жакъ Руссо покинулъ свою хижину „Charmettes“ или Эрменонвиль, чтобы сдѣлаться законодателемъ человѣчества, то онъ не велъ бы болѣе сосредоточенной, болѣе бѣдной жизни, чѣмъ Робеспьеръ. Эта бѣдность была достохвальна, потому что была добровольна. Предметъ многочисленныхъ попытокъ подкупа со стороны двора, партій Мирабо, Ламета и жирондистской въ продолженіе существованія двухъ собраній, Робеспьеръ каждый день имѣлъ подъ рукою свою фортуна: онъ не удостоилъ ее схватить. Потомъ, призванный, путемъ избранія, къ исполненію обязанностей публичнаго обвинителя и судьи въ Парижѣ, Робеспьеръ все оттолкнулъ, отъ всего отказался, чтобы жить среди честной и гордой бѣдности. Имущество Робеспьера, его брата и сестры состояло въ доходѣ отъ нѣсколькихъ десятинъ земли въ Артуа, отдававшихся на откупъ; фермеры этихъ участковъ, сами бѣдняки, преданные его семейству, очень неакуратно уплачивали свои недоимки. Депутатское жалованье Робеспьера, во время учредительнаго собранія и конвента, служило на потребности троихъ лицъ. Иногда Робеспьеръ бывалъ вынужденъ прибѣгать къ кошельку своихъ хозяевъ и друзей. Его долги, не превышавшіе, однакожъ, умѣренной суммы въ 4000 франковъ при его смерти, послѣ шестилѣтняго пребыванія въ Парижѣ, доказываютъ крайнюю скромность его потребностей и издержекъ.

Привычки Робеспьера были привычками скромнаго ремесленника. Онъ жилъ въ улицѣ Сентъ-Оноре, противъ церкви Успенія. Этотъ домъ, низенькій, съ дворомъ впереди, окруженный сараями, наполненными досками, принадлежностями плотничной работы и другими строительными матеріалами, имѣлъ наружность почти деревенскую.

Онъ принадлежалъ столяру, строительному подрядчику, по имени Дюплэ, который съ энтузіазмомъ усвоилъ себѣ принципы революціи. Имѣя сношенія съ нѣсколькими членами учредительнаго собранія, Дюплэ просилъ привести къ нему Робеспьера, и полное сходство мнѣній не замедлило ихъ сблизить. Во время убійствъ на Марсовомъ полѣ нѣсколько членовъ „Общества друзей конституціи“ считали неблагоразумнымъ отпустить Робеспьера домой, въ глубину „Marais“, чрезъ весь городъ, еще полный волненія, и покинуть его безъ защиты, въ виду опасностей, которыя, какъ говорилось тогда, ему угрожали. Тогда Дюплэ предложилъ дать Робеспьеру убѣжище; это предложеніе было принято. Съ этой минуты до дня 9 термидора Робеспьеръ не переставалъ жить въ семьѣ столяра. Долгое сожительство, общій столъ, общеніе мыслей въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обратили гостепріимство Дюплэ во взаимную привязанность. Семейство хозяина сдѣлалось второй семьей Робеспьера. Эта семья, къ которой Робеспьеръ привилъ свои мнѣнія, не измѣняя ни въ чемъ простоты ея нравовъ и даже ея религіозныхъ привычекъ, состояла изъ отца, матери, сына, еще мальчика, и четырехъ молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ

старшей было 25 лѣтъ, младшей—18. Отецъ, занятый работами по своему ремеслу, ходилъ иногда вечеромъ слушать Робеспьера въ клубъ якобинцевъ. Онъ возвращался оттуда проникнутый удивленіемъ къ народному оратору и ненавидя къ врагамъ этого молодого, чистаго патриота. Г-жа Дюплэ раздѣляла энтузіазмъ своего мужа. Уваженіе, какое она чувствовала къ Робеспьеру, дѣлало для нея пріятными и даже почетными тѣ маленькія, добровольныя домашнія услуги, которыя она ему оказывала, какъ будто бы была для него не столько хозяйкой, сколько матерью. За эти услуги и преданность Робеспьеръ платилъ уваженіемъ. Сердце его принадлежало этому бѣдному домику. Собесѣдникъ отца, полный сыновней преданности къ его женѣ, отечески обращаясь съ ихъ сыномъ, находясь въ дружескихъ и почти братскихъ отношеніяхъ къ молодымъ дѣвушкамъ, онъ внушалъ и испытывалъ самъ въ этомъ интимномъ кружкѣ, всѣ тѣ чувства, какія можетъ ощущать и сообщать другимъ пламенная натура, разливая свои лучи далеко внѣ себя.

11.

Любовь также привязывала Робеспьера къ тому дому, гдѣ работа, бѣдность и размышленіе установили его жизнь. Элеонора Дюплэ, старшая дочь хозяйки, внушала Робеспьеру привязанность болѣе серьезную и болѣе нѣжную, чѣмъ ея сестры. Это чувство, не столько страсть, сколько предпочтеніе, у Робеспьера было болѣе разсудочнымъ, у молодой дѣвушки—болѣе пламеннымъ и наивнымъ. Это была любовь, приличная человѣку, который обращается каждый день среди тревоженій общественной жизни, успокоеніе сердца послѣ утомленія разума. „Это мужественная натура“, говорилъ Робеспьеръ о своей подругѣ, „она съумѣла бы умереть, какъ умѣетъ любить“. Ее прозвали Корнеліей. Склонность, признанная обоими молодыми людьми, встрѣтила одобреніе семьи. Они жили въ одномъ и томъ же домѣ, какъ обрученные, но не какъ любовники. Робеспьеръ просилъ руки молодой дѣвушки у ея родителей: она была обѣщена. „Недостаточность состоянія Робеспьера и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ мѣшали ему соединиться съ невѣстой прежде, чѣмъ прояснится судьба Франціи; но, по его собственнымъ словамъ, онъ ожидалъ только минуты, когда, послѣ завершенія и упроченія революціи, могъ бы удалиться изъ политической сумятицы, жениться на дѣвушкѣ, которую любилъ, отправиться на житье въ Артуа, въ одну изъ фермъ, сохранившихся изъ имѣнія его семьи, и тамъ слить свое безвѣстное счастье съ общимъ благополучіемъ“.

Изъ всѣхъ сестеръ Элеонору самую сильную привязанность Робеспьеръ чувствовалъ къ младшей, Елизаветѣ, которую его землякъ и товарищ Леба избралъ себѣ въ супружество и на которой вскорѣ послѣ того дѣйствительно женился. Эта женщина, дружба къ которой Робеспьера стоила жизни ея мужу спустя 11 мѣсяцевъ послѣ ихъ брака, прожила съ тѣхъ поръ болѣе полулѣта, ни разу не отрицала своего поклоненія Робеспьеру и не могла понять проклятій свѣта этому брату ея молодости, который и въ воспоминаніи являлся ей неизмѣнно чистымъ, добродѣтельнымъ и кроткимъ!

12.

Превратности судьбы, вліянія и популярности Робеспьера ни въ чемъ не измѣняли простоты его жизни. Толпа приходила умолять о милости, о сохраненіи чьей-нибудь жизни у дверей этого дома, но туда извнѣ ничто не проникало. Личное жилище Робеспьера состояло изъ низкой комнатки, выстроенной въ формѣ чердачка, надъ сараями, съ однимъ окномъ, которое выходило на крышу. Другого вида изъ него не открывалось, кромѣ внутренности двора, въ родѣ дровяныхъ дворовъ, гдѣ всегда раздавался звукъ молотка и пилы работниковъ и гдѣ безпрестанно проходили г-жа Дюплэ и ея дочери, по хозяйственнымъ занятіямъ. Эта комната отдѣлялась отъ помѣщенія хозяевъ дома только маленькимъ кабинетомъ, общимъ для нихъ и для Робеспьера. Съ другой стороны, также на чердакѣ, были два жилые чуланчика, одинъ для сына хозяевъ дома, другой—для Симона Дюплэ, секретаря Робеспьера и племянника его хозяина. Этотъ молодой человѣкъ, патріотизмъ котораго былъ такимъ же пламеннымъ, какъ и его образъ мыслей, горѣлъ желаніемъ пролить свою кровь за дѣло, котораго Робеспьеръ былъ душою. Онъ поступилъ волонтеромъ въ артиллерійскій полкъ и лишился лѣвой ноги, оторванной ядромъ въ сраженіи при Вальми.

Комната Арраскаго депутата содержала въ себѣ только орѣховую кровать, крытую голубой матеріей съ бѣлыми цвѣтами, столъ и четыре соломенныхъ стула. Эта комната служила ему и для работы и для сна. Бумаги Робеспьера, его отчеты, рукописи рѣчей, писанныя его рукою, правильнымъ, но труженическимъ почеркомъ, съ помарками, были аккуратно уложены на словыхъ полкахъ у стѣны. Нѣсколько избранныхъ книгъ, въ очень небольшомъ числѣ, были разставлены тамъ же. Почти всегда томъ Жанъ-Жака Руссо или Расина лежалъ раскрытымъ на столѣ и доказывалъ философское и литературное пристрастіе Робеспьера къ этимъ двумъ писателямъ.

Здѣсь Робеспьеръ проводилъ большую часть дня, занятый приготовленіемъ своихъ рѣчей. Выходилъ онъ отсюда только утромъ въ засѣданія собранія, а вечеромъ, въ семь часовъ, въ клубъ якобинцевъ. Костюмъ Робеспьера, даже въ ту эпоху, когда демагоги щеголяли лестью народу, подражая нищетѣ цинизмомъ и небрежностью въ платьѣ, былъ всегда чистъ, приличенъ, опрятенъ, какъ у человѣка, который уважаетъ себя въ глазахъ другихъ. Нѣсколько изысканная заботливость Робеспьера о своемъ достоинствѣ и о своемъ слогѣ выказывалась даже въ его виѣшности. Волосы, напудренные до-бѣла и приподнятые крыльями на вискахъ, свѣтлоглубой кафтанъ, застегнутый на пуговицы на бедрахъ, открытый на груди, чтобы былъ виденъ бѣлый жилетъ,—короткіе штаны желтаго цвѣта, бѣлые чулки, башмаки съ серебряными пряжками составляли неизмѣнный костюмъ Робеспьера въ продолженіе всей его общественной жизни. Можно бы сказать, что онъ хотѣлъ, не измѣняя никогда формы и цвѣта своего костюма, запечатлѣть свой неизмѣнный образъ, какъ бы медаль своей фигуры, въ глазахъ и воображеніи толпы.

Черты и выраженіе лица Робеспьера обнаруживали постоянное напряженіе его ума. Лицо его какъ бы опускалось, морщины сглаживались до веселости въ домашнемъ кругу, за столомъ или вечеромъ, вокругъ огня, разведеннаго изъ стружекъ, въ низенькой залѣ столяра. Вечера Робеспьера проходили всегда въ семействѣ, въ разговорахъ о впечатлѣніяхъ прошлаго дня, о планахъ на завтра, объ интригахъ аристократовъ, объ опасности для патріотовъ, о перспективѣ общественнаго счастья послѣ торжества революціи. Это была сама нація въ миниатюрѣ со своими простыми нравами, съ подозрительностью, а иногда и съ умиленіемъ.

Очень небольшое число друзей Робеспьера и Дюплэ допускались, поочередно, въ этотъ интимный кружокъ: въ первое время Ламеты и Петіонъ; довольно рѣдко—Лежандръ; Мерленъ-де-Тювиль, Фуше, который любилъ сестру Робеспьера, но котораго Робеспьеръ не любилъ; часто Ташро, Коффингаль, Пани, Сержанъ, Піо; каждый вечеръ—Леба, Сень-Жюсть, Давидъ, Кутонъ, Буонаротти, тосканскій патріотъ, потомокъ Микель-Анджело; Камилль Демуленъ, нѣкто Николай, печатавшій журналъ и рѣчи оратора; слесарь по имени Дидье, пріятель Дюплэ; наконецъ, г-жа де-Шалабръ, женщина богатая и знатная, питавшая энтузіазмъ къ Робеспьеру, преданная ему, подобно тому, какъ вдовы Коринѳа или Рима посвящали себя апостоламъ новаго культа; она предлагала свое имущество, чтобы способствовать популяризациі его идей, искала дружбы жены и дочерей Дюплэ, чтобы заслужить взглядъ Робеспьера.

Тутъ обыкновенно шли разсужденія о революціи. Но иногда, послѣ короткаго разговора и нѣсколькихъ шутокъ съ молодыми дѣвушками, Робеспьеръ, желавшій обогатить умъ своей невѣсты, читалъ семейству что-нибудь. Чаще всего это были трагедіи Расина. Робеспьеръ любилъ декламировать эти прекрасные стихи, частію для того, чтобы приучать себя къ трибунѣ драматическимъ искусствомъ, частію, чтобы возвысить простыя души своихъ слушателей до уровня великихъ чувствъ и высокихъ характеровъ древности. Онъ рѣдко выходилъ вечеромъ. Два или три раза въ годъ онъ водилъ г-жу Дюплэ и ея дочерей въ театръ. Это было всегда въ „Théâtre-Français“, на классическія представленія. Робеспьеръ любилъ только трагическія декламациі, которыя ему напоминали трибуну, тираннію, народъ, великія преступленія, великія добродѣтели. Театральнымъ онъ былъ въ своихъ мечтахъ и среди отдыха.

Въ другіе дни Робеспьеръ рано удалялся въ свою комнату, ложился спать и потомъ вставалъ, чтобы ночью работать. Безчисленные рѣчи, произнесенныя имъ въ двухъ національных собраніяхъ и въ клубѣ якобинцевъ,—статьи, составлявшіяся для журнала, пока у него былъ журналъ,—рукописи, еще болѣе многочисленныя, такихъ рѣчей, которыя онъ приготовилъ, но никогда не произнесъ, тщательная выработка стиля, какая въ нихъ замѣтна,—неутомимыя поправки, сдѣланныя его перомъ на рукописяхъ,—все это доказываетъ неунынные и настойчивые труды Робеспьера. Онъ мѣтилъ на искусство, по меньшей мѣрѣ, столько же, какъ и на власть. Онъ зналъ, что толпа любитъ красоту столько же, если не больше, какъ и истину. Робеспьеръ относился къ народу

какъ великіе писатели относятся къ потомству, не разсчитывая своихъ трудовъ и безъ фамиллярности. Онъ драпировался въ свою философію и въ свой патриотизмъ.

Единственнымъ развлеченіемъ Робеспьера были уединенныя прогулки, въ подражаніе Жанъ-Жаку Руссо, его образцу, по Елисейскимъ Полямъ или въ окрестностяхъ Парижа. Единственнымъ спутникомъ его прогулокъ была большая собака меделянской породы, которая спала у дверей его комнаты и всегда слѣдовала за своимъ господиномъ, когда онъ выходилъ. Эта громадная собака, извѣстная цѣлому кварталу, называлась Броунъ. Робеспьеръ очень ее любилъ и безпрестанно игралъ съ ней. Таковъ былъ единственный конвой этого тирана общественнаго мнѣнія, который заставлялъ трепетать тронъ и бѣжать за-границу всю аристократію своего отечества.

Въ минуту чрезвычайнаго волненія, когда боялись за жизнь демократовъ, типографчикъ Николай, слесарь Дидье и нѣсколько друзей сопровождали Робеспьера издали. Онъ раздражался этими предосторожностями, принимаемыми безъ его вѣдома. „Дайте мнѣ выѣхать изъ вашего дома и жить одному“, говорилъ онъ своему хозяину, „я причиняю опасность вашему семейству, и мои враги обвинять вашихъ дѣтей за любовь ко мнѣ“. — „Нѣтъ, нѣтъ, мы умремъ вмѣстѣ или народъ восторжествуетъ“, отвѣчалъ Дюплэ. Иногда въ воскресенье все семейство выходило изъ Парижа съ Робеспьеромъ, и трибунъ, сдѣлавшись опять простымъ смертнымъ, блуждалъ съ матерью, сестрами и братомъ Эленора въ лѣсахъ Версаля или Исси.

14.

Такъ жилъ этотъ человѣкъ, могущество котораго, ничтожное вокругъ него, становилось громаднымъ поодаль. Это могущество заключалось въ его имени. Это имя царствовало, впрочемъ, только въ общественномъ мнѣніи. Робеспьеръ мало-по-малу сдѣлался единственнымъ именемъ, которое народъ беспрестанно повторялъ. Являясь всегда на трибунѣ защитникомъ угнетенныхъ, онъ какъ бы отчеканилъ свой образъ и представленіе о своемъ патриотизмѣ въ мысляхъ этой части націи. Пребываніе Робеспьера у столыра, общая жизнь его съ семьей честныхъ ремесленниковъ немало содѣйствовали тому, что имя его врѣзалось въ умахъ революціонной, но честной массы парижскаго народа. Семья Дюплэ, ихъ рабочіе, ихъ друзья въ различныхъ кварталахъ столицы, — называли Робеспьера образцомъ правдивости и добродѣтели. Въ тѣ времена лихорадочнаго настроенія общественнаго мнѣнія рабочіе не расходились, послѣ работы, по пріютамъ удовольствія и разврата, чтобы тамъ тратить вечерніе часы на пустые разговоры. Одна мысль волновала, разбивала, собирала толпу. Не было ничего изолированнаго, личнаго среди впечатлѣній; все было собирательное, народное, шумное. Страсть вѣяла во всѣхъ сердцахъ и исходила изъ всѣхъ сердецъ разомъ.

Журналы, имѣя безчисленное множество подписчиковъ, сыпались во всякое время и во всѣ слои населенія, какъ искры на воспламеняющіяся вещества. Афиши всѣхъ формъ, всякихъ размѣровъ, всевозможныхъ цвѣтовъ привлекали вниманіе прохожихъ на перекресткахъ; народныя общества имѣли свои трибуны

и своих ораторовъ во всѣхъ кварталахъ. Общественное дѣло до такой степени сдѣлалось близко каждому, что даже тѣ изъ народа, которые не умѣли читать, толпились на рынкахъ и площадяхъ вокругъ странствующихъ чтецовъ, которые читали и поясняли имъ публичные листки.

Между всѣми этими именами людей, депутатовъ, ораторовъ, звучавшими въ ушахъ народа, онъ избиралъ нѣсколько любимыхъ именъ. Къ нимъ онъ питалъ страстное влеченіе, приходилъ въ ярость противъ ихъ враговъ; свое дѣло онъ смѣшивалъ съ ихъ дѣломъ. Мирабо, Петіонъ, Марать, Дантонъ, Барнавъ, Робеспьеръ были поочередно такимъ олицетвореніемъ толпы. Но ни у одного изъ этихъ людей популярность такъ медленно и глубоко не вкоренялась въ умы массъ, какъ популярность Аррасскаго депутата.

15.

Эта послѣдняя послѣ 10-го августа на время затмилась популярностью людей дѣйствія, героевъ этого дня, какими были Дантонъ и Марать; но такое забвеніе народомъ его любимца было непродолжительно. Мы видѣли, что Робеспьеръ, призванный въ совѣтъ коммуны на другой день послѣ побѣды, принялъ дѣятельное участіе въ преніяхъ коммуны, редактировалъ ея декреты и провозглашалъ ея волю, въ качествѣ оратора нѣсколькихъ депутацій, у рѣшетки законодательнаго собранія. Убѣдившись, что часъ республики, наконецъ, пробилъ, и что останавливаться въ нерѣшимости значило давать просторъ анархіи, Робеспьеръ принялъ республику и сильно нападалъ на жирондистовъ, чтобы вырвать у нихъ управленіе и вручить его парижскому народу. До 2-го сентября онъ соединялся, такимъ образомъ, въ ратушѣ съ вождями движеніями коммуны и съ диктаторами Парижа. Но съ того дня, когда Дантонъ и Марать организовали рѣзню и регулировали убійства, Робеспьеръ, частію предвидя справедливое воздаяніе отъ общественнаго негодованія, частію питая еще тогда отвращеніе къ крови, пересталъ показываться въ коммунѣ. Со 2-го сентября онъ тамъ больше не засѣдалъ. Мы видѣли, въ какихъ словахъ онъ выражалъ Сент-Жюсту свое негодованіе на эти убійства массами. Они внушали такое отвращеніе Робеспьеру въ эти первыя времена, что онъ ни за что не хотѣлъ смѣшиваться со своими товарищами по коммунѣ, боясь, чтобы капля сентябрьской крови не брызнула на него.

По мѣрѣ того какъ эти неистовства, разсматриваемыя хладнокровно, казались болѣе и болѣе гнусными, Робеспьеръ казался болѣе чистымъ. Бездѣйствіе вмѣнялось ему въ заслугу. Знали, что онъ добровольно не окровавилъ своихъ рукъ и хотѣлъ сохранить дѣлу народа обаяніе правосудія и человѣколюбія. Реакція общественнаго мнѣнія противъ сентябрьскихъ дней приводила къ Робеспьеру всѣ крайнія партіи, но за исключеніемъ злодѣевъ.

Въ день перваго засѣданія конвента Робеспьеръ былъ вполне неподкупнымъ дѣятелемъ революціи,—неподкупнымъ ни золотомъ, ни кровью. Его имя господствовало надъ всѣмъ. Сама коммуна, не вся обогрѣнная сентябрьскими убійствами, щеголяла Робеспьеромъ и съ аффектаціей признала за его дѣйствіями полный авторитетъ. Она понимала, что нравственная сила была съ нимъ. Жирондисты также понимали это. Они мало боялись Марата, который былъ

слишкомъ чудовищень, чтобы увлекать. Они вступали въ переговоры съ Дантономъ, который былъ достаточно продаженъ для возможности соблазна. Но хотя они и питали презрѣніе къ второстепенному пока таланту Робеспьера, но все-таки предъ этимъ человѣкомъ трепетали: съ удаленіемъ Дантона, дѣйствительно, онъ одинъ только могъ оспаривать у нихъ управленіе народомъ и завѣдываніе республикой.

Но Робеспьеръ уже давно прервалъ всѣ близкія сношенія съ г-жей Роланъ и ея друзьями. Верньо, упоенный краснорѣчіемъ, полагаясь на могущество своего слова, презиралъ въ Робеспьерѣ его глухую рѣчь, которая всегда только рокотала, но никогда не разражалась громовымъ ударомъ. Верньо думалъ, что могущество людей измѣряется ихъ талантомъ. Талантъ Робеспьера пресмыкался у подножія трибуны, на которой дарованіе Верньо уже царило. Петіонъ, долгое время другъ Робеспьера, не прощалъ ему лишенія половины народной благосклонности. Популярность менѣе допускаетъ раздѣла, чѣмъ власть. Луве, Барбару, Ребекки, Инаръ, Дюко, Фонфредъ, Ланжюине—всѣ эти молодые депутаты конвента, которые, явившись въ Парижъ, считали себя облеченными всемогуществомъ національной воли и думали все согнуть подъ республиканскую конституцію, свободно обсужденную,—приходили въ негодованіе, увидѣвъ въ коммунѣ узурпаторскую и мятежную власть, которую надо было или ниспровергнуть или переносить, а въ Робеспьерѣ такого властелина надъ общественнымъ мнѣніемъ, съ которымъ нужно было считаться. Письма этихъ молодыхъ людей въ департаменты наполнены выраженіями гнѣва противъ парижскихъ агитаторовъ. Слухи о диктатурѣ были распространяемы частію приверженцами Робеспьера, частію его соперниками. Эти слухи поддерживалъ Маратъ, который не переставалъ требовать у народа передачи власти и топора въ руки кого-нибудь одного, чтобы поразить всѣхъ враговъ народа разомъ. Жирондисты усиливали такіе слухи, сами имъ не вѣря. Партіи сражаются другъ съ другомъ посредствомъ подозрѣній. Съ тѣхъ поръ, какъ подозрѣніе въ роялизмѣ не могло болѣе задѣть никого, подозрѣніе въ стремленіи къ диктатурѣ было самымъ тяжкимъ ударомъ, какой партіи могли нанести одна другой.

Если господство надъ общественнымъ мнѣніемъ было единственною мечтою Робеспьера, въ смутномъ отдаленіи,—какъ близкій къ нему человѣкъ, Леба думалъ читать это въ мысляхъ своего друга,—то стремленіе къ дѣйствительной и прямой диктатурѣ было клеветой противъ его здраваго смысла. Робеспьеру нужно было еще чрезвычайно много вырасти въ довѣріи и фанатизмѣ народа, чтобы осмѣлиться господствовать надъ представителями. Враги Робеспьера, нападая на него, взяли на себя трудъ его возвысить. Обвинять Робеспьера въ притязаніяхъ на диктатуру—значило оказать двоякую услугу его репутации. Съ одной стороны, это значило готовить ему легкій и вѣрный случай доказать свою невинность, а съ другой—именно подать мысль о томъ преступленіи, въ какомъ его обвиняли, и дѣйствительно сдѣлать Робеспьера кандидатомъ на верховную власть, по предложенію самихъ его клеветниковъ: двойное счастье для честолюбца.

Гнѣвъ и нетерпѣніе молодыхъ жирондистовъ помѣшали имъ сообразить то и другое. Собравшись у Барбару, разгоряченные своими собственными предубѣжденіями, они рѣшились напасть внезапно, лицомъ къ лицу, на парижскую тиранію, въ особѣ и подъ именемъ Робеспьера. Бросая на него одного всю ненавистную сторону этой тиранніи, они имѣли ту выгоду, что оставляли въ сторонѣ Дантона, котораго боялись гораздо больше. Жирондисты думали, такимъ образомъ, напасть на коммуны въ лицѣ самаго уязвимаго изъ ея триумвировъ и не сомнѣвались въ легкомъ торжествѣ надъ нимъ. Нѣкоторые изъ ихъ друзей, болѣе старые и болѣе медлительные, какъ Бриссо, Сійейсъ и Кондорсе, совѣтовали отсрочить нападеніе и выждать неизбежнаго и близкаго столкновенія между коммуною и конвентомъ. Самые пламенные изъ жирондистовъ отвѣчали, что давать время мятежу значило давать ему силы, — что отвага была всегда лучшею политикою, что, напротивъ, было дѣломъ ловкимъ вырвать съ перваго же дня республику у мятежниковъ, которые хотѣли овладѣть ею въ колыбели, — что не нужно давать время ученья негодованію Франціи противъ сентябрьскихъ убійцъ, — что надобно съ первой же минуты вооружить большинство конвента противъ людей крови, угрожавшихъ поработить все, и что, кромѣ того, въ самихъ жирондистахъ существовало нѣчто болѣе рѣшающее, чѣмъ политическія причины, — именно чувство искренняго отвращенія къ развратителямъ народа и невозможность для людей, не лишенныхъ сердца, позволить смѣшать себя съ убійцами, и показывать терпимость или страхъ по отношенію къ этимъ людямъ, щадя ихъ долѣе.

Неустранимый Верньо, стыдясь, что въ теченіе шести недѣль выносишь наглую тиранію ораторовъ коммуны, не старался ни ускорить, ни замедлить пылъ своихъ молодыхъ соотечественниковъ. Верньо не избѣгалъ и не требовалъ борьбы; онъ только объявлялъ себя готовымъ принять и поддерживать ее. Его сердце, слово, кровь были посвящены благу отечества и сохраненію чистоты республики.

Сійейсъ, въ которомъ жирондисты очень заискивали и который видалъ ихъ каждый вечеръ въ салонѣ г-жи Роланъ, далъ имъ, въ лаконическихъ формулахъ, совѣты относительно тактики въ борьбѣ и представилъ имъ туманные планы конституціи. Жирондисты дорожили имъ, какъ своимъ государственнымъ челоувѣкомъ. Сійейсъ, умъ дальновидный, хотя и ненавидѣлъ Робеспьера, Марата, Дантона, хотѣлъ все-таки, чтобы, прежде нападенія на коммуны, жирондисты отдѣлили Дантона и заключили договоръ съ Дюмурею, который доставилъ бы имъ другую силу, кромѣ трибуны, противъ мятежныхъ шаекъ ратуши. „Не рискуйте республикой въ уличной борьбѣ“, говорилъ онъ имъ, „пока не будете имѣть на своей сторонѣ пушекъ“. Верньо соглашался, что эти слова справедливы; но нетерпѣніе молодежи, позоръ отступленія, краснорѣчивыя возбужденія г-жи Роланъ одержали верхъ надъ холодными расчетами.

17.

Между тѣмъ клубъ якобинцевъ въ теченіе двухъ послѣднихъ дней опять сталъ наполняться. Маратъ и Робеспьеръ снова тамъ показались.

Конвентъ началъ свои занятія. Сначала онъ благосклонно выслушалъ энергическій рапортъ Ролана, который провозглашалъ истинные принципы порядка и законности и требовалъ, чтобы новое собраніе обезпечило свое собственное достоинство противъ народныхъ движеній посредствомъ сильной арміи, посвященной національной безопасности. Минута была благопріятная для нападенія на коммуну и порицанія ея неистовствъ. Въ засѣданіи 24-го сентября Керсень, бретонскій дворянинъ, неустрашимый морякъ, краснорѣчивый политическій писатель, реформаторъ, преданный социальному возрожденію, связанный съ перваго дня съ жирондистами одинаковою любовью къ свободѣ, одинаковымъ отвращеніемъ къ преступленію, вдругъ потребовалъ, по поводу безпорядковъ въ Елисейскихъ Поляхъ, чтобы были назначены комиссары для отмщенія за насиліе надъ первыми правами человѣка, свободой, собственностью, жизнью гражданъ. „Пора уже“, воскликнулъ Керсень, „воздвигнуть эшафоты для убійцъ и для тѣхъ, которые вызываютъ убійства“. Потомъ, обратившись въ сторону Робеспьера, Марата и Дантона и показывая, что намекъ о кровожадности относится къ нимъ, продолжалъ громовымъ голосомъ: „быть можетъ, надо обладать нѣкоторымъ мужествомъ, чтобы поднимать здѣсь голосъ противъ убійцъ!..“ Собраніе затрепетало и разразилось рукоплесканіями.

Талліенъ потребовалъ, чтобы это предложеніе было отсрочено. „Отсрочивать кару преступленія“, сказалъ Верньо, „значитъ провозглашать безнаказанность убійствъ“. Фабръ д'Эглантинъ, Сержанъ, Колло-д'Эрбуа, понимая, что указано на нихъ, воспротивились предложенію Керсена. Они оправдывали парижскихъ гражданъ. „Граждане Парижа“, вскричалъ Ланжюине, „находятся въ оцѣпненіи. Пріѣхавъ сюда, я ужаснулся!“ Поднялся ропотъ. Бюзю, повѣренный Ролана, приготовившись къ рѣчи сообщеніемъ рапорта послѣдняго, воспользовался неожиданнымъ волненіемъ, произведеннымъ рѣчью Керсена, чтобы взойти на трибуну и завязать борьбу, расширивъ ея арену.

18.

„Среди глубокаго волненія, вызваннаго предложеніемъ Керсена“, сказалъ Бюзю, „мнѣ нужно сохранить хладнокровіе, подобающее свободному человѣку. Не довольно называть себя республиканцемъ и подъ этимъ именемъ подчиняться новымъ тиранамъ! Чуждый партіямъ, я явился сюда съ надеждою, что могу сохранить свою нравственную независимость. Нужно, чтобы я зналъ, чего долженъ ожидать или бояться. Находимся ли мы въ безопасности? Существуютъ ли законы противъ людей, подстрекающихъ къ убійству? Или думаютъ, что мы не принесли съ собою республиканскаго духа, неспособнаго преклоняться предъ угрозами, предъ насиліемъ людей, цѣль и намѣренія которыхъ мнѣ неизвѣстны? Отъ васъ требуютъ сформированія общественной силы; съ такимъ же требованіемъ обращается къ вамъ министръ внутреннихъ дѣлъ,—тотъ самый Роланъ, который, несмотря на взводимыя на него клеветы, остается въ вашихъ глазахъ

однимъ изъ добродѣтельныхъ людей Франціи. (Рукоплесканія). Я также требую общественнаго войска, въ сформированіи котораго участвовали бы всѣ наши департаменты. Нуженъ законъ противъ тѣхъ безчестныхъ людей, которые убиваютъ потому, что не имѣютъ мужества сражаться... Недумаютъ ли сдѣлать насъ рабами нѣкоторыхъ парижскихъ депутатовъ?..“

Это искреннее негодованіе Бюзо потрясло конвентъ. Одобрительныя восклицанія со всѣхъ скамеекъ департаментскихъ депутатовъ поддержали его слова. Парижскіе депутаты и ихъ приверженцы умолкли встревоженные, и предложеніе было голосовано. Вечеромъ двѣнадцать парижскихъ депутатовъ всѣ вмѣстѣ отправились въ засѣданіе клуба якобинцевъ, чтобы излить свой гнѣвъ и условиться о средствахъ мести. „Нужно“, вскричалъ Шабо, „чтобъ якобинцы, не парижскіе только, а всей страны, заставили конвентъ дать Франціи правительство по ихъ выбору. Конвентъ отступаетъ. Интриганы овладѣваютъ имъ. Усыпители изъ секты Бриссо и Ролана хотятъ учредить союзное правительство, чтобы господствовать надъ нами посредствомъ своихъ департаментовъ“.

При этихъ словахъ является Петіонъ и занимаетъ президентское кресло. Бриссо письменно выражаетъ желаніе объясниться по-братски. Фабръ д'Эглантинъ нападаетъ на Бюзо и порицаетъ его утреннюю рѣчь, называя ее комбинаціею, подготовленною у Ролана, чтобы возстановить конвентъ противъ Парижа. Петіонъ защищаетъ Бюзо, „не только въ качествѣ друга“, говоритъ онъ, „но какъ одного изъ гражданъ, наиболѣ преданныхъ свободѣ и республикѣ“. Бильо-Вареннъ, Шабо, Камилль Демуленъ называютъ Бриссо негодяемъ. Гранжневъ и Барбару грозятъ парижской депутаціи прибытіемъ новыхъ марсельцевъ. Засѣданіе прекращается среди невыразимаго шума. Война объявлена.

19.

Борьба завязывается на слѣдующій день въ засѣданіи конвента. Встаетъ Мерленъ. „Говорятъ объ установленіи порядка засѣданій“, говоритъ онъ: „единственный порядокъ—это прекращеніе раздоровъ, которые насъ раздѣляютъ и могутъ погубить общественное дѣло. Говорятъ о тиранахъ и диктаторахъ: я требую, чтобы мнѣ ихъ назвали, чтобы мнѣ указали также и тѣхъ, которыхъ я долженъ поразить кинжаломъ. Приглашаю Ласурса, который сказалъ вчера, что здѣсь существуетъ диктаторская партія, указать намъ ее“.

Ласурсъ, другъ Верньо, и почти равный ему по краснорѣчію, встаетъ въ негодованіи отъ этого вѣроломнаго запроса. „Очень удивительно“, говоритъ онъ, „что, дѣлая мнѣ запросъ, гражданинъ Мерленъ на меня клеветаетъ! Я говорилъ вовсе не о диктаторѣ, но о диктатурѣ. Я сказалъ, что нѣкоторые люди здѣсь, мнѣ кажется, стремятся, путемъ интриги, къ преобладанію. Это частный разговоръ, разоблачаемый гражданиномъ Мерленомъ. Но я не только не сожалею о такой нескромности его, а даже одобряю ее. То, что я сказалъ въ частномъ разговорѣ, я повторю съ трибуны и тѣмъ облегчу свое сердце. Вчера вечеромъ въ клубъ якобинцевъ я слышалъ, какъ обвинялись двѣ трети конвента въ посягательствѣ противъ народа и противъ свободы. При выходѣ, граждане сгрушировались вокругъ меня; гражданинъ Мерленъ присоединился

къ нимъ. Я описалъ имъ свое безпокойство и свою горестъ съ жаромъ, безъ котораго не могу обойтись, когда дѣло идетъ о моемъ отечествѣ. Кричали противъ проекта закона, требующаго кары подстрекателей къ убійству. Я сказалъ и теперь говорю, что этотъ законъ можетъ утѣшить только людей, замышляющихъ преступленія и потомъ сваливающихъ послѣднія на народъ, единственными друзьями котораго такіе люди называютъ себя. Возражали противъ предложенія назначить стражу конвенту. Я сказалъ и еще повторяю, что національный конвентъ не можетъ отнять у всѣхъ департаментовъ республики права заботиться объ общественномъ учрежденіи и о свободѣ своихъ представителей. Не народа я боюсь: онъ насъ спасетъ; и если уже нужно, наконецъ, говорить о себѣ самомъ, то парижскіе граждане спасли меня, тамъ, на террасѣ фельяновъ: это они отвратили угрожавшую мнѣ смерть, отстранивъ отъ моей груди 30 занесенныхъ на меня сабельныхъ ударовъ! Нѣтъ, не гражданина боюсь я, а разбойника, убійцы, который разитъ кинжаломъ. Удивительно ли это? Я, въ свою очередь, дѣлаю запросъ Мерлену. Не правда ли, что онъ меня, по секрету, предостерегъ, въ одинъ изъ этихъ дней, въ наблюдательномъ комитетѣ, что мнѣ грозитъ убійство у порога двери моего дома, при возвращеніи домой, а также и нѣкоторымъ изъ моихъ товарищей? Да, я боюсь деспотизма Паризжа, боюсь господства интригановъ, которые навязываютъ его національному конвенту; я не хочу, чтобы Паризжъ сдѣлался для Франціи тѣмъ, чѣмъ былъ Римъ для римскаго государства. Я ненавижу тѣхъ людей, которые, въ тотъ самый день, когда совершались убійства, осмѣлились издать приказы объ арестѣ восьми депутатовъ. Они хотятъ путемъ анархіи достигнуть преобладанія, котораго добиваются. Я не указываю ни на кого. Я предвижу планъ заговорщиковъ, я поднимаю занавѣсъ; когда люди, которыхъ я намѣтилъ, будутъ достаточно освѣщены, чтобы ихъ хорошо видѣть и показать Франціи, я сорву съ нихъ маску на этой трибунѣ, хотя бы мнѣ пришлось, сходя съ нея, пасть подъ ихъ ударами! Я буду отомщенъ. Национальное могущество, разгромившее Людовика XVI, разгромить всѣхъ этихъ людей, жаждущихъ господства и крови“.

Нескончаемыя рукоплесканія покрыли эти слова. Энергія Ласурса, казалось, возвратила бодрость собранію. Ребекки назвали Робеспьера: „Вотъ партія“, вскричалъ онъ, „и вотъ человѣкъ, котораго я предъ вами обвиняю!“

Дантонъ, который еще чувствовалъ у себя достаточно опоры на обѣихъ сторонахъ конвента, чтобы сохранять равновѣсіе и вмѣшиваться въ дѣла, въ качествѣ грознаго посредника, потребовалъ слова.

„Прекрасный день для націи“, сказалъ онъ, „прекрасный день для республики, въ который произошло между нами братское объясненіе. Если есть виновные, если существуетъ злонамѣренный человѣкъ, который стремится деспотически властвовать надъ представителями народа, то его голова падетъ тотчасъ, какъ только онъ будетъ обличенъ. Такое обвиненіе не должно быть обвиненіемъ общимъ и неопредѣленнымъ. Тотъ, кто его дѣлаетъ, долженъ его доказать. Я сдѣлаю это самъ, хотя бы отъ того должна была пасть голова моего лучшаго друга. Я не защищаю парижскихъ депутатовъ цѣлой массой и не отвѣчаю ни за кого (Онъ указываетъ презрительнымъ взоромъ на скамью

Марата). Буду вамъ говорить только о себѣ. Я готовъ начертать вамъ картину моей жизни. Въ теченіе трехъ лѣтъ я дѣлалъ то, что считалъ себя обязаннымъ дѣлать для свободы. Въ продолженіе моего министерства я употребилъ въ дѣло всю силу характера и всю дѣятельность гражданина, одушевленнаго любовью къ своему отечеству. Если кто-нибудь можетъ обвинить меня въ этомъ отношеніи, пусть встанетъ и говоритъ! Существуетъ, правда, въ числѣ парижскихъ депутатовъ, человѣкъ, мнѣнія котораго превозносятся и подрываютъ довѣріе къ республиканской партіи, это—Маратъ! Много и давно меня обвиняли въ сочиненіи писаній этого человѣка. Призываю въ свидѣтели гражданина, который здѣсь предсѣдательствуетъ. Въ рукахъ Петіона находится угрожающее письмо, полученное мною отъ Марата. Петіонъ былъ свидѣтелемъ ссоры между Маратомъ и мною въ мэріи. Но крайности Марата я приписываю тѣмъ притѣсненіямъ, какимъ подвергался этотъ гражданинъ. Я думаю, что подземелья, въ которыхъ онъ былъ запертъ, сильно ожесточили его сердце!.. Но нужно-ли, изъ-за нѣсколькихъ личностей, выпадающихъ въ крайности, обвинять всю депутацию въ совокупности? Что касается до меня, то я не принадлежу Парижу; я родился въ департаментѣ, къ которому всегда съ удовольствіемъ обращаюся мои взоры. Но никто изъ насъ не принадлежитъ тому или другому департаменту. Мы принадлежимъ цѣлой Франціи. Вынесемъ законъ, произносящій смертную казнь противъ каждаго, кто вздумалъ бы себя объявить за диктатуру или триумvirатъ. Говорятъ, что между нами находятся еще такіе люди, которые хотятъ раздробленія Франціи. Устранимъ эти нелѣпыя идеи, установивъ смертную казнь противъ такихъ людей. Франція должна быть нераздѣльна. Граждане Марселя хотятъ подать руку гражданамъ Дюнкерка. Провозгласимъ единство представителей и правительства. Не безъ трепета узнають австрійцы объ этой святой гармоніи. Тогда, я вамъ клянусь, наши враги погибнутъ!..“

Дантонъ сошелъ съ трибуны при громѣ рукоплесканій. Собранія, всегда нерѣшительныя по самой своей натурѣ, принимаютъ съ энтузіазмомъ предложенія отлагательныя, избавляющія отъ необходимости высказываться немедленно.

Но Бюзо, горя нетерпѣніемъ явиться съ побѣдой къ г-жѣ Роланъ, не удовольствовался, за свою партію, этимъ отрицаніемъ суда, этими обоюдоострыми законами о смерти и двусмысленными клятвами о единствѣ и нераздѣльности республики. „А кто вамъ сказать, гражданинъ Дантонъ“, возразилъ онъ, „что кто бы то ни было помышляетъ разорвать это единство? Не требовалъ ли я, чтобы оно было освящено и обезпечено стражею, составленною изъ посланныхъ отъ всѣхъ департаментовъ? Намъ говорятъ о клятвахъ! Я больше въ нихъ не вѣрю, въ клятвы. Лафайеты, Ламеты приносили клятву; они ее нарушили! Намъ говорятъ о декретѣ? Простого декрета недостаточно, чтобы обезпечить нераздѣльность республики. Надо, чтобы это единство существовало на дѣлѣ. Надо, чтобы сильная армія, посланная 83 департаментами, окружала конвентъ. Но всѣ эти мысли должны быть приведены въ порядокъ. Я требую отсылки ихъ въ комиссію шести“.

Настойчивость Бюзо оживила смѣлость молодыхъ жирондистовъ, на минуту смущенныхъ голосомъ Дантона. Верньо, Гаде, Петіонъ молчали и, казалось, выражали и своей физиономіей и осанкой нежеланіе продолжать борьбу. Ро-

беспьеръ, названный по имени, медленно и торжественно поднялся по ступенькамъ трибуны. Всѣ взоры устремились на него. Преждевременная ненависть жирондистовъ создала для него, для народного оратора, самую лучшую роль: роль невинности, которая защищается, и силы, которая сдерживаетъ себя.

20.

„Граждане“, началъ онъ, „всходя на эту трибуну, чтобы отвѣчать на высказанное противъ меня обвиненіе, я являюсь защищать вовсе не мое собственное дѣло, а дѣло общественное. Когда я оправдаюсь, вы увидите, что я занимаюсь не собою, но только отечествомъ“. „Гражданинъ“, продолжалъ Робеспьеръ, обращаясь къ Ребекки, „гражданинъ, который имѣлъ мужество обвинить меня въ желаніи поработить мою страну, предъ лицомъ представителей народа, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я защищалъ его права, благодарю васъ! Въ этомъ поступкѣ я узнаю гражданскій духъ, характеризующій тотъ славный городъ (Марсель), который избралъ васъ депутатомъ. Благодарю васъ, потому что мы всѣ выиграемъ отъ этого обвиненія. На меня указали, какъ на вождя партіи, заслуживающей порицанія Франціи за стремленіе къ тиранніи. Есть люди, которые были бы подавлены тяжестью подобнаго обвиненія. Я не боюсь такого несчастья. Надо воздать должное всему тому, что я сдѣлалъ для свободы; я боролся противъ всѣхъ партій въ теченіе трехъ лѣтъ, въ учредительномъ собраніи; я боролся съ дворомъ, отнесся съ презрѣніемъ къ его дарамъ, презрѣлъ заискиванія партій, еще болѣе увлекательной, которая позже поднялась, чтобы задушить свободу!“

Многочисленные голоса, утомленные этимъ пространнымъ панегирикомъ самому себѣ, прервали Робеспьера, приглашая его обратиться къ вопросу. Таллиенъ потребовалъ вниманія къ парижскому депутату. Робеспьеръ, не встрѣчая уже благосклонности и уваженія, какими пользовался въ клубѣ якобинцевъ, затруднился на минуту въ выборѣ словъ. Онъ обратился къ великодушію своихъ обвинителей съ просьбою о молчаніи. Онъ снова напомнилъ свои заслуги революціи.

„Но тутъ“, прибавилъ Робеспьеръ, „начинаются мои преступленія: человѣкъ, который такъ долго боролся противъ всѣхъ партій съ непоколебимымъ и рѣдкимъ мужествомъ, не приберегая ни одной партіи для себя самого, такой человѣкъ долженъ былъ сдѣлаться добычею ненависти и преслѣдованія всѣхъ честолюбцевъ и всѣхъ интригановъ. Когда они вздумаютъ начать свою систему притѣсненій, первую ихъ мыслью будетъ удалить такого человѣка. Безъ сомнѣнія, другіе граждане лучше меня защищали права народа, но я могу похвастаться большимъ числомъ враговъ и большими преслѣдованіями“.

— „Робеспьеръ!“ кричали ему со всѣхъ сторонъ, „скажи намъ просто, стремились ли ты къ диктатурѣ или къ триумвирату!“ Робеспьеръ приходитъ въ негодованіе при видѣ такого стѣсненія, какое дѣлается его защитѣ. Конвентъ ропщетъ и невнимательностью выражаетъ свое утомленіе.

„Короче, короче!“ кричатъ Робеспьеру со всѣхъ ѣкамеекъ.

— „Я не буду говорить короче“, возражаетъ Робеспьеръ: „напоминаю

вамъ о вашемъ достоинствѣ. Взываю къ правосудію большинства конвента противъ нѣкоторыхъ членовъ, мнѣ враждебныхъ"...—„Здѣсь единство патріотизма; прерываютъ не изъ ненависти“, отвѣчаетъ ему Камбонъ. Дюко требуетъ, чтобы въ интересъ самихъ обвинителей обвиненный былъ выслушанъ внимательно.

21.

Робеспьеръ опять начинаетъ среди смѣха и сарказмовъ: „Пусть тѣ, которые отвѣчаютъ мнѣ смѣхомъ и ропотомъ, составятъ изъ себя трибуналь и произнесутъ мое осужденіе; это будетъ самый лучшій день въ моей жизни. О, если бы я былъ способенъ присоединиться къ одной изъ этихъ партій, если бы я вступилъ въ сдѣлку со своею совѣстью, я не понесъ бы ни этихъ оскорбленій, ни преслѣдованій! Парижъ—это арена, на которой я выдерживалъ борьбу противъ своихъ враговъ и противъ враговъ народа; не въ Парижѣ, поэтому, можно исказить мою дѣятельность, потому что здѣсь свидѣтель ея самъ народъ. Но въ департаментахъ не то. Депутаты отъ департаментовъ, заклиная васъ во имя общаго дѣла, выйдите изъ заблужденія и выслушайте меня безпристрастно! Если безотвѣтная клевета составляетъ самое страшное изъ предубѣжденій противъ гражданина, то она же вреднѣе всего и для отечества! Меня обвиняли въ совѣщаніяхъ съ королевой, съ Ламбаль, меня сдѣлали отвѣтственнымъ за необдуманныя фразы патріота-фанатика (Марата), требовавшего, чтобы нація ввѣрилась людямъ, неподкупность которыхъ испытала въ теченіе трехъ лѣтъ! Со времени открытія конвента и даже прежде того возобновляютъ эти обвиненія. Хотятъ погубить въ общественномъ мнѣніи тѣхъ гражданъ, которые клялись пожертвовать всеми партіями. Насъ подозреваютъ въ стремленіи къ диктатурѣ, а мы, мы подозреваемъ существованіе замысла сдѣлать изъ французской республики скопленіе союзныхъ республикъ, которыя будутъ раздѣляемы непрерывными междоусобицами или нашими врагами. Обратимся къ сущности этихъ подозрѣній. Пусть не довольствуются клеветою, пусть обвиняютъ и пусть подпишутся подъ этими обвиненіями противъ меня“.

22.

Нетерпѣливый Барбару встаетъ съ юношескимъ увлеченіемъ. „Барбару, изъ Марсели, является“, сказалъ онъ, смотря въ лицо Робеспьеру, „чтобы подписать обвиненіе... Мы были въ Парижѣ. Мы съ марсельцами пришли низвергнуть тронъ. Насъ заискивали все партіи, какъ посредниковъ власти. Насъ привели къ Робеспьеру. Тутъ намъ указали на этого человѣка, какъ на самаго добродѣтельнаго гражданина, единственнаго, который достоинъ править республикой. Мы отвѣчали, что марсельцы никогда не преклонятъ чело предъ диктаторомъ (Рукоплесканія). Вотъ что я подпишу и что вызываю Робеспьера опровергнуть. И вамъ осмѣливаются говорить, что проекта диктатуры не существуетъ! И разрушительная коммуна осмѣливается извергать распоряженія объ арестѣ противъ министра, противъ Ролана, который всецѣло принадлежитъ республикѣ! И эта коммуна, посредствомъ корреспонденцій и комиссаровъ, сносится со всеми другими коммунами республики! И не хотятъ, чтобы граждане

всѣхъ департаментовъ соединились для охраны независимости національнаго представительства! Граждане! они соединятся, они составятъ вамъ ограду своими тѣлами! Марсель предупредилъ ваши декреты; онъ въ движеніи. Его сыны выступаютъ въ походъ! Если они должны остаться побѣжденными, если намъ предстоитъ быть запертыми здѣсь нашими врагами, то объявите заранѣе, что наши замѣстители соберутся въ назначенномъ городѣ, а мы умремъ здѣсь! Что же касается до обвиненія, которое я заявилъ противъ Робеспьера, то я объявляю, что я любилъ Робеспьера, что я его уважалъ. Пусть онъ сознаетъ свою ошибку, а я беру назадъ свое обвиненіе! Но пусть онъ не говорить о клеветѣ! Если онъ служилъ свободѣ своими сочиненіями, то мы ее защищали своими руками! Граждане! когда придетъ минута опасности, тогда вы насъ разсудите! Мы увидимъ, сумѣютъ ли составители пасквилей умереть вмѣстѣ съ нами!“

Этотъ презрительный намекъ на Робеспьера и на Марата былъ покрытъ рукоплесканіями.

Камбонъ, изъ Монпелье, человѣкъ прямой и пылкій, бросившись со всею энергіею своихъ убѣжденій на ту сторону, гдѣ видѣлъ справедливость, поддерживалъ Барбару. Онъ изложилъ возмутительную узурпацію власти, какую позволила себѣ парижская коммуна. „Намъ хотятъ дать муниципальный порядокъ Рима!“ вскричалъ онъ, „я говорю, что депутаты Юга хотятъ республиканскаго единства!“ Это патріотическое восклицаніе было повторено всѣми партіями залы, какъ національный лозунгъ: „Единство, мы всѣ хотимъ его! всѣ! всѣ!“

Пани, другъ Робеспьера, хотѣлъ возразить Барбару. Онъ разсказалъ, что его свиданія съ вождями марсельцевъ не имѣли другой цѣли, кромѣ того, чтобы договориться объ осадѣ Тюльери. „Президентъ“, сказалъ онъ Петіону, „вы были тогда въ мэріи; вы помните, что я вскричалъ за нѣсколько дней до 10 августа: „Надобно очистить дворецъ отъ заговорщиковъ, которые его наполняютъ; единственное наше спасеніе только въ святомъ возстаніи“. Вы не хотѣли мнѣ вѣрить. Вы мнѣ отвѣчали, что аристократическая партія подавлена и что бояться нечего. Я отдѣлился отъ васъ. Мы образовали тайный комитетъ. Молодой марселецъ, пылая патріотизмомъ, пришелъ просить у насъ патроновъ. Мы не могли дать ихъ ему безъ вашей подписи. Мы не осмѣлились потребовать ее отъ васъ, потому что вы были слишкомъ довѣрчивы. Онъ представилъ себѣ пистолетъ ко лбу и вскричалъ: „Я убью себя, если вы не дадите мнѣ средствъ защищать отечество“. Этотъ молодой человѣкъ заставилъ насъ прослезиться. Мы подписали. Что же касается до Барбару, то я подтверждаю клятву, что никогда не говорилъ ему о диктатурѣ! Какіе у него свидѣтели?“ — Я, отвѣчалъ Ребекки.— „Вы другъ Барбару; я васъ отвожу. Что же касается до дѣйствій комитета, то я готовъ ихъ оправдать“. — „По какой причинѣ“, съ негодованіемъ спрашиваетъ его Бриссо, „издали вы декретъ объ арестѣ депутата? Не для того ли, чтобы велѣть его зарѣзать вмѣстѣ съ узниками аббатства?“ — „Мы васъ спасли; а вы на насъ клеветаете“, возражаетъ Пани. „Достаточно перенестись мысленно къ тѣмъ ужаснымъ обстоятельствамъ, въ какихъ мы находились. Мы были окружены гражданами, раздра-

женными вѣроломствомъ двора. Намъ кричали: „вотъ спасается аристократъ; надо его арестовать, или вы сами измѣнники“. Напримѣръ, многіе добрые граждане явились сказать намъ, что Бриссо отправился въ Лондонъ съ письменными доказательствами своихъ замысловъ. Я самъ не вѣрилъ этому обвиненію, но оно подтверждалось превосходными гражданами, которыхъ признавалъ такими самъ Бриссо. Я послалъ къ нему комиссаровъ, уполномоченныхъ братски потребовать отъ него сообщенія тѣхъ бумагъ. Да, мы незаконно спасли отечество!“

23.

Марать, въ свою очередь, требуетъ слова. При этомъ имени, при видѣ Марата, при звукахъ его голоса, поднимается ропотъ отвращенія, и крики: „долой съ трибуны!“ нѣкоторое время не даютъ говорить другу народа. Лакруа требуетъ молчанія даже для Марата. Скорѣе любопытство, чѣмъ чувство правосудія заставляетъ собраніе согласиться.

„У меня въ этомъ собраніи большое число личныхъ враговъ“, говоритъ Марать: начиная рѣчь. — „Всѣ, всѣ!“ восклицаетъ почти весь конвентъ, поднимаясь со скамеекъ. — „У меня въ этомъ собраніи много враговъ“, продолжаетъ Марать: „напоминаю имъ о совѣстливости. Пусть они не удручаютъ воплями и угрозами чловѣка, который посвятилъ себя отечеству и ихъ собственному благу. Пусть съ минуту послушаютъ меня молча. Я не употреблю во зло ихъ терпѣніе. Воздаю благодарность той скрытой рукѣ, которая бросила среди насъ пустой призракъ, съ цѣлью запугать слабые умы, раздѣлить гражданъ, лишить популярности депутацію Парижа и обвинить ее въ стремленіи къ трибунату. Это обвиненіе можетъ имѣть какое-нибудь правдоподобіе только въ приложеніи ко мнѣ. Ну, такъ я объявляю, что мои товарищи, именно Робеспьеръ и Дантонъ, постоянно порицали мысль о трибунатѣ, о триумвиратѣ, о диктатурѣ.“

„Если кто-нибудь виноватъ въ томъ, что бросилъ въ публику такую мысль, то это я! я призываю на себя мщеніе націи; но, прежде чѣмъ бросить на мою голову позоръ или мечъ, выслушайте меня.“

„Среди замысловъ, среди измѣнъ, которыми безпрестанно было окружено отечество, при видѣ свирѣпыхъ заговоровъ измѣнческаго двора, при видѣ тайныхъ происковъ предателей, укрывавшихся въ самой средѣ законодательнаго собранія, поставите ли вы мнѣ въ преступленіе то, что я предложилъ единственное средство, какое считалъ пригоднымъ, чтобы удержать насъ на краю пропасти, всегда открытой? Когда установленныя власти служили уже только къ тому, чтобы заковать свободу, покровительствовать заговорамъ, умерщвлять патріотовъ оружіемъ закона, поставите ли вы мнѣ въ преступленіе то, что я призывалъ на голову измѣнниковъ мстительный топоръ народа? Нѣтъ; если бы вы мнѣ вѣрили это въ преступленіе, народъ васъ опровергъ бы. Ибо, повинаясь моему голосу, онъ понялъ, что предложенное мною средство было единственнымъ средствомъ, чтобы спасти отечество; сдѣлавшись диктаторомъ самъ, народъ сумѣлъ и одинъ раздѣлаться съ измѣнниками. Я самъ трепеталъ необузданныхъ и безпорядочныхъ движеній народа, когда увидѣлъ ихъ продолжитель-

ность, и, чтобы эти движенія не были всегда тщетными и слѣпыми, я требовалъ избранія самимъ народомъ гражданина добраго, умнаго, справедливаго и твердаго, извѣстнаго пламенною любовью къ свободѣ, чтобы направлять народныя дѣйствія и обращать ихъ на служеніе общему благу! Если бы народъ могъ уразумѣть справедливость этой мѣры и принять ее на другой же день послѣ взятія Бастиліи, онъ поразилъ бы, по моему голосу, 500 головъ заговорщиковъ; нынѣ все было бы уже спокойно: измѣнники утѣшились бы; свобода и справедливость установились бы въ странѣ. Поэтому я нѣсколько разъ предлагалъ дать временную власть человѣку умному и сильному, подъ именемъ народного трибуна, диктатора: имя тутъ ничего не значить. Но вотъ доказательство, что я хотѣлъ его привязать къ отечеству: я предлагалъ приковать ядро къ его ногамъ и постановить, чтобы онъ не имѣлъ другой власти, кромѣ власти разить преступныя головы! Таково было мое мнѣніе. Я не стыжусь за него; я соединилъ съ нимъ свое имя. Если вы не доросли до пониманія меня, тѣмъ хуже для васъ! Смуты не кончились. Уже 100,000 патріотовъ были умерщвлены, потому что не были услышанъ мой голосъ; 100,000 другихъ еще будутъ перерѣзаны. Если народъ ослабѣетъ, то анархія не будетъ конца. Меня обвиняютъ въ честолюбивыхъ видахъ? Посмотрите на меня и судите меня“.

Тутъ онъ показалъ указательнымъ пальцемъ на грязный платокъ, которымъ обвязывалъ свою больную голову, и потрясъ неопрятными лохмотьями своего камзола на обнаженной груди.

„Если бы я хотѣлъ“, продолжалъ Маратъ, „назначить цѣну за свое молчаніе; если бы я хотѣлъ получить какое-нибудь мѣсто, я могъ бы быть предметомъ милостей двора. Ну, какова же была моя жизнь? Я добровольно заперъ себя въ подземныя темницы, я осудилъ себя на бѣдность, на всевозможныя опасности! Мечъ 20,000 убійцъ висѣлъ надо мною, а я проповѣдывалъ истину, положивъ голову на плаху!...“

„Я требую отъ васъ теперь только, чтобы вы открыли глаза. Развѣ вы не видите заговора, имѣющаго цѣлью посягать между нами раздоръ и отвлечь собраніе отъ тѣхъ великихъ цѣлей, которыя должны его занимать. Пусть тѣ, которые оживили сегодня призракъ диктатуры, присоединятся ко мнѣ, и вмѣстѣ съ истинными патріотами устремятся къ великимъ мѣрамъ, которыя однѣ только въ состояніи обезпечить счастье народа, для котораго я охотно пожертвовалъ бы всею моею жизнью!“

24.

Безмолвіе оцѣнѣнія сопровождало эту рѣчь. Маратъ, превзошедшій въ этотъ день смѣлостью Дантона и особенно Робеспьера, господствовалъ надъ своими двумя соперниками и изумилъ конвентъ. Одинъ противъ всѣхъ, онъ осмѣлился говорить языкомъ трибуна, который отдастъ себя кинжаламъ собранія патриціевъ, увѣренный, что народъ стоитъ у дверей, готовый его защитить или отомстить за него. Слова Марата сочлись кровью 2-го сентября. Онъ требовалъ національнаго палача, вмѣсто всякихъ учреждений. Преступленіе въ его устахъ обладало такимъ величіемъ, ярость въ душѣ Марата такъ походила на хладнокровіе государственнаго человѣка, что было бы дѣломъ опаснымъ

и трусливымъ предоставить собранію, при самомъ его началѣ, колебаться между ужасомъ и удивленіемъ, и что необходимо было вырвать у него единодушный протестъ противъ этого теоретика рѣзни. Народъ подумалъ бы, что или боялся Марата или имъ восхищаются. Верньо сдержалъ свое отвращеніе и, склонивъ голову, поднялся по ступенькамъ трибуны.

25.

„Если есть какое-нибудь несчастье для народнаго представителя“, сказалъ онъ ослабѣвшимъ голосомъ, „то это, безъ сомнѣнія, быть вынужденнымъ смѣнять на трибунѣ человѣка, противъ котораго состоялись обвинительные декреты, котораго вѣрно было взять подъ стражу и который еще не оправданъ!“ — Я горжусь этимъ! вскричалъ Маратъ.—Развѣ это декреты деспотизма! сказалъ Шабо.—„Не тѣ ли это декреты, которыми его почтили за то, что онъ повергнулъ на зеилу Лафайета?“ спросилъ Талліенъ. Верньо холодно продолжалъ: „Несчастье смѣнять на этой трибунѣ человѣка, противъ котораго изданъ былъ обвинительный декретъ и который поднялъ свою дерзкую голову выше закона! наконецъ, человѣка, который еще сочтется клеветою, желчью и кровью!...“ Поднимается ропотъ противъ выраженій Верньо. Дюко восклицаетъ: „если сдѣлали усиліе, чтобы выслушать Марата, то я требую, чтобы выслушали Верньо“. Трибуны топчутъ ногами и поднимаютъ вопли за Марата; президентъ вынужденъ напомнить зрителямъ объ уваженіи къ народному представительству. Верньо читаетъ циркуляръ коммуны къ департаментамъ, предписывающій повторять убійства въ тюрьмахъ. Онъ напоминаетъ, что коммуна, чрезъ посредство Робеспьера, заявила обвиненіе въ заговорѣ, замышленномъ, по ея словамъ, Дюко, Верньо, Бриссо, Гаде, Ласурсомъ, Кондорсе, съ цѣлью предать Францію герцогу Брауншвейгскому. „Робеспьеръ“, продолжаетъ онъ, „о которомъ до сихъ поръ я говорилъ не иначе, какъ съ уваженіемъ...“ — „Это неправда“, восклицаетъ Сержанъ. — „Такъ какъ я говорю безъ горечи“, продолжаетъ Верньо, „то поздравляю себя съ отрицаніемъ, которое мнѣ докажетъ, что Робеспьеръ также могъ быть оклеветанъ. Но достовѣрно, что въ этихъ писаніяхъ на собраніяхъ призываются кинжалы. Что мнѣ сказать о формальномъ приглашеніи къ рѣзни и убійствамъ, какое тамъ дѣлается?.. Добрый гражданинъ бросаетъ покрывало на эти частные безпорядки. Онъ старается, по мѣрѣ возможности, чтобы исчезли пятна, которыя могли бы помрачить исторію столь достопамятной революціи. Но чтобы люди, уполномоченные своимъ положеніемъ говорить народу о его обязанностяхъ и заставить уважать законъ, проповѣдывали рѣзню и произносили ей панегирики, это такая крайняя степень испорченности, которая можетъ быть понятною только въ эпоху, когда всякая нравственность изгнана съ земли!“

Другъ жирондистовъ, Буало, смѣняетъ Верньо и читаетъ конвенту фразы изъ журнала Марата, призывающія къ рѣзни депутатовъ: „О народъ, не жди болѣе ничего отъ этого собранія! Тебя ждутъ 50 лѣтъ анархіи, и ты изъ нея не выйдешь иначе, какъ только при помощи диктатора, который былъ бы истиннымъ патріотомъ и государственнымъ человѣкомъ“. Противъ Марата разражаются яростные крики. Голоса требуютъ, чтобы онъ былъ отвѣденъ въ аббат-

ство. Марать неустрашимо встрѣчаетъ эту бурю. „Ссылаются противъ меня на декреты“ говоритъ онъ: „народъ уничтожилъ ихъ, приславъ меня сюда. Осужденія, какія приводятся противъ меня, составляютъ мою славу, я ими горжусь. Я ихъ заслужилъ, срывая маски съ измѣнниковъ и заговорщиковъ. Я прожилъ 18 мѣсяцевъ подъ мечомъ Лафайета. Если бы подземелья, въ которыхъ я жилъ, не скрыли меня отъ его ярости, то онъ бы меня уничтожилъ, и самый ревностный защитникъ народа не существовалъ бы болѣе! Строки, которыя читались противъ меня, были написаны 10 дней тому назадъ, когда я приходилъ въ негодованіе при видѣ выбора въ конвентъ партіи Жиронды, которая хочетъ меня подвергнуть гоненію“. Марать самъ прочиталъ страницу изъ своего утренняяго журнала, гдѣ онъ говоритъ съ большею умѣренностью и большимъ приличіемъ. „Видите“, прибавляетъ онъ: „какъ непрочно жизнь самыхъ испытанныхъ патріотовъ? Если бы, по простой небрежности типографщика, мое оправданіе не появилось сегодня утромъ на этихъ страницахъ, вы бы меня предали мечу тирановъ! Развѣ такая ярость достойна людей свободныхъ?... Но я не боюсь ничего подъ солнцемъ!“ При этихъ словахъ, вынувъ спрятанный на груди пистолетъ, Марать прикладываетъ дуло къ своему лбу: „Объявляю“, говоритъ онъ, не прерывая этого жеста, „что если противъ меня будетъ изданъ обвинительный декретъ, я разможу себѣ голову у подножія этой трибуны...“ Потомъ, сообщивъ умиленіе своему голосу и какъ бы подавленный неблагодарностью своихъ враговъ, онъ прибавилъ: „Итакъ, вотъ плоды трехъ лѣтъ заточенія и пытокъ, вынесенныхъ для спасенія отечества! Вотъ плоды моего бодрствованія, моихъ трудовъ, моей бѣдности, моихъ страданій, вынесенныхъ мною преслѣдованій!.. Ну, такъ я останусь среди васъ, чтобъ пренебречь вашею яростью!“

При этихъ словахъ, толпа депутатовъ, между которыми можно различить Камбона, Гупильо, Ребекки, Барбару, приближается къ трибунѣ съ угрожающими жестами: „на гильотину! на гильотину!“ кричать ему со всѣхъ сторонъ яростные голоса. Марать, скрестивъ руки на груди, смотритъ безстрастнымъ взоромъ на залу, которая кипитъ у его ногъ. По его безстрастной экзальтаціи видно, что онъ любитъ эту роль мученика народа, и что трибуна служить для Марата пьедесталомъ, на которомъ онъ желаетъ быть предметомъ созерцанія въ качествѣ жертвы революціи.

Вопли понуждаютъ его оттуда удалиться. Частію состраданіе, частію утомленіе заставляютъ собраніе забыть Марата; оно голосуетъ нераздѣльность республики и расходится. На слѣдующій день Марать торжествовалъ въ своихъ листкахъ надъ слабостью своихъ враговъ: „Предоставляю читателя“, писалъ онъ, „его размышленіямъ относительно злодѣйствъ партіи Гаде—Бриссо. Я жалѣю нѣкоторыхъ изъ ихъ спутниковъ и прощаю имъ: они заблуждаются. Что же касается до вождей: Кондорсе, Бриссо, Ласурса, Верньо, то я считаю ихъ неспособными къ раскаянію и буду ихъ преслѣдовать до смерти; они поклялись, что я погибну 25 числа этого мѣсяца отъ меча тиранніи или отъ кинжала разбойниковъ. Пусть друзья отечества примутъ это предостереженіе. Если я паду подъ ударами убійцъ, то пусть они знаютъ, къ кому должно отнести преступленіе и месть за него!“ Трибуны конвента, наполненные всѣмъ, что

было въ отдѣлахъ самаго необузданнаго, поддерживали Марата взглядомъ и движеніями. Одинъ изъ друзей Бриссо хотѣлъ выйти изъ залы прежде засѣданія; офицеръ стражи не пустилъ его. „Берегитесь показываться въ толпѣ“, сказалъ онъ, „она стоитъ за Марата. Я только-что проходилъ чрезъ нее. Она въ броженіи. Если обвинительный декретъ противъ друга народа состоится, то сегодня вечеромъ слетитъ не мало головъ“.

26.

Такова была первая попытка жирондистовъ: худо подготовленная и худо поддержанная главными ораторами, ограниченная въ самомъ своемъ планѣ, нерѣшительная и неудавшаяся въ результатѣ, она не укрѣпила ихъ власти. Робеспьеръ вышелъ изъ собранія еще болѣе популярнымъ, Дантонъ болѣе сильнымъ, Маратъ болѣе безнаказаннымъ. Сбрасывая всю гнусность анархіи на Марата, жирондисты пытались опозорить анархію; но они только возвеличили Марата. Этотъ человѣкъ хвастался ихъ ненавистью и считалъ себѣ за честь ихъ удары. Онъ дѣлался идоломъ народа, являясь ему мученикомъ. Состраданіе увеличивало собою его популярность. Роль этого человѣка требуетъ обзора.

У Марата не было отечества. Родившись въ деревнѣ Бодри, близъ Нефшателя, отъ безвѣстныхъ родителей, въ космополитической Швейцаріи, сыны которой расходятся по свѣту искать счастья, онъ рано и навсегда покинулъ свои горы. До 40-лѣтняго возраста онъ блуждалъ по Англіи, Шотландіи, Франціи. Толкаемый то туда, то сюда неопредѣленнымъ безпокойствомъ, которое составляетъ первое свойство честолюбцевъ,—преподаватель, ученый, медикъ, философъ, политикъ, Маратъ перебралъ всѣ идеи, всѣ профессіи, которыми можно добыть состояніе и славу. Онъ нашелъ только бѣдность и заслужилъ громкую молву. Вольтеръ не пренебрегъ осмѣяніемъ философіи Марата. Знаменитый профессоръ Шарль уничтожилъ въ прахъ его физику. Раздраженный Маратъ на критику отвѣчалъ оскорбленіями. Онъ имѣлъ дуэль съ Шарлемъ. Уголовное законодательство въпослѣдствіи обратило на себя его размышленія. Этотъ апостолъ рѣзни массами пришелъ къ выводу объ отгнѣи смертной казни. Маратъ не обладалъ ни талантомъ въ выраженіи своихъ идей, ни приличіемъ въ сношеніяхъ съ людьми: общество не открывало для него свои двери. Уязвленная и язвившая другихъ гордость Марата запирала предъ нимъ даже сердца тѣхъ людей, которые были заинтересованы его положеніемъ и трудами. Гонимый нуждою, Маратъ былъ одно время доведенъ до того, что самъ продавалъ на улицахъ Парижа лекарство своего изобрѣтенія. Эти шарлатанскія привычки сообщили тривіальность его языку, неряшливость—костюму, принизили его характеръ; Маратъ научился знать чернь, лстить ей, волновать ее.

Однакожъ, ожесточенная и страдающая впечатлительность Марата заставляла его любить и жалѣть народъ, страдающій и презираемый, какъ самъ онъ. Маратъ сдѣлался родственнымъ народной массѣ по бѣдности и по угнетенію. Мстя за себя самого, онъ поклялся отомстить и за нихъ. Онъ хотѣлъ перевернуть общество, какъ переворачиваютъ землю плугомъ, ставя въ тѣни то, что находится на солнцѣ, и на солнцѣ то, что въ тѣни. Онъ мечталъ не

о революціи, а объ общемъ исправленіи всѣхъ положеній и всѣхъ принциповъ, извращенныхъ соціальнымъ безпорядкомъ и возстановляемыхъ съ насиліемъ, какою бы ни было цѣною, по плану природы. Философія, злоба, правдивость, месть, любовь къ народу, ненависть къ людямъ, честолюбіе и преданность, убійство и мученичество, все перемѣшивалось въ его системѣ. Это была утопія сотрясеній, освѣщаемая сверху свѣтомъ филантропіи, снизу — заревомъ общественнаго пожара.

27.

Эта система таилась въ душѣ Марата цѣлые годы. Революція дала ему просторъ. Марать тогда дошелъ до низкаго и оскорбительнаго для его честолюбія занятія, сдѣлался коноваломъ у графа Артуа. Увлеченный съ первыхъ же дней 89 года пароднымъ движеніемъ, онъ устремился туда, чтобы ускорить движеніе. Марать продалъ даже свою постель, чтобы уплатить типографіи за первые напечатанные листки. Онъ три раза мѣнялъ названіе своего журнала, но никогда не измѣнялъ его духа. Это былъ ревъ народа, излагаемый каждую ночь кровавыми буквами и требующій каждое утро головы измѣнниковъ и заговорщиковъ.

Этотъ голосъ, казалось, выходилъ изъ глубины общества, которое находилось въ состояніи кипѣнія. Никто не зналъ, чей это былъ голосъ. Марать былъ для народа идеальнымъ существомъ; жизнь его прикрывалась таинственностью. Мы видѣли, что даже г-жа Роланъ сомнѣвалась въ немъ и спрашивала у Дантона, дѣйствительно ли существовалъ человекъ, по имени Марать. Эта таинственность, эти подземелья, эти темницы, изъ которыхъ выходили его листки, увеличивали обаяніе сочиненій, имени, жизни Марата. Народъ умилялся опасностями, бѣгствомъ, мрачными убѣжищами, страданіями, рубищемъ того, который, казалось, выносилъ все это за народное дѣло. Марать выходилъ изъ своего убѣжища только для того, чтобы войти въ другое. Когда въ 1790 г. его преслѣдовалъ Лафайетъ, Дантонъ прикрылъ Марата своимъ покровительствомъ и спряталъ его у дѣвицы Флери, „актрисы французскаго театра“. Заподозрѣнный въ этомъ убѣжищѣ, Марать бѣжалъ въ Версаль, къ Бассалю, сельскому священнику прихода Сень-Луи и впослѣдствіи его товарищу въ конвентѣ. Эти братья новой религіи посѣщали другъ друга и помогали одинъ другому. Когда Марать снова былъ обвиненъ декретомъ жирондистовъ, Ласурса и Гаде, во время законодательнаго собранія, мясникъ Лежандръ спряталъ его въ своемъ погребѣ. Потомъ подземелья монастыря кордельеровъ пріютили Марата и его типографскіе станки, до 10 августа. Онъ вышелъ оттуда съ триумфомъ и, подъ покровительствомъ Дантона, вступилъ въ коммуну, чтобы тамъ приготовить сентябрьскую рѣзню. Марать до тѣхъ поръ былъ чуждъ всѣмъ партіямъ, но страшенъ всякому: клубъ якобинцевъ, по требованію Шабо и Ташеро, рекомендовалъ Марата парижскимъ избирателямъ. Страхъ, наводимый именемъ Марата, ходатайствовалъ за него: онъ былъ избранъ.

Онъ жилъ тогда въ маленькой комнатѣ, въ улицѣ, сосѣдней съ Кордельерами, вмѣстѣ съ женщиной, которая привязалась къ Марату за его несчастія.

Эта женщина, еще молодая, блѣдностью и исхудалостью своего лица обнаруживала слѣды бѣдствій, которыя выносила съ нимъ и для него. Это была жена его же типографщика, которую Маратъ соблазнилъ и отнял у мужа. Предавшись изъ-за Марата блуждающей и мрачной жизни, она страдала за безчестіе этого имени. Любовница, сообщница, служанка Марата, она вынесла всѣ виды рабства, чтобы страдать или умереть вмѣстѣ съ нимъ. Маратъ входилъ въ сообщеніе съ внѣшнею жизнью только чрезъ эту женщину и еще чрезъ фактора типографіи, въ которой печатался его журналъ. Лишенный сна и воздуха, никогда не отводя душу въ разговорѣ съ подобными себѣ, работая по 18 часовъ въ сутки, Маратъ дошелъ до того, что его мысли, разгоряченныя умственнымъ напряженіемъ и уединеніемъ, граничили съ галлюцинаціями. Въ древнія времена сказали бы, что онъ одержимъ духомъ истребленія. Бурная и свирѣпая логика Марата кончалась всегда убійствомъ. Всѣ его принципы требовали крови. Его общество могло основаться только на трупахъ и на развалинахъ всего существовавшего. Маратъ, чрезъ эту рѣзню, все-таки преслѣдовалъ свой идеалъ, и единственнымъ преступленіемъ для него было останавливаться предъ преступленіями.

Однакожь, сердце Марата не всегда оставалось настолько загубѣлымъ, чтобы не поколебаться предъ его теоріей; у него бывали проблески добродѣтели и порывы умиленія. Двѣ черты, долгое время неизвѣстныя исторіи, доказываютъ, что человѣкъ иногда пробуждался въ немъ изъ-за безумца. Во время рѣзни въ тюрьмахъ, которую онъ вдохновлялъ и направлялъ, одинъ изъ людей, спасшихъ Казотта, отвелъ отца и дочь въ ихъ жилище, съ боязнью явился къ Марату рассказать ему о такой слабости. Маратъ заплакалъ, слушая этотъ рассказъ: „Ты хорошо сдѣлалъ“, сказалъ онъ удивленному убійцѣ. „Отецъ заслуживалъ жизнь, когда у него такая дочь! Но что касается швейцарцевъ, которыхъ вы пощадилъ, то въ этомъ вы виновны: ихъ надо было перерѣзать до послѣдняго“. Злоба противъ своего перваго отечества, гдѣ Маратъ выносилъ бѣдность и безвѣстность, не могла угаснуть иначе, какъ только въ крови его соотечественниковъ.

28.

За нѣсколько дней до этихъ убійствъ, молодая дѣвушка, красоты и невинности безукоризненныхъ, узнала изъ тюремной молвы, что заключенные должны быть перерѣзаны. Отецъ дѣвушки, служившій въ Тюльери до 10-го августа, былъ запертъ въ аббатствѣ. Матери у нея не было. Безграничная любовь къ отцу заставляла ее ходить отъ дверей къ дверямъ, чтобы вымолить для него жизнь, но ни одна дверь не отворилась. Манюэль, Дантонъ, Пани отказались ее видѣть; каждый часъ, казалось ей, звучалъ набатомъ къ убійству ея отца. Дѣвушка рѣшилась пожертвовать собою, какъ Юдифь,—только не своему городу, а спасенію своего отца. Она рѣшилась принести въ жертву свою добродѣтель. Имя друга народа пришло ей на умъ. Она нашла женщину, которая знала Марата. Дѣвушка поручила этой женщинѣ снести къ нему письмо. Это письмо, въ которомъ она предлагала отдаться ему цѣною жизни своего отца, было вручено другу народа. Посланная

описала ему молодость, прелесть, чистоту той, которая писала письмо. Марать раскрылъ письмо съ двусмысленной улыбкой. „Скажите этому ребенку, чтобы сегодня вечеромъ она была одна, на террасѣ, на берегу. Человѣкъ, который подойдетъ къ ней и, не заговаривая съ ней, возьметъ ее за руку, будетъ Марать; пусть она молча слѣдуетъ за нимъ“. Молодая дѣвушка повиновалась. Марать явился. Онъ увлекъ незнакомку, нѣмую и трепещущую, на край Елисейскихъ полей, вошелъ въ трактиръ, спросилъ отдѣльную комнату и велѣлъ принести легкій ужинъ. Пока его приготавлили, Марать приблизился и взялъ руку молодой дѣвушки, которая не смѣла поднять глаза. Наконецъ, она упала къ его ногамъ, заливаясь слезами. „Я вамъ страшенъ“, сказалъ ей Марать растроганнымъ голосомъ, „я внушаю вамъ отвращеніе, и вы соглашаетесь отдаться мнѣ!“ „Я согласна на все, чтобы только спасти моего отца“, пролепетала жертва. „Ну, встаньте“, сказалъ Марать, успокоивая ее: „этой жертвы мнѣ довольно. Я хотѣлъ видѣть, куда идетъ дочерняя добродѣтель! Я былъ бы подлець, если бы злоупотребилъ такимъ самопожертвованіемъ. Я не хочу осквернять то, чему удивляюсь. Завтра вашъ отецъ будетъ возвращенъ вамъ...“ Онъ снова взялъ молодую дѣвушку за руку и довелъ ее до дверей ея дома.

29.

Наружность Марата была зеркаломъ его души. Его тѣло, маленькое, худощавое, костлявое, казалось воспламененнымъ внутреннимъ огнемъ. Пятна жолчи и крови виднѣлись на его кожѣ. Глаза Марата, хотя выпуклые и полные наглости, казалось, съ трудомъ выносили яркій блескъ дня. Ротъ Марата, широко растворенный какъ-бы для того, чтобы извергать проклятія, обыкновенно сжимался презрительными складками. Марать зналъ, что о немъ составилось въ обществѣ дурное мнѣніе, и, казалось, презиралъ его. Марать держалъ голову высоко, немного склонивъ ее налѣво, какъ-бы въ видѣ вызова. Общій видъ его фигуры, издали и при освѣщеніи сверху, обладалъ блескомъ и силою, лишенными всякаго порядка. Всѣ черты его лица какъ-бы раздвигались въ стороны, подобно и его мысли. Это была фигура, противоположная фигурѣ Робеспьера, замкнутой и сосредоточенной, какъ система: одинъ представлялъ постоянное размышленіе, другой—непрерывный взрывъ. Въ противоположность Робеспьеру, который щеголялъ чистотою и изяществомъ, Марать щеголялъ тривіальностью и неряшествомъ своего костюма. Башмаки безъ пряжекъ,—подшвы, подбитыя гвоздями, панталоны изъ грубой матеріи и запачканные грязью,—короткій камзолъ, какой бываетъ у ремесленниковъ,—рубашка, растегнутая на груди, обнажавшая мускулы шеи,—толстые руки, сжатый кулакъ, салыные волосы, которые онъ безпрестанно ерошилъ пальцами. Марать хотѣлъ, чтобы его особа была живою моделью его социальной системы.

30.

Таковъ былъ человѣкъ, котораго жирондисты искусно избрали для того, чтобы въ его лицѣ опозорить враждебную имъ партію коммуны. Подвергшись нападенію жирондистовъ, покинутый Дантономъ, видя, что и Робеспьеръ отстуетъ отъ него,—Марать ускользнулъ только благодаря энергіи своего положенія

и рѣзкости своего языка. Жирондисты поняли, что нужно возобновить борьбу, докончить побѣду или преклонить голову предъ триумвиратомъ. Это была удобная минута для конвента назначить новыхъ министровъ или сохранить министерство 10-го августа. Роланъ, Дантонъ, Серванъ предлагали свою отставку, если формальное и категорическое приглашеніе останется со стороны новаго собранія, укрѣпивъ ихъ власть, не сообщить имъ новую силу.

Пренія открылись по этому предмету. Бюзо, орудіе Ролана, потребовалъ, чтобы конвентъ освободилъ военнаго министра, Сервана, отъ его обязанностей, выполнять которыя мѣшала ему болѣзнь: „я просилъ бы Дантона остаться на его постѣ, если бы онъ уже три раза не объявлялъ, что хочетъ удалиться. Мы въ правѣ пригласить его, но принуждать мы права не имѣемъ. Что же касается до Ролана, то это странная политика—не хотѣть воздать справедливость, не скажу, великимъ людямъ, но людямъ добродѣтельнымъ, которые заслужили довѣріе. Намъ говорятъ: „у насъ нѣтъ недостатка въ добродѣтельныхъ и способныхъ людяхъ“. Я чужой въ здѣшнемъ краю, полною добродѣтелей и интригъ, я обращаюсь къ своимъ товарищамъ и спрашиваю ихъ: „гдѣ такіе люди“, и, вопреки ропоту, клеветамъ, угрозамъ, съ гордостью говорю, что Роланъ мой другъ; я знаю его за человѣка, преданнаго добру; всѣ департаменты считаютъ его за такого же. Если Роланъ останется, то это будетъ съ его стороны жертвою общественному дѣлу, потому что этимъ онъ отказывается отъ чести засѣдать среди васъ, въ качествѣ депутата. Если онъ не останется, то утратитъ уваженіе людей, преданныхъ добру.

„Нація не знаетъ вашей ненависти; она говоритъ людямъ добра: „продолжайте мнѣ служить и вы всегда будете пользоваться моимъ уваженіемъ“. „Я требую“, сказалъ Филиппо, „чтобы на Дантона распространили приглашеніе остаться въ должности“.—„Я объявляю“, отвѣчаетъ Дантонъ, „что отказываюсь отъ приглашенія, потому что оно, какъ я думаю, не соответствуетъ достоинству конвента“.—„А я“, прибавляетъ Бареръ, „я противлюсь всякому дѣйствію конвента, направленному къ удержанію министровъ. Оно было бы противно величію и свободѣ націи. Вспомните слова Мирабо: „никогда не должно ставить на одни вѣсы человѣка и отечество“. Я воздаю должное добродѣтелямъ и патриотизму Ролана. Но нельзя долгое время быть свободнымъ въ такой странѣ, гдѣ путемъ лести возвышаютъ одного гражданина надъ другими. — „Что касается меня“, прибавилъ Камбонъ, „то я не иначе, какъ съ трепетомъ, слышу рукоплесканія одному какому-нибудь человѣку“. Дантонъ всталъ снова, въ нетерпѣніи по поводу преній, которыя сами по себѣ возвеличивали, только имя Ролана. „Никто“, сказалъ Дантонъ съ притворнымъ уваженіемъ, „больше меня не воздастъ справедливости Ролану. Но если вы ему дѣлаете приглашеніе остаться, то сдѣлайте такое же и его женѣ: вѣдь всѣ знаютъ, что Роланъ не одинъ занимался управленіемъ своимъ министерствомъ. Я же работалъ одинъ въ своемъ дѣлѣ“. При этихъ словахъ на скамьяхъ якобинцевъ раздаются взрывы смѣха, недоброжелательнаго г-жѣ Роланъ; ропотъ большинства подавляетъ его и упрекаетъ Дантона за его неприличный намекъ; Дантонъ раздражается этими упреками. „Если ужъ меня заставляютъ громко высказать мою мысль, то я напому,

Маратъ.

что существовала минута, когда довѣріе было до такой степени подорвано, что министровъ вовсе не оказывалось, и самъ Роланъ намѣревался выйти изъ Парижа“.—„Я знаю это дѣло“, отвѣчаетъ Луве, „это было тогда, когда улицы усѣвались пасквилями, наполненными самой гнусной клеветой (Многочисленные голоса: „это былъ Маратъ!“). Устрашенный за общественное дѣло, уstraшенный за самого Ролана, я отправился къ нему, чтобы указать на опасность. „Если мнѣ угрожаетъ смерть“, сказалъ онъ, „то я долженъ ее выждать; это будетъ послѣднимъ злодѣйствомъ мятежа“. Значить, если Роланъ и могъ нѣсколько потерять довѣріе, то онъ все-таки сохранилъ все свое мужество“. Балазе поддерживаетъ Луве и защищаетъ Ролана. „Вамъ приводили въ примѣръ Аристида. Если афиняне и подвергли ostracismu этого честнаго чловѣка, то они же и загладили свою несправедливость, призвавъ его назадъ. Если Римъ и изгналъ Камилла, то Камиллъ былъ отомщенъ своимъ возвращеніемъ въ отечество. Имена Ролана и Сервана для меня священны“ (Рукоплексканія этому проявленію дружбы). „Какое дѣло отечеству до того“, продолжаетъ Ласурсъ, „есть ли у Ролана умная жена, которая вдохновляетъ его своими совѣтами, или онъ почерпаетъ ихъ въ себѣ самомъ? (Рукоплексканія). Такое мелкое средство недостойно талантовъ Дантона (Новыя и еще болѣе сильныя рукоплексканія). Я не скажу съ Дантономъ, что управляетъ жена Ролана,—это значило бы обвинять самого Ролана въ неспособности. Что же касается недостатка энергіи, то я скажу, что Роланъ мужественно отвѣчалъ на злодѣйскія афиши, въ которыхъ старались очернить добродѣтель честнаго чловѣка. Пересталъ ли онъ поддерживать порядокъ и законность? Пересталъ ли онъ срывать маски съ агитаторовъ? (Рукоплексканія). Должно ли, несмотря на это, пригласить его остаться въ министерствѣ? Нѣтъ! Горе признательнымъ націямъ! Я скажу вмѣстѣ съ Тацитомъ: признательность составляетъ несчастіе націй, потому что она порождаетъ королей“ (Новыя рукоплексканія).

Благодаря этому искусному вмѣшательству друга Ролана, вопросъ, не доходя до разрѣшенія, былъ обойденъ, и жирондистамъ еще выпала честь великодушія. На слѣдующій день Роланъ написалъ Конвенту письмо, прочитанное въ публичномъ засѣданіи,—одно изъ тѣхъ писемъ, которыя, косвеннымъ путемъ, дѣлали его ораторомъ Конвента и, благодаря таланту жены, сообщали Ролану вліяніе на общественное мнѣніе. Эти письма къ установленнымъ властямъ, къ департаментамъ, къ Конвенту, были рѣчами г-жи Роланъ. Она соперничала, такимъ образомъ, съ Верньо, боролась съ Робеспьеромъ, подавляла Марата. Талантъ чувствовался, но былъ неизвѣстенъ поль. Г-жа Роланъ, подъ маскою, участвовала въ сумятицѣ партій.

„Конвентъ“, говорилъ Роланъ въ своемъ письмѣ, „выказалъ мудрость, не желая придавать отдѣльному чловѣку то важное значеніе, какое, повидимому, могло сообщить его имени торжественное приглашеніе остаться въ министерствѣ. Впрочемъ, пренія Конвента я для себя считаю за честь; въ нихъ съ достаточною ясностью проявилось его желаніе. Этого желанія мнѣ достаточно. Оно мнѣ открываетъ дорогу; я смѣло пойду по ней. Я остаюсь въ министерствѣ. Остаюсь потому, что это сопряжено съ опасностями. Я ихъ презираю и

не страшусь ни одной из них съ тѣхъ поръ, какъ дѣло идетъ о спасеніи отечества. Я посвящаю себя дѣлу до смерти. Знаю, какія поднимаются бури: люди пламенные,—быть можетъ, заблуждающіеся,—принимаютъ свои страсти за добродѣтели и, думая, что свободѣ никто не можетъ служить хорошо, кромѣ нихъ самихъ, распространяютъ недовѣріе ко всѣмъ вождямъ, не ими созданнымъ, говорятъ объ измѣнахъ, вызываютъ мятежи, точатъ кинжалы и обдумываютъ гоненія. Эти люди изъ своей смѣлости дѣлаютъ себѣ право, охрану изъ ужаса, который стараются внушать: они могли бы довести до распаденія государство, будь оно до того несчастно, что въ немъ не оказалось бы гражданъ способныхъ на то, чтобы сорвать маски съ такихъ людей и остановить ихъ! Но въ какой же степени виновенъ тотъ человѣкъ, который, стоя по силѣ или по талантамъ высоко надъ этой безсмысленной ордой, все-таки хочетъ обратить ее въ орудіе своихъ честолюбивыхъ замысловъ, который, подъ личиною великодушнаго снисхожденія, то извиняетъ ея преступленія, то старается выставить въ благовидномъ свѣтѣ ея неистовства!.. Таковъ былъ образъ дѣйствія всѣхъ узурпаторовъ, отъ Суллы до Ріензи!.. Предъ вами обличены проекты диктатуры, триумvirата: они существовали... Меня обвиняли въ недостаткѣ мужества: я спрошу, въ комъ было мужество во время плачевныхъ дней, которые слѣдовали за 2-мъ сентября,—въ тѣхъ-ли людяхъ, которые обвиняли убійцъ, или въ тѣхъ, которые имъ покровительствовали?“

Эти прямые намеки на парижскую коммуну, на Дантона, на Робеспьера,—были объявленіемъ войны, въ которомъ раздраженіе оскорбленной женщины одерживало верхъ надъ хладнокровіемъ политическаго дѣятеля. Этимъ г-жа Роланъ оттолкнула Дантона, до тѣхъ поръ еще нерѣшительнаго, въ ряды враговъ партіи жирондистовъ. Дантонъ сдѣлался непримиримымъ. Впрочемъ, сдѣлана была попытка еще разъ поколебать Дантона и свести съ партіей, которая обладала наибольшимъ сходствомъ съ его политическими качествами. Дантонъ выразилъ было готовность. Продолжительная анархія дѣлалась ему отвратительною. Онъ притворно выказывалъ къ Робеспьеру больше уваженія, чѣмъ имѣлъ въ дѣйствительности. Дантонъ громко сознавался въ своемъ отвращеніи къ Марату. Онъ уважалъ Ролана, восхищался его женой. Краснорѣчіе Верньо наполняло Дантона энтузіазмомъ. Его натура была слишкомъ высока, чтобы знать зависть. Союзъ Дантона съ жирондистами былъ бы дѣломъ легкимъ и придалъ бы теоріи Верньо силу исполненія, которой недоставало этому платоническому оратору. Партія Жиронды обладала только головами, Дантонъ былъ бы ея рукою. Онъ уже склонялся къ этимъ людямъ. Онъ любилъ революцію, какъ отпущенникъ, который не хочетъ впасть снова въ рабство.

31.

Дюмуре такъ же мечталъ о примиреніи между Дантономъ и жирондистами. Оно давало Франціи правительство, которому Дюмуре служилъ бы шпагою. Онъ собралъ у себя за столомъ Дантона и главныхъ вождей Жиронды. Говорили о томъ, чтобы подавить непріязненные чувства, не переворачивать болѣе сентябрьской крови, изъ которой вышли бы только испаренія, смертельныя для республики; поставить Робеспьера и Марата въ предѣлы безсильнаго покло-

ненія партій, призвать въ Парижъ внушительную военную силу изъ департаментовъ, запугать якобинцевъ и подчинить коммуны власти закона. Въ Парижѣ, комитеты Конвента, съ преобладаніемъ друзей Ролана и Дантона, на границахъ — Дюмуре, обезпечившій армию за Конвентомъ и ослѣпляющій общественное мнѣніе блескомъ новыхъ побѣдъ, — должны были спасти націю извнѣ и упрочить правительство внутри. Этотъ планъ, развитый Дюмуре и принятый большинствомъ собесѣдниковъ, увлекъ всѣхъ. Петіонъ присоединился къ нему; Сійесъ, Кондорсе, Жансонне, Бриссо признавали его необходимость. Верньо, по натурѣ болѣе политикъ и государственный человекъ, чѣмъ можно было подозрѣвать по безпечности его характера, согласился сомкнуть уста и пожертвовать своимъ негодованіемъ нуждамъ отечества. Нѣсколько разъ въ теченіе вечера союзъ казался уже скрѣпленнымъ.

Но Бюзю, Гаде, Барбару, Дюко, Фонфредъ, Ребекки, республиканскія чувства которыхъ обладали всею чистотою безукоризненной идеи, — не безъ видамаго отвращенія соглашались на уступки, изъ-за которыхъ они должны были безмолвно считать себя солидарными съ сентябрскими убійствами. „Все, кромѣ безнаказанности убійцамъ и ихъ сообщникамъ!“ воскликнулъ Гаде, удаляясь. Дантонъ, раздраженный, но сдерживавшій свой гнѣвъ хладнокровіемъ, пошелъ къ нему и попытался склонить къ болѣе примирительнымъ воззрѣніямъ.

„Раздоръ между нами“, сказалъ онъ, взявъ Гаде за руку, „означаетъ разрываніе республики. Партіи поглотятъ насъ однихъ за другими, если мы не подавимъ ихъ съ первой минуты. Мы умремъ всѣ, и вы первые!“ „Нельзя извинять преступленіе, для того, чтобы добиться прощенія злодѣевъ“, сухо отвѣчалъ Гаде. „Республика незапятнанная или смерть: вотъ борьба, на которую мы идемъ“. Дантонъ печально выпустилъ руку Гаде. „Гаде“, сказалъ онъ ему пророческимъ голосомъ, „вы совсѣмъ не умѣете приносить въ жертву отечеству свою личную вражду. Вы не умѣете прощать. Вы будете жертвою своего упорства. Пусть же каждый изъ насъ пойдетъ туда, куда толкаетъ насъ волна революціи. Соединенные, мы могли бы господствовать надъ нею; надъ разъединенными будетъ господствовать она. Прощайте!“ Совѣщаніе было прервано; Дантона оттолкнули на сторону Робеспьера, и управленіе Конвентомъ было предоставлено случаю.

Несмотря на то, Дантонъ, который предвидѣлъ анархію и страшился Робеспьера, одинъ заключилъ съ Дюмуре оборонительный и наступательный союзъ противъ общихъ враговъ. Побѣдителю при Вальми было достаточно одного взгляда, чтобы осудить жирондистовъ. „Это римляне, сбившіеся съ толку“, сказалъ онъ своему другу, Вестерману. „Республика, какъ они ее понимаютъ, ничто иное, какъ романъ умной женщины. Они упиваются прекрасными словами, а народъ между тѣмъ ушется кровью! Одинъ только есть тутъ настоящій человекъ, это Дантонъ“. Съ этого дня Дюмуре и Дантонъ тайно входили въ соглашеніе по поводу каждой своей мысли. Эти два человека, съ тѣхъ поръ соединенные, имѣли, однакожъ, еще послѣднее свиданіе съ жирондистами у г-жи Роланъ. Казалось, инстинктивное предчувствіе своей будущности предостерегало ихъ объ опасности разрыва и побуждало еще разъ сдѣлать попытку къ сближенію. Г-жа Роланъ прикрывала увлекательностью и

упоеніемъ пропасть, раздѣлявшую обѣ партіи. Верно протянулъ свою великодушную и частую руку раскаявающемуся Дантону. Луве уничтожалъ Робеспьера и Марата своими сарказмами, при горькомъ смѣхѣ своихъ друзей и презрѣніи своего соперника. Дюмуре рассказали о своей войнѣ и обѣщали весною вручить республикѣ Бельгію, если только республика проживетъ до тѣхъ поръ. Казалось, сердца раскрывались. Энтузіазмъ къ отечеству перенесъ на мгновеніе умы собесѣдниковъ въ область, недоступную раздорамъ партій. Но каждый разъ, возвращаясь на почву дѣйствительности, къ вопросамъ дня, встрѣчались съ сентябрскою кровью. Дантонъ искупалъ ее своимъ смущеніемъ. Жирондисты осуждали ее своимъ отверженіемъ. Всѣ собесѣдники избѣгали касаться этого вопроса. Разстались съ сожалѣніемъ, но уже навсегда.

XXXI.

Дипломатія Дюмуре.—Вестерманъ.—„Другъ народа“. — Бриссо дѣлаетъ попытку сопротивленія крайнимъ.—Дуве.—Его личность.—Онъ обвиняетъ Робеспьера.—Онъ позоритъ Марата.—Отвѣтъ Робеспьера.—Бареръ.—Фабръ д'Эглантинъ.—Конфиденціальное письмо Верньо.—Фонфредъ.—Партіи оспариваютъ одна у другой популярность.

1.

Въ это время Дюмуре упивался триумфомъ въ Парижѣ, и всѣ партіи оспаривали другъ у друга честь привлечь къ себѣ спасителя республики. Дюмуре, съ воинственной граціею своей наружности, своего характера, своего ума, ладилъ со всѣми, но не отдавался ни одной изъ нихъ. Каждому изъ вождей партій Дюмуре оставлялъ надежду, что его шлага будетъ на сторонѣ этой партіи. Такимъ образомъ Дюмуре заинтересовалъ всѣ партіи въ своей славѣ и посредствомъ ихъ вліянія въ совѣтахъ обезпечилъ себѣ людей, оружіе, запасы, субсидіи, довѣріе, въ которыхъ нуждался, чтобы приготовить свои завоеванія. Дипломатическое искусство, пріобрѣтенное Дюмуре нѣкогда въ сношеніяхъ съ партіями конфедератовъ въ Польшѣ, дѣлало для него легкимъ управленіе революціонными партіями въ Парижѣ. Талантъ Дюмуре игралъ съ интригами, и нить его честолюбія, вмѣшиваясь во всѣ интриги, не терялась ни въ которой и давала Дюмуре шансы на выгоду при успѣхѣхъ всѣхъ партій. Одинъ только Маратъ преслѣдовалъ его своими угрозами и преждевременными обвиненіями. Чутье Марата обнаруживало ему въ Дюмуре измѣнника прежде самой измѣны.

Дюмуре, съ своей стороны, презиралъ Марата. Но послѣдній пренебрегалъ общественною благосклонностію, окружавшею Дюмуре, и преслѣдовалъ триумфатора по пятамъ, подобно наемнымъ оскорбителямъ, какіе были въ Римѣ. Генералъ велѣлъ обезоружить и наказать республиканскій батальонъ, который перерѣзалъ въ Ретелѣ взятыхъ въ плѣнъ въ сраженіи эмигрантовъ. Нѣкто Паллуай, архитекторъ, былъ въ этомъ батальонѣ подполковникомъ. Паллуай участвовалъ въ неистовствахъ своихъ солдатъ. Смѣщенный Вернонвиллемъ, адъютантомъ и другомъ Дюмуре, Паллуай возвратился въ Парижъ, чтобы принести жалобу.

Это былъ человѣкъ, который бросалъ свое имя повсюду, чтобы только сообщить ему извѣстность. Изъ энтузіазма онъ сдѣлалъ промыселъ; отламывая куски отъ стѣнъ Бастиліи, онъ продавалъ патріотамъ камни этой крѣпости,

какъ останки, какъ добычу, отнятую у деспотизма. Паллуай былъ другомъ Марата. Маратъ взялся за его дѣло. Чрезъ посредство якобинцевъ онъ добился назначенія слѣдственной комиссіи, которую составляли Бентаболль, клубный крикунъ, Монто, кровный аристократъ, который искупалъ свое происхожденіе демагогическимъ изступленіемъ, и самъ Маратъ, чтобы рассмотреть это дѣло, повредить Дюмуре и отомстить за Паллуая.

Когда генераль отказалъ въ пріемѣ Марата и его друзей, они стали преслѣдовать Дюмуре повсюду, даже среди блестящаго праздника, какой давался побѣдителю при Вальми г-жею Симонъ Кандель, которая была другомъ Верньо и жирондистовъ. Внезапно прервавъ праздникъ въ ту минуту, когда музыка, веселье, танцы занимали приглашенныхъ, въ числѣ которыхъ былъ и Дантонъ,—Маратъ подошелъ къ Дюмуре и тономъ судьи запросилъ его, какъ обвиняемаго, о превышеніи власти, въ которомъ его упрекали по отношенію къ испытаннымъ патріотамъ. Дюмуре не удостоилъ Марата отвѣтомъ, но, уронивъ презрительно любопытный взглядъ на личность и на костюмъ Марата, сказалъ ему, съ военною наглостью въ голосѣ и улыбкѣ: „Такъ это вы-то и называетесь Маратомъ; я ничего не имѣю вамъ сказать“. И онъ повернулся къ нему спиною. Маратъ, полный ярости, удалился, среди шопота и насмѣшекъ своихъ враговъ. На слѣдующій день онъ отомстилъ за себя въ журналѣ республики, который онъ тогда редактировалъ.

„Не унижительно-ли для законодателей“, писалъ онъ, „ходить къ прелестницамъ отыскивать генералиссимуса республики и находить его тамъ, окруженнаго достойными адъютантами: одинъ изъ нихъ — Вестерманъ, способный на всѣ преступленія, если ему за нихъ заплатятъ, другой Сенъ-Жоржъ, титулованный забіака при герцогѣ Орлеанскомъ!“ Луве и Горза отвѣчали Марату въ томъ же тонѣ въ жирондистскихъ журналахъ „Часовой“ и „Вѣстникъ департаментовъ“. „Такъ какъ уже доказано, что нація смотритъ на тебя, какъ на ядовитую гадину и какъ на кровожаднаго безумца“, говорилъ ему провиически Горза, „то продолжай возмущать народъ противъ Конвента! Продолжай утверждать, что депутаты нужно побить камнями, а законы составлять подвліяніемъ насилія! Продолжай требовать, чтобы трибуны были приближены къ загородкѣ для того, чтобы твой народъ имѣлъ у себя подъ рукою представителей! Когда депутаты, за исключеніемъ 10 или 12 твоихъ приверженцевъ, будутъ умерщвлены, тогда твой народъ устремится на министровъ, которыхъ не ты поставилъ! Особенно на этого Ролана, который осмѣлился отказать тебѣ въ фондахъ республики, чтобы оплачивать и распредѣлять твои отравы, — на всѣхъ журналистовъ, на всѣхъ умѣренныхъ, которые не рукоплескали убійствамъ 2-го и 3-го сентября! Тогда Парижъ будетъ очищенъ отъ всего, что еще осталось въ немъ нечистаго. Какая радость для тебя, Маратъ, видѣть, какъ кровь будетъ струится по улицамъ! какое прелестное зрѣлище видѣть ихъ покрытыми трупами, оторванными человѣческими членами, трепещущими еще внутренностями! И сколько наслажденія для тебя купаться въ теплой еще крови твоихъ враговъ и окрашивать страницы твоихъ листовъ рассказомъ объ этихъ достославныхъ предпріятіяхъ! Книжаловъ, книжаловъ, другъ мой Маратъ! Но и факеловъ, факеловъ также! Мнѣ кажется, что ты черезчуръ пренебрегъ этимъ послѣднимъ

орудіємъ преступленія; нужно, чтобы кровь была смѣшана съ пепломъ! Потѣш-
ный огонь рѣзни—это пожаръ! Таково было мнѣніе Мазаньелло,
таково же должно быть и твое!“

2.

Въ то время, когда жирондистскіе писатели, при денежной помощи Ролана и вдохновляемые его женой, осмѣивали имя Марата, влача его въ крови его собственныхъ теорій, солдаты Дюмурье, стоявшіе гарнизономъ въ Парижѣ, и особенно кавалерія, приняли сторону своего генерала и преслѣдовали оскорбленіями свирѣпаго демагога вездѣ, гдѣ его находили. Въ Палѣ-Роялѣ Марать заочно былъ повѣшенъ. Толпа марсельцевъ и драгунъ, помѣщенныхъ въ Военной школѣ, отправилась вся въ улицу Кордельеровъ и остановилась предъ окнами друга народа, требуя его головы и головъ парижскихъ депутатовъ, и угрожая поджечь его домъ. Трепещущій Марать опять скрылся въ свое подземелье.

Однажды, когда Марать рѣшился выйти подъ охраною нѣсколькихъ людей изъ народа, разношниковъ его пасквилей, на Новомъ мосту онъ встрѣтилъ Вестермана. Вестерманъ,—человѣкъ вообще неводержанный на руку и озлобленный оскорбленіями, какія Марать каждый день расточалъ ему въ своихъ листкахъ, схватилъ „друга народа“ за руку и отколотилъ плашмя саблею по плечамъ. Народъ, котораго ослѣпляетъ мундиръ и устрашаетъ смѣлость, трусливо допустилъ мученіе своего трибуна. Поступокъ Вестермана ободрилъ сарказмы Луве.

„Народъ“, писалъ на слѣдующій день молодой журналистъ въ кабинетѣ Ролана, „народъ, я расскажу тебѣ басню, хотя и странную, но которая тебѣ осязательно покажетъ безуміе твоего друга Марата. Положимъ, что моя борода обладаетъ даромъ слова, и что она мнѣ говоритъ: „отрѣжь свою правую руку потому, что она защищала твою жизнь. Отрѣжь себѣ лѣвую руку,—вѣдь она подносила тебѣ ко рту хлѣбъ. Отрѣжь себѣ голову за то, что она управляла твоими членами. Отрѣжь ноги за то, что онѣ носили твое тѣло!“ Скажи мнѣ теперь, державный народъ, не лучше ли мнѣ сохранить свои руки, ноги и голову, а отрѣзать только эту бороду, которая подаетъ такіе нелѣпые совѣты? Марать составляетъ веходъ бороды республики! Онъ говоритъ: „убейте генераловъ, которые изгоняютъ непріятеля! Перерѣжьте Конвентъ, который управляетъ страной! Умертвите министровъ, которые двигаютъ правительство! Убейте всѣхъ, кромѣ меня!“ Негодяй знаетъ, что онъ можетъ сдѣлаться великимъ только тогда, когда останется одинъ!“

Марать, съ своей стороны и не безъ правдоподобія, обвинялъ жирондистовъ въ томъ, что они сѣютъ въ Парижѣ смуты, чтобы въ этихъ самыхъ смутахъ найти случай къ реакціи противъ коммуны. Дѣйствительно, отрядъ военноплѣнныхъ эмигрантовъ, среди дня, проходилъ по Парижу съ барабаномъ, подъ конвоемъ только нѣсколькихъ солдатъ, какъ бы вызывая волненіе и месть предмѣстій. Болѣе 20,000 человѣкъ линейнаго войска или департаментскихъ федератовъ собрались, подъ различными предлогами, въ Парижѣ или въ лагерѣ подъ Парижемъ. Патріотическія вербовки продолжались въ городѣ и очистили

столицу болѣе, чѣмъ отъ 10,000 пролетаріевъ, порожденныхъ мятежомъ, которые были отправлены къ границамъ. Коммуна отдала отчетъ не въ пролитой крови, но въ плѣнникахъ и добычѣ, собранныхъ въ ея кладовыхъ съ 10-го августа. Независимо отъ жертвъ этого дня и сверхъ восьми или десяти тысячъ заключенныхъ, которыхъ сентябрскіе убійцы перерѣзали въ тюрьмахъ,—1,500 новыхъ узниковъ, обвиняемыхъ въ контр-революціи, были занесены въ тюремные списки различныхъ парижскихъ тюремъ. Въ этомъ числѣ одна коммуна распорядилась арестовать около 400 человекъ. Департаментскія тюрьмы не вмѣщали болѣе заключенныхъ. Во всѣхъ городахъ старинные монастыри были обращены въ мѣста заточенія.

Парижскій муниципалитетъ былъ обновленъ, и выборы мэра обнаружили огромное большинство партіи порядка въ отдѣлахъ, когда не были запуганы агитаторами, которые надъ ними господствовали. Петіонъ, представитель умѣренной партіи и другъ Ролана, получилъ 14,000 голосовъ; Антонелль, Бильо-Вареннъ, Марать, Робеспьеръ, кандидаты якобинцевъ, получили лишь ничтожное ихъ число. Но Петіонъ въ письмѣ къ своимъ согражданамъ объявилъ, что, призванный въ національный Конвентъ, онъ считаетъ себя обязаннымъ повиноваться націи и не хочетъ соединять въ себѣ двѣ несомѣстимыя должности.

Бриссо, изгнанный якобинцами, напалъ на парижское центральное ихъ общество, въ адресѣ ко всѣмъ французскимъ якобинцамъ. Эпиграфъ его адреса, взятый у Саллюстія, напоминалъ самыя безнадежныя времена Рима: „Кто тѣ, которые хотятъ поработить республику? люди крови и грабежа! Что между добрыми гражданами называется союзомъ, то между преступниками называется крамолой“.—„Интрига“, говорилъ Бриссо, „вычеркнула меня изъ списка парижскихъ якобинцевъ. Я намѣренъ сорвать съ моихъ враговъ маску, я скажу, кто они такіе и что они замышляютъ. Падетъ предразсудокъ относительно главнаго общества якобинцевъ, которымъ распоряжаются нѣсколько злодѣевъ, чтобы владѣть Франціей. Хотите ли знать этихъ разрушителей: перечитайте Марата, послушайте Робеспьера, Колло-д'Эрбуа, Шабо на трибунѣ якобинцевъ: взгляните на пасквили, оскверняющіе стѣны Парижа; пересмотрите списки осужденныхъ наблюдательнымъ комитетомъ коммуны; переберите трупы 2-го сентября; припомните проповѣди апостоловъ рѣзни въ департаментахъ! И меня обвиняютъ, потому что я вѣрю этой партіи! Обвиняйте же Конвентъ, который ихъ судить, — цѣлую Францію, которая ихъ проклинаетъ, — Европу, которая стенаетъ при видѣ оскверненія ими самой высокой изъ революцій! Они называютъ меня крамольникомъ! Я принадлежу къ той партіи, которая хотѣла республики и долгое время состояла только изъ Петіона, Бюзо и меня! Вотъ партія Бриссо, партія Жиронды, національная партія, состоящая изъ людей, которые хотятъ порядка и безопасности отдѣльныхъ лицъ! Вы сами не знаете тѣхъ, на которыхъ клеветеете за принадлежность будто бы къ крамолѣ. Гаде обладаетъ слишкомъ гордымъ духомъ! Верно слишкомъ далеко доводитъ ту безопасность генія, который полагается на свои силы и идетъ одиноко. Дюко слишкомъ духовенъ и слишкомъ честенъ! Жансонне слишкомъ глубоко и самостоятельно мыслить, чтобы подчинить свою мысль постороннему руководству! Они меня обвиняютъ въ оклеветаніи дня 2-го сентября! Скажите скорѣе, что

2-го сентября оклеветало революцію 10-го августа, съ которою вы желали бы его смѣшать. Одинъ изъ этихъ дней самый прекрасный, другой—самый гнусный въ нашихъ лѣтописяхъ! Но истина освѣтитъ этотъ день! Не всѣ приверженцы Суллы умерли на своихъ постеляхъ! И гдѣ были они 10-го августа, наши клеветники? Марать умоляетъ Барбару, чтобы тотъ отвезъ его въ Марсель. Робеспьеръ, боясь быть обвиненнымъ въ сообщничествѣ съ республиканскими заговорщиками, хотѣлъ удалить изъ своего дома комитетъ возстанія, который тамъ собирался у Антуана! Другіе изъ нихъ скрывались въ мѣстахъ, безопасныхъ отъ ядеръ, въ то время какъ боязливая партія Жиронды торжествовала чрезъ нихъ. Эти Мерлены, эти Шабо, гдѣ они были тогда? Колло, который называлъ королей блестящими солнцами славы, гдѣ онъ былъ? У нихъ не хватило только мужества, чтобы 2-го сентября достигнуть трибуната по трупамъ Ролана, Гаде, Верньо и моему! Они меня обвиняютъ въ федерализмѣ! Слушайте: въ то время, когда Робеспьеръ, который не былъ республиканцемъ, защищался отъ подозрѣній въ республиканствѣ въ своей рѣчи 14-го іюля 1791 г.,—тогда я призналъ республику, республику единую, и осмѣивалъ безумную мечту, которая хотѣла сдѣлать изъ Франціи 83 союзныхъ республики. Довершить побѣду, свергнуть тронъ, научить народы завоевывать и удерживать свободу,—вотъ наше дѣло. Европа зорко смотритъ на Конвентъ. Безнаказанность дня 2-го сентября оттолкнула Европу отъ нашихъ принциповъ. Пусть встанетъ, пусть покажется глазамъ Франціи тотъ злодѣй, который можетъ сказать: „Я приказалъ совершить эти убійства; я своей рукой умертвилъ 20, 30 изъ этихъ жертвъ“; пусть онъ встанетъ: и если земля не разверзнется, чтобы поглотить это чудовище,—если Франція его наградить, вмѣсто того, чтобы раздавить, тогда надобно бѣжать на край свѣта и заклинать небо уничтожить даже память о нашей революціи... Ошибаюсь: тогда надобно переселиться въ Марсель. Марсель изгладилъ ужасъ дня 2-го сентября. 53 человѣка, оставленные тамъ народомъ, были судимы народнымъ судомъ. Они были оправданы. Народъ не убивалъ. Онъ самъ исполнилъ приговоръ, открылъ тюрьмы, объялъ несчастныхъ, которые тамъ стонали, и отвелъ ихъ по домамъ. Вотъ истинные республиканцы! Сохранять ли теперь безмолвіе клеветники?“

3.

Бриссо, приведенный къ дню 10-го августа логикою своихъ республиканскихъ принциповъ, выказывалъ, со времени завоеванія республики, силу сопротивленія мятежамъ, равную силѣ внушенія, которое онъ до тѣхъ поръ производилъ на мнѣнія людей свободныхъ. Отъ обвиненія въ честолюбіи, которое ввозилось на него въ теченіе двухъ лѣтъ, онъ очистился въ глазахъ безпристрастныхъ людей. Прозелитизмъ Бриссо не былъ свойственъ честолюбцу: это былъ прозелитизмъ апостола. Онъ не щеголялъ ни вліяніемъ, ни властью. Онъ посвятилъ себя на то, чтобы умѣрить и регулировать побѣду. Философъ столько же, какъ и политическій дѣятель, Бриссо не вѣрилъ въ свободу безъ честности. Онъ хотѣлъ сдѣлать основаніемъ республики нравственность и правосудіе. Чуждый власти, чистый отъ всякой крови, отъ всякой добычи, — столь же бѣдный послѣ трехъ лѣтъ революціи, какъ и въ тотъ день, когда началъ борьбу за ея дѣло, онъ пять лѣтъ жилъ

въ одной комнатѣ, въ четвертомъ этажѣ, почти безъ мебели, среди своихъ книгъ и кроватокъ своихъ дѣтей. Все обнаруживало въ этомъ убѣжищѣ бѣдность, почти нищету. Послѣ дневныхъ бурь и утомительной работы по журналу, Бриссо отправлялся пѣшкомъ къ своимъ маленькимъ дѣтямъ и женѣ, пріютившимся въ хижинѣ въ Сень-Клу. Бриссо кормилъ ихъ своею работою, какъ рабочій мысли. Лишенный того высшаго краснорѣчія, которое зажигается въ огнѣ преній и блеститъ въ жестахъ и звукѣ голоса, Бриссо предоставлялъ трибуну Верньо,

Бриссо самъ себѣ создалъ трибуну въ своемъ журналѣ. Тамъ онъ каждое утро боролся съ Камилломъ, Робеспьеромъ и Маратомъ. Статьи Бриссо были рѣчами. Въ нихъ онъ добровольно предавалъ себя ненависти и кинжаламъ якобинцевъ. Жертва его жизни была принесена. Бриссо жертвовалъ собою для огражденія чистоты республики. Онъ заслуживаетъ прозваніе „государственного человѣка“, которое въ насмѣшку бросали ему враги. Бриссо былъ дѣйствительно государственнымъ человѣкомъ по глубинѣ мысли, по знанію исторіи, по ширинѣ замысла, по энергіи воли; если бы онъ обладалъ даромъ слова Верньо или военнымъ талантомъ Дюмуре, то могъ бы дать республикѣ правительство на другой же день послѣ своего появленія.

Но Бриссо былъ созданъ больше для того, чтобы править идеями, чѣмъ людьми. Одаренный малымъ ростомъ, сухощавый, съ задумчивой и сосредоточенной фигурой, съ блѣдностью и аскетизмомъ, написанными на лицѣ, съ меланхолическою важною въ фізіономіи, Бриссо не могъ разливать вокругъ себя тотъ античный духъ, который горѣлъ въ немъ самомъ. Онъ больше имѣлъ въ Конвентѣ вліянія на другихъ, чѣмъ самъ дѣйствовалъ—онъ вдохновлялъ Конвентъ. Чтобы воспламениться, ему нужны были уединеніе и безмолвіе его кабинета. Мысль Бриссо была подобна огню лампы, который блеститъ только въ стѣнахъ комнаты, но при сильномъ дуновеніи вѣтра колеблется и гаснетъ. Но, возвратившись въ уединеніе, Бриссо снова овладѣвалъ своею неустрашимостью, и Верньо съ Жансонне приходили каждый день заимствовать свой блескъ у таланта Бриссо.

4.

Среди такого раздора между людьми и партіями, Бриссо, Верньо, Кондорсе и ихъ друзья убѣдили Ролана внести въ Конвентъ свой докладъ о состояніи Парижа. Битва была открыто предложена партіямъ. Докладъ прочитали въ засѣданіи 29-го октября. Благосклонно выслушанный большинствомъ, онъ устрасилъ Марата, Робеспьера, самого Дантона, и возвратилъ увѣренность жирондистамъ. Федераты департаментовъ на слѣдующій день явились къ рѣшеткѣ и требовали, чтобы собраніе обуздало парижскихъ агитаторовъ и поставило національное правительство выше узурпаціи нѣсколькихъ злодѣевъ. Потомъ они разошлись на мѣста для публики, громко требуя смерти Марата, Робеспьера и Дантона. Въ засѣданіи 3-го ноября Лежандръ порицалъ эти попытки друзей Жиронды. Бентаболь разсказалъ, что еще наканунѣ 600 драгунъ, проходя по бульвару, съ саблями въ рукахъ, грозили гражданамъ и кричали: „не нужно судить короля, надо голову Робеспьера!“.

Въ клубѣ якобинцевъ Базиръ обвинилъ партію Бриссо въ томъ, что она исключительно занята обезпеченіемъ своего господства. Робеспьеръ младшій

порицалъ Ролана за то, что тотъ велѣлъ напечатать на счетъ государства обвиненіе Луве противъ его брата и потомъ распространять это обвиненіе по департаментамъ. „Граждане“, сказалъ Сент-Жюсть, „я не знаю, какой именно, но ударъ готовится. Въ Парижѣ все въ броженіи. Много войскъ призывается въ Парижъ именно въ то время, когда дѣло идетъ о судѣ надъ королемъ и о гибели Робеспьера. Вліяніе министровъ столь велико, что, какъ только они появляются въ Конвентѣ, тотчасъ ихъ желанія становятся закономъ. Предлагаютъ обвинительные декреты противъ представителей народа. Барбару предлагаетъ судить державный народъ. Каково же то правительство, которое хочетъ насадить дерево свободы на эшафотахъ! Осудимъ предъ націей всѣхъ этихъ измѣнниковъ!“.

5.

Однакожъ Робеспьеръ въ теченіе нѣсколькихъ дней не показывался болѣе ни въ Конвентѣ, ни въ клубѣ якобинцевъ. Униженный превосходствомъ Марата и Дантона въ первой же борьбѣ, какую ему пришлось вести противъ жирондистовъ, онъ въ уединеніи ожидалъ минуты подняться въ уваженіи народа и въ мнѣніи трибунъ; ораторская неудача была для Робеспьера обиднѣе, чѣмъ даже паденіе его могущества. Враги Робеспьера не замедлили доставить ему случай опять выказаться въ томъ свѣтѣ, въ какомъ онъ любилъ показываться народу.

„Требую слова для обвиненія Робеспьера“, внезапно вскричалъ смѣлый Луве.—„А я снова являюсь, чтобъ обвинять“, сказалъ Барбару. По нетерпѣнію обоихъ было видно, что обвиненіе ихъ было готово и что они ожидали только удобнаго случая. „Выслушайте моихъ обвинителей“, холодно отвѣчалъ Робеспьеръ. Луве и Барбару уже оспаривали другъ у друга трибуну, когда Дантонъ бросился туда, чтобы еще въ послѣдній разъ явиться посредникомъ.

„Пора уже намъ узнать“, сказалъ Дантонъ, „узнать, чьи мы товарищи; уже время, чтобы наши товарищи знали, что они должны думать о насъ. Въ собраніи существуютъ зародыши взаимнаго недовѣрія. Надо, чтобы оно прекратилось. Если между нами есть преступникъ, то нужно, чтобы вы показали надъ нимъ примѣръ правосудія! Объявляю Конвенту, цѣлой націи, что я вовсе не люблю личности Марата. Я узналъ на опытѣ его характеръ. Онъ не только рѣзокъ и вспыльчивъ, но и необщителенъ. Послѣ такого мнѣнія, да будетъ позволено мнѣ сказать, что я такъ же стою внѣ партій и внѣ всякихъ заговоровъ. Если кто-нибудь можетъ мнѣ доказать, что я принадлежу къ крамолѣ, то пусть онъ немедленно этимъ поразить меня. Если же, напротивъ, справедливо, что моя мысль принадлежитъ мнѣ, что я твердо рѣшился скорѣе умереть, чѣмъ сдѣлаться причиною раздоровъ въ республикѣ,—то пусть мнѣ позволятъ высказать вполнѣ мою мысль о нашемъ настоящемъ положеніи.“

„Безъ сомнѣнія, прекрасно, что чувство человѣколюбія побуждаетъ министра внутреннихъ дѣлъ скорбѣть о бѣдствіяхъ, неразлучныхъ съ великой революціей. Но былъ ли когда-нибудь низвергнутъ тронъ такъ, что его обломками не было ранено нѣсколько гражданъ? Совершалась ли когда-нибудь законченная революція такъ, что это громадное низверженіе существую-

шаго порядка вещей не было кому-нибудь пагубно? Должно ли поэтому вѣнчать въ вину городу Парижу несчастія, которыя,—я этого не отрицаю,—служили, быть можетъ, орудіемъ личной мести, но которыя, гораздо вѣроятнѣе, были слѣдствіемъ того общаго сотрясенія, той національной лихорадки, чудаеса которой изумять потомство? Министръ Роланъ поддался непріязненному чувству, которое я, безъ сомнѣнія, уважаю; но его страстная любовь къ порядку и законамъ заставила его видѣть подъ окраской мятежа и заговора противъ государства то, что составляетъ лишь собраніе мелкихъ и жалкихъ интригъ, цѣль которыхъ оправдываетъ средства. Проникнитесь тою истиною, что въ республикѣ не можетъ существовать крамола. И гдѣ же тѣ люди, которыхъ выставляютъ заговорщиками, претендентами на диктатуру и на триумвиратъ? Пусть назовутъ ихъ! Объявляю, что всѣ тѣ, которые говорятъ о заговорѣ Робеспьера, въ моихъ глазахъ, или люди предубѣжденные или дурные граждане!“

6.

Первыя слова Дантона были приняты съ тою благосклонностью, которую откровенность его осанки и мужественная энергія его слова невольно внушали окружающимъ оратора. Отрекаясь отъ Марата, онъ давалъ залогъ примиренія съ жирондистами. Но послѣднія слова Дантона замерли среди ропота. Онъ прикрывалъ Робеспьера, котораго хотѣли поразить. Бюзо презрительно требовалъ, чтобы Робеспьеръ обратился къ суду, если считалъ себя оклеветаннымъ словами Ролана. Робеспьеръ прервалъ его и устремился на трибуну. „Я требую“, вскричалъ Ребекки, „чтобъ никакое лицо не пользовалось здѣсь деспотизмомъ слова, какимъ пользуется въ другомъ мѣстѣ!“ Робеспьеръ тѣшечно настаивалъ. На трибунѣ появился молодой человѣкъ, отъ 28 до 29 лѣтъ, маленькаго роста, съ женственными формами, нѣжными чертами лица, блѣлыми волосами, голубыми глазами, блѣднымъ лицомъ, съ задумчивымъ, меланхолическимъ, печальнымъ выраженіемъ, которое, однакожъ, не было похоже на уныніе, а напоминало о сосредоточеніи мыслей, какое предшествуетъ сильнымъ рѣшеніямъ. Въ лѣвой рукѣ онъ сжималъ свертокъ бумаги. Правая рука, опираясь на мраморъ, казалась готовою къ бою. Увѣренный взглядъ обводилъ скамьи Горы. Ораторъ ожидалъ молчанія. Этотъ молодой человѣкъ былъ Луве.

7.

Луве принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, вся политическая карьера которыхъ состоитъ изъ одного дня, но этотъ день доставляетъ имъ извѣстность въ потомствѣ, потому что соединить съ ихъ именемъ воспоминаніе о высокомъ талантѣ и о высокой отвагѣ. Ораторъ и герой иногда сливаются въ одномъ поступкѣ и въ одно мгновеніе. Луве родился въ Парижѣ, въ одномъ изъ буржуазныхъ семействъ, поставленныхъ на границѣ между аристократіею и народомъ, любящихъ порядокъ, какъ вообще люди съ упроченнымъ положеніемъ,—презирающихъ социальное неравенство, какъ и вообще то, что поднимается, ненавидитъ стоящее выше него. Презирая промыселъ своего отца, молодой человѣкъ искалъ достойнаго себѣ поприща въ литературѣ. Онъ написалъ книгу, въ то время извѣстную, „Фоблазъ“, руководство къ изящному разврату. Эта книга, скопиро-

ванная съ развратнаго общества того времени, было идеаломъ на-выворотъ общества, которое издѣвается само надъ собою и восхищается собою только въ своихъ порокахъ.

Эта скандальная книга доставила Лувѣ извѣстность. Въ этомъ произведеніи принималъ участіе одинъ только его умъ. Сердце Лувѣ хранило зародышъ добродѣтели, питая вѣрную и страстную любовь. Почти отрокомъ онъ любилъ и былъ любимъ съ одинаковою страстью. Это взаимное влеченіе двухъ сердець встрѣтило помѣху въ обѣихъ семьяхъ. Женщина, которую Лувѣ любилъ, была отдана другому. Влюбленные перестали видѣться, но не перестали обожать другъ друга.

Лодонска,—таково было имя, которое онъ ей далъ,—возвративъ себѣ свободу, соединилась со своимъ возлюбленнымъ. Къ литературѣ, къ свободѣ, къ славѣ она питала такой же энтузіазмъ, какъ и самъ Лувѣ. Она помогала ему въ работахъ. Они вдвоемъ имѣли какъ бы одну душу и одинъ умъ; любовь была для нихъ не только счастьемъ, но и вдохновеніемъ. Они жили въ маленькомъ уединеніи на опушкѣ большихъ королевскихъ лѣсовъ, окружающихъ Парижъ. Лодонска была та же г-жа Роланъ, только болѣе нѣжная и болѣе счастливая. Воображеніе занимало меньше мѣста въ ея жизни, чѣмъ чувство. Она любила въ революціи прежде всего судьбу и извѣстность Лувѣ. Любовь замѣняла все въ убѣжденіяхъ этой женщины. Влюбленные наслаждались въ книгахъ философій и республиканскими стремленіями, прежде чѣмъ пробить часъ приложить все это къ дѣлу. Какъ только печать сдѣлалась свободна и залъ „друзей конституціи“ открылся, Лувѣ, покидая каждый день свое убѣжище, куда возвращался по вечерамъ, замѣшался въ движеніе партій. Свое соблазнительное перо, которое написало „Приключенія Фоблаза“, онъ замѣнилъ перомъ публициста и трибуну якобинцевъ. Мирабо, самъ такой же распушенный, полюбилъ и ободрялъ молодого человѣка. Робеспьеръ, не понимавшій свободы безъ хорошей нравственности, съ негодованіемъ видѣлъ, какъ этотъ будуарный писатель говоритъ о добродѣтели, послѣ того какъ проповѣдывалъ порокъ. Онъ хотѣлъ, чтобы изъ республики была изгнана вся эта молодежь, усвоившая себѣ только дурныя стороны литературы и атеизма. Уже со времени учредительнаго собранія Аррасскій депутатъ домогался исключенія Лувѣ изъ клуба якобинцевъ.

При законодательномъ собраніи Лувѣ присоединился къ партіи Бриссо противъ Робеспьера. Лантена, другъ и единомысленикъ г-жи Роланъ, ввелъ его въ близкій кружокъ этой женщины. „О Роланъ, Роланъ!“ восклицалъ онъ потомъ, „сколько добродѣтели они убили въ тебѣ! сколько добродѣтелей, граціи, таланта они принесли въ жертву твоей женѣ, которая болѣе великій человѣкъ, чѣмъ ты!“ Эти слова Лувѣ доказываютъ впечатлѣніе, произведенное на него г-жею Роланъ. Г-жа Роланъ не съ меньшею граціей описываетъ привязанность, которая влекла ее къ Лувѣ. „Лувѣ“, говоритъ она, „очень могъ бы иногда, какъ Филопэмень, платить дань своей вѣнѣ. Маленькій, худощавый, близорукій, небрежный въ костюмѣ, онъ не представляетъ въ себѣ ничего для черни, которая не замѣтитъ у него съ перваго взгляда благородства осанки, огня, горящаго въ глазахъ, и впечатлительности въ лицѣ подъ вліяніемъ

какой-нибудь великой истины или прекрасного чувства. Невозможно соединить болѣе ума съ большею простотою и увлеченіемъ. Отважный, какъ левъ, — кроткій, какъ дитя, онъ можетъ на трибунѣ заставить трепетать Катилину, можетъ держать въ своихъ рукахъ рѣзецъ исторіи или изливать нѣжность своего сердца на жизнь любимой женщины“.

Крѣпкая, неразрывная дружба связала вскорѣ обоихъ этихъ людей. Луве открылъ г-жѣ Роланъ тайну своей любви и познакомилъ ее съ Лодонской. Эти двѣ женщины поняли другъ друга, благодаря политикѣ и любви. Онѣ видались мало и боязливо. Любовница Луве скрывала свою жизнь въ тѣни. Цѣломудренная и уважаемая супруга министра не могла открыто признать свои близкія отношенія къ женщинѣ, которую съ Луве соединяла одна только любовь.

8.

Луве писалъ для Ролана жирондистскій журналъ „Часовой“, гдѣ самый пламенный республиканизмъ соединялся съ поклоненіемъ порядку и человѣчности. 10-го августа Луве спасалъ жертвы. 2-го сентября онъ клеймилъ палачей. Избранный въ Конвентъ, Луве покинулъ свое уединеніе. Онъ занималъ теперь скромное помѣщеніе въ улицѣ Сентъ-Оноре, близъ залы клуба якобинцевъ. Связанный убѣжденіями и дружбою съ мнѣніями Жиронды, онъ образовалъ, — вмѣстѣ съ Барбару, Бюзю, Ребекки, Саллемъ, Ласурсомъ, Дюко, Фонфредомъ, Рабо де-Сентъ-Этьенемъ, Лантена и нѣкоторыми другими, авангардъ партіи молодежи департаментовъ, нетерпѣливо желавшей очистить республику. Верньо, Петіонъ, Кондорсе, Сийесъ, Бриссо тщетно старались сдерживать этихъ молодыхъ людей. Въ нихъ горѣлъ духъ г-жи Роланъ. Завлечь свою партію, вопреки ея волѣ, въ рѣшительную борьбу, составляло всю ихъ тактику. Медлительность казалась имъ дѣломъ столько же неразумнымъ, какъ и трусливымъ. Луве вызвался нанести первый ударъ. Рѣчь, которую онъ носилъ при себѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней, была условлена сообща, на совѣщаніи у г-жи Роланъ. Последняя воспламенила чувство, заострила слово: „Луве былъ только голосомъ. Эта рѣчь была не столько рѣчью одного человѣка, сколько взрывомъ ненависти цѣлой партіи.

9.

Робеспьеръ, видя Луве, выказалъ презрѣніе и внутренне торжествовалъ, видя, что ни одинъ изъ ораторовъ, уже извѣстныхъ, не хотѣлъ взять на себя обвинительнаго акта противъ него. Эта осторожность Верньо, Жансонне и Гаде выражалась въ самомъ ихъ видѣ и внушала Робеспьеру увѣренность. Луве пренебрегалъ даже недовольствомъ своей собственной партіи. Онъ чувствовалъ за собою руку г-жи Роланъ, которая побуждала его къ борьбѣ. Когда молчаніе возобновилось, онъ началъ говорить:

„Великій заговоръ грозилъ разразиться надъ Франціей и слишкомъ долго тяготѣлъ надъ городомъ Парижемъ. Вы, наконецъ, прибыли. Законодательное собраніе не было признаваемо; его унижали, понирали ногами. Нынѣ хотѣтъ унижить національный Конвентъ, открыто проповѣдую возстаніе противъ него. Пора узнать, существуетъ-ли въ этомъ собраніи крамольная партія изъ семи

или восьми членовъ, или же партію составляютъ сами 730 членовъ собранія. Надобно, чтобы изъ этой наглой борьбы вы вышли или побѣдителями или униженными. Чтобы отдать отчетъ Франціи въ причинахъ, которыя заставляютъ васъ удерживать въ своей средѣ человѣка, къ которому общественное мнѣніе относится къ отвращеніемъ, надобно, чтобы вы или признали его невинность торжественнымъ декретомъ, или избавили насъ отъ его присутствія; нужно, чтобы вы приняли мѣры противъ разрушительной коммуны, которая продолжаетъ пользоваться произвольно захваченною властью. Напрасно стали бы вы расточать частныя мѣры, если не поразите зло въ лицѣ людей, которые его виновники. Я обнаружу ихъ заговоръ. Свидѣтелемъ мнѣ будетъ весь Парижъ. Я могъ бы, прежде всего, выразить изумленіе по поводу того, что Дантонъ, на котораго никто не нападалъ, устремился сюда съ объявленіемъ, что онъ не боится нападенія и отрекается отъ Марата; послѣдній былъ орудіемъ и сообщникомъ въ томъ великомъ заговорѣ, который я обнаруживаю“ (Ропотъ). Дантонъ: „Я требую, чтобы Луве было разрѣшено затронуть зло и вложить палецъ въ рану“. Луве продолжаетъ: „Да, Дантонъ, я его затрону; но не кричи же раньше времени“.

„Въ теченіе послѣдняго января въ клубъ якобинцевъ глубокомысленныя и блестящія разсужденія, которыя дѣлали намъ честь въ глазахъ Европы, замѣнились тѣми постыдными преніями, которыя едва насъ не погубили и начали уже взводить клевету на законодательное собраніе. Появился человѣкъ, который хотѣлъ всегда говорить, говорить непрерывно, говорить исключительно, не для того, чтобы просвѣтить якобинцевъ, но чтобы посягать между ними раздоръ, и особенно для того, чтобы его слушали нѣсколько сотенъ зрителей, рукоплесканія которыхъ желалось получить какою бы ни было цѣною. Довѣренныя лица этого человѣка смѣняли одинъ другого, выставляя такого-то и такого-то члена собранія на жертву подозрѣніямъ, порицаніямъ легковѣрныхъ зрителей, и рекомендуя имъ поклоненіе человѣку, которому они расточали самую пышную похвалу, если только онъ самъ себѣ ее не дѣлалъ. Тогда-то подручныя интриганы объявили, что Робеспьеръ единственный добродѣтельный человѣкъ во Франціи и что спасеніе отечества должно вѣрить только этому человѣку, расточавшему самую низкую лесть нѣсколькимъ сотнямъ фанатиковъ-гражданъ, которыхъ онъ называлъ народомъ. Это тактика всѣхъ узурпаторовъ, отъ Цезаря до Кромвеля, отъ Суллы до Мазаниелло. Но мы, вѣрные равенству, мы предупредили его, рѣшившись не допускать, чтобы отечество замѣняли идолопоклонствомъ одному человѣку. Два дня спустя послѣ 10-го августа я засѣдалъ во временномъ генеральномъ совѣтѣ; входитъ человѣкъ, которому предшествуетъ большое движеніе: это былъ онъ же, это былъ Робеспьеръ. Онъ садится среди насъ; нѣтъ, ошибаюсь, онъ садится на первомъ мѣстѣ бюро. Изумленный, я спрашиваю себя, такъ-ли это; я не вѣрю своимъ глазамъ. Какъ! Робеспьеръ, неподкупный Робеспьеръ, который въ дни опасности покинулъ тотъ постъ, на который поставили его граждане,—который послѣ того двадцать разъ торжественно обязывался не принимать никакой публичной должности, Робеспьеръ вдругъ садится въ генеральномъ совѣтѣ коммуны! Съ тѣхъ поръ я понялъ, что этому совѣту было суждено господствовать!

„Робеспьеръ, какъ вы знаете, приписываетъ себѣ честь событія 10-го августа. Революція 10-го августа—дѣло всѣхъ. Она принадлежитъ предмѣстямъ, которые поднялись въ полномъ составѣ,—храбрымъ федератамъ, мужественнымъ депутатамъ, которые, подъ гуломъ артиллерійскихъ залповъ, голосовали декретъ объ отрѣшеніи Людовика XVI. Она принадлежитъ великодушнымъ воинамъ Вреста и неустрашимымъ сынамъ гордой Марсели. Но революція 2-го сентября... варвары-заговорщики! она ваша, она исключительно ваша (Движеніе ужаса).

„Они сами ею хвалятся, они сами съ свирѣпымъ презрѣніемъ называютъ насъ только патріотами 10-го августа, сохраняя для себя титулъ патріотовъ 2-го сентября. О, пусть остается это различіе, достойное, дѣйствительно, того рода храбрости, какая имъ свойственна! Пусть оно остается и для нашего постоянного оправданія и для ихъ вѣчнаго позора. Парижскій народъ сражаться умѣетъ, но не умѣетъ убивать. Онъ былъ весь въ Тюльери, въ великій день 10-го августа, но неправда, будто бы его видѣли въ тюрьмахъ въ ужасный день 2-го сентября. Сколько было убійцъ въ тюрьмахъ? Менѣе 200. Сколько зрителей, пришедшихъ извнѣ? Менѣе, чѣмъ вдовое. Спросите Петіона, онъ вамъ подтвердитъ это самъ. Почему же имъ не помѣшали? Потому, что Роланъ говорилъ тщетно!.. Потому, что министръ юстиціи, Дантонъ, вовсе не говорилъ!.. Потому, что Сантерръ, начальникъ отдѣловъ, медлилъ!.. Потому, что муниципальные офицеры въ шарфахъ руководили этими убійствами!.. Потому, что законодательное собраніе было подавлено, и наглый демагогъ являлся къ его рѣшеткѣ для подписанія декретовъ коммуны и грозилъ собранію, что велитъ ударить въ набатъ, если оно не будетъ повиноваться!“

Бильо-Вареннъ встаетъ и пытается протестовать. Общій трепетъ негодованія противъ него охватываетъ все собраніе. Большое число членовъ указываютъ пальцами на Робеспьера. Камбонъ особенно выдается своею гнѣвною позой. Онъ протягиваетъ руку къ Горѣ и кричитъ: „Презрѣнные! вотъ смертный приговоръ диктатору!“—„Робеспьера къ рѣшеткѣ! осужденіе Робеспьеру!“ раздаются со всѣхъ сторонъ раздраженные голоса. Президентъ успокаиваетъ этотъ шумъ. Луве продолжаетъ. Онъ обвиняетъ Робеспьера во всѣхъ преступленіяхъ коммуны, потомъ, смотря на Дантона, говоритъ: „Тогда-то были развѣшаны пасквили, гдѣ называли измѣнниками всѣхъ министровъ, исключая одного, всегда одного и того же; хорошо, если бы ты, Дантонъ, могъ оправдаться въ этомъ изыятіи предъ потомствомъ! Тогда же увидали съ ужасомъ появленіе на дневной свѣтъ человѣка, до сихъ поръ единственнаго въ лѣтописяхъ преступленій (Взоры всѣхъ обращаются на Марата). Не думайте насъ подкупить, отрекаясь теперь отъ этого погибшаго героя убійства! Какъ онъ вышелъ бы изъ своего склепа, если бы вы его оттуда не извлекли? Какъ вы бы его вознаградили, если бы онъ вамъ не служилъ? Какимъ образомъ вы провели бы его, подъ вашимъ покровительствомъ, въ это избирательное собраніе, гдѣ вы позволили оскорбить меня за то, что я имѣлъ мужество попросить слова противъ Марата? Боже! я его назвалъ! (Движеніе ужаса!). Да, тѣлохранители Робеспьера, — люди, вооруженные саблями и палками, сопровождавшіе его

повсюду, оскорбили меня при выходѣ изъ избирательнаго собранія и объявили, что вскорѣ заставятъ меня заплатить за дерзкую борьбу съ человѣкомъ, которому покровительствовалъ Робеспьеръ! А какимъ путемъ шли заговорщики, по общему соглашенію, къ задуманному выполненію своего плана господства? Путемъ ужаса. Имъ нужно было еще убійствъ, чтобы ужасъ былъ совершеннымъ и чтобы устранить великодушныхъ гражданъ, болѣе привязанныхъ къ свободѣ, чѣмъ къ жизни. Передавали изъ рукъ въ руки списки гонимыхъ, угодливо подписанные случайно попавшимися Монтаньярами. Они жаждали крови, а въ ожиданіи ея дѣлили между собою останки жертвъ. Въ теченіе 48 часовъ тревога была общая. Это могутъ подтвердить 30,000 семействъ. Когда я видѣлъ столько пагубныхъ для свободы жестокостей, то спрашивалъ себя, не была ли сномъ побѣда 10-го августа, а Брауншвейгъ и его анти-революціонныя колонны не находились ли уже въ нашихъ стѣнахъ? Нѣтъ, то были коварные заговорщики, которые хотѣли скрѣпить кровью свою рождающуюся власть. Этимъ варварамъ нужно было, говорили они, еще 28,000 головъ! Я вспоминаю о Сулль, который началъ съ убійства нѣсколькихъ безоружныхъ людей, но вскорѣ велѣлъ пронести передъ трибуною, среди рѣчей, и по форуму головы самыхъ доблестныхъ гражданъ! Такъ подвигались эти злодѣи къ своей цѣли, по дорогѣ къ верховной власти, но на ней ихъ ожидало нѣсколько рѣшительныхъ человѣкъ, которые,—мы въ томъ покланялись Брутомъ,—не дали бы продлиться диктатурѣ болѣе одного дня!.. (Единодушныя рукоплесканія). Кто ихъ остановилъ, однакожъ? Это были нѣкоторые неустрашимые патріоты. Кто съ ними боролся? Это былъ Цегіонъ; это былъ Роланъ, который для обвиненія ихъ передъ Франціей потратилъ больше мужества, чѣмъ ему нужно было для обвиненія клятвопреступнаго короля... Робеспьеръ! я тебя обвиняю въ непрерывной клеветѣ на самыхъ чистыхъ патріотовъ! я обвиняю тебя въ распространеніи этимъ клеветѣ въ продолженіе первой недѣли сентября, то есть, въ такіе дни, когда клевета была равна ударамъ кинжала! Я тебя обвиняю въ томъ, что ты, сколько отъ тебя зависѣло, унижалъ и преслѣдовалъ представителей націи, ихъ личность, ихъ авторитетъ! Я тебя обвиняю въ томъ, что ты постоянно дѣлалъ себя предметомъ поклоненія, допускалъ, чтобы въ твоемъ присутствіи тебя называли единственнымъ добродѣтельнымъ человѣкомъ во Франціи, который можетъ спасти народъ, и даже самъ это говорилъ! Я тебя обвиняю въ томъ, что ты видимо стремился къ верховной власти!“

10.

Всѣ взгляды, всѣ жесты направляются на Робеспьера, какъ нѣмые свѣдѣтели обвиненій, произнесенныхъ противъ него ораторомъ. Робеспьеръ блѣдный, взволнованный,—съ лицомъ, искаженнымъ отъ гнѣва, видитъ себя оставленнымъ товарищами и чувствуетъ кругомъ тяготивніе порицаній огромнаго собранія. Но на его лицѣ видна и тайная радость,—быть подсудимымъ, достойнымъ обвиненія въ диктатурѣ, которое, въ какихъ бы выраженіяхъ ни было произнесено, составляетъ все-таки доказательство могущества человѣка и именно указаніе его вниманію народа. Луве прерываетъ на минуту свою

рѣчь, какъ бы желая, чтобы она всю тяжестью легла на обвиненнаго и на мысль судей. Потомъ онъ продолжаетъ, оборачиваясь въ сторону Марата съ выраженіемъ презрѣнія: „Но среди васъ есть еще другой человекъ, имя котораго не осквернитъ болѣе моего языка,—человѣкъ, котораго я не имѣю нужды обвинять, потому что онъ самъ обвинилъ себя и не побоялся сказать вамъ, что, по его мнѣнію, нужно снести еще 260,000 головъ!.. и такой человекъ еще среди васъ? Франція краснѣетъ отъ этого. Европа изумляется вашей продолжительной слабости. Я требую, чтобы вы издали противъ Марата обвинительный декретъ“.

11.

Лувэ сошелъ съ трибуны при громѣ рукоплесканій. Одни рукоплескали его краснорѣчію, другіе—его отвѣтъ, тѣ—изъ ненависти къ Робеспьеру, эти—изъ отвращенія къ Марату. Казалось, настроеніе оратора перешло въ собраніе. Сами трибуны, обыкновенно преданныя коммуны и покорныя каждому движенію Робеспьера, были встревожены звукомъ этого голоса и—казалось—видѣли въ конвентѣ цѣлую Францію, которая возстала противъ тиранніи Парижа и вырываетъ окровавленную власть изъ рукъ властелиновъ коммуны. Робеспьеръ, наученный по первой неудачѣ, какъ неудовлетворительно бываетъ импровизованное слово противъ обвиненія, подготовленного и заостренного заранее, попросилъ себѣ нѣсколько дней для приготовленія своей защиты. Собраніе даровало эту отсрочку съ снисходительностью, очень похожую на презрѣніе.

На слѣдующій день, Барбару опредѣлили точнѣе и сдѣлать еще полностью обвиненіе противъ Робеспьера въ заговорѣ.

Якобинцы и городскіе отдѣлы трепетали за своего идола. Народъ, послѣ этихъ рѣчей, толпился каждый вечеръ вокругъ дома Робеспьера. Въ предмѣстьяхъ распространился слухъ, что онъ умерщвленъ. Со времени обвиненія Лувэ, Робеспьера не видно было ни у якобинцевъ, ни въ конвентѣ. Онъ долженъ былъ отвѣчать въ понедѣльникъ 5-го ноября. Трибуны конвента, осажденныя съ разсвѣта толпами людей обѣихъ партій, раздѣлились на два лагеря, которые предваряли борьбу слова тѣлодвиженіями и угрозами. Наконецъ, Робеспьеръ былъ вызванъ президентомъ на трибуну. Онъ вошелъ туда блѣднѣе, чѣмъ когда-либо. Въ ожиданіи, пока установится молчаніе, его пальцы судорожно стучали по столу трибуны, какъ бываетъ у музыканта, который разсѣянно пробуетъ клавиши фортепьяно. Ни одинъ одобрителный жестъ, ни одна сочувственная улыбка не поддерживала Робеспьера въ собраніи. Всѣ взгляды были ему враждебны, губы презрительно сжаты, всѣ сердца замкнуты. Онъ началъ тонкимъ и рѣзкимъ голосомъ, въ которомъ слышался трепетъ гнѣва, заглушаемый приличіемъ хладнокровія.

12.

„Граждане! въ чемъ я обвиняюсь?“ сказалъ Робеспьеръ, послѣ короткаго воззванія къ правосудію своихъ товарищей. „Въ интригахъ, направленныхъ къ достиженію диктатуры, трибуната или триумvirата. Согласитесь, что если подобный проектъ преступенъ, то онъ еще болѣе рискованъ, потому что, для

его выполненія, надобно было сначала ниспровергнуть тронъ, уничтожить законодательство, въ особенности помѣшать образованію національнаго конвента. Но, въ такомъ случаѣ, какъ же произошло то, что я первый, въ своихъ рѣчахъ и въ сочиненіяхъ, называлъ національный конвентъ единственнымъ средствомъ исцѣленія бѣдствій отечества? Чтобы достигнуть диктатуры, нужно было сначала повелѣвать Парижемъ и поработить департаменты. Гдѣ мои богатства? гдѣ мои арміи? Гдѣ крупныя мѣста, которыми я, безъ сомнѣнія, располагалъ? Все это въ рукахъ моихъ обвинителей. Чтобы ихъ обвиненіе могло получить хотя малѣйшій видъ правдоподобія, надо бы предварительно доказать, что я былъ вполнѣ глупъ. Но если я былъ глупъ, то оставалось бы объяснить, какъ люди умные могли давать себѣ трудъ слагать столько красивыхъ рѣчей, столько прекрасныхъ объявленій, употреблять столько усилій, чтобы представить меня національному конвенту самымъ опаснымъ изъ всѣхъ заговорщиковъ. Обратимся къ фактамъ. Въ чемъ меня упрекаютъ? Въ дружбѣ Марата? Я могъ бы изложить откровенно свое мнѣніе о Маратѣ, не говоря ни лучше, ни хуже того, что думаю. Но я не люблю высказывать свою мысль только для того, чтобы льстить господствующему мнѣнію. Я имѣлъ въ 1792 г. единственный разговоръ съ Маратомъ. Я упрекалъ его за преувеличенія и насиліе, вредившія дѣлу, которому онъ могъ служить. Покидая меня, онъ объявилъ, что не нашелъ во мнѣ „ни взглядовъ, ни смѣлости государственнаго мужа“. Такія слова отвѣчаютъ на клевету тѣхъ людей, которые хотятъ меня смѣшивать съ этимъ человекомъ.

„Развѣ я еще не довольно приобрѣлъ себѣ враговъ борьбою за свободу, что мнѣ же ставятъ въ вину даже и тѣ неистовства, которыхъ я всегда избѣгалъ, и мнѣнія, которыя я не переставалъ осуждать? Но я говорилъ, указываютъ мнѣ, безпрестанно у якобинцевъ и пользовался исключительнымъ вліяніемъ на эту партію. Съ 10-го августа я и десяти разъ не вступалъ на трибуну клуба якобинцевъ. До 10-го августа я работалъ вмѣстѣ съ ними надъ подготовкою священнаго возстанія противъ тираніи и вѣроломства двора и Лафайета. Но въ клубѣ якобинцевъ тогда была вся революціонная Франція! А вы, которые меня обвиняете, вы были съ Лафайетомъ! Якобинцы не слѣдовали вашимъ совѣтамъ, и вы хотѣли бы заставить національный конвентъ служить мстителемъ за разочарованіе вашего самолюбія. Лафайетъ также требовалъ декретовъ противъ якобинцевъ. Хотите ли и вы, какъ онъ, раздѣлять народъ на два народа, одинъ, которому воздается лесть, другой, котораго оскорбляютъ и запугиваютъ, на честныхъ людей и на санкюлотовъ или сволочъ?—Но я принялъ званіе муниципальнаго сановника?—Я, прежде всего, отвѣчаю, что съ января 1791 года отказался отъ прибыльнаго и нисколько не опаснаго мѣста публичнаго обвинителя.—Я вошелъ въ залу, какъ властелинъ? То есть, войдя, я подошелъ къ бюро, чтобы провѣрить мои полномочія.

„Я былъ избранъ только 10-го августа. Я далекъ отъ притязанія похитить честь боя и побѣды отъ тѣхъ людей, которые раньше меня засѣдали въ коммунѣ въ эту ужасную ночь, которые вооружили гражданъ, управляли движеніемъ, обезкуражили измѣнну, арестовали Мандата, носителя измѣнническихъ приказаній двора! Говорятъ, что были интриганы въ генеральномъ совѣтѣ; кто же знаетъ

это лучше меня? Они въ числѣ моихъ враговъ. Это учрежденіе упрекаютъ въ произвольныхъ арестахъ? Когда римскій консулъ подавилъ заговоръ Катилины, Клодій обвинилъ его въ нарушеніи законовъ. Я видѣлъ здѣсь такихъ гражданъ, которые вовсе не Клодій, но которые, за нѣсколько времени до дня 10-го августа, имѣли благоразуміе бѣжать изъ Парижа, и обвиняютъ парижскую коммуну, съ тѣхъ поръ, какъ она восторжествовала вмѣсто нихъ. Незаконные поступки? Такъ развѣ спасаютъ отечество съ уголовнымъ кодексомъ въ рукѣ? Отчего вы насъ не упрекаете также за уничтоженіе наемныхъ перьевъ, ремесломъ которыхъ было пропагандировать обманъ и оскорблять свободу? Отчего вы не упрекаете также за запрещеніе отлучаться заговорщикамъ изъ Парижа, за обезоруженіе нашихъ враговъ? Все это было незаконно, безъ сомнѣнія. Да, незаконно, какъ паденіе Бастиліи, незаконно, какъ паденіе трона, незаконно, какъ сама свобода!

„Граждане, вы хотите революціи безъ революціи? Какой духъ преслѣдованія хотеть ревизовать, такъ сказать, ту, которая разбила наши оковы? и кто же можетъ, послѣ удара, обозначать точный пунктъ, гдѣ должны разбиться волны народнаго возстанія? Какой народъ, подобною цѣною, могъ бы когда-либо сломить деспотизмъ? Не могли ли люди 10-го августа сказать своимъ обвинителямъ: „если вы отъ насъ отрекаетесь, отрекитесь же и отъ побѣды! Возстановите свое иго, свои законы, свой древній тронъ. Возвратите намъ, вмѣстѣ съ пролитой нами кровью, цѣну нашихъ жертвованій и борьбы!...“

Что же касается дней 2-го и 3-го сентября, то тѣ, которые приписываютъ мнѣ хотя малѣйшее участіе въ этихъ событіяхъ, люди или очень легковѣрные, или очень злонамѣренные! Я предоставляю души ихъ угрызениямъ совѣсти, если угрызеніе совѣсти можетъ предполагать душу! Въ эту эпоху я пересталъ засѣдать въ коммунѣ и затворился дома!...“ Тутъ Робеспьеръ объясняетъ, не оправдывая этихъ ужасовъ, связь между 10 августа и 2 сентября и невозможность, въ какую была поставлена коммуна, предупредить послѣдствія общаго волненія. „Увѣраютъ, что погибъ одинъ невинный! Одинъ! это слишкомъ много, безъ сомнѣнія! Граждане, оплакивайте эту жестокою ошибку. Мы ее уже давно оплакали. Это былъ добрый гражданинъ, это былъ даже одинъ изъ нашихъ друзей! Оплакивайте даже преступныя жертвы, сохраненныя мести законовъ и павшія подъ ударами народнаго правосудія. Но пусть же ваша горестъ имѣетъ предѣлъ, какъ и все человѣческое! Сохранимъ нѣсколько слезъ для бѣдствій, еще болѣе трогательныхъ! Оплакивайте 100,000 патриотовъ, умерщвленныхъ тираніей! Оплакивайте нашихъ гражданъ, умирающихъ въ горящихъ домахъ, и дѣтей гражданъ, убиваемыхъ въ колыбели или въ объятіяхъ матерей! Нѣтъ ли у васъ братьевъ, дѣтей, женъ, за которыхъ надо отомстить? Семья французскихъ законодателей—это отечество, это весь человѣческій родъ, за исключеніемъ тирановъ и ихъ сообщниковъ! Чувствительность, которая скорбитъ почти исключительно о врагахъ свободы, мнѣ подозрительна. Перестаньте колебать передъ моими глазами окровавленную мантию тирана, или я подумаю, что вы хотите опять повергнуть Римъ въ оковы. Вѣчные клеветники! не хотите ли вы отомстить за деспотизмъ? Не хотите ли покрыть позоромъ колыбель республики?..

„Похоронимъ“, сказалъ, въ заключеніе, Робеспьеръ, „эти презрѣнныя

продѣлки въ вѣчномъ забвеніи. Что касается меня, то я не сдѣлаю никакого вывода, который бы относился до меня лично. Я отказываюсь отъ справедливой мести, которою могъ бы преслѣдовать моихъ клеветниковъ. Въмѣсто мести, я хочу только возврата мира и свободы. Граждане! пройдите твердымъ и быстрымъ шагомъ ваше прекрасное поприще и я желалъ бы, даже на счетъ моей жизни и моей репутаціи, помогать вамъ на славу и на счастье нашего общаго отечества!“

13.

Едва Робеспьеръ кончилъ говорить, какъ Луве и Барбару, — выведенные изъ терпѣнія рукоплесканіями, которыми собраніе и зрители покрыли рѣчь оратора, — устремляются на трибуну, чтобы возражать; но впечатлѣніе рѣчи Робеспьера уже отразилось на голосованіи конвента. Тщетность обвиненій, умѣренность выводовъ Робеспьера, — необходимость потушить, если возможно, пожаръ, который грозилъ воспламенить общественное мнѣніе, все понуждало конвентъ окончить пренія. Въ глазахъ самыхъ умныхъ изъ жирондистовъ, Верньо, Петіона, Бриссо, Кондорсе, Жансонне, Гаде, ихъ врагъ итакъ уже выходилъ слишкомъ великимъ; они не хотѣли возвеличивать его еще болѣе.

Маратъ видѣлъ свою собственную побѣду въ побѣдѣ Робеспьера, несмотря на мягкія отреченія, предметомъ которыхъ былъ его образъ мыслей. Дантонъ внутренне торжествовалъ, видя оправданіе диктатуры коммуны и покрытіе сентябрьскихъ преступленій знаменемъ общественного блага. Робеспьеръ прикрывъ Дантона. Нерѣшительная часть конвента, среди которой засѣдалъ Бареръ боялась, что ей придется высказаться, и радовалась, что унижены жирондисты, безъ признанія невинными ихъ враговъ. Молчаніе было кстати всеѣмъ, кромѣ обвинителей.

Но Барбару, приведенный въ негодованіе упорнымъ отказомъ въ словѣ, какое встрѣчали мольбы его и Луве, оставляетъ свое мѣсто за оградой и спускается къ рѣшеткѣ, чтобы, въ качествѣ гражданина, имѣть слово, въ которомъ получилъ отказъ, какъ депутатъ. „Вы меня выслушаете“, восклицаетъ онъ, стуча обоими кулаками по рѣшеткѣ, и какъ бы желая сдѣлать насиліе конвенту, „вы меня выслушаете! Если же не выслушаете, то, значитъ, я буду считаться клеветникомъ? Ну, такъ я вырѣжу свое обвиненіе на мраморѣ!“

Ропотъ, сарказмы, смѣхъ трибунъ заглушаютъ голосъ Барбару. Его обвиняютъ въ униженіи званія народнаго представителя, которое онъ снялъ съ себя, чтобы лично обвинять врага. Бареръ, — одинъ изъ тѣхъ людей, которые долго стерегутъ форгуну, чтобы не высказываться слишкомъ рискованно, и которые никогда не высказываются настолько, чтобы быть увлеченными паденіемъ той самой партіи, которою приняты, — всталъ изъ центра Равнины и потребовалъ слова. Молодой, изящный по наружности, высокаго роста, свободный въ движеніяхъ, съ льющеюся рѣчью, Бареръ показывалъ въ своей фizioноміи ту смѣсь сдержанности и смѣлости, которая характеризуетъ его одноземцевъ: наружное вдохновеніе, прикрывающее разсчетливость эгоизма. Такіе люди служатъ ищейками крупнымъ честолюбцамъ: но прежде, чѣмъ отдаться послѣднимъ, они любятъ дать почувствовать свое значеніе, чтобы ихъ

дороже цѣнили. Таковъ былъ Бареръ: личность изъ высокой комедіи, заброшенная, по капризу судьбы, въ трагедію.

14.

Бареръ родился въ Тарбѣ, въ уважаемомъ семействѣ, былъ адвокатомъ въ Тулузѣ, литераторомъ въ Парижѣ, украсилъ свое плебейское имя прибавкою фамиліи де-Влезакъ, принесъ изъ глуши своей провинціи такія имя, вѣѣщность, языкъ, которыя открывали предъ собою салоны и были тогда нѣкотораго рода кандидатурой, возможной для людей всѣхъ состояній. Г-жа Жанлисъ приняла Барера и ввела его въ интимный кружокъ герцога Орлеанскаго. Этотъ принцъ, чтобы привязать Барера къ своему дому, ввѣрилъ ему попеченіе надъ молодой англичанкой, чрезвычайно красивой собою и считавшейся побочною дочерью герцога. Г-жа Жанлисъ оказывала этой воспитанницѣ заботы матери. Дѣвушка называлась Памела. Бареръ былъ граціозенъ, краснорѣчивъ. Его сентиментальная философія походила на пародію Бернардена-де-Сенъ-Пьера. Пастушескій колоритъ горъ, гдѣ онъ былъ рожденъ, отражался на его сочиненіяхъ. Салоны, театры, академіи щеголяли тогда такою приторностью языка; это было какъ бы томленіемъ агоніи умирающаго общества. Ребячася, оно думало помолодѣть; но это ребячество старости. Бареръ, Робеспьеръ, Кутонъ, Маратъ, Сенъ-Жюстъ, всѣ эти люди, столь суровые, начали съ приторности.

Бальи, Мирабо, герцогъ Орлеанскій были патронами Барера при избраніи его въ національное собраніе. Онъ выполнялъ тамъ, съ усердіемъ и талантомъ, роль болѣе литературную, чѣмъ политическую; его многочисленные доклады были усыяны философскими мыслями; потомъ Бареръ редактировалъ „Разсвѣтъ“ и одинъ изъ первыхъ требовалъ республики, когда увидѣлъ, что тронъ колеблется. 10-го августа, посланный съ Грегуаромъ навстрѣчу королю въ Тюльерійскій садъ, онъ заботливо несъ на рукахъ маленькаго дофина. Когда Бареръ былъ избранъ въ конвентъ, то его республиканскія мнѣнія, ученость, связи, южное происхожденіе, талантъ, болѣе цвѣтистый, чѣмъ народный, казалось, должны были привлечь его къ жирондистамъ. Бареръ, дѣйствительно, въ первые дни склонялся на ихъ сторону; онъ вѣрилъ въ ихъ талантъ, сознавалъ достоинство ихъ ума, наслаждался умѣренностью ихъ системы. Но Бареръ видѣлъ силу народа 10-го августа и 2-го сентября, и взоръ льва очаровалъ его. Къ Марату Бареръ чувствовалъ страхъ, Дантонъ его удивлялъ, Робеспьеру онъ не вѣрилъ. Звѣзда этихъ трехъ людей могла имѣть поворотъ. Бареръ не хотѣлъ дѣлать себя жертвою ихъ мести, въ случаѣ если бы они восторжествовали.

Онъ помѣстился въ равномъ разстояніи отъ обѣихъ партій, въ центрѣ, который называли Равниной: то посредникъ, то союзникъ, поочередно, смотря по людямъ, по времени и по большинству. Равнина, состоявшая изъ людей благоразумныхъ или изъ посредственностей, нуждалась въ ораторѣ. Бареръ предложилъ себя. Онъ вставалъ еще въ первый разъ и въ самой его позѣ, въ движеніяхъ, въ словахъ выражалось все двусмысленное колебаніе людей, которые дѣлали его своимъ органомъ.

„Граждане“, сказалъ Бареръ, „видя, что спускается къ рѣшеткѣ Барбару, одинъ изъ нашихъ товарищей, я не могу не воспротивиться тому, чтобы онъ

былъ выслушанъ. Хочетъ ли Барбару быть петиціонеромъ? Но онъ забываетъ, что, въ качествѣ депутата, онъ долженъ будетъ разбирать петиціи, которыя самъ же формулируетъ, какъ гражданинъ? Хочетъ ли онъ быть обвинителемъ? Тогда не у рѣшетки, а здѣсь или предъ трибуналами онъ долженъ объясниться. Что означаютъ всѣ эти обвиненія въ диктатурѣ и триумвиратѣ? Не будемъ придавать важное значеніе людямъ, которыхъ общественное мнѣніе сумѣетъ поставить на надлежащее мѣсто. Не будемъ ставить пьедесталы пигмеямъ! Граждане! Если бы въ республикѣ существовалъ человѣкъ, рожденный съ гениемъ Цезаря или со смѣлостью Кромвеля, человѣкъ, который, обладая талантомъ Суллы, имѣлъ бы и опасныя его свойства, такого человѣка можно было бы страшиться, и я обвинилъ бы его передъ вами. Если бы существовалъ здѣсь какой-нибудь законодатель съ большимъ талантомъ или съ обширнымъ честолюбіемъ, то я сперва спросилъ бы, имѣетъ ли онъ въ своемъ распоряженіи армію или общественную казну или сильную партію въ сенатѣ или въ республикѣ. Но люди минуты, маленькіе предприниматели революцій, политическіе дѣятели, которые никогда не войдутъ въ область исторіи, не должны занимать собою драгоценное время, которое мы обязаны отдавать націи". (Рукоплесканія). Бареръ предлагаетъ перейти къ очередному порядку; знакъ презрѣнія. „Приберегите свой очередной порядокъ“, сухо отвѣчаетъ Робеспьеръ, „я его не желаю, если онъ долженъ содержать оскорбительное для меня вступленіе!“. Въ голосованіи конвента отражаются равнодушіе и нейтралитетъ между обвинителями и обвиненнымъ. „Пусть погибнутъ честолюбцы, а съ ними наши подозрѣнія и недовѣрія!“ восклицаетъ Рабо-Сентъ-Этьенъ.

15.

Новость о торжествѣ Робеспьера распространилась, какъ общая радость, въ толпѣ, которая тѣснилась у подъѣздовъ Тюльери, чтобы выразить сожалѣніе своему трибуну или отомстить за него. Присутствіе Робеспьера въ клубѣ якобинцевъ привлекло туда вечеромъ большую толпу. При входѣ Робеспьера въ залу, зрители разразились рукоплесканіями. „Пусть говоритъ Робеспьеръ“, сказалъ Мерленъ; „онъ одинъ только можетъ отдать отчетъ о томъ, что сдѣлалъ сегодня“. „Я знаю Робеспьера!“ сказалъ одинъ изъ членовъ клуба, „я увѣренъ, что онъ будетъ молчать. Этотъ день лучшій изъ всѣхъ, какіе видала свобода. Робеспьеръ, обвиненный, преслѣдуемый, какъ злоумышленникъ, торжествуетъ. Его мужественное и искреннее краснорѣчіе смутило его враговъ. Его перомъ, какъ и сердцемъ руководить истина. Барбару бѣжалъ къ рѣшеткѣ. Гадина не могла выдержать взоровъ орла“.

Манюэль проситъ разрѣшенія прочесть рѣчь, приготовленную имъ въ защиту Робеспьера. „Робеспьеръ вовсе не другъ мой“, говоритъ онъ въ этой рѣчи. „Я съ нимъ почти никогда не говорилъ и боролся съ нимъ въ минуту его наибольшаго могущества. Но онъ вышелъ безпорочнымъ изъ Учредительнаго собранія. Онъ всегда помѣщался подлѣ Петіона, и эти два человѣка были вождями свободы. Робеспьеръ можетъ сказать намъ то, что говорилъ римлянинъ: „на меня нападаютъ въ моихъ рѣчахъ, потому что я невиновенъ въ поступкахъ“. Робеспьеръ никогда не хотѣлъ быть чѣмъ-либо особымъ. Онъ не

запятнанъ сентябрскими днями, когда народъ, разъяренный, подобно королямъ, хотѣлъ также сдѣлать свою Варооломеевскую ночь. Кто знаетъ это лучше меня? Взойдя на груды труповъ, я проповѣдывалъ уваженіе къ закону“.

Колло-д'Эрбуа оправдываетъ рѣзню. Бареръ ее извиняетъ. Уже удивленный народнымъ упоеніемъ, сопровождавшимъ Робеспьера, къ которому Бареръ презрительно отнесся утромъ, послѣдній говоритъ: „граждане! и я также, въ рѣчи, приготовленной о Робеспьерѣ, высказывалъ мнѣніе, столь же политическое и столь же революціонное, какъ и Колло-д'Эрбуа. Этотъ день, говорилъ я, составляетъ преступленіе въ глазахъ человѣка невѣжественнаго; въ глазахъ же государственнаго человѣка онъ имѣетъ двойное важное значеніе: онъ заставилъ исчезнуть заговорщиковъ, которыхъ не могъ постигнуть законъ; онъ уничтожилъ феодализмъ, роялизмъ, аристократію“. Это раскаяніе Барера было едва выслушано. Онъ не нашелъ въ этотъ день популярности, которую искалъ даже въ крови, пролитой чужими руками.

Фабръ-д'Эглантинъ обвинилъ жирондистовъ въ желаніи перенести резиденцію національнаго представительства изъ Парижа въ другое мѣсто. „Я видѣлъ своими глазами“, сказалъ онъ, „въ саду министерства иностранныхъ дѣлъ, министра Ролана, блѣднаго, унылаго, прислонившагося головою къ дереву и настойчиво требовавшаго, чтобы конвентъ переселился въ Туръ, въ Блуа. Я видѣлъ, какъ эти самые люди, которые ожесточены теперь противъ 2-го сентября, являлись къ Дантону и выражали радость при разсказѣ объ убійствахъ. Одинъ изъ нихъ (ораторъ указывалъ на Бриссо, врага памфлетиста Моранда) желалъ даже, чтобы былъ умерщвленъ Морандъ. Одинъ только Дантонъ выказалъ въ эти дни наибольшую энергію характера. Онъ одинъ не отчаивался въ спасеніи отечества. Топнувъ ногою въ землю, онъ вызвалъ оттуда тысячи солдатъ“.

Фабръ-д'Эглантинъ довелъ лезть до обвиненія г-жи Роланъ, которой онъ еще наканунѣ курилъ оміамъ.

Фабръ, секретарь Дантона, не столько другъ его, сколько льстецъ, родился у подошвы Пиренеевъ, какъ и Бареръ. Онъ сперва былъ комедіантомъ, потомъ угодникомъ общества; искусство играть на различныхъ инструментахъ, умъ, который имѣлъ свойство чрезвычайно нравиться, комическіе стихи и прихотливость разврата заставляли людей, любящихъ удовольствія, искать Фабра. Двѣ театральныя пьесы, имѣвшія успѣхъ, утвердили за нимъ репутацію писателя. Дружба Дантона, Лакруа и второстепенныхъ вожаковъ коммуны увеличила состояніе Фабра и расширила его честолюбіе. Бѣднякъ до сентябрскихъ убійствъ, онъ послѣ этихъ дней имѣлъ отели, экипажи, поклонниковъ. Всегда укрываясь за людьми сильными, онъ выказывалъ болѣе отвлеченной склонности къ великимъ преступленіямъ, чѣмъ смѣлости совершать ихъ. Страхъ служилъ для Фабра, по меньшей мѣрѣ, такимъ же сильнымъ стимуломъ, какъ и честолюбіе. Дантонъ пользовался услугами Фабра. Робеспьеръ его презиралъ.

Пегіонъ, который не могъ говорить въ конвентѣ и не хотѣлъ болѣе говорить у яковинцевъ, велѣлъ, на слѣдующій день, отпечатать рѣчь, которую

приготовилъ не столько для обвиненія Робеспьера, сколько въ видѣ суда надъ нимъ. Петіонъ здѣсь позорилъ Марата, порицалъ коммуну, сваливалъ съ отвращеніемъ сентябрскую кровь на убійцъ.

„Что же касается Робеспьера“, говорилъ Петіонъ, „то его роль объясняется его характеромъ. Подозрительный, недоувѣрчивый, онъ видитъ повсюду заговоры и опасности; его желчный темпераментъ, его меланхолическое воображеніе окрашиваютъ каждый предметъ преступнымъ колоритомъ. Вѣра только въ себя, говоря только о себѣ, всегда убѣжденный, что противъ него интригуютъ, честолюбивый, въ особенности, къ народной благосклонности, онъ жадно добивается рукоплесканій: эта-то слабость его къ популярности и заставила думать, что онъ стремится къ диктатурѣ. Робеспьеръ добивается только исключительной, ревнивой любви къ себѣ народа. Народъ,—вотъ его честолюбіе!“

Этотъ правдивый портретъ Робеспьера былъ вѣренъ и относительно самого Петіона. Въ то время между партіями Горы и Жиронды существовало больше подозрѣній, чѣмъ дѣйствительныхъ столкновеній. Общіе друзья, которые хотѣли ихъ сблизить, были повѣренными этихъ взаимныхъ обвиненій.

Когда Дантонъ оставилъ министерство юстиціи, министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Гара. Это былъ писатель, родомъ также изъ Пиренеевъ, революціонеръ—по философскому убѣжденію, ученый—по профессіи: одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ обстоятельства увлекаютъ до противорѣчія съ ихъ собственнымъ разумомъ. Слишкомъ робкій, чтобы сопротивляться вмѣстѣ съ жирондистами, слишкомъ совѣстливый, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ съ монтаньярами, Гара пытался посредничать, и былъ то терпимъ, то любимъ, то презираемъ обѣими партіями.

„Я часто съ ужасомъ вспоминалъ“, говоритъ онъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, „о двухъ разговорахъ, какіе, черезъ два или три дня промежутка, у меня были съ Саллемъ и Робеспьеромъ. Я узналъ того и другого въ Учредительномъ собраніи; я ихъ одинаково считалъ очень искренно преданными революціи. Я нисколько не сомнѣвался въ ихъ честности. Если уже нужно было бы заподозрить честность котораго-нибудь изъ нихъ, то Робеспьера я бы заподозрилъ послѣднимъ. Салль былъ человѣкъ съ тревожнымъ воображеніемъ, волнуемый революціонной лихорадкой. Въ несвязномъ, незначительномъ и неопредѣленномъ многословіи Робеспьера, когда онъ говорилъ по вдохновенію, я замѣчалъ зародышъ таланта, который могъ возмужать! Онъ терпѣливо работывалъ языкъ, стараясь его очертить по образцу древности и Жанъ-Жака-Руссо. Постоянное чтеніе этихъ философовъ должно было проникнуть и улучшить его умъ. Оба эти человѣка обладали меланхолическимъ темпераментомъ, изъ котораго во всѣ вѣка исходили народныя бури. Я думаю, что Робеспьеръ не чуждъ религіи; но никогда человѣкъ, умѣющій писать изящныя и убѣдительныя фразы, не обладалъ болѣе невѣрнымъ умомъ. Однажды, я просилъ его подумать о нѣкоторыхъ идеяхъ, которыя я ему изложилъ: „мнѣ нѣтъ нужды обдумывать“, отвѣчалъ онъ мнѣ, „я всегда полагаюсь на первое впечатлѣніе. Всѣ эти депутаты Жиронды, сказали онъ, эти Бриссо, Луве, Барбару,—анти-революціонеры и интриганы“. — Но гдѣ же они интригуютъ? сказалъ я. —

„Вездѣ, возразилъ Робеспьеръ, въ Парижѣ, во Франціи, во всей Европѣ! Жиронда съ давняго времени составила проектъ отдѣлиться отъ Франціи, возстановить изъ себя Гюень и присоединиться къ Англіи. Жансонне сказали громко, всѣмъ, кто хотѣлъ слышать, что они здѣсь не представители, но уполномоченные Жиронды. Бриссо интригуетъ въ своемъ журналѣ, который служить набатомъ къ междоусобной войнѣ. Онъ ѣздилъ въ Лондонъ, и извѣстно зачѣмъ. Другъ его, Клавьеръ, интриговалъ всю свою жизнь. Роланъ въ перепискѣ съ измѣнникомъ Монтескье. Они вмѣстѣ стараются открыть Савойю и Францію пьемонтцамъ. Серванъ только для того и назначенъ вождемъ пиренейской арміи, чтобы предать ключъ позиціи испанцамъ. Дюмурье угрожаетъ больше Парижу, чѣмъ Бельгіи и Голландіи. Этотъ шарлатанъ героизма,—котораго я хотѣлъ велѣть арестовать,—каждый день обѣдаетъ вмѣстѣ съ жирондистами. О, я очень утомленъ революціей! Я боленъ; никогда отечество не находилось въ большей опасности, и сомнѣваюсь, чтобы оно могло быть спасено! Но не имѣете ли вы какого-нибудь сомнѣнія, относительно фактовъ, которые только что высказали? спросилъ я его.—„Никакого“, отвѣчалъ мнѣ Робеспьеръ.

17.

„Я удалился встревоженный и испуганный“, рассказываетъ Гара. „Я встрѣтилъ Салля, который выходилъ изъ конвента. „Ну“, сказалъ я ему, „неужели нѣтъ никакого средства предупредить эти раздоры, гибельные для отечества?“—„Я еще надѣюсь“, сказалъ онъ мнѣ: „я скоро подниму всѣ покровы, прикрывающіе проекты этихъ злодѣевъ. Я знаю ихъ планы. Ихъ заговоры начались раньше революціи. Тайный вождь этой шайки разбойниковъ—герцогъ Орлеанскій. Лакло соткалъ нити ихъ заговоровъ. Лафайетъ ихъ сообщникъ. Это онъ, подъ видомъ изгнанія, послалъ Орлеанскаго въ Англію, чтобы завязать интригу съ Питтомъ. Мирабо участвовалъ въ этихъ проискахъ. Онъ получалъ отъ короля деньги, чтобы скрывать свои связи съ Орлеанскимъ; отъ Орлеанскаго онъ получалъ еще больше, чтобы ему служить. Нужно было ввести якобинцевъ въ ихъ заговоры. Они не посмѣли этого сдѣлать. Они обратились къ кордельерамъ. Кордельеры всегда были рассадникомъ заговорщиковъ. Дантонъ ихъ приучаетъ къ политикѣ, Маратъ освоиваетъ ихъ съ злодѣйствами. Они ведутъ переговоры съ Европой; они имѣютъ эмиссаровъ при дворахъ. У меня есть на это доказательства. Они потопили тронъ въ крови; изъ новой крови они хотятъ вывести новый тронъ. Они знаютъ, что къ той сторонѣ конвента, гдѣ находятся всѣ добродѣтели, принадлежатъ и всѣ республиканцы. Они насъ обвиняютъ въ роялизмѣ, чтобы, подъ этимъ предлогомъ, разнуздать противъ насъ ярость толпы. Вся правая сторона должна быть перерѣзана. Орлеанскій вступить на тронъ. Маратъ, Робеспьеръ и Дантонъ умертвить его. Вотъ триумвиры! Дантонъ, самый способный и наиболѣе злодѣй изъ всѣхъ троихъ, отдѣляется отъ своихъ товарищей и будетъ господствовать одинъ; сначала диктаторъ, а вскорѣ и король!..“

„Я былъ крайне изумленъ легковѣріемъ такого человѣка.—„Но думаютъ ли такъ среди вашихъ друзей?“ спросилъ я Салля.—„Всѣ или почти всѣ, от-

вѣчалъ онъ. Кондорсе еще сомнѣвается, Сийесъ мало высказывается, Роланъ видитъ истину. Всѣ понимаютъ необходимость предупредить эти преступленія и несчастія“. Я пытался разубѣдить Салля. Ненависть и страхъ ослѣпили обѣ партіи“.

18.

Одинъ только Верньо, — болѣе спокойный потому, что былъ болѣе сильнымъ, — сохранялъ хладнокровіе и безпристрастіе, среди всякаго рода предубѣжденій и ненависти. Въ это время онъ писалъ своимъ друзьямъ въ Бордо слѣдующія, спокойно-меланхолическія, строки, недавно возвращенныя исторіи; онъ рисуютъ состояніе отечества въ душевномъ настроеніи Верньо: „Въ трудныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я нахожусь, мое сердце чувствуетъ потребность раскрыться предъ вами. Нѣсколько человѣкъ, которые хвастались, что одни совершили событія 10-го августа, вообразили, что въ правѣ вести себя такъ, какъ будто бы они завоевали Францію и Парижъ; я не хотѣлъ принижаться предъ этими смѣшными деспотами. Меня назвали аристократомъ. Я предвидѣлъ, что если существованіе революціонной коммуны продлится, то революціонное движеніе также продлится и повлечетъ за собою самыя ужасныя безпорядки. Меня назвали аристократомъ, и—вы знаете плачевныя событія 2-го сентября. Останки эмигрантовъ и церквей послужили добычею самымъ возмутительнымъ грабежамъ; я ихъ обвинилъ. Меня назвали аристократомъ; 17-го сентября начали возобновлять рѣзню; я имѣлъ счастье добиться декрета, который ставилъ жизнь заключенныхъ подъ отвѣтственность собранія. Меня назвали аристократомъ. Въ коммиссіяхъ мои друзья и я день и ночь занимались изысканіемъ средствъ подавить анархію и изгнать пруссаковъ съ нашей территоріи. Намъ грозили день и ночь мечомъ убійцъ. Конвентъ открылъ засѣданія. Легко было предвидѣть, что, если они сохранятъ въ своей средѣ сентябрскихъ дѣятелей, то будетъ волнуемъ постоянными бурями. Я объявилъ это. Мое заявленіе не произвело никакого вліянія...

„Я никогда не чувствовалъ ни малѣйшаго волненія отъ презрѣнныхъ воплей, поднимавшихся противъ меня; несмотря на то, я говорилъ себѣ: „Быть можетъ, эти люди, которые безпрестанно обвиняютъ мнимую крамолу Жиронды,—которые съ самаго 10-го августа вызываютъ противъ насъ убійцъ,—быть можетъ, они мучатся лишь честолюбивымъ желаніемъ безпрестанно появляться на трибунѣ; быть можетъ, они будутъ обладать талантомъ и счастьемъ служить общему дѣлу лучше насъ. Не будемъ же мѣшать изъ гордости добру, которое они могли бы сдѣлать. Развѣ мы желаемъ чего-нибудь другого, кромѣ служенія нашему несчастному отечеству?“ Тогда я предаюсь молчанію и замыкаюсь въ работы комитетовъ. Другая причина удерживаетъ меня въ молчаніи. Среди столкновенія личныхъ страстей, кто можетъ отвѣчать, что всегда останется властелиномъ движеній своей души? Рано или поздно платится дань человѣческой слабости, и мы должны отдать отчетъ республикѣ во всѣхъ нашихъ заблужденіяхъ. Ну, такъ что же дѣлаютъ эти вѣчные диффаматоры? Они удваиваютъ ярость, чтобы оклеветать въ конвентѣ, въ арміяхъ, во всѣхъ важныхъ мѣстахъ людей, которые были полезны республикѣ. Они обвиняютъ

въ интригахъ цѣлый свѣтъ, чтобы общее вниманіе отвратилось отъ ихъ собственныхъ замысловъ. Кто не рукоплещетъ убійствамъ, тотъ уже для нихъ аристократъ. Кто имъ рукоплещетъ, тотъ человѣкъ добродѣтельный. Они попускаютъ насъ высказаться единодушно объ участи Людовика XVI, безъ всякихъ формальностей, безъ доказательствъ, безъ суда. Они пускаютъ въ обращеніе безчестные пасквили противъ конвента, смѣшные панегирики герцогу Орлеанскому. Они вызываютъ въ отдѣлахъ новыя возстанія, подобныя 10-го августа. Они проповѣдуютъ аграрные законы. Убиватели 2-го сентября, въ обществѣ со священниками, называющими себя патріотами, обдумываютъ и публикуютъ списки осужденныхъ. Они громко говорить, что дадутъ себѣ вождя, республикѣ властелина. Рвеніе подобныхъ людей въ требованіи смерти Людовика кажется мнѣ, признаюсь, подозрительнымъ. Они хотятъ заставить насъ признать законными убійства въ аббатствѣ, ускоривъ судъ, который походилъ бы на ихъ насиліе.

„Я пишу вамъ рѣдко. Простите меня. Моя голова часто бываетъ полна тягостныхъ мыслей, а мое сердце—горестныхъ чувствъ. Едва остается мнѣ иногда достаточно нравственной силы для выполненія моихъ обязанностей. Мысль о васъ служить мнѣ утѣшеніемъ. Чуждый, какъ вы знаете, всякаго рода честолюбію,—не имѣя притязаній ни на fortuna, ни на славу, я питаю, относительно себя самого, только одно желаніе,—имѣть возможность впослѣдствіи, вмѣстѣ съ вами, наслаждаться въ уединеніи торжествомъ отечества и свободы!“

19.

Тонъ этого письма звучалъ серьезно, печалью и безкорыстіемъ, собственными Верньо. Два его молодые друга, Бойе-Фонфредъ и Дюко, изливали душу въ подобныхъ же признаніяхъ среди своихъ друзей изъ Бордо. „Департаментъ Жиронды“, писалъ въ то время Дюко, „многимъ обязанъ рвенію и дѣятельности этого превосходнаго молодого человѣка (Фонфреда, его шурина и друга). Если онъ будетъ продолжать, какъ я надѣюсь, идти по своему пути твердымъ шагомъ, то вся республика будетъ ему одолжена очень многимъ. Почему, мой другъ, ты меня называешь молчаливымъ? Если твой упрекъ относится къ моему устраненію отъ трибуны, то я тебѣ отвѣчу, что когда питаютъ мало уваженія къ своему собственному разуму и много любви къ общему дѣлу, то тогда предпочитаютъ просто работать, говорить и служить, чѣмъ выказываться лично. Я старался оказать нѣкоторыя услуги, но никогда не старался одерживать успѣхи. Я мало удовлетворилъ свое честолюбіе; но иногда удовлетворялъ свою совѣсть. Притомъ, мое здоровье, постоянно хилое съ сентября мѣсяца, не оставило мнѣ употребленія способностей,—не скажу ораторскихъ, но разсуждающихъ. Вѣдь ты знаешь, что легкія Дюшеня имѣютъ болѣе могущества въ собраніи, чѣмъ самъ разумъ, если онъ одаренъ тонкимъ и негромозвучнымъ голосомъ“.

20.

Въ то же время Фонфредъ писалъ своему отцу: „Мы окружены измѣнниками, посажены заговорами. Сійесъ, Бриссо и Кондорсе, наши друзья, — вотъ един-

ственные головы во Франціи, способныя дать намъ хорошую конституцію. Вы знаете таланты, патриотизмъ и честность Верньо. Я вижу его близко. Это звѣзда конвента. Онъ не доступенъ никакому соблазну, никакой боязни. Я знаю у него только одинъ недостатокъ, некоторую апатію въ характерѣ и нѣкоторую склонность къ упадку духа. Гаде, человѣкъ съ блестящимъ талантомъ и съ высокимъ мужествомъ, обезсмертилъ себя 10-го августа. Жизнь его служить отвѣтомъ на клеветы, какими его осыпаютъ. Гранжневъ—это олицетворенный патриотизмъ; голова его воспламеняется слишкомъ скоро, но, воспламеняясь, издаетъ свѣтъ. Жансонне—человѣкъ находчивый. Онъ хорошо разсуждаетъ. Нѣкоторое время у него была страсть управлять. Теперь эта страсть въ немъ угасла“.

Наконецъ, Бриссо, присоединенный своими молодыми друзьями къ патриотамъ юга, жаловался имъ въ слѣдующихъ строкахъ, найденныхъ въ бумагахъ Жиронды:

„Враги истинной свободы наполняютъ меня горечью. День и ночь я держиваю сильную борьбу противъ людей, которые поклялись погубить республику. Наши судорожныя потрясенія далеко еще не достигли предѣла. Анархическая партія пріобрѣтаетъ устойчивость. Теперь намъ будетъ труднѣе побѣдить ее. Я говорилъ съ самаго начала конвента: намъ предстоитъ сдѣлать третью революцію, революцію противъ анархіи. О, друзья мои, будьте непреклонны. Вы создали, что порядокъ и законъ одни только могутъ гарантировать свободу. Среди бурь, окружающихъ насъ здѣсь и волнующихъ городъ, изъ котораго я вамъ пишу, тихимъ утѣшеніемъ для меня служить созерцать спокойствіе, какимъ вы наслаждаетесь. Это самая краснорѣчивая похвала республиканской системѣ, которую позорятъ раздоры и деспотизмъ Парижа“.

21.

Верньо, Дюко, Фонфредъ, Гранжневъ, Кондорсе, Сійесъ совѣщались каждый вечеръ о состояніи республики въ домѣ женщины, замѣчательной по уму и по республиканскому чувству, которой депутаты Жиронды были рекомендованы своимъ бордосскимъ банкиромъ. Она была замужемъ за человѣкомъ богатымъ и жила въ кварталѣ Шоссе-д'Антенъ, недалеко отъ дома, гдѣ умеръ Мирабо, послѣ попытки, подобно жирондистамъ, умѣрить и привести въ порядокъ революцію. Но расплавленный металлъ принимаетъ окончательную форму только когда остынетъ. Революція еще кипѣла. Эти люди, повидимому, не знали, что ей предстоитъ еще сдѣлать много вѣншихъ усилій, чтобы чрезмѣрное возбужденіе силъ не продлило ея судорожныхъ потрясеній. На такихъ собраніяхъ Кондорсе держался сентенціознаго тона; краснорѣчивый Верньо блисталъ тѣмъ яснымъ, философскимъ краснорѣчіемъ, которое обозрѣваетъ бури съ высоты, какъ будто бы ораторское слово, разсудивъ неурядицу, можетъ ее усмирить; Фонфредъ и Дюко оставались пылкими, отважными, граціозными, какъ свойственно неопытной юности; Сійесъ былъ, какъ всегда, глубокомысленнымъ, сжатымъ, свѣтлымъ; воспитанный на античныхъ историкахъ, онъ отъ времени до времени выходилъ изъ своей обычной молчаливости и, подобно молніи, нѣсколькими мѣткими словами озарялъ будущее.

„Когда говорил Сійесъ, этотъ человѣкъ высшего созерцанія“, передавала намъ женщина, которая председательствовала на такихъ разсужденіяхъ,—„то мнѣ казалось, что высшее пониманіе озаряло мою душу и уясняло мнѣ все, что было непонятно до его появленія“. Жирондисты слухали Сіеса съ уваженіемъ; обаяніе Учредительнаго собранія и дружбы Мирабо возвышало его въ ихъ глазахъ. Онъ совѣтовалъ имъ принимать самыя отважныя рѣшенія. Непоколебимый, какъ самъ принципъ, онъ вовсе не бралъ въ расчетъ затрудненій минуты, препятствій и опасностей, какія могли встрѣтиться его планамъ. Полный отвлеченности, подобно оракулу, онъ изрекалъ свои аксіомы, но не удостоивалъ обсуждать ихъ. Усовершенствовать законодательный и исполнительный комитеты конвента, изгнать демагоговъ, подавить Робеспьера, соблазнить или уронить Дантона, обуздать коммуну, сосредоточить 20,000 человѣкъ, избранныхъ въ департаментахъ, чтобы быть въ состояніи окружить конвентъ и грянуть на народъ; рискнуть днемъ борьбы противъ предмѣстій; овладѣть ратушей, этой бастилей народнаго деспотизма, соединить власть въ республиканской директоріи,—направить Дюмуре въ Бельгію, Кюстина—въ Германію; внушить вѣмъ тронамъ, всякаго рода теократіямъ и аристократіямъ континента страхъ за свое существованіе; вступить въ тайные переговоры съ Пруссіей и съ Англіей; спасти Людовика XVI и его семейство, держать ихъ заложниками, пока не будетъ заключенъ миръ, а потомъ осудить на вѣчное изгнаніе: таковы были планы, которыми Сіесъ ласкалъ и воспламенялъ жирондистовъ.

Позади этихъ республиканскихъ плановъ, въ тѣни конечныхъ мыслей Сіеса или его умолчаній, скрывались, быть можетъ, конституціонный тронъ и появленіе революціонной династіи. Но онъ вовсе не давалъ это замѣтить жирондистамъ. Сіесъ, который былъ душою Учредительнаго собранія, въ то время, когда тамъ ораторствовалъ Мирабо, надѣялся возстановить свое вліяніе на общественное мнѣніе и на дѣла чрезъ посредство Верньо.

„Этотъ Сіесъ,—кротъ революціи“, говорилъ съ досадою Робеспьеръ. „Аббатъ Сіесъ самъ не показывается, но не перестаетъ дѣйствовать на собраніе изъ-подъ земли. Онъ направляетъ и мутитъ все. Онъ только возбуждаетъ другихъ, а самъ исчезаетъ. Онъ создаетъ крамольныя партіи, приводитъ ихъ въ движеніе, напускаетъ одинъ на другія, а самъ держится поодаль, чтобы потомъ извлечь себѣ выгоду, если обстоятельства поблагопріятствуютъ“.

Кандорсе, Бриссо, Верньо вовсе не имѣли предубѣжденія противъ монархіи, а отвращеніе къ народнымъ сотрясеніямъ начинало обращать умы этихъ людей къ сосредоточенію общественной власти. Но уже самое названіе королевскаго сана звучало оскорбленіемъ дѣятелямъ 10 августа, а фанатическая ненависть къ королямъ составляла почти всю политику молодыхъ депутатовъ Жиронды. Республика или смерть—это былъ для нихъ лозунгъ, указываемый необходи-
мостью.

Фонфредъ, сынъ бордоскаго негодіанта, самъ негодіантъ, былъ только 27-ми лѣтъ отъ рожденія. Онъ провелъ молодость въ Голландіи, напился тамъ старинными республиканскими преданіями Соединенныхъ-Провинцій, въ кото-

рыхъ богатство и свобода родятся другъ изъ друга. Возвратившись во Францію, Фонфредъ женился на сестрѣ Дюко, молодой женщинѣ, которая служила связью между этими двумя друзьями и братьями. Они жили, любили и думали вмѣстѣ. Люди богатые, осыдлые въ Парижѣ, они оказывали гостепріимство Верньо. Революціонный энтузіазмъ увлекалъ ихъ гораздо дальше, чѣмъ его. Верньо считалъ совмѣстнымъ съ республиканскими чувствами скорбь объ участи королей и эмигрантовъ. Фонфредъ и Дюко обладали экзальтаціею молодыхъ якобинцевъ.

Другіе жирондисты,—Петіонъ, Бюзо, Луве, Салль, Ласурсъ, Ребекки, Лантена, Ланжюине, Валазе, Дюранъ-де-Мальянъ, Феро, Валади, аббатъ Фоше, Кервелеганъ, Горза, собирались больше у г-жи Роланъ. Менѣе пламенные, чѣмъ Фонфредъ, Дюко и Гранжневъ,—менѣе благоразумные, чѣмъ Верньо, они сообразовали свои поступки болѣе съ интересами своего отечества, чѣмъ со своими душевными движеніями. Восторжествовать надъ якобинцами, оспаривая у нихъ популярность какою бы ни было цѣною,—отнять у Дантона и Робеспьера предлоги, какими они вооружались для обвиненія умѣренныхъ въ роялизмъ,—утопить Марата въ сентябрской крови, которую припоминать непрерывно, чтобы возбудить негодованіе конвента; создать и держать въ своихъ рукахъ сильную армію и исполнительную власть, ввести своихъ друзей массою въ комитеты и привязать къ своимъ интересамъ большинство нитями, которые будутъ приводиться въ движеніе рукою Ролана: таковъ былъ весь ихъ планъ. Интересъ отечества, безъ сомнѣнія, игралъ большую роль въ мысляхъ этихъ людей, но все-таки они слишкомъ легко смѣшивали честолюбіе своей партіи съ интересами республики. Въ томъ вообще и состоитъ опасность собраній подобнаго рода, какъ республиканскихъ, такъ и парламентскихъ,—что даже въ сердцахъ лучшихъ гражданъ патріотизмъ превращается въ крамолу, а власть съуживается до размѣровъ политическаго мнѣнія. Наоборотъ, могущество Робеспьера частію отъ того и происходило, что онъ находился въ непрерывномъ сообщеніи съ толпою чрезъ посредство клуба якобинцевъ, тогда какъ жирондисты замыкались въ свою собственную сферу. Единственная польза собраній у Ролана заключалась въ дисциплинѣ, какая давалась жирондистской партіи, въ отпечаткѣ одинаковаго духа на ихъ журналахъ и въ направленіи, невидимую рукою, голосовъ конвента на имена друзей этой партіи при назначеніи членовъ въ комитеты. Благодаря такой тактикѣ, жирондисты управляли комитетами чрезъ якобинцевъ; но Робеспьеръ управлялъ общественнымъ настроеніемъ. Обѣ стороны понимали, что побѣда достанется партіи, наиболѣе популярной. Слѣдовательно, надо было оспаривать другъ у друга популярность. Обѣ партіи искали ее повсюду.

23.

Якобинцы, въ это время, думали доставить себѣ популярность посредствомъ Тампля. По мнѣнію ихъ, та изъ двухъ партій, которая выказала бы въ своихъ поступкахъ наиболѣе непримиримую ненависть къ королевскому сану и которая лучше подслужилась бы враждѣ и мести націи, бросивъ ей голову короля, приобрѣтала такое право на довѣріе и давала такой залогъ республикѣ, что и нація и республика остались бы благодарны этой партіи. Цѣною головы Людо-

вика XVI была диктатура. Честолюбіе не торгуется. Страхъ торгуется еще менѣе. Но та изъ двухъ партій, которая отказалась бы вручить республикѣ подобный залогъ, этимъ самымъ обличала свою склонность или свой предразсудокъ въ пользу королевскаго сана. Колебаніе здѣсь показалось бы сообщничествомъ. Выказать состраданіе къ королю значило объявить себя враждебнымъ республикѣ. Отечество не хотѣло ни враговъ, ни сомнительныхъ друзей. Отказать ему въ требуемой мести значило жертвовать собою. Такимъ образомъ, соперничество двухъ партій исходило изъ вопроса о жизни одного человѣка. Господство должно было достаться самой неумолимой изъ нихъ. Эти двѣ партіи вступили въ борьбу предъ республикой изъ-за вопроса, которая скорѣе и полнѣе принесетъ ей самую крупную жертву: зловѣщее совпаденіе обстоятельствъ, при которомъ человѣческой идеаль, такъ сказать, сбивается, съ мѣста, а ужасъ и злоба такъ искажаютъ народный духъ, что народная страсть, вмѣсто того, чтобы искать себѣ силы и славы въ великодушій, видитъ свое величіе въ гнѣвѣ, а свою безопасность—въ убійствѣ.

24.

Робеспьеръ не питалъ къ королю никакой личной ненависти. Онъ даже ожидалъ многого отъ добродѣтелей этого государя, царствованіе котораго, при вступленіи на престолъ, обѣщало быть господствомъ философіи. Дантонъ желалъ бы спасти Людовика XVI.

Таинственныя сношенія этого человѣка съ королевой, съ принцессой Елизаветой, общанія, которыя онъ имъ давалъ охранять ихъ жизнь среди враговъ; состраданіе къ Людовику XVI, единственное преступленіе котораго состояло въ томъ, что онъ родился въ эпоху революціи, былъ слишкомъ лишень генія, чтобы ее понять, слишкомъ кротокъ, чтобы съ нею бороться, слишкомъ слабъ, чтобы ею управлять;—умиленіе при видѣ дѣтей, которыя, при самомъ рожденіи, находили въ своемъ имени преступленіе, а въ своей колыбели тюрьму; тайная гордость спасти царственную семью;—политическая мысль—сохранить этихъ великихъ заложниковъ и сдѣлать изъ ихъ жизни и свободы предметъ переговоровъ съ иностранными державами, все склоняло Дантона къ умѣренности; онъ этого и не скрывалъ въ разговорахъ съ людьми близкими. „Націи спасаются, но не мстятъ за себя,“ сказалъ онъ однажды группѣ кордельеровъ, упрекавшихъ Дантона за то, что онъ не настаивалъ на процессѣ Людовика XVI: „я революціонеръ, а не дикій звѣрь. Я не люблю крови побѣжденныхъ королей. Обратитесь къ Марату“. Самъ Маратъ былъ равнодушенъ къ суду надъ Людвигомъ XVI. Онъ требовалъ въ своихъ листахъ суда надъ королемъ только для того, чтобы бросить лишній вызовъ жирондистамъ и выказаться болѣе политическихъ дѣятелемъ, чѣмъ Робеспьеръ, и болѣе безжалостнымъ человѣкомъ, чѣмъ Дантонъ.

Когда этотъ вызовъ былъ брошенъ, жирондистамъ сдѣлалось уже невозможно уклоняться отъ вопроса. Предложить конвенту чистую и простую амнистію Людовика XVI значило явиться въ глазахъ раздраженного народа измѣнниками, которые прощаютъ тирана только для того, чтобы вскорѣ возвратитъ ему тираннію. Жирондистская партія раздѣлилась на два мнѣнія по этому во-

Теруанъ де-Мерикуръ.

просу. Верньо, Роланъ, Ланжюине, Бриссо, Сійестъ, Кондорсе, Петіонъ, Фосе чувствовали непреодолимое отвращеніе воздвигать эшафотъ короля на порогъ республики. Справедливость, правосудіе, формы суда, великодушіе—все заявляло протестъ въ ихъ сердцахъ. Какъ люди уже опытные въ требованіяхъ революцій, они не скрывали отъ себя, что такая уступка крови Людовика XVI только повлечетъ за собою необходимость другихъ уступокъ, и что республика, рожденная среди борьбы 10 августа, водворенная въ сентябрьской крови и освященная хладнокровною казнью, общала лишь терроръ внутри страны и произвела бы отвращеніе внѣ ея. Они склонялись къ мысли оспаривать у націи право судить короля, признавая, однакожь, за нею право побѣдить его и держать въ заточеніи. Въ глазахъ этихъ людей, въ лицѣ Людовика XVI былъ побѣжденный, но не обвиняемый,—въ лицѣ народа побѣдитель, а не судья,—казнь представляла собою месть, а не необходимость.

25.

Люди другого мнѣнія, въ той же партіи, раздѣляя отвращеніе къ пролитію крови и признавая бесполезность убійства послѣ сраженія, смотрѣли на Людовика XVI, какъ на государственнаго преступника противъ націи, котораго нація имѣла право поразить народною мстью, въ примѣръ королямъ. Фонфредъ, Дюко, Валазе и еще нѣкоторые суровые умы, очарованные примѣромъ древности, когда тираны были приносимы въ жертву, чтобы скрѣпить свободу народовъ, и не смягченные еще зрѣлищемъ превратностей людской судьбы и состраданіемъ къ несчастію, высказывались въ такомъ смыслѣ: „Людовикъ XVI оставитъ голову на эшафотѣ“, писалъ около этого времени Фонфредъ къ своимъ братьямъ въ Бордо. „Это событіе, само по себѣ простое, изображаемое каждымъ изъ насъ въ различномъ видѣ, также различно ожидается каждымъ. Остатокъ предразсудковъ, смѣшанный съ какимъ-то безпокойствомъ о будущемъ, заставляеть нѣкоторыхъ боязливыхъ людей страшиться самого событія, но большое число его желаетъ, а свобода, равенство, и также всемірное пра во судіе, предписываютъ это. Жертва велика. Осудить человѣка на смерть! Мое сердце возмущается, скорбитъ; но обязанность заговорила, и я заставляю молчать свое сердце. Наказаніе справедливо, очень справедливо: мнѣ не нужно въ этомъ другого ручательства, кромѣ спокойствія моей совѣсти. Нѣкоторые члены собранія думаютъ, что было бы полезно отложить дѣло до заключенія мира. Это полумѣра. Она ни къ чему не приведетъ. Мы себя погубимъ, если испугаемся своей смѣлости. Именно въ ту минуту, когда европейскія державы вступаютъ въ союзъ противъ насъ, мы имъ и предложимъ зрѣлище казни короля!“

„Мы хотимъ управлять революціей, изъ опасенія, чтобы революція насъ не унесла“, прибавляли жирондисты изъ этой партіи. „Чтобы управлять революціей, надобно оставаться во главѣ той страсти, которая ее возбуждаетъ. Эта страсть—страсть къ свободѣ. Свобода хочетъ отомстить за себя и защищать себя. Народъ будетъ увѣренъ, что сдѣлался свободнымъ, только тогда, когда перейдетъ черезъ трупъ короля. Жертва виновна: значитъ, не будетъ преступленіемъ умертвить ее. Якобинцы, кордельеры, коммуна, патріотическая часть конвента, клубы, журналы, петиціи департаментовъ налагаютъ на насъ

обязанность судить врага нации. Если мы воспротивимся такому голосу народа, то онъ отступится отъ насъ; онъ всецѣло бросится къ Робеспьеру, Дантону, Марату. Состраданіе будетъ нашимъ преступленіемъ. Эшафотъ короля будетъ треномъ ихъ партіи. Мы погибнемъ и не спасемъ головы Людовика XVI. Мы предоставимъ власть злодѣямъ. Наша роковая совѣстливость погубитъ революцію. Прибережемъ свою чувствительность для женъ и дѣтей нашихъ, въ частной жизни. Въ политическія дѣла будемъ вносить лишь непоколебимость государственныхъ людей. Капля крови иногда можетъ спасти страну, но слезы—никогда“.

26.

Эти колебанія между двумя частями Жиронды продолжались долго. Они грозили разорвать единство всей партіи. Сійесъ примирилъ спорившихъ. Человѣкъ, не ослѣпленный ни ненавистью, ни любовью, онъ вносилъ въ дѣло только разсудокъ. Ему, какъ и Верньо, былъ отвратителенъ судъ надъ королемъ, котораго уже осудила побѣда. Сійесъ не признавалъ за конвентомъ ни права, ни безпристрастія, необходимыхъ для суда. Въ убійствѣ Людовика XVI онъ видѣлъ лишь одно изъ такихъ проявленій національнаго гнѣва, которыя въ послѣдствіи, при хладнокровномъ обсужденіи, заставляютъ краснѣть народы и бросаютъ кровавое пятно на колыбель ихъ свободы. Сійесъ надѣялся, что размышленіе и правосудіе приведутъ, въ теченіе долгаго процесса, общественное чувство къ мысли объ изгнаніи, составляющемъ единственный судъ и единственную казнь павшаго могущества. Но Сійесъ, обладавшій хладнокровіемъ разсудка, не обладалъ неустранимостью духа. Политика и боязливость мѣшали ему принимать безусловныя рѣшенія. Онъ всегда оставлялъ себѣ возможность вступить въ сдѣлку со страхомъ и выносить необходимость, указываемую обстоятельствами. Мнѣнія Сіеса были больше совѣтами, чѣмъ рѣшеніями. Итакъ, онъ посовѣтовалъ своимъ друзьямъ, жирондистамъ, отдалить затрудненіе путемъ отерочки всего дѣла, которая предоставила бы каждому свободу мнѣній относительно суда надъ королемъ и оставила бы, въ послѣдней инстанціи, окончательное рѣшеніе народу. Такимъ образомъ, жирондисты сохранили бы вѣсь, необходимый для ихъ вліянія въ конвентѣ; они говорили бы и подавали голоса лично, каждый сообразно степени экзальтаціи своего патріотизма или величію своей умѣренности,—такъ, чтобы образъ мыслей каждаго изъ членовъ партіи не могъ характеризовать мнѣній цѣлой партіи. Мнѣнія относительно суда должны быть личными; но, какъ только сужденіе произнесено, всѣ должны единогласно требовать, чтобы этотъ судъ былъ повернутъ на верховное усмотрѣніе народа. Этимъ путемъ они сложатъ съ себя отвѣтственность. Это и будетъ воззваніемъ къ народу. Съ оговоркою относительно такой мѣры, которая успокоивала совѣсть однихъ, прикрывала популярность другихъ, и уступала обстоятельствамъ не голову короля, но лишь судъ надъ нимъ, процессъ былъ рѣшенъ. Но если на процессъ соглашались подъ вліяніемъ національнаго озлобленія, которое не могло успокоиться въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, и подъ угрозами иностранныхъ армій, побуждавшими народъ къ отчаяннымъ рѣшеніямъ, то легко было предвидѣть, что ни одной партіи не удастся спасти жертву.

Итакъ, ни Робеспьеръ, ни Дантонъ, ни Маратъ, ни жирондисты не имѣли жажды крови Людовика XVI и не вѣрили въ политическую полезность его казни. Отдѣльно каждый изъ этихъ людей и каждая изъ этихъ партій спасли бы короля. Но стоя лицомъ къ лицу одни съ другими и вступая во взаимную борьбу изъ-за патріотизма и республиканскихъ чувствъ, эти партіи и эти люди принимали вызовъ, который сами бросали другъ другу. Всѣ предпочли бы, чтобы вызовъ не былъ брошенъ, но какъ только разъ его бросили, то тотъ человѣкъ, который вздумалъ бы отступать, долженъ былъ погибнуть и оставить не только свою популярность, но и жизнь, въ рукахъ другого. Они намѣревались защищаться или поразить другъ друга, сражаясь на трупѣ короля. Не какая-нибудь партія, не мнѣніе, не отдѣльный человѣкъ приносили короля въ жертву; это дѣлалъ антагонизмъ всѣхъ этихъ мнѣній и всѣхъ партій. Процессъ короля становился ихъ боевымъ полемъ. Его голова была не трофеемъ, но видимымъ и свирѣпымъ знакомъ патріотизма. Никто не хотѣлъ предоставить этотъ знакъ своимъ противникамъ. Въ этой борьбѣ король долженъ былъ пасть отъ руки всѣхъ.

Когда такое рѣшеніе было принято, жирондисты, и особенно Роланъ, хотѣли поспѣшить устраненіемъ этого повода къ смутамъ и раздору въ республикѣ. Господствуя въ законодательномъ комитетѣ, они возложили сначала на Валазе, потомъ на Мельга, составленіе доклада конвенту о преступленіяхъ короля, а потомъ о судѣ надъ нимъ. Они хотѣли отнять у Робеспьера починъ обвиненія и сообщить процессу короля судебный характеръ, чтобы медленность и торжественность формъ оставили время хладнокровію, правосудію и повороту общественнаго мнѣнія къ милосердію.

Валазе сдѣлалъ этотъ первый докладъ, длинный списокъ преступленій Людовика XVI. Дантонъ всталъ, по прочтеніи доклада, и потребовалъ отпечатанія и основательнаго изученія всѣхъ бумагъ и всѣхъ мнѣній, какія относились къ этому важному дѣлу. Тайное намѣреніе уклониться отъ преній посредствомъ отерочки въ слѣдствіи было замѣтно въ словахъ Дантона. „Въ подобномъ дѣлѣ“, сказалъ онъ, „не должно скупиться на издержки печатанія. Всякое мнѣніе, которое покажется зрѣлымъ, когда будетъ содержать хорошую мысль, должно быть опубликовано. Разсужденія докладчика о неприкосновенности короля не полны. Сюда придется прибавить много мыслей. Легко доказать, что народы также неприкосновенны, что не бываетъ договора безъ взаимности, почему и очевидно, что если бывший король хотѣлъ сдѣлать насиліе, измѣнить французской націи, погубить ее, то осужденіе его согласно съ вѣчнымъ правосудіемъ“.

Петіонъ и Барбару также сдѣлали предложенія въ выжидательномъ смыслѣ, хотя и прикрывая, подобно Дантону, свое затаенное человѣколюбіе проклятіями измѣнѣ короля.

Дѣйствительное или притворное нетерпѣніе скорѣе учредить судъ надъ Людовикомъ XVI равно волновало отдѣлы, журналистику, якобинцевъ и кордельеровъ.

Странствующие ораторы воздвигали походные трибуны среди публичных садовъ и возбуждали въ толпѣ жажду мщенія и крови. Народъ, прерывая свои работы передъ концомъ дня, волновался, по голосу этихъ вожаковъ и по внушенію зажигательныхъ афишъ, между дверями конвента и помѣщеніями клубовъ якобинцевъ и кордельеровъ, принимая все болѣе и болѣе сторону Робеспьера и громко требуя пытки измѣнниковъ въ судѣ короля. Коммуна раздувала эти волненія и сдѣлала для отдѣловъ лозунгомъ измѣну Ролана и Жиронды. Непрерывное возстаніе грозило конвенту.

Народная молва обвиняла жирондистовъ то въ намѣреніи произвести въ Парижѣ голодъ посредствомъ отказа установить maximum цѣны на жизненные припасы въ пользу народа, то въ стремленіи ввести дезорганизацію въ арміяхъ и задержать патриотическій порывъ націи на Савою, на графство Ницца, на Бельгію и на Германію,—то, наконецъ, въ замыслахъ вступить въ сдѣлку съ роялистами и дать ускользнуть, въ лицѣ короля, добычѣ народа, очистительной жертвѣ отечества. Маратъ бросалъ каждый день искру своего слова въ это броженіе ненависти. Его листки каждое утро разражались воплями, подобно крику возстанія, какой по временамъ исходитъ изъ взволнованной толпы. Это былъ усиленный и повторенный много разъ отголосокъ ярости націи. Дантонъ, все сохраняя сдержанное, молчаливое положеніе, нѣсколько поодаль отъ обѣихъ партій, пользовался еще нѣкоторымъ вліяніемъ у кордельеровъ и поддерживалъ сношенія, скрѣпленныя сообщничествомъ въ ужасномъ дѣлѣ съ вождями коммуны. Робеспьеръ, гордясь тѣмъ, что одинъ составлялъ партію, держался неподвижно, замкнувшись въ своихъ принципахъ и въ своемъ безкорыстіи; не стремясь, по наружности, ни къ чему, онъ ждалъ, что все само придетъ къ нему. Дѣйствительно, каждый день, со времени необдуманнаго обвиненія Луве, нѣсколько нерѣшительныхъ членовъ конвента отдѣлились отъ партіи Ролана и Бриссо и присоединились къ человѣку принципа,—одни изъ страха, другіе изъ уваженія,—наибольшее число—вслѣдствіе того могучаго притяженія, какое вообще оказываютъ, независимо отъ своихъ личныхъ характера и таланта, тѣ люди, которые и лучше понимаютъ догматы революціи, и привязываются къ нимъ съ большею вѣрою и высказываютъ ихъ съ большею настойчивостью, съ неустрашимостью, несмотря ни на какія обстоятельства, ни на какую судьбу, ни на какія партіи. Такимъ образомъ, съ одной стороны, Маратъ, Дантонъ, Робеспьеръ, якобинцы, кордельеры, коммуна, парижскій народъ; съ другой, Роланъ, Петіонъ, Бриссо, Верньо, жирондистскіе депутаты, федераты департаментовъ, марсельцы Барбару и парижская буржуазія,—образовали двѣ партіи, которыя готовились разорвать другъ друга, споря за республику. Таковъ былъ внѣшній видъ конвента.

Но не одно только честолюбивое желаніе управлять республикой создало эти двѣ большія партіи. Такое раздѣленіе имѣло причину различіе революціонныхъ догматовъ, признаваемыхъ каждою изъ сторонъ, и различную политику, которую это различіе догматовъ внушало вождямъ партій. Жирондисты были не болѣе, какъ демократами по обстоятельствамъ. Робеспьеръ и монтаньеры

были демократами по принципамъ. Первые, какъ учредительное собраніе и Мирабо, стремились только къ ниспроверженію дряхлой аристократіи церкви, дворянства и двора, чтобы потомъ замѣнить ихъ аристократіею болѣе новою, — разума, наукъ и богатства. Общественный переворотъ, вызывавшійся жирондистами, останавливался въ первыхъ слояхъ общества. Разъ упразднивъ тронъ, церковь и дворянство на вершинѣ государства, они хотѣли сохранить все остальное. Когда талантъ и гордость жирондистовъ получили бы удовлетвореніе, тогда они хотѣли уже остановить революцію, поставить предѣлъ демократіи позади себя, а внизу оставить существовать все неравенства и несправедливости, надъ которыми они одни высились бы благодаря тому движенію, которое сами произвели.

Жирондисты не скрывали своего предпочтенія формѣ правительства англійскаго или учрежденіямъ сенаторскимъ, съ которыми учредилось бы первенство одного класса, если даже не королевскій санъ въ лицѣ одного короля. Самые крайніе изъ государственныхъ людей этой партіи проявляли тенденціи американскія и федеративныя, которыя, раздѣливъ республику на отдѣльныя и независимыя группы, позволили бы учредить по департаментамъ олигархіи, благодаря вліянію нѣсколькихъ крупныхъ провинціальныхъ семействъ.

Политика Робеспьера, не нисходя до бурной демагогіи Марата, совмѣщала цѣлый народъ въ своихъ планахъ эманципации и организаціи. Все люди граждане, все граждане — часть верховной власти и пользуются, сообразно установленнымъ конституціей формамъ, равною частью власти; правосудіе и равенство полныя, основанныя на правѣ естественномъ и распределяющія, равномѣрными частями, между всеми сословіями и индивидуумами, права и обязанности общей ассоціаціи; наслѣдственные плоды труда сохраняются въ формѣ собственности, основѣ семьи, но законъ наслѣдованія и государственная справедливость безпрестанно облагаютъ богатаго болѣе тяжелыми повинностями, постоянно подаютъ бѣдному, болѣе изобильную помощь и непрерывно стремятся, такимъ образомъ, уравнивать имущества по примѣру уравниванія правъ и сословій; далѣе, гражданская религія, выражающая въ своемъ простомъ культѣ раціональные догматы, нравственныя формулы и набожныя упованія, которыя заставляютъ человѣчество вѣрить, надѣяться и дѣйствовать; все въ трехъ словахъ: народъ, правитель и божество; законъ божественный, выражаемый и примѣняемый, сколько возможно, въ законѣ социальномъ: вотъ идеалъ политики Робеспьера.

Это была, какъ мы сказали политика Жанъ-Жака Руссо. Восходя выше, зародышъ ея находятъ въ христіанствѣ. Это высокій идеалъ, тысячу разъ неудавшійся по несовершенству орудій и учреждений, которыми пытались его осуществить, — тысячу разъ потопленный въ крови мучениковъ социальнаго усовершенствованія, но, несмотря на то, проникающій собою все иллюзіи, все тиранніи, все эпохи, все мечты, — идеалъ, блескъ котораго человѣчество постоянно видитъ предъ собою, если не какъ пристань, то какъ цѣль!

Такая политика должна была очаровать народъ. Эта теорія имѣла своихъ сообщниковъ во всехъ несправедливостяхъ, во всехъ неравенствахъ, во всехъ страданіяхъ классовъ народа, обездоленныхъ какъ относительно имущества, такъ и относительно власти, и во всехъ великодушныхъ стремленіяхъ людей. Это

двойное соучастіе всего того, что страдаетъ отъ настоящаго и что стремится къ будущему, составляло силу Робеспьера. Народъ въ жирондистахъ видѣлъ только честолюбцевъ; въ Робеспьерѣ онъ видѣлъ избавителя.

30.

Но члены коммуны и клуба кордельеровъ имѣли еще другой поводъ ненавидѣть жирондистовъ и добиваться ихъ низверженія. Повелители Парижа 10 августа, они не хотѣли уступить власть конвенту. Инстинктъ революціи подсказывалъ имъ, что на Францію нужно наложить диктатуру, натянуть всѣ ея пружины разомъ и сообщить департаментамъ, отдаленнымъ и охладѣвшимъ членамъ республики, тотъ лихорадочный пылъ, который всегда сосредоточивается въ извѣстныя минуты въ головѣ націй. Парижъ одинъ центръ и очагъ революціонныхъ идей въ теченіе полулѣтя, обладалъ достаточнымъ жаромъ, страстью, фанатизмомъ и авторитетомъ надъ остальною частью республики, чтобы заставить подражать и повиноваться себѣ и чтобы оказывать на нерѣшительныхъ или разбросанныхъ департаментскихъ депутатовъ давленіе путемъ воли, страха и иногда возстаній, которое бы сдѣлало изъ нихъ, вопреки ихъ желанію, орудіе отчаянной энергіи принциповъ. Кордельеры, коммуна и Дантонъ, единодушные относительно этого пункта, презирали въ жирондистахъ ихъ умѣренность и совѣстливость по отношенію къ законности, способныя, по мнѣнію первыхъ, все обезсилить въ такую минуту, когда все должно было находиться въ напряженіи и выказывать силу сообразно обстоятельствамъ. Особенно ненавидѣли они въ этой партіи департаментовъ духъ обособленности и центробѣжное стремленіе къ окончностямъ, которыя стремились поставить каждый департаментъ въ уровень съ Парижемъ и не предоставлять столицѣ больше правъ и дѣятельности, чѣмъ послѣднему центру сѣвера или юга. „Къ чему намъ ваши теоріи и законы“, грубо говорилъ Дантонъ Жансонне, „когда единственный законъ состоитъ въ торжествѣ, когда единственная теорія для націй есть теорія жизни? Сперва спасемся, а послѣ уже будемъ разсуждать. Франція въ эту минуту не въ Лиллѣ, не въ Марсели, не въ Ліонѣ, не въ Бордо; она всецѣло находится тамъ, гдѣ думаютъ, дѣйствуютъ, сражаются за нее! Нѣтъ болѣе департаментовъ, нѣтъ раздѣльныхъ интересовъ, нѣтъ географіи; есть только одинъ народъ; онъ долженъ имѣть только одну республику! Развѣ въ Ліонѣ взята Бастилія? Развѣ въ Марсели совершилось 20 іюня? Развѣ въ Бордо совершилось 10 августа? Вездѣ, гдѣ дѣло идетъ о спасеніи отечества, тамъ Франція, тамъ нація, единая, цѣлая, нераздѣльная. Что вы говорите о тиранніи Парижа? Это тираннія головы надъ членами, то-есть тираннія жизни надъ смертію. Берегитесь! Вы приверженцы раздробленія страны! Вы насъ обвиняете въ порабощеніи департаментовъ, мы васъ обвиняемъ въ обезглавленіи республики! Которые изъ насъ самые виновные? Вы хотите раздробить свободу, чтобы она была слабою и уязвимою во всѣхъ своихъ членахъ; мы хотимъ объявить свободу недѣлимою, какъ нація чтобы она была недосягаема въ лицѣ своей главы. Которые изъ насъ государственные люди?“ Очевидно, это былъ Дантонъ.

XXXII.

Людовикъ XVI и королевская фамилія въ Тамплѣ.—Описаніе Тампля.—Манюэль.—Тизонъ и его жена.—Башмачникъ Симонъ и помощникъ его Роше.—Король отдѣленъ отъ своей семьи.—Клери.—Тулань.

1.

Пока республика, раздираемая внутри, при самомъ своемъ рожденіи, взаимно враждебными партіями, угрожаемая извнѣ коалиціею троновъ, направляла свои батальоны ко всѣмъ границамъ, судорожно волновалась въ Парижѣ и, не зная, куда обратить свою ярость, громкими воплями требовала головы узника, какъ бы желая удовлетворить ею разъяренный духъ народа,—король и его семейство, запертые въ Тамплѣ, смутно слышали, изъ глубины своей тюрьмы, глухой шумъ этихъ сотрясеній. Со дня на день послѣднія подходили ближе и ближе и все болѣе и болѣе грозили несчастнымъ.

2.

Въ эпохи подобныхъ великихъ столкновеній идей и событій,—производящихъ революціи,—бываютъ всегда искупительныя существа, нѣсколько семействъ, нѣсколько людей, въ которыхъ олицетворяется общее бѣдствіе и въ личности которыхъ, какъ бы по какой-то привилегіи несчастія,—сосредоточиваются и взаимная ненависть двухъ, ожесточенныхъ другъ противъ друга сторонъ, и удары, наносимые ими одна другой, и ярость и страхъ, съ какими бойцы относятся другъ къ другу, и крамольные замыслы, которые ихъ волнуютъ, и бѣды, кровь, слезы цѣлой страны. Все это соединяется, разражается, терзается, плачетъ, истекаетъ кровью, страдаетъ, умираетъ, такъ сказать, въ какой-нибудь несчастной человѣческой единицѣ! Это пунктъ, въ которомъ революціи, самыя необходимыя и самыя законныя, разрѣшаются терзаніями, пытками, муками, въ лицѣ жертвъ, олицетворяющихъ собою лишеныя жизни учрежденія.

Здѣсь также общественное мнѣніе молчитъ, теорія перестаетъ быть неуимою, и сама исторія, забывая на минуту свое пристрастіе къ дѣлу народовъ, не имѣетъ уже другого дѣла, другой славы и другой обязанности, кромѣ состраданія. Толковальщица сердца человѣческаго, исторія также обладаетъ слезами; но ея слезы не ослѣпляютъ ее, а только умиляютъ.

3.

Мы оставили Людовика XVI на порогѣ Тампля, куда отвезъ его Петіонъ; король не зналъ еще, въ качествѣ ли только низложеннаго монарха входилъ онъ туда или какъ плѣнникъ. Эта неизвѣстность длилась нѣсколько дней.

Тамплъ былъ—древняя, мрачная крѣпость, выстроенная монашенскимъ орденомъ Тамплеровъ, въ тѣ времена, когда эта воинственно-священническая теократія представлявшая собою соединеніе возстанія противъ королей съ тиранніею противъ народовъ, строила, вмѣсто монастырей, крѣпкіе замки, и стремилась къ преобладанію путемъ двойной силы креста и шпаги.

Со времени паденія тамплеровъ, ихъ укрѣпленное жилище оставалось неприкосновеннымъ, какъ останокъ прежняго времени, пренебреженный временемъ новымъ. Замокъ Тамплъ былъ расположенъ близъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, недалеко отъ Бастиліи; своими зданіями, дворцомъ, башнями, садами онъ занималъ обширное, уединенное и безмолвное пространство въ центрѣ квартала, китѣвшаго народомъ. Зданія Тампля состояли изъ пріорства или орденскаго дворца, комнаты котораго служили временнымъ помѣщеніемъ графу Артуа, когда принцъ пріѣзжалъ изъ Версаля въ Парижъ. Этотъ разоренный дворецъ заключалъ въ себѣ комнаты, наполненные небольшимъ количествомъ старинной мебели, постелей и бѣлья для свиты принца. Привратникъ и его семья были единственными хозяевами этихъ комнатъ. Кругомъ простирался садъ, пустой и дикій, какъ и дворецъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого жилища возвышалась башня или замокъ Тампля, когда-то укрѣпленный; его шероховатая, черная масса высилась къ небу; двѣ четырехугольныя башни,—одна побольше, другая поменьше, пересѣкались другъ съ другомъ, въ видѣ цѣлаго ряда стѣнъ; у боковъ каждой изъ нихъ были другія висячія башенки, увѣнчанныя когда-то на оконечностяхъ зубцами; онѣ составляли главную группу этого зданія. Нѣсколько низкихъ и болѣе новыхъ строеній прислонялись сюда же и, исчезая подъ тѣнью старинной постройки, только увеличивали ея громадность. Эти башенка и башня были выстроены изъ большихъ тесаныхъ камней, ссадины и рубцы которыхъ пестрили стѣны желтоватыми и багровыми пятнами на черномъ фонѣ, слѣды, какіе вообще оставляются дождемъ и дымомъ на монументахъ сѣвера Франціи.

Большая башня, почти столь же возвышенная, какъ башни собора, имѣла не менѣе 60 футовъ отъ основанія до верхушки кровли. Между ея четырьмя стѣнами заключалось пространство въ 30 квадратныхъ футовъ. Огромный каменный столбъ занималъ центръ башни и восходилъ до шпика зданія. Этотъ столбъ, расширяясь и развѣтвляясь въ каждомъ этажѣ, упиралъ свои арки во внѣшнія стѣны и образовалъ четыре послѣдовательные свода, которые покрывали четыре фехтовальныя залы. Каждая изъ этихъ залъ сообщалась съ узкими кабинетиками, угнѣздившимися въ башенкахъ. Стѣны зданія были толщиною въ девять футовъ. Амбразуры рѣдкихъ оконъ, освѣщавшихъ его,—очень широкія при выходѣ въ залу, по мѣрѣ углубленія, суживались до самыхъ каменныхъ окончинъ и пропускали внутрь только рѣдкій воздухъ и отдаленный свѣтъ. Желѣзные засовы дѣлали эти комнаты еще болѣе мрачными. Двѣ двери, выложенныя, одна очень толстымъ дубомъ, околоченнымъ гвоздями съ большими алмазными головками,—другая желѣзными пластинками, которыя закрѣплялись полосками изъ того же металла, раздѣляли каждую залу входной лѣстницы. Эта кругообразная лѣстница восходила спиралью до самой платформы зданія.

Семь калитокъ одна за другой или семь толстыхъ дверей, запертыхъ на

ключъ или на задвижку, были расположены на площадкѣ каждого этажа, отъ основанія до террасы. У каждой изъ этихъ дверей стояли часовой и тюремный ключникъ. Наружная галерея господствовала на вершинѣ этой башни. На каждую сторону тамъ приходилось только десять шаговъ. Малѣйшій вѣтерокъ грохоталъ тамъ, какъ буря; гулъ Парижа доносился туда, замирая. Оттуда взоръ свободно могъ пролетѣть надъ низкими кровлями квартала Сентъ-Антуанъ или улицы Тамплъ, до купола Пантеона, до башенъ собора, до крыши павильоновъ Тюльери или до зеленыхъ холмовъ Исси и Шаузи-ле-Рюа, которые спу-скались къ теченію Сены со своими деревнями, парками и лугами.

Малая башня прислонялась къ большой. На каждомъ изъ ея боковъ было также по двѣ башенки. Она также была квадратная и раздѣлялась на четыре этажа. Никакого внутренняго сообщенія не существовало между этими двумя смежными зданіями. Каждое имѣло свою особую лѣстницу. На малой башнѣ, какъ и на башенкѣ, вмѣсто кровли, выходила подъ открытымъ небомъ платформа. Первый этажъ заключалъ въ себѣ прихожую, столовую и библіотеку изъ старыхъ книгъ, собранныхъ прежними пріорами Тампля или служившихъ складомъ забракованныхъ книгъ изъ библиотекъ графа Артуа. Второй, третій и четвертый этажи представляли такое же расположеніе комнатъ, тѣ же обнаженные стѣны и такую же обветшалость подвижности. Тамъ дулъ вѣтеръ, попадалъ дождь чрезъ разбитыя оконныя стекла,—свободно летали ласточки. Ни постелей, ни столовъ, ни креселъ, ни обоевъ. Одна или двѣ плохія кровати для помощниковъ привратника, нѣсколько соломенныхъ стульевъ и кое-какая глиняная посуда въ покинутой кухнѣ составляли все убранство комнатъ. Двѣ низкія, дугообразныя двери, каменная рѣзба которыхъ была подражаніемъ группѣ колоннъ, поддерживавшихъ разбитый щитъ Тампли, составляли входъ въ переднія этихъ двухъ башенъ.

Широкія, вымощенныя аллеи обвивались кругомъ монумента. Эти аллеи были раздѣлены досчатыми перегородками. Садъ былъ загроможденъ вѣтвистою растительностью дурныхъ травъ, загрязненъ кучами камней и щебня, остатковъ разрушенія. Высокая и мрачная стѣна, подобно монастырской, сообщала печальный видъ этой оградѣ, замыкая ее со всѣхъ сторонъ. Эта стѣна выходила на оконечность большой аллеи безъ деревьевъ на „Старой-Улицѣ Тампля“. Таковы были ви́шній видъ и внутреннее расположеніе этого жилища, куда хозяева Тюльери, Версала и Фонтенбло прибыли съ наступленіемъ ночи. Эти пустынные залы не ожидали болѣе гостей съ тѣхъ поръ, какъ тамплеры покинули ихъ, чтобы отправиться на костеръ Жака Моле. Эти пирамидальныя башни, пустыя, холодныя и нѣмыя въ теченіе многихъ вѣковъ, походили не столько на жилое помѣщеніе, сколько на внутренность пирамидъ, въ гробницѣ Фараона.

4.

По прибытіи въ Тамплъ, король былъ переданъ Петіономъ подъ надзоръ членовъ муниципалитета и стражи Сантерра. Прокуроръ-синдикъ муниципалитета, Манюэль, — человекъ, способный къ состраданію, какъ и къ революціонной экзальтаціи, сопровождалъ короля. По позѣ Манюэля замѣтно было, что его уже охватило состраданіе и что уваженіе къ павшему величію боролось въ

его душѣ съ официальной суровостью языка. Опущенное чело Манюэля, румянецъ, выступившій на его лицѣ, обнаруживали тайный стыдъ, какой онъ ощущалъ, запирая короля, королеву, дѣтей, принцессу въ жилище, столь отличное отъ дворца, который они только что покинули. Нѣкоторое колебаніе сообщало неуверенность Сантерру, Манюэлю и членамъ муниципалитета, на которыхъ возложено было водвореніе королевской фамилии въ Тамплѣ. Это водвореніе походило на казню. Сановники народа были столь же смущены, какъ и сами узники. Въ артиллеристахъ отдѣловъ, служившихъ конвоемъ экипажу короля, воспоминанія о 10-мъ августѣ, опяненіе торжествомъ, восклицанія и движенія народа по дорогѣ подавили всякое уваженіе. Эти люди хотѣли запереть короля въ малую башню, а его семейство во дворцѣ. Петіонъ напомнилъ имъ о человѣколюбіи. Королевская фамилія вся была высажена въ замкѣ. Ее тамъ приняли безмолвные и угрюмые привратники и съ поспѣшнымъ рвеніемъ сдѣлали всѣ приготовления къ продолжительному пребыванію.

Король не сомнѣвался, что это мѣстопробываніе назначено ему націею до самаго рѣшенія его участи. Онъ входилъ сюда не безъ той внутренней радости, подъ вліяніемъ которой человѣкъ, замученный волненіемъ и утомленный неизвѣстностью, видитъ счастье въ самой неподвижности того именно подводнаго камня, на которомъ онъ терпѣлъ крушеніе. Если король и не вѣрилъ въ свою безопасность, то, по крайней мѣрѣ, вѣрилъ въ свой миръ въ этомъ жилищѣ. Онъ поспѣшилъ вступить во владѣніе имъ и расположить здѣсь свои повседневныя привычки. Онъ оглянулъ сады для прогулокъ своихъ дѣтей и для ежедневныхъ упражненій, необходимость которыхъ указывалась королю его крѣпкой натурой и наклонностями къ физическимъ упражненіямъ. Онъ велѣлъ отворить комнаты, осмотрѣлъ бѣлье, мебель, выбралъ помѣщенія, назначилъ комнату королевы, свою, дѣтей, сестры, принцессы Ламбалъ и тѣхъ особъ, которыхъ вѣрность или нѣжность привязывала къ королю даже и въ этомъ последнемъ убѣжищѣ.

5.

Королевскому семейству подали ужинъ. Король ужиналъ съ кажущимися ясностью духа и спокойствіемъ. Манюэль и члены муниципалитета присутствовали при ужиноѣ стоя. Молодой дофинъ заснулъ на колыняхъ у своей матери, и король велѣлъ его унести. Уже расположились уложить ребенка, когда Манюэль получилъ приказаніе коммуны, вызванное не Манюэлемъ и не Петіономъ, а доносомъ сторожевыхъ артиллеристовъ, и омрачившее эту первую радость неволи: то было приказаніе немедленно очистить дворецъ и, съ первой же ночи, запереть королевскую семью въ малой башнѣ Тампля. Король почувствовалъ этотъ ударъ, быть можетъ, съ большою болью, тѣмъ та, какую онъ ощущалъ при выходѣ изъ Тюльери. Нерѣдко къ какому-нибудь остатку прежней фортуны привязываются съ большою силою, тѣмъ къ самой fortunѣ. Всѣ приготовления къ устройству были прерваны. Артиллеристы и члены муниципалитета наскоро перенесли нѣсколько матрацовъ и бѣлья въ необитаемыя залы башни. Тѣлохранители водворились тамъ. Король, королева, принцессы, дѣти, собравшись въ залѣ съ необходимыми для каждаго вещами, нѣсколько часовъ въ молчаніи ожидали, пока тюрьма будетъ готова для ихъ приѣма.

Спустя часъ послѣ полуночи Манюэль пригласилъ ихъ отправиться туда. Была глубокая ночь. Муниципальныя лица несли фонари передъ процессіей; артиллеристы, съ обнаженными саблями, образовали шалеру. Слабый свѣтъ фонарей озарялъ только нѣсколько шаговъ передъ ними и оставлялъ все прочее во мракѣ; только площадки, зажженные на окнахъ и на валикахъ крѣпости Тампля, позволяли различить его высокіе шпицы и черную массу башенъ, къ которымъ безмолвно направлялось шествіе. Зданіе, освѣщенное такимъ образомъ, представляло гигантскіе и фантастическіе профили, незнакомые королю и его слугамъ. Лакей короля спросилъ въ полголоса у муниципального офицера, сюда-ли сведутъ его господина: „Твой господинъ“, отвѣчалъ ему тотъ, „привыкъ къ позолоченнымъ украшеніямъ; ну, такъ теперь онъ увидитъ, куда садить убійцъ народа“.

6.

Въ башню входили чрезъ узкую, кривую дверь башенки, которая заключала въ себѣ витую лѣстницу. Въ каждомъ этажѣ оставляли нѣсколькихъ лицъ изъ королевской фамиліи и слугъ, въ назначенныхъ имъ помѣщеніяхъ: принцесса Елизавета въ кухнѣ, снабженной простою кроватью, въ нижнемъ этажѣ; прислуга въ первомъ этажѣ, королева съ дѣтьми во второмъ, король—въ третьемъ. Дубовая кровать безъ занавѣсъ и нѣсколько стульевъ составляли единственную мебель этой комнаты. Стѣны были обнажены; нѣсколько непристойныхъ гравюръ,—остатокъ убранства лакея графа Артуа, были прибиты гвоздями къ стѣнѣ. Король, войдя въ комнату, окинулъ ее взоромъ безъ всякаго признака отвращенія или слабости; взглянувъ на гравюры, оторвалъ ихъ собственной рукой и, повернувшись къ стѣнѣ, сказалъ: „я не хочу оставлять подобные предметы на глазахъ моей дочери!“ Комната королевы и дѣтей представляла такую же скудость.

Король легъ и заснулъ. Двое изъ его слугъ, Гю и Шамильи, провели ночь на стульяхъ подлѣ его кровати; принцесса Ламбаль—въ ногахъ постели королевы; другія женщины изъ прислуги королевской семьи—въ кухнѣ, на тюфякахъ, разостланныхъ около кровати, на которой спала молодая сестра короля. Стражи и муниципальные члены издали наблюдали за этими комнатами.

Ночь прошла у королевы и принцессы, среди шопота, сдержанныхъ слезъ и зловѣщихъ предсказаній, дѣлаемыхъ въ полголоса относительно участи, какую предвѣщало узникамъ такое униженіе, несоотвѣтствовавшее ни ихъ сану, ни полу. Одни только дѣти спали мирнымъ и продолжительнымъ сномъ, какъ бы среди комфорта Версаля. На другой день и на слѣдующіе дни королевѣ и принцессамъ была предоставлена свобода входить въ комнату короля и безпрепятственно переходить изъ одного этажа въ другой, во внутренности башни. Онѣ обошли всѣ ея комнаты, и окончательно назначили помѣщеніе для каждаго чловѣка изъ семьи, какъ для друзей, такъ и для прислуги. Они сузили свою жизнь, примѣнили ей свои привычки, какъ скованный узникъ прилагается къ своимъ оковамъ, чтобы менѣе чувствовать ихъ тяжесть. Принесли нѣсколько мебели, развѣсили нѣсколько ковровъ по влажнымъ, голымъ стѣнамъ; принесли нѣсколько кроватей. Кровати королевы и короля были взяты

изъ подержанной подвижности Тампильскаго дворца; это были кровати конюховъ графа Артуа. Одна только,—именно у короля, имѣла занавѣсы изъ зеленой шелковой матеріи, оборванной и распушенной, какъ и прилично было такому жалкому пріюту.

Послѣ перваго завтрака, сервированнаго еще съ нѣкоторою роскошью въ столовой перваго этажа, король перешелъ въ боковую башенку,—пересмотрѣлъ съ интересомъ старыя латинскія книги, нагроможденные въ этой части башни архивариусами ордена Тампльеровъ, томы, долгое время дремавшіе подъ пылью. Король здѣсь нашелъ Горация, поэта безпечныхъ наслажденій, забытаго тутъ, какъ бы въ видѣ пропіи надъ низверженнымъ величіемъ, надъ погребенною молодостью, надъ развѣнчанной красотой. Онъ тамъ нашелъ Цицерона, эту великую душу, въ которой ясная философія господствуетъ надъ превратностями политики, а добродѣтель и несчастье, соединенныя въ лицѣ одного генія, представляютъ зрѣлище и примѣръ людямъ, которымъ приходится выносить удары судьбы. Наконецъ, онъ тамъ открылъ нѣсколько книгъ религіознаго содержанія, которыя благочестіе короля, оживляемое несчастьемъ, заставило его принять, какъ даръ неба; старыя требники, содержащіе всѣ земныя стenanія въ стихахъ своихъ псалмовъ, разчитанныхъ на каждый день года; нашелъ „Подражаніе Христу“, сосудъ христіанской горести, гдѣ всѣ слезы, путемъ самоотверженія, превращаются въ умирненіе сердца и въ предчувствіе безсмертія. Король бережно унесъ эти книги въ свой рабочій кабинетъ,—углубленіе, сдѣланное въ башенкѣ рядомъ съ его комнатою. Король хотѣлъ и самъ пользоваться этой книгой и употреблять ее для упражненія памяти и ума своего сына въ изученіи латинскаго языка.

7.

Принцессы собрались въ комnatѣ королевы, во второмъ этажѣ, подѣ комнатою короля. Королева велѣла поставить кровати свою и своего сына въ залѣ, которая занимала центръ башни; принцесса Елизавета, ея племянница,—принцесса Ламбаль,—устроились въ меньшей и болѣе темной комnatкѣ, чрезъ которую днемъ проходили муниципальныя должностныя лица, сторожа, вся прислуга этого этажа, отправляясь въ другія комnatы, назначенныя для самыхъ грязныхъ надобностей. Кухни нижняго этажа остались пустыми, какъ и четвертый этажъ башни. Въ другой кухнѣ, помѣщавшейся въ третьемъ этажѣ и смежной съ комнатою короля, поставлены были кровати двухъ его слугъ, Гю и Шамильи.

Часовая прогулка по саду, по темной аллеѣ старинныхъ каштановъ, была разрѣшена королевской семьѣ передъ обѣдомъ: обѣдъ приготовили къ двумъ часамъ. Сантеррь и два его адъютанта присутствовали тутъ безъ наглости, но и безъ уваженія. Часы, раздѣляющіе средину дня отъ ночи, были заняты разговорами, чтеніемъ, уроками; которые король давалъ своему сыну; играми и молитвами дѣтей, нѣжными семейными изліяніями между узниками. Въ девять часовъ принесли ужинъ въ комнату короля, чтобы неизбѣжный при этомъ шумъ не смутилъ сна дѣтей, уже заснувшихъ въ этажѣ королевы. Послѣ ужина и нѣжныхъ рукопожатій между королемъ, королевой и его сестрой, принцессы

сошли вниз; а король, войдя въ свою читальную комнату, заперся тамъ, чтобы размышлять, читать и молиться до полуночи.

8.

Такъ прошелъ первый день неволи. Въ досугъ плѣнниковъ внесена была нѣкоторая улада, а въ печаль ихъ нѣкоторое облегченіе, благодаря присутствію и утѣшеніямъ принцессы Ламбаль,—попеченіямъ и преданности герцогини де-Турзель и ея дочери Полины,—привязанности испытанныхъ слугъ, которые добровольно затворились со своими господами и были счастливы своею жертвою,—набожному поклоненію принцессы Елизаветы ея брату,—самой новизнѣ несчастія, перемѣнѣ обстановки, даже тѣмъ печальнымъ улыбкамъ, какія иногда удавались плѣнникамъ по поводу устройства ихъ комнатъ и перемѣны въ ихъ привычкахъ въ этомъ угрюмомъ убѣжищѣ; далѣе, благодаря утомленію отъ минувшихъ бурь,—сознанію большей безопасности своей жизни въ этой крѣпости,—при чемъ выполнилось желаніе королевы, высказанное Дантону: „намъ надо запереться на три мѣсяца въ башню“; благодаря ожиданію прибытія иностранцевъ и незнанію о триумфахъ Дюмуре; сознанію преданности, состраданія, сочувствія, которыя сопровождали узниковъ изъ глубины націи въ эти тюрьмы; наконецъ, благодаря неопредѣленной, но ободряющей надеждѣ на возможность перемѣны въ настроеніи народа. Пока несчастіе имѣть свидѣтелей, которые на него смотрять,—повѣренныхъ, которые его слушаютъ,—дружбу, которая его раздѣляетъ, до тѣхъ поръ оно не лишено даже и своихъ радостей. Эта семья, эти друзья, эти слуги, тѣснившіеся вмѣстѣ въ стѣнахъ Тампля, давали другъ другу взаимно такое утѣшеніе.

9.

На слѣдующій день узники, чтобы развлечься въ своемъ тѣсненіи, пошли посѣтить болѣе обширныя залы большой башни Тампля, гдѣ, какъ объявилъ Сантерръ, готовилось ихъ окончательное помѣщеніе. Манюэль, Сантерръ и сильный муниципальный конвой сопровождали ихъ въ этомъ посѣщеніи тюрьмы, а оттуда по саду. Проходя чрезъ ряды муниципальных лицъ и чрезъ группы національныхъ гвардейцевъ, тѣснившіеся при проходѣ плѣнниковъ, король и королева услышали угрожающій ропотъ противъ присутствія принцессы Ламбаль, г-жи де-Турзель и женской прислуги, которое оставляло узникамъ тѣнь королевскаго величія, „чего нельзя было терпѣть послѣ преступленій двора, такъ какъ это оскорбляло народъ, сохраняя за королевскимъ саномъ наружность прежняго предразсудка“.

Эти слова, переданныя коммуной, послужили поводомъ къ декрету, который приказывалъ отозвать всѣхъ лицъ, окружавшихъ королевскую семью. Человѣколюбіе Манюэля приостановило на нѣсколько дней выполненіе этой суровой мѣры. Манюэль надѣялся добиться отъѣзды приказа, который столь жестоко поражалъ многія сердца. Но въ ночь съ 19 на 20 августа, въ самый первый сонъ плѣнниковъ, непривычный шумъ внезапно пробудилъ королевскую семью. Муниципальные сановники вошли въ комнаты короля и королевы и прочитали имъ еще болѣе повелительный указъ, которымъ предписывалось немед-

ленно изгнать всѣхъ постороннихъ королевскому семейству лицъ, не исключая и женской прислуги и двухъ слугъ, состоявшихъ при нихъ лично. Это приказаніе, объявленное въ подобный часъ, въ такихъ выраженіяхъ, съ такимъ видомъ, которые удвоивали его жестокость, поразило всѣхъ заключенныхъ оцѣпѣннѣмъ и тревогою. Гю и Шамильи, бросившись полуодѣтые въ комнату своего господина, держали другъ друга за руки, стоя передъ кроватью короля. Этимъ нѣмымъ жестомъ они выражали ужасъ разлуки. „Берегитесь“, сказали имъ членъ муниципалитета, „гильотина въ дѣйствиіи и разить смертью королевскихъ прислужниковъ“.

Г-жа де-Турзель, гувернантка дофина, принесла заснувшее дитя на постель безутѣшной королевы. Полина де-Турзель упала въ объятія молодой принцессы, къ которой ее привязывали возрастъ и дружба, какъ къ сестрѣ. Г-жа де-Наварръ, дама принцессы Елизаветы, три женщины изъ прислуги королевы, принцессы, дѣти, г-жи Сень-Брисъ, Тибо, Базиръ заливались слезами у ногъ своей госпожи. Марія-Антуанета и принцесса Ламбаль, сжимая другъ друга въ объятіяхъ, стонали отъ горести. Одно только насиліе могло ихъ разлучить. Муниципальные чиновники увлекли Ламбаль, безъ чувствъ, на лѣстницу, вонъ изъ этихъ стѣнъ, гдѣ она оставляла свою королеву и друга. Король не могъ снова заснуть. Принцесса Елизавета и молодая королевская принцесса провели остатокъ ночи въ слезахъ, въ комнатѣ королевы. Съ этого только дня Марія-Антуанета почувствовала себя плѣнницею: у нея отняли дружбу.

10.

Въ замѣнъ этихъ женщинъ, этихъ слугъ, этихъ друзей, отвѣчавшихъ какъ потребности сердца, такъ и привычкѣ, комиссары коммуны водворили въ башнѣ мужчину и женщину, по имени Тизонъ. На нихъ однихъ возложено было прислуживать узникамъ. Этотъ Тизонъ, угрюмый старикъ, служилъ когда-то комиссаромъ у парижскихъ заставъ; это былъ человѣкъ, привычный, по самому своему положенію, къ подозрительности, къ инквизиторству и къ грубости въ сношеніяхъ съ людьми. Эта грубость превращала всѣ его услуги въ оскорбленія.

Жена Тизона, болѣе молодая и менѣе нечувствительная, колебалась между состраданіемъ къ несчастіямъ королевы и боязнью, чтобы это состраданіе не было поставлено въ преступленіе ея мужу. Она безпрестанно переходила отъ преданности къ измѣнѣ, и отъ слезъ, проливаемыхъ на колѣняхъ королевы, къ доносамъ на свою госпожу. Сердце этой женщины было слабо; королева Франціи по своему произволу то восхищала ее, то наполняла смущеніемъ ея мысли. Такая борьба впечатлительности и страха при слабомъ умѣ этой женщины, окончательно запутала ея разсудокъ: подъ вліяніемъ этого-то безумія она приписала Маріи-Антуанетѣ разныя преступленія противъ природы, которыя были только бредомъ воображенія несчастной помѣшанной.

Башмачникъ Симонъ, комиссаръ коммуны для надзора за работами и за расходами, былъ единственнымъ изъ муниципальных сановниковъ, который никогда не сдѣлался со службы въ Тамплѣ. Всѣ эти слуги, тюремщики, тю-

ремные ключники получали приказанія отъ этого человѣка. Рабочій, краснѣющій за свою работу и одержимый честолюбіемъ играть роль, хотя бы самую гнусную, Симонъ добивался роли тюремщика и выполнялъ ее, какъ палачъ. Помощникомъ ему былъ старый сѣдельникъ, по имени Роше.

11.

Роше былъ одинъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ несчастіе составляеть игрушку и которые любятъ лаять на жертвы, какъ собаки на лохмотья. Его выбрали за массивный ростъ, за зловѣщую наружность, за свирѣпое выраженіе фizioноміи. Это былъ тотъ самый человѣкъ, который вломился въ комнату короля 20 іюня и поднять на него руку для удара. Чудовищный лицомъ, съ наглымъ взглядомъ, съ грубыми тѣлодвиженіями, — сквернословащій въ разговорахъ, въ шерстяной шапкѣ, съ длинной бородой, съ хриплымъ голосомъ, съ табачнымъ и виннымъ запахомъ отъ платья, непрерывно окруженный облаками табачнаго дыма, — онъ казался живымъ призракомъ тюрьмы. Онъ волочилъ большую саблю по плитамъ и по ступенькамъ лѣстницы. Сбоку, на кожаномъ поясѣ, у него висѣла огромная связка ключей. Громъ этихъ ключей, которыми онъ умышленно стучалъ, трескотня задвижекъ, которыя онъ цѣлый день то отодвигалъ, то опять задвигалъ, нравились ему, какъ другимъ нравится звукъ оружія. Казалось, что это бряцаніе возвѣщавшее важность Роше, возвѣщало также еще грубѣе плѣнникамъ ихъ неволю. Когда королевское семейство среди дня выходило на прогулку, Роше, притворяясь, что выбираетъ изъ связки ключъ и безуспѣшно пробуетъ задвижку, заставлялъ короля и принцессъ долго стоя, ожидать передъ нимъ. Какъ только дверь первой калитки отворялась, онъ быстро сходилъ съ лѣстницы, задѣвая локтями короля и королеву, и становился караульнымъ у послѣдней двери. Стоя тамъ и загораживая выходъ, разсматривая лица, онъ пускалъ изъ своей трубки облака дыму въ глаза королевѣ, принцессѣ Елизаветѣ и королевской принцессѣ, осматриваясь при каждомъ столбѣ дыма, понято ли его оскорбительное намѣреніе и вознаграждаютъ ли его низость свидѣтели сочувственными улыбками.

Одобреніе подобнымъ оскорбленіямъ побуждало Роше возобновлять ихъ каждый день. Національные гвардейцы, какіе были на службѣ въ Тамплѣ, тщательно собирались каждый разъ при выходѣ короля, чтобы насладиться такою пыткой королевскаго достоинства, преданнаго на поруганіе тюремщиковъ. Тѣ, которыхъ возмущала подобная низость, таили въ сердцахъ негодованіе, которое показалось бы ихъ сообщникамъ преступленіемъ. Самые жестокіе или самые любопытные изъ нихъ приносили себѣ стулья изъ караульни. Они садились, нахлобучивъ шляпы, когда король проходилъ, нарочно загораживали проходъ, чтобы низвергнутый монархъ яснѣе видѣлъ ихъ непочтительность и свое униженіе. Взрывы хохота, шопотъ, грубые или непристойные эпитеты пробѣгали въ рядахъ при проходѣ короля и принцессъ. Тѣ, которые не осмѣливались произносить эти обиды, писали ихъ остріемъ штыковъ на стѣнахъ прихожей и лѣстницы. На каждой ступенькѣ можно было читать оскорбительные намеки на тучность короля, на мнимое распу-

ство королевы, угрозы смерти дѣтямъ, „этимъ волчатамъ, которыхъ нужно зарѣзать ранѣ того возраста, когда они будутъ въ состояніи сожрать народъ!“

Въ продолженіе прогулки, артиллеристы, оставивъ свои орудія, а рабочіе свои лопатки, собирались сколько можно ближе къ узникамъ и танцовали, подъ звуки революціонныхъ припѣвовъ и куллетовъ самымъ непристойныхъ пѣсенъ, понимать которыя не допускала дѣтей ихъ невинность.

12.

Этотъ часъ сообщенія съ небомъ и съ природой, который даруется и величайшимъ преступникамъ, состраданіемъ самыхъ суровыхъ законовъ, превращался, такимъ образомъ, въ часъ униженія и мукъ для плѣнниковъ. Король и королева могли уклониться отъ этого, оставшись затворенными внутри своей тюрьмы, но дѣти ихъ погибли бы въ такомъ уединеніи и въ неподвижности. Ихъ возрасту нужны были свободный воздухъ и движеніе. Родители ихъ добровольно покупали, цѣною оскорбленій, немного воздуха, солнца и моціона, необходимыхъ для молодой жизни ихъ дѣтей.

Сантерръ и шесть муниципальныхъ офицеровъ, находившіеся на службѣ въ Тамплѣ, шли впереди королевской фамиліи во время этихъ прогулокъ и имѣли ближайшее наблюденіе за нею при выходѣ. Многочисленные часовые, передъ которыми нужно было проходить, отдавали военную честь начальнику вооруженныхъ силъ Парижа и членамъ муниципалитета. При приближеніи короля они, въ знакъ презрѣнія, перевортывали свое оружіе и поднимали ружейные приклады на воздухъ.

Шаги королевскаго семейства были сочтены и ограничены въ саду половиною длины каштановой аллеи. Сломка зданія, постройка, толпы рабочихъ загромождали другую половину. Это короткое и узкое пространство, медленно проходимое королемъ, его женою и сестрою, служило для бѣганья и игръ молодой королевской принцессы и ея брата; король притворялся принимающимъ участіе въ этихъ играхъ, чтобы ихъ ободрить. Онъ игралъ съ дофиномъ въ палетъ (метательный кружокъ), и въ мячикъ. Онъ устанавливалъ цѣль, назначалъ призъ бѣгу. Во время этихъ игръ королева и ея сестра говорили между собою въ полголоса или старались отвлечь вниманіе дѣтей отъ скандальныхъ пѣсенъ, которыя ихъ преслѣдовали даже подъ тѣнью этихъ деревьевъ.

Однажды во время этихъ прогулокъ, королева, разговаривая съ Клері о безполезности попытокъ двора смягчить или подкупить республиканцевъ, и въ особенности Пегіона, Дантона и Лакруа, рассказала ему (чтобы современемъ онъ могъ подтвердить дѣйствительность факта) объ одномъ проявленіи преданности, которымъ ея сердце казалось глубоко тронуто.

Въ эпоху одного изъ тѣхъ отчаянныхъ кризисовъ, когда Людовикъ XVI, истощивъ свои средства, искалъ послѣдней надежды спасенія въ безкорыстной привязанности и въ кошелькѣ нѣсколькихъ друзей,—командоръ д'Этурмель, потомокъ одного изъ тѣхъ крестоносцевъ, которые первые пошли на приступъ Іерусалима, былъ генераль-прокуроромъ Мальтійскаго ордена въ Парижѣ. Онъ узналъ о лишеніяхъ короля, реализовалъ въ нѣсколько часовъ сумму въ 500,000 франковъ и велѣлъ ее отнести Людовику XVI. Король принялъ эту

сумму, употребилъ ее на уплату, въ теченіе нѣсколькихъ лишнихъ дней, тѣмъ посредникамъ, которые ему отвѣчали за народъ, и былъ обманутъ ими. Этотъ долгъ признательности тяготѣлъ на сердцѣ короля и королевы въ тюрьмѣ Тампля; они себя часто упрекали за принятіе столькихъ бесполезныхъ жертвъ и за то, что увлекли въ свою катастрофу имущество друзей своего дома. Иногда также, и особенно въ первое время, принцессы имѣли, во время этихъ прогулокъ полныхъ прелести для несчастныхъ, сношенія съ вѣншиимъ міромъ. Бдительность палачей не могла перехватывать взгляды; съ высоты верхнихъ этажей домовъ, которые окружали стѣны Тампля, глаза могли проникать въ садъ. Эти дома, обитаемые бѣдными семействами, не представляли никакого предлога подозрительности и насилію коммуны. Мелкіе торговцы, рабочіе, торговки не могли быть обвинены ни въ сообщничествѣ съ тираніей, ни въ заговорахъ противъ равенства. Запретить открывать эти окна не рѣшились. Какъ только часъ прогулки короля сдѣлался извѣстенъ въ Парижѣ, любопытство, состраданіе и вѣрность наполняли эти окна многочисленными зрителями, лица которыхъ нельзя было различить издали, но поза и движенія которыхъ обличали нѣжное любопытство и состраданіе. Королевская семья поднимала боязливые взоры къ этимъ безвѣстнымъ друзьямъ. Королева, безмолвно отвѣчая желаніямъ такихъ посѣтителей, съ намѣреніемъ снимала вуаль со своего лица, останавливалась для разговора съ королемъ подъ взглядами, которые казались ей наиболѣе радушными, или, какъ бы случайно, направляла шаги и игры молодого дофина на ту сторону, гдѣ можно было лучше рассмотреть прелестную фигуру ребенка. Тогда нѣсколько головъ преклонялось, нѣсколько рукъ приближались одна къ другой, дѣлая нѣмой знакъ рукоплесканія. Нѣсколько цвѣтковъ падало, какъ бы случайно, съ кровель бѣдняковъ,—въ одной или двухъ мансардахъ развѣтывались надписи прописными буквами, съ нѣжнымъ словомъ, со счастливымъ предсказаніемъ, съ выраженіемъ надежды, уваженія.

Сдержанные, но болѣе вразумительные знаки отвѣчали и снизу. Одинъ или два раза король и принцессы думали узнать среди этихъ лицъ черты преданныхъ друзей, прежнихъ министровъ, высокопоставленныхъ женщинъ, преданныхъ двору, самое существованіе которыхъ было уже для нихъ сомнительно. Эти таинственныя сношенія, установившіяся между тюрьмою и частью націи, которая осталась вѣрною несчастію, были такъ сладостны плѣнникамъ, что послѣдніе, чтобы не лишиться ихъ, пренебрегали, каждый день, дождемъ, холодомъ, солнечнымъ жаромъ и еще болѣе невыносимыми оскорбленіями сторожевыхъ артиллеристовъ. Нить ихъ несчастнаго существованія, казалось, такимъ образомъ соединялась съ душою ихъ бывшихъ подданныхъ. Узники видѣли къ себѣ сочувствіе въ нѣсколькихъ постороннихъ сердцахъ, и уличный воздухъ, гдѣ они встрѣчали знаки привязанности, приносилъ узникамъ,—по крайней мѣрѣ, со стороны,—то состраданіе, въ которомъ имъ отказывали въ стѣнахъ тюрьмы. Они всходили на платформу; они часто показывались въ окнахъ башни. Узники завязали, хотя издали, интимныя сношенія, безымянную дружбу. Королева и сестра ея говорили между собою: „этотъ домъ намъ преданъ, тотъ этажъ принадлежитъ намъ, эта комната роаялистская, то окно намъ дружественно“.

13.

Но если извѣсть доходила до плѣнниковъ нѣкоторая радость, то печаль и ужасъ также достигали до нихъ въ отголоскахъ городского шума. До самаго подножія башни раздавался ревъ сентябрскихъ убійцъ, которые хотѣли одолѣть часовыхъ, отрубить голову королевѣ или, по крайней мѣрѣ, выставить къ ея ногамъ изрубленный и обезображенный трупъ принцессы Ламбаль.

21-го сентября, въ четыре часа вечера, король заснулъ послѣ обѣда, подлѣ принцессы, которая молчала, чтобы не прерывать его сонъ; въ это время муниципальный сановникъ, по имени Любенъ, въ сопровожденіи конвоя конныхъ жандармовъ и бурной толпы народа, явился къ подножію башни, чтобы провозгласить уничтоженіе королевскаго сана и учрежденіе республики. Принцессы не хотѣли будить короля. Онѣ рассказали ему о прокламаціи послѣ его пробужденія. „Мой санъ“, сказалъ онъ королевѣ съ печальной улыбкой, „миновалъ, какъ сонъ, но это не былъ счастливый сонъ! Богъ даровалъ мнѣ его; народъ его съ меня слагаетъ; пусть Франція будетъ счастлива, я не буду сожалѣть“. Вечеромъ того же дня Манюэль пришелъ навѣстить плѣнниковъ. „Вы знаете“, сказалъ онъ королю, „что демократическіе принципы торжествуютъ, что народъ отмѣнилъ королевскій санъ и установилъ республиканское правительство?“—„Я это слышалъ“, возразилъ король съ спокойнымъ равнодушіемъ, „и возносилъ къ Богу мольбы, чтобы республика была благопріятна народу. Я никогда не становился между нимъ и его счастіемъ“.

Въ эту минуту король носилъ еще свою шпагу,—своего рода дворянская привилегія прежней Франціи; знаки орденовъ, которыхъ онъ былъ главою, были еще приколоты къ его платью. „Вы знаете также“, продолжалъ Манюэль, „что нація уничтожила эти погрешности. Вамъ должны были сказать, что нужно снять съ себя ихъ знаки. Вступивъ въ разрядъ прочихъ гражданъ, вы должны быть поставлены наравнѣ съ ними. Впрочемъ, требуйте у націи то, что вамъ необходимо, нація вамъ даруетъ“.—„Благодарю васъ“, сказалъ король, „мнѣ ничего не нужно“; и опять спокойно принялся за чтеніе.

14.

Манюэль и комиссары, чтобы избѣгнуть всякой бесполезной скорби и всякаго насильственного униженія личнаго достоинства короля, сдѣлали знакъ его камердинеру слѣдовать за собою. Они возложили на этого вѣрнаго слугу обязанность снять орденскіе знаки съ платья короля, когда онъ раздѣнется на ночь, и отослать въ конвентъ эти останки монархіи и гербы дворянства. Король самъ отдалъ приказаніе объ этомъ Клеру. Онъ не согласился разстаться только съ тѣми знаками, которые получилъ въ колыбели вмѣстѣ съ жизнью и которые, казалось ему, относились больше къ его личности, чѣмъ къ трону. Онъ велѣлъ ихъ запереть въ ящикъ и хранилъ ихъ, то какъ воспоминаніе, то какъ надежду. Неистовый Эберъ, столь извѣстный впоследствии подъ именемъ „Отца Дюшена“, тогда членъ коммуны, потребовалъ назначить себя въ этотъ день на караулъ, чтобы насладиться такою рѣдкою насмѣшкою судьбы и, въ лицѣ короля, созерцать нравственную пытку опозореннаго королевскаго сана. Эберъ

впивался глазами, съ свирѣпою усмѣшкою, въ фizioномію короля. Спокойствіе челоѣка въ чертахъ лица низвергнутаго государя разочаровало любопытство Эбера. Король не хотѣлъ доставить своимъ врагамъ радость уловить какое-нибудь ощущеніе на его лицѣ. Онъ показывалъ видъ, что спокойно читаетъ исторію паденія римской имперіи изъ Монтескье, пока совершалась его собственная судьба и пока ему читали о катастрофѣ; онъ былъ болѣе внимателенъ къ несчастіямъ другихъ, чѣмъ къ своимъ собственнымъ. Король былъ великъ въ своемъ хладнокровіи; королева—высока своею гордостью. Оплакивать свое величіе казалось ей болѣе унижительнымъ, чѣмъ низойти съ него. Такое приниженіе ея характера унизило бы ее болѣе, чѣмъ приниженіе самого сана. Ни малѣйшая душевная слабость не порадовала зрителей этой церемоніи. Когда во дворахъ прозвучали трубы, послѣ провозглашенія республики, король на минуту показался въ окнѣ, какъ-бы для того, чтобы видѣть наружность новаго правительства. Толпа его замѣтила. Поднялись проклятія, сарказмы, оскорбленія, какъ послѣднее прощаніе съ монархіей среди этой толпы. Жандармы, размахивая своими саблями при восклицаніяхъ „да здравствуетъ республика!“ сдѣлали королю повелительный знакъ удалиться. Людовикъ XVI заперъ окно. Такъ разстались народъ и король послѣ столькихъ вѣковъ монархіи.

15.

Конвентъ ассигновалъ сумму въ 500,000 ливровъ на расходы, относящіяся къ устройству и содержанію королевской семьи въ тюрьмѣ. Коммуна, чрезъ посредство цѣлаго ряда комиссій, употребила на предохранительныя постройки и на стѣсненіе плѣна большую часть этой субсидіи, назначенной на пропитаніе. То, что должно было служить къ услажденію существованія плѣнниковъ, послужило къ отягощенію ихъ оковъ и къ уплатѣ ихъ тюремщикамъ. Въ распоряженіи короля не было никакой суммы, чтобы одѣть королеву, свою сестру, своихъ дѣтей, чтобы вознаградить за услуги, какія онъ требовалъ извинѣ, или чтобы доставить своему семейству,—въ видѣ мебели, въ видѣ тюремныхъ занятій, небольшія удобства, какія частное имущество арестантовъ дѣлаетъ возможными даже въ казематѣ преступниковъ. Плѣнники вышли изъ Тюльери, неожиданно безъ всякой другой одежды, кромѣ той, какая была на нихъ утромъ 10-го августа; ихъ гардеробъ, платья, шкатулки были разграблены во время сраженія; перемѣстившись въ Тамплъ безъ всякаго бѣлья, кромѣ того, какое было послано въ зданіе манежа женою англійскаго посланника или одолжено королевской семьѣ нѣсколькими служителями, узники, при приближеніи суровой зимы представляли видъ истинно бѣдственный. Королева и принцесса Елизавета проводили дни, какъ бѣдныя работницы, починивая бѣлье короля и дѣтей и приставляя заплаты къ ихъ лѣтнему платью.

Въ то время, когда договаривающіяся лица со стороны пруссаковъ, чтобы прикрыть свое отступленіе, требовали у Дюмурье тайнаго отчета относительно облегченія участи плѣнниковъ, которое было бы соединено съ уваженіемъ къ нимъ и могло бы прикрыть заточеніе въ глазахъ Европы,—Манюэль и Пегіонъ, по просьбѣ Вестермана, отправились въ Тамплъ и выполнили со вниманіемъ

предписаніе Дюмуре. Ни тотъ ни другой изъ этихъ высшихъ должностныхъ лицъ коммуны не раздѣляли постыдной жажды мести и грубости муниципаловъ противъ человѣка, который былъ ихъ королемъ. Возвышенность идей сообщаетъ достоинство враждѣ, приличіе ненависти. Манюэль и Петіонъ, люди съ республиканскимъ образомъ мыслей, видѣли въ Людовикѣ XVI принципъ, подлежащій осужденію, но видѣли и человѣка, котораго нужно пощадить; въ королевѣ, въ принцессахъ, въ дофинѣ, — женщинъ, дѣтей жертвы превратности человѣческихъ дѣлъ, которыя народъ долженъ былъ скорѣе жалѣть и поддерживать, чѣмъ давить при ихъ паденіи. Они имѣли съ королемъ тайный разговоръ, въ которомъ, признавая республику, не отказывались ни отъ участія къ его несчастіямъ, ни отъ надежды видѣть его дни предохраненными посредствомъ замиренія общественныхъ опасеній послѣ побѣды и мира. Людовикъ XVI и сама королева, пораженные сентябрскимъ терроромъ, казалось, поняли, что жизнь ихъ зависѣла болѣе отъ руки народа, чѣмъ отъ арміи союзныхъ королей; они соединили свои пожеланія съ пожеланіями гуманныхъ и умѣренныхъ республиканцевъ относительно скораго очищенія территоріи. Король просилъ, чтобы Петіонъ вручилъ ему звонкою монетою сумму на его личныя нужды и на нужды его семьи. Петіонъ послалъ Людовику XVI сто лудировъ, — милостыня республики государю, впаавшему въ нищету.

Составили списокъ вещей, необходимыхъ для королевской семьи, предметовъ изъ бѣлья, мебели, платья, топлива, съѣстныхъ припасовъ, книгъ, и всѣ эти расходы были изобильно покрыты на счетъ коммуны и при посредствѣ ея комиссаровъ, въ пропорціи, соразмѣрной не потребностямъ семейства, но великодушію націи и уваженію, какое прилично павшему величію. Республика въ эту минуту щедро воспользовалась своимъ правомъ остракизма.

16.

Но Петіонъ и Манюэль были уже только официальными правителями коммуны. Они смягчали ея приказанія при выполненіи, но не сами составляли. Въ комиссіяхъ преобладалъ духъ возмездія, мести, подозрительности и низкаго преслѣдованія, свойственный безграмотнымъ демагогамъ. Каждый день новые обвинители являлись искать тебѣ популярности въ совѣтѣ ратуши путемъ доносовъ противъ Тампльскихъ узниковъ. Генеральный совѣтъ избиралъ комиссаровъ, получавшихъ полномочіе наблюдать за Людовикомъ XVI, среди самыхъ предубѣжденныхъ и ожесточенныхъ людей. Лица, обладавшія какою нибудь долею великодушія, отклоняли отъ себя эти гнусныя обязанности. Послѣднія должны были выпасть на долю подлымъ сердцамъ и безжалостнымъ рукамъ. Эти тюремщики старались перещеголять другъ друга въ строгости и притѣсненіяхъ, необходимыхъ, по ихъ мнѣнію, чтобы предупредить побѣгъ плѣнныхъ и сношенія ихъ съ чужеземцами. Хотя подобныя мѣры часто были противны здравому смыслу и человѣколюбію генеральнаго совѣта, но никто не осмѣливался ихъ оспаривать, изъ страха быть обвиненнымъ въ слабости или въ сообщничествѣ съ роялистами. Такимъ образомъ, то, что было отвергаемо каждымъ лично, получало за себя голоса всѣхъ. Въ эпоху господства террора,

онъ тяготѣеть столько же надъ той самой корпораціей, которая его производитъ, сколько и надъ націей, которая его выноситъ.

Такимъ образомъ, внутренніе порядки и администрація Тампля достались небольшому числу людей, составлявшему осадокъ совѣта коммуны; почти всѣ они были ремесленники, безъ воспитанія, безъ великодушія, даже безъ стыда; — они гордо наслаждались тѣмъ произволомъ, какой судьба вручила имъ надъ королемъ, опустившимся ниже ихъ самихъ; эти люди, каждый разъ, когда извлекали слезу у плѣнниковъ, думали, что тѣмъ спасаютъ отечество.

17.

Къ концу сентября, въ ту минуту, когда король выходилъ изъ комнаты королевы, послѣ обѣда, возвращаясь въ свое помѣщеніе, шесть муниципальныхъ офицеровъ съ пышной обстановкой пріѣхали въ Тамплъ. Они прочитали королю постановление коммуны, предписывавшее перевести его въ большую башню и совершенно разлучить отъ остальнаго семейства. Королева, принцесса Елизавета, королевская принцесса, молодой дофинъ, сжимая короля въ объятіяхъ и покрывая его руки поцѣлуями и слезами, напрасно старались смягчить муниципаловъ и добиться послѣдняго утѣшенія, возможнаго въ несчастіи: страдать вмѣстѣ. Муниципалы, Симонъ, самъ Роше, хотя и растроганные, не смѣли отступить отъ неумолимаго приказанія. Со строгою, инквизиторскою тщательностью обыскали мебель, постели, одежду плѣнниковъ; лишили ихъ всякихъ средствъ къ внѣшнимъ сношеніямъ: бумаги, чернилъ, перьевъ, карандашей, — заставили такимъ образомъ, прекратить уроки, которые королевскій принцъ началъ брать у родителей, и осудили наслѣдника престола на неумѣнье писать, — котораго краснѣютъ даже послѣднія дѣти изъ народа.

Король, вырванный изъ объятій своей плачущей семьи, былъ отведенъ въ помѣщеніе, только-что оконченное, которое было ему назначено въ большой башнѣ. Рабочіе еще продолжали тамъ свое дѣло. Постель и стулъ, среди разрытой земли, щепня, досокъ и кирпичей, составляли всю меблировку комнаты. Король бросился на постель совсѣмъ одѣтый. Онъ проводилъ время, считая шаги часовыхъ, которыхъ смѣняли у его двери, и вытиралъ первыя слезы, какія тюрьмѣ удалось вырвать у его твердой натуры. Клерк, камердинеръ короля, провелъ ночь на стулѣ, въ амбразурѣ окна, нетерпѣливо ожидая дня, чтобы узнать, будетъ ли ему позволено идти къ принцессамъ для обыкновенныхъ утреннихъ услугъ, къ которымъ онъ привыкли. Это онъ причесывалъ дофина и завивалъ длинные волосы королевы и принцессы Елизаветы со времени ихъ плѣна.

Когда Клерк попросилъ разрѣшенія выйти для этой цѣли, комиссаръ коммуны, Веронъ, грубо отвѣчалъ ему: „вы не будете имѣть болѣе сношенія съ плѣнниками. Вашъ господинъ не долженъ даже видѣть своихъ дѣтей!“

Король сдѣлалъ комиссарамъ нѣсколько трогательныхъ замѣчаній относительно варварства, которое было оскорбленіемъ природы, мучило пять сердецъ, чтобы покарать одно, и причиняло живымъ существамъ пытку разлуки болѣе жестокою, чѣмъ самая смерть; комиссары не удостоили его отвѣтомъ.

Они отвернулись от короля, какъ глухіе, или какъ люди, которымъ надоѣли докучныя мольбы.

18.

Кусокъ хлѣба, недостаточный для двухъ человѣкъ, и графинъ воды, въ которую былъ выжатъ сокъ лимона, составляли въ этотъ день весь завтракъ, принесенный королю. Послѣдній подошелъ къ своему слугѣ, разломилъ хлѣбъ и подаль половину Клери. „Они забыли, что насъ двое“, сказалъ король, „но я не забываю этого; возьмите это; мнѣ довольно остальнаго“. Клери отказывался; король настаивалъ. Наконецъ, слуга взялъ половину хлѣба своего господина. Слезы оросили кусокъ, который онъ поднесъ ко рту. Король видѣлъ эти слезы и не могъ удержать своихъ. Такимъ образомъ, въ слезахъ, смотря другъ на друга, безъ всякихъ словъ, они оба ѣли этотъ хлѣбъ, эмблему печали и равенства.

Король снова умолялъ муниципала сообщить ему извѣстія о женѣ и дѣтияхъ и доставить нѣсколько книгъ, чтобы избавиться отъ умственного утомленія въ его одиночествѣ. Людовикъ XVI назвалъ нѣсколько томовъ по исторіи и по религіозной философіи. Муниципаль, къ которому король обратился, болѣе человѣколюбивый, чѣмъ другіе, посоветовался со своими товарищами и склонилъ ихъ выполнить порученіе у королевы. Послѣдняя провела ночь среди рыданій, въ своей комнатѣ, въ объятіяхъ сестры и дочери. Блѣдность губъ королевы, рубцы на лицѣ отъ слезъ, густые волосы, въ которыхъ виднѣлись нити сѣдинъ, подобно прорывамъ на исчезающей молодости ея самой; неподвижность сухихъ глазъ,—упорство, съ которымъ она отказывалась прикасаться къ своему завтраку, поклявшись умирить себя голодомъ, если будутъ настаивать на разлукѣ ея съ королемъ,—все это растрогало и устршило муниципаловъ. На нихъ лежала отвѣтственность за жизнь узниковъ. Сама коммуна потребовала бы отъ нихъ отчета за жертву, отнятую, добровольною смертию, отъ народнаго суда и отъ эшафота. Природа также говорила въ сердцахъ этихъ людей языкомъ слезъ, который заставляетъ себѣ повиноваться самыхъ зачерствѣлыхъ людей. Принцессы, бросившись на колѣна передъ муниципалами, заклинали ихъ позволить имъ быть вмѣстѣ съ королемъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній дня и въ часы принятія пищи. Молящія жесты, сердечныя вопли, слезы, катившіяся изъ глазъ, оказывали свое всемогущее подкрѣпленіе этимъ мольбамъ. „Ну, сегодня пусть они отобѣдаютъ вмѣстѣ“, сказали муниципальный офицеръ, „а завтра объ этомъ рѣшитъ коммуна“. При этихъ словахъ, горестныя вопли принцессъ и дѣтей превратились въ восклицанія радости и благословенія. Королева, держа въ объятіяхъ дѣтей, повергла ихъ на колѣни и сама бросилась вмѣстѣ съ ними съ горячею благодарностью къ небу. Члены коммуны посмотрѣли другъ на друга влажными глазами; даже Симонъ, вытирая себѣ слезы, вскричалъ: „право, эти негодныя женщины, пожалуй, и меня заставить заплакать!“ Потомъ, обратившись къ королевѣ и какъ бы стыдясь своей слабости, онъ прибавилъ: „вы не плакали такъ, когда велѣли убивать народъ 10-го августа!“—„Ахъ, народъ очень ошибается относительно нашихъ чувствъ“, отвѣчала королева.

Эти люди наслаждались съ минуту зрѣлищемъ своего *милосердія*. Узники свидѣлись въ часть обѣда и болѣе, чѣмъ когда-нибудь, поняли, до какой степени несчастіе дѣлало ихъ необходимыми другъ другу.

19.

Нѣжность короля выказывалась въ бѣдѣ; душа королевы возвышалась въ несчастіи; всѣ добродѣтели принцессы Елизаветы обращались въ дѣятельное состраданіе къ своему брату и его женѣ. Разсудокъ дѣтей приводилъ ихъ къ умиленію въ этой темницѣ, которая постоянно орошалась слезами ихъ родителей. День неволи болѣе научалъ ихъ жизни, чѣмъ цѣлый годъ, проведенный при дворѣ. Несчастіе ускоряетъ зрѣлость своихъ жертвъ. Королевская семья и въ страданіяхъ и въ наслажденіи имѣла какъ бы одно сердце. Коммуна не противилась свиданіямъ плѣнниковъ, въ виду опасенія самоубійства королевы. Съ этой минуты принцессы три раза въ день приводились въ большую башню, чтобы тамъ принимать пищу вмѣстѣ съ королемъ. Однакожъ, муниципалы, присутствовавшіе при этихъ свиданіяхъ, уничтожали ихъ прелесть, сопротивляясь всякимъ интимнымъ разговорамъ узниковъ между собою. Имъ было строго запрещено говорить тихо или разговаривать на иностранныхъ языкахъ. Они должны были говорить громко и по-французски.

Принцесса Елизавета, забывъ объ этомъ распоряженіи, сказала брату нѣсколько словъ въ полголоса и была сильно выбрана муниципаломъ. „Секреты тирановъ“, сказалъ ей этотъ человѣкъ, „составляютъ заговоры противъ народа. Говорите громко или молчите. Нація должна слышать все“.

Назначеніе двухъ темницъ для одной семьи увеличивало трудность надзора и подозрительность тюремщиковъ,—но увеличивало и для служителей короля удобства обманывать тюремныхъ часовыхъ. Клері удалось завязать тайкомъ кое-какія сношенія съ вѣншиимъ міромъ. Ему помогали три человѣка, служившіе прежде на кухнѣ короля въ Тюльери, по имени Тюржи, Маршанъ и Кретьенъ, которые, подъ маскою патріотизма, успѣли проложить себѣ доступъ въ кухни Тампля, съ цѣлью оказывать тамъ всякаго рода услуги своимъ бывшимъ господамъ во время ихъ неволи. Клері, сблизившись съ муниципальной стражей и оказывая ей разныя мелкія домашнія услуги въ теченіе ночей, проводимыхъ ими въ Тамплѣ, замѣчалъ иногда между ними знаки участія къ королевской семьѣ. То чрезъ ихъ посредство, то чрезъ посредство своей жены, допускавшейся разъ въ недѣлю въ темницу для свиданія съ мужемъ, онъ передавалъ записки отъ принцессы Елизаветы и отъ королевы, лицамъ, которыхъ эти принцессы ему указывали. Онъ утаилъ карандашъ отъ розысковъ комиссаровъ. Вѣлые листки, вырванные изъ молитвенниковъ, принимали на себя рѣдкія изліянія ихъ сердецъ. Такія записки состояли, впрочемъ, лишь изъ нѣсколькихъ словъ, непричастныхъ ни къ какому заговору, предназначенныхъ только къ тому, чтобы сообщить бывшимъ друзьямъ плѣнницъ извѣстія о ихъ положеніи и освѣдомляться объ участи людей, которыхъ онѣ любили.

Принцесса Елизавета, несмотря на свою красоту, никогда не допускала въ своемъ сердцѣ другихъ чувствъ, кромѣ дружбы. Но дружба въ ея душѣ была

страстью: она обладала тревогою и теплотою любви. Предметом нѣжной привязанности принцессы Елизаветы была маркиза де-Режкуръ (дѣвица де-Козанъ), одна изъ статсъ-дамъ принцессы въ счастливыя времена. Эта молодая женщина, одаренная природною граціею, мужествомъ въ несчастіи, обладавшая умомъ, глубокимъ, живымъ и проникнутымъ духомъ античнаго міра и напоминавшимъ эпоху Людовика XVI, выросла вмѣстѣ съ принцессой. Жизнь соединяла сердца и судьбу этихъ женщинъ съ дѣтства. Вышедшая замужъ благодаря принцессѣ Елизаветѣ, за дворянина изъ первыхъ лотаргинскихъ фамилій, маркиза де-Режкуръ была обязана сопровождать своего мужа въ эмиграціи. Принцесса Елизавета сама требовала этого удаленія, которое вынуждалось позднимъ періодомъ беременности подруги,—изъ боязни, чтобы несчастія, которыя она предвидѣла съ первыхъ смутъ монархіи, не поразили еще другихъ сердецъ. Обѣ подруги писали постоянно одна другой письма, въ которыхъ дружеская привязанность изливалась среди печальныхъ предчувствій, вызываемыхъ временемъ. Эта переписка, единственное утѣшеніе принцессы Елизаветы, продолжалась до 10-го августа. Послѣднія слова принцессы къ ея подругѣ показывали даже, въ эту роковую минуту, нѣкоторую надежду на спасеніе, которая послѣдующими часами была жестоко обманута.

Клери удалось переслать маркизѣ де-Режкуръ еще одно или два грустныхъ слова принцессы изъ темницы; потомъ, могильное молчаніе воцарилось между двумя подругами и на годъ опередило эшафотъ.

Королева получила тѣмъ же способомъ нѣсколько рѣдкихъ вѣстей изъ виѣшняго міра и сама отвѣчала на нихъ. Эта были фразы съ двойнымъ значеніемъ; громады мученія и нѣжности проглядывали тамъ въ каждомъ словѣ. Истинный смыслъ словъ могъ быть понятъ только людьми, привыкшими читать въ томъ сердцахъ, изъ котораго они вывалились.

Клери также удавалось иногда доставлять королю свѣдѣнія о положеніи общественныхъ дѣлъ, частію изъ журналовъ, проносимыхъ въ тюрьму хитростью, частію путемъ пересказыванія на ухо текущихъ событій королю, когда тотъ вставалъ и ложился спать. Когда и эти средства истощились у королевской семьи, тогда друзья узниковъ, находившіеся внѣ Тампля, нанимали изъ уличныхъ крикуновъ людей надежныхъ и вечеромъ, въ часы безмолвія на улицахъ, провозглашались подъ стѣнами Тампля главнѣйшія событія дня. Король, предвѣдомленный Клери, открывалъ окно и схватывалъ на лету изъ отрывочныхъ словъ извѣстія о декретахъ конвента, о побѣдахъ и пораженіяхъ арміи, объ осужденіи и казни своихъ бывшихъ министровъ, о приговорахъ и надеждахъ своей судьбы.

Однакожь, даже и отсутствіе у короля газетныхъ листовъ было небезусловно. Часто, благодаря жестокой умышленности муниципаловъ, кровожадные листки, подстрекавшіе къ убійству короля, оказывались какъ-бы случайно лежащими на его мраморномъ каминѣ; король, взглянувъ на эти листки, подвергался такимъ образомъ, въ самой внутренней своей жизни, преслѣдованіямъ, угрозамъ и проклятіямъ. Однажды король прочиталъ петицію артиллериста, который требовалъ у конвента головы тирана, чтобы зарядить ею свою пушку и выстрѣлить въ непріятеля. „Кто-же болѣе несчастенъ“, печально сказалъ

король, прочитавъ эту петицію, „я или народъ, котораго обманываютъ подобнымъ образомъ“.

20.

Принцессы и дѣти, наконецъ, присоединились къ королю въ большой башнѣ. Второй и третій этажи этого зданія, раздѣленные каждый на четыре комнаты досчатыми перегородками, были назначены для королевской фамиліи и для лицъ, на которыхъ возложены были услуженіе или надзоръ. Комната короля содержала въ себѣ постель съ занавѣсами, кресло, четыре стула, столъ и зеркало надъ каминомъ. Потолокъ былъ полотняный. Окно, снабженное желѣзною рѣшеткою, затемнялось дубовыми досками, въ видѣ воронки, которыя заграждали видъ на сады и на городъ и давали возможность видѣть только небо. Обои комнаты короля, изъ цвѣтной бумаги,—какъ-бы съ цѣлю причинять двойное мученіе узнику, представляли внутренность тюрьмы, съ тюремщиками, цѣпями, оковами и всею ужасною обстановкою казематовъ. Гнусно-утонченное воображеніе архитектора Паллуа прибавило муку для глазъ къ мукамъ дѣйствительности.

Помѣщеніе королевы, расположенное надъ помѣщеніемъ короля, отличалось такою же скудостью свѣта, воздуха и пространства. Марія-Антуанета спала въ одной комнатѣ съ дочерью; принцесса Елизавета рядомъ, въ темной комнатѣ; тюремщикъ Тизонъ и его жена въ смежномъ чуланѣ; муниципалы въ первой комнатѣ, которая служила переднею. Принцессы вынуждены были переходить чрезъ эту послѣднюю, когда шли одна къ другой, вынося на пути разглядыванье и шопотъ сторожей. На лѣстницѣ, между комнатами короля и королевы, были расположены двѣ выходныя двери, загроможденныя тюремными ключниками и часовыми. Четвертый этажъ былъ необитаемъ. Платформа надъ королевемъ назначалась площадкой для прогулки. Но, боясь, чтобы прохаживающіеся не были замѣчены изъ домовъ города или чтобы ихъ глаза не устремлялись на горизонтъ Парижа, велѣно было сдѣлать высокія досчатыя перегородки, чтобы отгнѣривать даже небо малыми долями взорамъ узниковъ.

21.

Таково было окончательное помѣщеніе королевской семьи. Несмотря на то, члены ея радовались своему водворенію тутъ, потому что всѣ собирались въ однихъ и тѣхъ же стѣнахъ. Эта непродолжительная радость превратилась въ слезы, вечеромъ того же дня, по полученіи постановленія коммуны, которымъ предписывалось отнять дофина у матери и помѣстить его вмѣстѣ съ королевемъ. Сердце королевы напрасно разрывалось мольбами и горестью. Коммуна не хотѣла, чтобы „сынъ напивался долѣе отъ матери ненавистью къ революціи“. Ребенка передали отцу, въ ожиданіи, пока его передадутъ Симону. Несмотря на то, королева и принцессы сохранили свободу видѣть дофина каждый день у короля, въ часы прогулокъ и принятія пищи, въ присутствіи комиссаровъ. Жизнь узниковъ, казалось, смягчилась и горечь притихала; имъ какъ-бы давалось отдохнуть въ новомъ помѣщеніи. Плѣнники установили у себя регулярность привычекъ, напоминавшую монастырскую жизнь заточенныхъ королевъ первой расы.

Только отец семейства пережил короля въ Людовикѣ XVI. Принцессы забывали, что онѣ были королевою, сестрою и дочерью королей, и помнили только, что онѣ жена, сестра и дочь мужа, брата, отца, который находится въ неволѣ. Сердца ихъ всецѣло замыкались въ эти обязанности, въ эти семейныя печали и радости. Интересы династіи ограничивались уже только хозяйствомъ плѣнниковъ.

Король вставалъ съ разсвѣтомъ и долго молился на колѣняхъ у подножія своей кровати. Послѣ молитвы, онѣ подходилъ къ окну или къ свѣту своего очага и сосредоточенно читалъ псалмы изъ требника, въ которомъ собраны были на каждый день года молитвы и гимны для вѣрующихъ по католической литургіи. Такимъ образомъ, онѣ выполнялъ привычку прежнихъ королей присутствовать каждое утро въ своемъ дворцѣ на божественной службѣ. Коммуна отказывала королю въ священникѣ и въ религіозныхъ обрядахъ. Набожный, но безъ суевѣрія и безъ слабости, Людовикъ XVI мысленно возносился къ Богу безъ всякаго другого посредника и только любилъ употреблять въ молитвахъ слова и формы, освященные религіей его племени и трона. Королева и ея сестра выполняли тотъ же обычай. Ихъ часто заставляли со сложенными руками, — съ молитвенными книгами, которыя были омочены слезами, — въ молитвѣхъ подлѣ своей постели: одна изъ этихъ женщинъ имѣла видъ низверженной съ высоты; она стояла на колѣняхъ, пораженная отчаяніемъ; другая была распротерта предъ Богомъ, руку котораго признавала и лобзала повсюду. Послѣ молитвы, король читалъ, въ своей башенкѣ, то латинскія сочиненія, то Монтеスキё, то Бюффона, то исторію, то рассказы о путешествіяхъ кругомъ свѣта. Эти страницы, казалось, вполне поглощали умъ короля, частію потому, что чтеніе было для него средствомъ избѣгнуть докучнаго вниманія комиссаровъ, всегда тутъ присутствующихъ, — частію же, что онѣ дѣйствительно искалъ въ природѣ, въ политикѣ, въ нравахъ народовъ и въ исторіи развлеченія въ своей скорби, наставленія для своего сана или аналогіи со своимъ положеніемъ. Въ девять часовъ, семья короля спускалась къ нему завтракать. Король цѣловалъ въ лобъ жену, сестру, дѣтей. Послѣ завтрака, у принцессъ, которыя были лишены горничныхъ, Клері причесывалъ волосы въ комнатѣ короля. Въ это время король давалъ своему сыну первые уроки грамматики, исторіи, географіи, латыни, старательно избѣгая въ этихъ урокахъ всего того, что могло напомнить ребенку, что онѣ былъ рожденъ въ санѣ, вышемъ другихъ гражданъ, и сообщая ему только такія знанія, какія пригодны бы были въ судьбѣ послѣдняго изъ его подданныхъ. Казалось, этотъ отецъ спѣшилъ воспользоваться несчастіемъ и удаленіемъ отъ придворной жизни, чтобы воспитать своего сына не принцемъ, но человѣкомъ и подготовить въ немъ такую натуру, которая подходила бы къ каждому состоянію.

22.

Ребенокъ, рано созрѣвшій, какими бываютъ плоды израненнаго дерева, казалось, опережалъ пониманіемъ и сердцемъ развитіе мысли и сознательную нѣжность чувства. Память ребенка удерживала все, чувствительность заставляла его все понимать. Потрясенія, какими столько злобѣщихъ событій поразили его

воображеніе и сердце,—слезы, которыя онъ постоянно видѣлъ въ глазахъ матери и сестры, болѣе взрослой, чѣмъ онъ,—трагическія сцены, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ въ объятіяхъ своей гувернантки, бѣгство изъ Версаля и изъ Тюльери,—трехдневная выставка, среди оружія, угрозъ, труповъ, въ трибунѣ законодательнаго собранія; тюрьма, тюремщики, униженіе отца,—постоянное затворничество вмѣстѣ съ близкими существами, горестъ которыхъ онъ видѣлъ, не вполне ее понимая,—необходимость сдерживать свои движенія и слезы предъ врагами, которые его стерегли,—все это, какъ бы по инстинкту, дало уразумѣть ребенку положеніе его родителей и свое. Самыя игры его были серьезны, улыбки печальны. Онъ быстро ловилъ минуты невниманія тюремщиковъ, чтобы, вполголоса, обмѣняться нѣсколькими знаками, нѣсколькимимышленными словами съ матерью или съ теткой. Онъ былъ ловкимъ сообщникомъ во всѣхъ невинныхъ хитростяхъ, изобрѣтаемыхъ жертвами, чтобы избѣгнуть глазъ и доносовъ своихъ надзирателей. Ребенокъ боялся, чтобы не ухудшить скорбь родныхъ. Онъ радовался малѣйшему просвѣтленію ихъ лицъ. Съ тактомъ, развитымъ не по годамъ, онъ избѣгалъ напоминать имъ въ разговорѣ тягостныя обстоятельства ихъ жизни или счастливыя времена ихъ величія, какъ бы угадывая, что воспоминаніе о счастливыхъ дняхъ усиливаетъ горечь несчастій.

Однажды дофинъ показалъ видъ, что узнаетъ одного изъ комиссаровъ коммуны, находившихся въ комнатѣ его отца; этотъ комиссаръ подошелъ къ ребенку и спросилъ, помнитъ ли онъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ видѣлъ его. Ребенокъ сдѣлалъ головою утвердительный знакъ, по упорно отказывался отвѣчать. Сестра, отвѣдя мальчика въ сторону, въ уголъ комнаты, спрашивала, почему онъ не хотѣлъ сказать, когда именно видѣлъ этого комиссара. „По дорогѣ изъ Варенна“, отвѣчалъ ей на ухо дофинъ. „Я не хотѣлъ говорить этого вслухъ, чтобы не напомнить о томъ моей матери и не вызвать слезъ у родителей“.

Когда ребенокъ узнавалъ въ прихожей своего отца какого-нибудь комиссара болѣе мягкаго по отношенію къ плѣнникамъ и не столь ненавистнаго королевѣ, какъ его товарищи, онъ поспѣшно бѣжалъ навстрѣчу къ матери, когда она спускалась къ королю, и объявлялъ ей, хлопая въ ладоши, о такомъ хорошемъ днѣ. Видъ этого ребенка приводилъ въ умиленіе почти всякую ненависть. Королевскій санъ, въ лицѣ невиннаго ребенка-узника, встрѣчалъ враговъ только въ скотахъ. Самые предубѣжденные комиссары, артиллеристы, тюремщики, самъ свирѣпый Роше, играли съ дофиномъ. Одинъ только Симонъ говорилъ съ нимъ грубо и смотрѣлъ на него недоувѣрчивымъ и злобщимъ взоромъ, какъ на тирана, который скрывается въ лицѣ ребенка. Черты лица молодаго принца напоминали грацію, нѣсколько изнѣженную, его прадѣда, Людовика XV, и австрійскую гордость Маріи-Терезіи. Голубые глаза цвѣта морскихъ волнъ, орлиный носъ, приподнятыя ноздри, широкій ротъ, выпуклыя губы, лобъ широкій сверху, узкій къ вискамъ; бѣлокурые волосы, раздѣленные на вершинѣ головы на двѣ пряди и играющіе локонами по плечамъ и даже на рукахъ, напоминали его мать, какою она была до наступленія годовъ горя. Вся красота двойной расы, казалось, расцвѣтала въ этомъ послѣднемъ отпрыскѣ.

23.

Въ полдень стражи приходили за королевскимъ семействомъ, чтобы оно подышало воздухомъ сада; какой бы ни былъ холодъ, солнечный жаръ или дождь, плѣнники все-таки выходили. Они совершали эту прогулку, какъ одну изъ самыхъ суровыхъ обязанностей своего плѣна, среди непріязненныхъ взоровъ и оскорбленій. Сильный моціонъ во дворѣ, игры ребенка съ сестрой во внутренности комнатъ,—правильная и умѣренная жизнь,—тихое ученье на колѣняхъ отца, нѣжная заботливость этихъ трехъ женщинъ поддерживали у дофина живость,—свѣжій, дѣтскій цвѣтъ лица. Воздухъ тюрьмы до сихъ поръ ласкалъ его столько же, какъ и воздухъ лѣсовъ Сентъ-Клу. Взоры короля и королевы встрѣчались и находили утѣшеніе на этой головкѣ, которой людская суровость не мѣшала расти и хорошѣть съ каждымъ днемъ.

Королевская принцесса достигла уже того возраста, когда молодая дѣвушка чувствуетъ, что становится женщиной, и собираетъ въ себя всѣ лучи своей красоты. Задумчивая какъ отецъ, гордая, какъ мать, набожная, какъ тетка, она воспроизводила въ своемъ существѣ всѣ эти три существа, среди которыхъ выросла. Красота принцессы, легкая и блѣдная, какъ фантастическіе призраки Германіи, граничила больше съ идеальнымъ, чѣмъ съ вещественнымъ. Всегда держась за руку матери или тетки и какъ бы прячась на ихъ груди, дѣвушка, казалось, страшилась жизни. Бѣлокурые волосы принцессы, еще висящіе по плечамъ, какъ волосы ребенка, покрывали ее почти всю. Изъ глубины этого покрывала она смотрѣла боязливымъ взоромъ или опускала глаза. Она впускала нѣмое восхищеніе самымъ зачерствѣлымъ людямъ. Тюремные ключники и часовые раздвигались при ея проходѣ. Они испытывали нѣчто въ родѣ религіознаго трепета, когда въ коридорахъ и на лѣстницахъ ихъ задѣвали ея волосы или платье. Тетка оканчивала воспитаніе принцессы и учила ее набожности, терпѣнію, прощенію. Но врожденное сознаніе своего сана, униженіе отца и мученія матери врѣзывались глубоко, кровавыми ранами въ ея сердце и сгущались тамъ если не въ злобу, то, по крайней мѣрѣ, въ вѣчную печаль.

24.

Въ два часа семья сходилась обѣдать. Тихія радости и семейныя изліянія, сигналомъ къ которымъ служить обѣдъ въ домѣ бѣдняка, не были даны узникамъ. Даже король не могъ безнаказанно удовлетворять аппетитъ своей крѣпкой натуры. Посторонніе глаза считали его куски, насмѣшки кололи его за каждый кусокъ. Мощное и физическое здоровье ставилось королю въ лишній укоръ. Королева и принцессы ѣли мало и медленно, чтобы дать королю предлогъ удовлетворять своему голоду и длить обѣдъ. Послѣ обѣда семья собиралась вмѣстѣ. Король игралъ съ королевой въ карты, изобрѣтенныя когда-то во Франціи, чтобы забавлять, въ праздное время, другого короля-плѣнника. Чаше всего они играли въ глубокомысленную и сосредоточенную шахматную игру, въ которой главныя фигуры, по своимъ именамъ короля и королевы, а также различные маневры на шахматной доскѣ, имѣющіе цѣлью сдѣлать короля плѣнникомъ, были полны знаменательныхъ и часто зловѣщихъ обли-

женій съ неволей самихъ играющихъ. Въ этихъ играхъ они искали не столько машинальнаго развлеченія въ своей скорби, сколько повода разговаривать спокойно, не возбуждая докучнаго шпіонства своихъ сторожей. Около четырехъ часовъ король на нѣкоторое время засыпалъ въ своемъ креслѣ. Дѣти, по знаку матери, прекращали свои шумныя игры. Принцессы снова принимались за иголку. Глубочайшее молчаніе царствовало въ комнатахъ въ теченіе этого сна короля. Слышны были только легкій шелестъ матеріи, которую шили королева и ея сестра, дыханіе короля и мѣрные шаги часовыхъ у дверей комнаты и у подножія башни. Казалось, и преслѣдователи, и сама тюрьма замолкали, чтобы не отнимать у короля-узника единственный часъ, который возвращалъ свободу его мыслямъ и иллюзію сновидѣній его душѣ. Въ 6 часовъ король опять принимался за уроки съ сыномъ и развлекался съ нимъ до ужина. Тогда королева сама раздѣвала ребенка, заставляла его читать молитвы и уносила въ постель.

Когда ребенокъ ложился, она наклонялась, какъ-бы для того, чтобы обнять его въ послѣдній разъ, и шептала сыну на ухо короткую молитву, которую ребенокъ тихо повторялъ, чтобы не могли слышать комиссары.

Эта молитва, сложенная королевою, была удержана въ памяти и впоследствии открыта ея дочерью: „Боже всемогущій, мой создатель и искупитель, я люблю тебя! Сохрани жизнь моего отца и моей семьи! Сохрани насъ отъ враговъ! Дай моей матери, теткѣ, сестрѣ силы, въ которыхъ онѣ нуждаются, чтобы вынести горе!“

25.

Эта простая молитва на губахъ ребенка, который проситъ жизни своему отцу и терпѣнія матери, составляла преступленіе, которое надо было скрывать.

Когда ребенокъ засыпалъ, королева читала вслухъ для наученія дочери и для развлеченія короля и принцессы. Это была обыкновенно какая-нибудь историческая книга, которая обращала мысль къ великимъ катастрофамъ съ народами и съ государями. Когда, въ теченіе разсказа, представлялись слишкомъ частыя обличенія съ ихъ собственнымъ положеніемъ, голосъ королевы подергивался туманомъ, въ немъ звучали слезы, и узники обмѣнивались между собою взорами, какъ будто бы книга, отвѣчая ихъ чувствамъ, выражала и страхъ и надежду, скрывавшіяся въ сердцахъ всѣхъ слушателей. Въ заключеніе дня, король входилъ на минуту въ комнату своей жены, бралъ ее за руку, нѣжно на нее смотрѣлъ и прощался. Потомъ онѣ цѣловали сестру и дочь и запирались въ башнѣ, рядомъ съ его комнатою, гдѣ читали, размышляли и молились до полуночи.

Одно только небо обладало секретомъ этихъ ночныхъ часовъ, посвящавшихся королемъ такому самоуглубленію. Быть можетъ, онѣ размышляли о дѣлахъ своего царствованія, объ ошибкахъ своей политики, о перемѣнчивости ея, выражавшейся то въ излишнемъ довѣріи къ народу, то въ неловкомъ недоовѣріи къ революціи. Быть можетъ, онѣ старались предугадать участь Франціи и будущность своей фамиліи послѣ кризиса настоящей эпохи, пережить которую уже едва ли льстили себя надеждою. Быть можетъ, онѣ раскаявались въ своей неровной борьбѣ за и противъ свободы, упрекая себя за то, что не

сдѣлалъ геройскаго выбора, съ перваго же дня, между старымъ и новымъ порядкомъ, и что не объявилъ себя главою новаго народа. Этотъ государь, въ сущности, грѣшилъ скорѣе недостаткомъ пониманія революціи, чѣмъ недостаткомъ любви къ ней. Быть можетъ, эти тайные часы онъ берегъ для себя, чтобы свободно, предъ одними только стѣнами, излить свои слезы о женѣ, о сынѣ, о сестрѣ, о дочери и о себѣ самомъ,—слезы, которыя онъ днемъ тайлъ, чтобы не растрожить близкихъ и не порадовать палачей. Когда король выходилъ изъ этого кабинета, чтобы ложиться спать, лицо его было ясно, иногда даже улыбалось; но сморщенный лобъ плѣнника, воспаленные глаза, слѣды пальцевъ на щекахъ,—все это показывало камердинеру, что голова короля была склонена на руки и что серьезные мысли занимали его умъ.

26.

Прежде, чѣмъ заснуть, король всегда ожидалъ прибытія муниципальнаго чиновника, котораго смѣняли въ полночь предъ слѣдующимъ днемъ; — зная имя этого новаго дежурнаго, онъ хотѣлъ по этому имени предугадать, грубость или кротость обѣщалъ наступающій день его семейству. Потомъ онъ засыпалъ мирнымъ сномъ, потому что вообще тягость несчастныхъ дней не менѣе утомляетъ человѣка, какъ и бремя дней счастливыхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ король сдѣлался плѣнникомъ, недостатки его молодости мало по малу исчезли. Нѣсколько грубое добродушіе характера превратилось въ чувствительность и въ грацію къ окружающимъ. Казалось, силою терпѣнія относительно самого себя и нѣжнаго участія къ другимъ, король искупилъ свою вину, которая состояла въ томъ, что онъ заставилъ близкихъ ему людей раздѣлять свои несчастія. Королевской рѣзкости въ немъ не было болѣе замѣтно. Всѣ мелкіе недостатки характера короля изгладились предъ величіемъ его терпѣнія. Трагическая торжественность приниженія сообщала особѣ короля достоинство, въ которомъ отказывалъ ему тронъ. Паденіе растрогало короля, тюрьма его возвысила, приближеніе смерти его освящало. Въ это тѣсное пространство, въ этотъ семейный кругъ, въ эти немногіе дни, которые еще оставались узнику, онъ вложилъ всѣ добродѣтели, нѣжность и отвагу, какими любовь и религія одарили его душу. Дѣти обожали короля, сестра восхищалась имъ. Королева удивлялась тѣмъ сокровищамъ кротости и силы, какія открывались въ его сердцѣ. Она сожалѣла, что такія добродѣтели блеснули такъ поздно и лишь во мракѣ тюрьмы. Она себя горько упрекала и сознавалась въ этомъ сестрѣ, что въ дни счастья слишкомъ много развлекалась развѣянностью и недостаточно чувствовала тогда цѣну любви короля.

Сами тюремщики, приближаясь къ королю, не узнавали того чувственнаго, грубаго человѣка, какого описывало имъ общественное предубѣжденіе. Видя предъ собою добраго отца, нѣжнаго супруга, сострадательнаго брата, они начинали переставать вѣрить, что въ подобномъ человѣкѣ могъ скрываться тиранъ. Нѣкоторые тюремщики, повидимому, даже любили короля, при самомъ притѣсненіи его, и не переставая мучить, выказывали къ нему уваженіе. Добродушіе короля дѣлало ручными людей самыхъ грубыхъ, служившихъ пассивными орудіями его неволи.

Однажды часовой изъ предмѣстій, одѣтый крестьяниномъ, находился на стражѣ въ передней короля. Камердинеръ Клери замѣтилъ, что этотъ человекъ смотритъ на него съ уваженіемъ и состраданіемъ. Клери подошелъ къ нему. Часовой наклоняется, дѣлаетъ ружьемъ на караулъ и бормочетъ трепещущимъ голосомъ и какъ бы съ сожалѣніемъ: „Вамъ нельзя выходить“. — Вы меня принимаете за короля? отвѣчаетъ Клери. — „Какъ?“ возражаетъ человекъ изъ народа, „развѣ вы не король?“ — Конечно, нѣтъ: развѣ вы его никогда не видали? — „Увы! нѣтъ, и очень желалъ бы видѣть его въ другомъ мѣстѣ, а не здѣсь“. — „Говорите тише! я войду въ его комнату, оставлю дверь полуоткрытою и вы увидите короля. Онъ сидитъ близъ окна съ книгою въ рукѣ“. Клери увѣдомилъ королеву о благосклонномъ любопытствѣ часоваго, королева сказала объ этомъ королю. Послѣдній прервалъ чтеніе и снисходительно прошелся нѣсколько разъ изъ одной комнаты въ другую, стараясь проходить близъ часоваго и обращая къ нему нѣмой знакъ пониманія. — „О, сударь“, сказалъ этотъ человекъ, обращаясь къ Клери, когда король удалился, „какъ король добръ! Какъ онъ любитъ своихъ дѣтей! Нѣтъ, я никогда не повѣрю, чтобы онъ причинилъ намъ столько зла!“

Въ другой разъ, молодой человекъ, поставленный часовымъ на оконечности каштановой аллеи, выражалъ слезами и сочувствіемъ, написаннымъ на лицѣ, горестъ, какую внушалъ ему плѣнъ семьи его королей. Принцесса Елизавета подошла къ этому человеку, чтобы обмѣняться нѣсколькими боязливыми словами съ безвѣстнымъ другомъ своего брата. Онъ сдѣлалъ принцессѣ знакъ, что подъ щепнемъ, покрывавшимъ эту часть аллеи, находится бумага. Клери наклонился, чтобы поднять бумагу, показывая видъ, что ищетъ плоскихъ брусковъ для игры дофина въ палетъ. Артиллеристы замѣтили движеніе часоваго. Влажные глаза несчастнаго служили ему обвиненіемъ. Часоваго отвели въ аббатство, а оттуда въ революціонный судъ, который заставилъ его заплатить за эту слезу жизнью.

27.

Такъ какъ всѣ члены королевской семьи, одинъ за другимъ, заболѣвали и вынуждены были лечь въ постель вслѣдствіе сырости стѣнъ и первыхъ зимнихъ холодовъ, то коммуна, послѣ долгихъ формальностей, уполномочила допустить въ тюрьму перваго медика короля, г. Лемонье. Его стараніями королева, принцесса Елизавета и дѣти быстро оправились. Болѣзнъ короля продолжалась дольше и внушила даже тревогу стражамъ. Королева съ дочерью не покидали изголовья короля и сами перестилали его постель. Клери цѣлыя ночи бодрствовалъ въ комнатѣ своего господина. Когда лихорадка прекратилась, Клери самъ сдѣлался опасно боленъ и не могъ вставать, чтобы служить выздоравливающему королю и одѣвать дофина; король, впервые выполняя обязанности матери, поднималъ, одѣвалъ и причесывалъ сына. Ребенокъ, проводя цѣлый день въ темной и холодной комнатѣ Клери, подавалъ ему пить и оказывалъ всѣ услуги, какія возрастъ и слабость позволяли ему оказывать больному. Самъ король, вставая ночью и подстерегая, когда заснетъ комиссаръ, который сторожилъ въ прихожей, выходилъ, въ рубашкѣ и съ голыми

ногами, неся своему слугѣ стаканъ ячменной воды. „Бѣдный мой Клері“, говорилъ онъ ему, „какъ хотѣлъ бы и я въ свою очередь ухаживать около вашей постели! Но видите, какъ за нами слѣдятъ. Будьте мужественны и берегите себя для вашихъ друзей, потому что господь у васъ уже нѣтъ болѣе!“ Растроганный слуга плакалъ на рукахъ короля.

28.

Коммуна распорядилась еще болѣе стѣснить королевскую семью въ самыхъ стѣнахъ башни: призвали каменщика. Рабочій выбилъ углубленіе въ амбразурѣ двери прихожей короля, чтобы вставить засовы. Въ полдень этотъ человѣкъ ушелъ обѣдать, а дофинъ сталъ играть инструментами, разложенными на порогахъ двери. Король подошелъ туда же, взялъ изъ рукъ ребенка молотокъ и долото и, припомнивъ свою ловкость въ слесарной работѣ и склонность къ ремесламъ, показалъ сыну, какъ нужно было владѣть этими орудіями, и самъ продолбилъ надрѣзанный камень. Рабочій, возвратившись и увидѣвъ, что король дѣлаетъ его дѣло съ серьезностью настоящаго ремесленника, не могъ удержаться отъ волненія при видѣ такого поворота судьбы. „Когда вы выйдете изъ этой башни“, сказалъ онъ королю съ тѣмъ инстинктомъ состраданія, который выдаетъ надежду за достовѣрность, „вы будете вправѣ сказать, что въ темницѣ работали сами“. „Увы, мой другъ“, отвѣчалъ король, возвращая ему молотокъ и долото, „когда и какъ я отсюда выйду!“ И, взявъ за руку сына, онъ вошелъ въ свою комнату и долго молча тамъ прохаживался.

29.

Король былъ нечувствителенъ къ лишеніямъ, которыя падали на него самого, но сравненіе прошлаго блеска, въ какомъ онъ видалъ жену и сестру, съ ихъ настоящимъ плачевнымъ положеніемъ, часто приходило ему на умъ и иногда проявлялось сердечною болью. Годовщины счастливыхъ дней короля,—его коронованія, брака, рожденія дочери и сына, выдавались для него именно большею противъ обыкновеннаго печалью, часто даже большими обидами: въ день св. Людовика федераты и артиллеристы гвардіи, въ видѣ жестокой ироніи, явились танцовать и пѣть „*Ça ira*“ подъ окнами короля. Король меланхолически напоминалъ королевѣ прежніе дни ихъ союза и счастья и просилъ ее простить ему несчастную судьбу. „*O, madame*“, сказалъ онъ ей однажды вечеромъ, видя, что королева сама подметала полъ въ комнатѣ своего больнаго сына, „какое занятіе для королевы Франціи! Если бы это видѣли въ Вѣнѣ! О, кто бы, при заключеніи нашего союза, могъ сказать, что я васъ низведу такъ низко!“ „А развѣ вы считаете за ничто“, сказала ему Марія-Антуанета, „славу быть женою лучшаго и наиболѣе гонимаго изъ людей? Развѣ такіа несчастія не составляютъ самаго величественнаго изъ всѣхъ величій?“

Въ другой разъ король видѣлъ, какъ принцесса Елизавета, починавшая платье королевы,—за неимѣніемъ ножницъ, которыя у нея были отняты,—вынуждена была перегрызать нитку у своей иголки. „О, сестра“, сказалъ онъ ей, „какой контрастъ! У васъ не было недостатка ни въ чемъ въ вашемъ прелестномъ Монтрельскомъ домѣ!“ Онъ намекалъ на очаровательное жилище,

которое съ любовью украсилъ для своей сестры, въ счастливыя времена всевозможнымъ изяществомъ сельской жизни. Это были единственныя обращенія короля къ прошлому. Онъ избѣгалъ ихъ, какъ душевной муки, которая, при всей его твердости, могла вырвать у него невольный вопль.

30.

Однообразіе жизни въ Тамплѣ начинало обращать ее въ привычку и дѣлать спокойною. Ежедневное присутствіе любимыхъ существъ, взаимная нѣжность, еще сильнѣе чувствуемая съ тѣхъ поръ, какъ придворный этикетъ не становился между чувствами природы,—регулярность извѣстныхъ дѣйствій въ извѣстные часы, переходы изъ одной комнаты въ другую, уроки дѣтямъ, ихъ игры, выходы въ садъ, причѣмъ нерѣдко плѣнники получали утѣшеніе въ видѣ сочувственныхъ взглядовъ, — общій обѣдъ, разговоръ, чтеніе, — глубокое безмолвіе въ стѣнахъ вокругъ плѣнниковъ въ то самое время, когда вдали ихъ имена были окружены неистовымъ шумомъ; нѣсколько растроганныхъ лицъ комиссаровъ, нѣсколько боязливыхъ сношеній съ вѣншиимъ міромъ, — кое-какіе темные планы бѣгства, раздутые надеждою, обычнымъ тюремнымъ миражемъ, — все это заставляло заключенныхъ свykаться съ ихъ бѣдствіями и открывало имъ даже утѣшительную сторону несчастья, какъ вдругъ удвоенная строгость заточенія и грубость тюремщиковъ снова взволновали внутреннюю жизнь узниковъ и навели ихъ на догадки о зловѣщихъ событіяхъ.

Надзоръ становился гнуснымъ и оскорбительнымъ для стыдливости принцессъ. Дозорщики разламывали хлѣбъ плѣнниковъ, надѣясь открыть тамъ тайныя записки. Разрѣзывали плоды, раскалывали даже зерна персиковъ, опасаясь, чтобы и туда, посредствомъ какой-нибудь ловкой хитрости, не проскользнула корреспонденція. Послѣ каждаго принятія пищи уносили ножи и вилки, необходимыя для разрѣзыванія кушаній. Измѣряли длину женскихъ иголокъ для шитья, подъ предлогомъ, что онѣ могутъ послужить орудіемъ самоубійства. Хотѣли слѣдовать за королевой въ комнату принцессы Елизаветы, куда она ходила каждый полдень, чтобы снимать утреннее платье. Королева, преслѣдуемая этимъ обиднымъ дозоромъ, рѣшилась не перемѣнять платья днемъ. Бѣлые развѣртывали штучку за штучкой, короля обыскивали, у него отняли даже маленькія золотыя вещи, при помощи которыхъ онъ приглаживалъ себѣ волосы и очищалъ зубы; король вынужденъ былъ отростить себѣ бороду. Грубые волосы бороды болѣзненно разгорячали кожу и заставляли короля нѣсколько разъ въ день мыть лицо свѣжей водой. Тизонъ и его жена шпиюнили и безпрестанно доносили комиссарамъ малѣйшій шопоть, движенія, взгляды. Во дворъ Тампля впускали крикуновъ, которые громко требовали головы королевы и короля. Роше пѣлъ карманолу подъ ухо короля, училъ дофина грязнымъ куплетамъ противъ матери и противъ себя самого. Невинный ребенокъ повторялъ эти куплеты, наводившіе краску на лицо его тетки. Тюремщикъ Роше, ненадолго смягчившійся, опять показывалъ свою натуру и почерпалъ новую наглость въ винѣ; пьянство, среди котораго онъ засыпалъ каждый вечеръ, возобновлялось каждое утро. Принцессы, вынужденныя проходить чрезъ его комнату, когда шли къ королю или выходили отъ него, заставляли Роше всегда лежащимъ, въ часъ

ужина, часто даже среди дня. Роше раздражался противъ нихъ проклятіями и заставлялъ ихъ, опустивъ глаза, выжидать, пока онъ наброситъ на себя какую-нибудь одежду. Рабочіе, которые занимались пристройками съ наружной стороны башни, изливались въ угрозахъ королю. Они потрясали своими инструментами надъ его головою, одинъ изъ нихъ разъ даже занесъ топоръ на шею королевы и отрубилъ бы ей голову, если бы не успѣли отвести оружіе.

Одинъ изъ муниципаловъ разбудилъ вечеромъ дофина, грубо стащилъ его за руку съ постели, чтобы убѣдиться, — говорилъ онъ, — въ наличности ребенка. Королева бросилась между этимъ человѣкомъ и своимъ сыномъ, потерявъ терпѣніе. Она поразила комиссара молніеноснымъ взоромъ: въ первый разъ униженная королева исчезла, выказалась только мать.

Депутація конвента явилась посѣтить Тамплъ. Она состояла изъ Шабо, Дюбуа-Кранса, Друэ, Дюпра. При видѣ Друэ, того самаго почтмейстера Сентъ-Менегу, который, узнавъ короля и добившись арестованія его въ Вареннѣ, былъ первою причиною всѣхъ несчастій узниковъ, королева, принцесса Елизавета и дѣти поблѣднѣли, какъ бы при видѣ злаго генія, который явился Бруту наканунѣ Фарсала. Шабо и Друэ нахально усѣлись передъ женщинами, которыя стояли. Они допрашивали королеву, которая не удостоила ихъ отвѣтомъ. Они спросили короля, не желаетъ ли онъ заявить какихъ-нибудь требованій. „Я ни на что не жалуюсь“, отвѣчалъ король, „я прошу только, чтобы моимъ дѣтямъ и женѣ дали бѣлье и платья, въ которыхъ, вы видите, они нуждаются“. Платья принцессъ висѣли въ лохмотьяхъ. Королева вынуждена была, чтобы король не одѣвался въ лохмотья, починивать ему платье, пока онъ спалъ. Всѣ эти притѣсненія и лишенія были слѣдствіемъ со дня на день усиливавшихся строгостей коммуны. Тизонъ и его жена донесли на королевскую семью конвенту. Они утверждали, что плѣнники вели переписку за стѣнами Тампля, что они подозрительно шептались съ нѣкоторыми комиссарами, что принцесса Елизавета, однажды вечеромъ, за ужиномъ, выронила карандашъ изъ своего платка, что у королевы нашли облатки и перо. Розыски возобновились. Шарили въ подушкахъ и въ тюфикахъ. Дофинъ, совсѣмъ сонный, былъ безжалостно вырванъ изъ своей постельки, которую хотѣли осмотрѣть даже подъ самымъ его тѣломъ. Королева взяла ребенка на это время къ себѣ и отогрѣла его, совсѣмъ обнаженного и дрожавшаго, въ своихъ объятіяхъ.

31.

Однакожь, чѣмъ больше свирѣлствовали вокругъ плѣнниковъ ненависть и преслѣдованія, тѣмъ сильнѣе было впечатлѣніе производимое ихъ паденіемъ; тѣмъ больше самое содраганіе при видѣ ихъ положенія внушало участія нѣкоторымъ лицамъ и смѣлости другимъ, которыя были преданы узникамъ. Ежедневный видъ страданій, достоинства и, быть можетъ, также трогательной красоты королевы создалъ измѣнниковъ въ самой коммунѣ. Если крупныя преступленія соблазняютъ иногда пламенные натуры, то великая преданность увлекаетъ также великодушныя сердца. Состраданіе имѣетъ свой фанатизмъ. Вырвать семью королей изъ тюрьмы, изъ рукъ гонителей, у эшафота, возвратитъ ее, посредствомъ геройской хитрости, свободѣ, счастью, — быть можетъ, трону, — состав-

ляло такую попытку, которая увлекала самымъ величіемъ затрудненій и опасностей и должна была найти людей, воображеніе которыхъ могло бы усвоить себѣ эту мысль и на нее рѣшиться. Она ихъ нашла.

Среди членовъ коммуны былъ тогда молодой человѣкъ по имени Туланъ; этотъ молодой человѣкъ родился въ Тулузѣ, во второстепенномъ общественномъ положеніи. Страстно преданный литературнымъ занятіямъ, облагораживающимъ сердце, онъ водворился въ Парижѣ. Занятія книжной торговлей, которой онъ предался, удовлетворяли въ одно и то же время и вкусамъ его и потребностямъ. Томя книгъ, безпрестанно перелистываемые по самому роду занятій, напитали воображеніе Тулана страстью къ свободѣ и тѣмъ романтическими впечатлѣніями, которыя, исходя изъ книгъ, опьяняютъ умъ. Туланъ устремился къ революціи, какъ къ мечтѣ, перешедшей въ дѣйствительность. Пылъ и краснорѣчіе Тулана сообщили ему популярность въ его отдѣлѣ; одинъ изъ первыхъ на приступѣ къ Тюльери 10 августа, онъ былъ также однимъ изъ первыхъ въ совѣтѣ коммуны. Сдѣлавшись замѣтнымъ среди товарищей своею пламенною ненавистью къ тиранніи, онъ былъ выбранъ, благодаря этому отличію, комиссаромъ въ Тампль. Войдя туда съ отвращеніемъ къ тирану и его семейству, онъ вышелъ изъ Тампля съ перваго же дня одушевленный страстною привязанностью къ жертвамъ. Въ особенности, видъ Маріи-Антуанеты,—ея величіе, возвышенное самымъ своимъ униженіемъ,—фізіономія, гдѣ томленіе плѣнницы умѣрялось гордостью королевы,—печаль, покрывшая, какъ бы покрываломъ, черты лица, которыя дышали еще несравненной граціей,—послѣдній лучъ юности, угасавшій въ сырой темницѣ,—очаровательная головка, надъ которой топоръ висѣлъ уже близко и которую, уже схватила за волосы, на показъ народу, рука палача,—все это глубоко возбуждало чувства Тулана. Это была одна изъ тѣхъ натуръ, которыя, подъ впечатлѣніемъ, съ перваго же раза, оставляя прошлое, переходятъ на противоположную крайность въ области мысли и не въ силахъ бываютъ спорить противъ чувства. Прежде, чѣмъ дойти до размышленія, онъ посвятилъ себя избранному дѣлу въ своемъ сердцѣ. Все, что было прекрасно, казалось возможнымъ. Туланъ искалъ и добивался, посредствомъ ложныхъ выраженій ярости противъ короля, болѣе частыхъ и продолжительныхъ порученій въ Тампльской башнѣ; ихъ ему дали во множествѣ. Онъ старался, при всякомъ случаѣ, дать себя замѣтить Маріи-Антуанетѣ нѣмыми знаками, которые, не внушая подозрительности его товарищамъ, давали знать королевѣ, что она имѣла друга между гонителями; это ему удалось.

Туланъ, очень молодой еще человѣкъ, небольшого роста, слабого тѣлосложенія, обладалъ одною изъ тѣхъ нѣжныхъ и выразительныхъ южныхъ фізіономій, у которыхъ мысль выражается въ глазахъ, а впечатлительность трепещетъ въ подвижности мускуловъ лица. Взоръ Тулана былъ своего рода языкомъ. Съ давняго времени королева его поняла. Присутствіе втораго комиссара, всегда слѣдившаго за Туланомъ, мѣшало ему высказаться больше. Ему удалось соблазнить одного изъ своихъ товарищей по совѣту коммуны, по имени Лепитра, и увлечь его величіемъ плана и блескомъ вознагражденія, въ заговоръ, имѣвшій предметомъ бѣгство королевской фамилии.

Королева увидѣла, какъ два комиссара, находившіеся вмѣстѣ въ тюрьмѣ,

пали предъ ней на колѣни и предложили ей, во мракѣ темницы, свою преданность, которую мѣсто, опасность, присутствіе смерти возвышали надъ всѣми другими проявленіями преданности, расточаемыми въ дни ея счастья. Она ихъ приняла и ободрила; она собственноручно вручила Тулану прядь своихъ волосъ съ слѣдующимъ девизомъ на итальянскомъ языкѣ: „тотъ, который боится смерти, не умѣетъ, какъ слѣдуетъ, любить“. Это было вѣрительное письмо, данное ею Тулану къ своимъ друзьямъ, находившимся въ тюрьмы. Вскорѣ послѣ того она приложила собственноручную записку къ кавалеру де-Жарже, своему тайному корреспонденту и невидимому главѣ этого заговора. „Вы можете довѣриться“, сказала она ему, „человѣку, который съ вами станетъ говорить отъ моего лица, его чувства мнѣ извѣстны, въ теченіе пяти мѣсяцевъ онъ не перемѣнился“.

Нѣкоторое число надежныхъ роялистовъ, скрытыхъ въ Парижѣ и распространенныхъ въ батальонахъ національной гвардіи, было, неопредѣленнымъ образомъ, посвящено въ этотъ планъ бѣгства. Предполагалось подкупить, цѣною золота, нѣкоторыхъ изъ комиссаровъ коммуны, на которыхъ возложенъ былъ надзоръ за тюрьмами; составить списокъ самыхъ преданныхъ роялистовъ между батальонами національной гвардіи каждаго отдѣла; принять мѣры, чтобы эти люди, назначенные какъ-бы случайно, находились, въ опредѣленный день, составляя большинство, въ отрядѣ стражи въ Тампльской башнѣ, и чтобы эти переодѣтые заговорщики обезоружили, въ теченіе ночи, остальной отрядъ; затѣмъ выручить плѣнную семью и отвезти ее на заблаговременно приготовленныхъ перемѣнныхъ лошадяхъ въ Діеншъ, гдѣ барка рыбака уже ожидала бы бѣглецовъ и отвезла ихъ бы въ Англію вмѣстѣ съ главнѣйшими освободителями.

Туланъ, неустрашимый и неутомимый въ своемъ рвеніи, снабженный значительными суммами, которыя королевская подпись предоставила въ его распоряженіе въ Парижѣ, обдумалъ свой планъ втайнѣ, сообщилъ о замыслахъ своимъ приверженцамъ, передавалъ, куда слѣдуетъ, о намѣреніяхъ короля, развѣдывалъ,—хотя и сдержанно,—мнѣнія главныхъ вождей партіи въ конвентѣ и въ коммунѣ, старался угадать повсюду возможность тайнаго сообщничества своимъ планамъ, даже, у Марата, Робеспьера и Дантона; соблазнялъ великодушіе однихъ, жадность другихъ и, со дня на день болѣе счастливый въ своихъ предпріятіяхъ и болѣе увѣренный въ успѣхѣхъ, считалъ уже между сообщниками своихъ опасныхъ замысловъ нѣкоторыхъ изъ стражей башни и пять членовъ коммуны. Такимъ образомъ, съ этой стороны, во мракѣ темницы проникалъ лучъ, который поддерживалъ въ душахъ плѣнниковъ если не надежду, то, по крайней мѣрѣ, мечту о свободѣ.

XXXIII.

Якобинцы принуждают жирондистов высказаться въ процессъ Короля.—Сень-Жюсть.—Его личность.—Онъ требуетъ смерти короля.—Гора.—Ея мысль.—Томасъ Пайнъ.—Голодъ въ Парижъ.—Жалованье духовенству.—Желѣзный шкафъ.—Обвиненія.—Чернь вокругъ Тампля.—Г-жа Роланъ у рѣшетки.—Робеспьеръ требуетъ, чтобы король былъ судимъ безъ апелляціи.—Верньо борется за жизнь короля.

Между тѣмъ, якобинцы спѣшили вырвать у жирондистовъ, предъ лицомъ народа, ихъ тайную мысль по вопросу о жизни или смерти короля. Якобинцы горѣли нетерпѣніемъ вооружиться противъ жирондистовъ подозрѣніемъ въ роялизмъ; имъ нужны были немедленные пренія по этому важному предмету, чтобы поставить своихъ враговъ въ ряды людей слабыхъ или измѣнниковъ. Они знали отвращеніе Верньо къ подобному хладнокровному принесенію чловѣка въ жертву не столько благу республики, сколько мести. Они заподозрили намѣренія Бриссо, Сійеса, Петіона, Кондорсе, Гаде, Жансонне. Они горѣли желаніемъ видѣть, какъ обнаружатся при свѣтѣ подобное отвращеніе и по-подобная совѣстливость, чтобы сдѣлать изъ этого поводъ къ порицанію друзей Ролана. Процессъ короля долженъ былъ раздѣлить слабыхъ отъ сильныхъ, народъ требовалъ этого суда, какъ удовлетворенія себѣ, партіи требовали его; какъ послѣдней битвы, честолюбцы, какъ залога республиканскаго правительства, переданнаго въ ихъ руки.

2.

Петіонъ первый потребовалъ у конвента, чтобы былъ поставленъ вопросъ о неприкосновенности короля и чтобы, прежде всего, обсудили слѣдующій предварительный тезисъ, неизбѣжный при всякомъ сужденіи: „Можетъ ли король подлежать суду?“ Мориссонъ былъ того мнѣнія, что неприкосновенность, заявленная конституціей 1791 г., прикрывала особу государя отъ всякаго другаго суда, кромѣ суда побѣды, и что всякое хладнокровное насиліе противъ его жизни было преступленіемъ. „Если бы 10-го августа“, сказалъ онъ, „я нашелъ Людовика XVI съ кинжаломъ въ рукѣ, покрытымъ кровью моихъ братьевъ; еслибы я ясно видѣлъ въ этотъ день, что именно онъ отдалъ приказаніе убивать гражданъ, я самъ бы поразилъ его. Но съ того дня протекло нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ въ нашихъ рукахъ, онъ безоруженъ, беззащитенъ, а мы французы. Это положеніе составляетъ верховный законъ“.

3.

При послѣднихъ словахъ всталъ Сень-Жюсть. Сень-Жюсть былъ до тѣхъ поръ отголоскомъ мысли Робеспьера; послѣдній обыкновенно предпосылалъ его себѣ. Этотъ молодой человѣкъ, нѣмой, какъ оракулъ, и резонеръ, какъ ходячая аксіома, казалось былъ лишень всякой человѣческой чувствительности и олицетворилъ въ себѣ холодную разсудочность и безжалостный порывъ революціи. У Сень-Жюста какъ-бы не было ни глазъ, ни ушей, ни сердца для всего того, что казалось ему помѣхою всемірной республикѣ. Короли, троны, кровь, женщины, дѣти, народы, все, что встрѣчалось между нимъ и этою цѣлью, исчезало или должно было исчезнуть. Страсть, такъ сказать, окаменила его внутренности. Логика Сень-Жюста усвоила себѣ безстрастіе геометріи и грубость матеріальной силы. Въ интимныхъ, продолжительныхъ разговорахъ подъ кровлею столара Дюплэ, онъ больше всѣхъ боролся противъ того, что называлъ слабостью натуры Робеспьера, и противъ его нежеланія пролить кровь короля. Сень-Жюсть стоялъ на трибунѣ неподвижный, — холодный, какъ идея; длинные бѣлокурые волосы падали съ двухъ сторонъ на его плечи; спокойствіе безусловнаго убѣжденія распространялось по его почти женственнымъ чертамъ лица. Конвентъ созерцалъ Сень-Жюста съ тѣмъ тревожнымъ обаяніемъ, какое оказываютъ на окружающихъ нѣкоторые существа, поставленные на неопредѣленныхъ границахъ между безуміемъ и геніальностью. Привязанный къ одному только Робеспьеру, Сень-Жюсть мало входилъ въ сообщеніе съ другими. Онъ вставалъ съ своего мѣста въ конвентѣ лишь для того, чтобы явиться предвѣстникомъ мнѣній своего властелина. Кончивъ рѣчь, онъ возвращался на мѣсто, по-прежнему, безмолвный и неуловимый, похожій не на человѣка, но на простой голосъ.

4.

„Вамъ говорить“, холодно проворчалъ Сень-Жюсть, „что король долженъ быть судимъ, какъ гражданинъ; я же намѣренъ доказать, что онъ долженъ быть судимъ, какъ врагъ. Намъ предстоитъ не судить его, а бороться съ нимъ. Самый гибельный изъ всѣхъ видовъ медлительности, какой указываютъ намъ враги, будетъ тотъ, который побудилъ бы насъ мѣшкать съ королемъ. Нѣкогда народы, столь же удаленные отъ нашихъ предразсудковъ, какъ мы отъ предразсудковъ вандаловъ, изумятся, что нашъ народъ еще разсуждалъ, чтобы убѣдиться, имѣетъ ли онъ право судить тирановъ. Изумятся тому, что въ XVIII вѣкѣ отстали даже отъ временъ Цезаря. Тогда тиранъ былъ заколотъ въ полномъ присутствіи сената, безъ всякой другой формальности, кромѣ двадцати двухъ ударовъ кинжала, безъ всякаго другого закона, кромѣ свободы Рима; а теперь съ почтительностью приступаютъ къ процессу человѣка, убійцы народа, взятаго съ обогранными въ крови руками, руками, которые были участниками въ преступленіи! Тѣ, которые придаютъ какую-нибудь важность справедливой карѣ короля, никогда не создадутъ республики. Среди насъ мягкость характеровъ составляетъ большое препятствіе свободѣ. Одни, повидимому, боятся, при этомъ случаѣ, понести когда-нибудь наказаніе

за свою смѣлость. Другіе не окончательно еще отказались отъ монархіи. Иные боятся примѣра добродѣтели, который можетъ послужить связью между общео отвѣтственностью и единствомъ республики. Граждане, если римскій народъ, послѣ 600 лѣтъ добродѣтели и ненависти къ царямъ,—если Англія, послѣ смерти Кромвеля, видѣла возрожденіе королей, несмотря на свою энергію, то чего не должны бояться добрые граждане, видя, что топоръ дрожитъ въ нашихъ рукахъ, а народъ, съ перваго же дня своей свободы, относится съ уваженіемъ къ воспоминанію о своихъ оковахъ? Говорятъ о неприкосновенности! Она существовала, быть можетъ, эта взаимная неприкосновенность, между гражданиномъ и гражданиномъ; но между народомъ и королемъ нѣтъ болѣе естественныхъ отношеній. Король находился внѣ общественнаго договора, который связывалъ между собою гражданъ. Онъ не можетъ прикрываться этимъ договоромъ, изъ котораго самъ онъ одинъ только составлялъ тиранское исключеніе.

„И призываютъ законы въ пользу того, кто ихъ все нарушилъ! Какой процессъ, какія справки хотите вы дѣлать о его преступленіяхъ, которые повсюду записаны кровью народа? Развѣ онъ предъ сраженіемъ не дѣлалъ смотра войскамъ? Развѣ онъ не бѣжалъ вмѣсто того, чтобы помѣшать имъ стрѣлять въ націю? Но къ чему намъ искать преступленій? Найдется такой сильный духомъ человѣкъ, который когда-нибудь скажетъ, что процессъ долженъ быть сдѣланъ королю не за особые преступленія его управленія, но уже за то преступленіе, что онъ былъ королемъ! Ибо королевскій санъ есть преступленіе, за которое узурпаторъ подлежитъ суду предъ каждымъ гражданиномъ! Веѣмъ людямъ дана природою тайная миссія искоренять господство. Невинно царствовать нельзя: каждый король—мятежникъ. И какое же правосудіе можетъ ему оказать трибуналъ, которому вы поручите его судъ? Будетъ ли послѣдній имѣть возможность возвратитъ ему отечество и, вмѣсто другого удовлетворенія, только прочтаетъ предъ нимъ общую волю? Граждане, трибуналъ, который долженъ судить Людовика, есть политическій совѣтъ. Королей судить право націй. Не забывайте, что въ какомъ духѣ вы осудите своего властелина, въ такомъ же устроите и свою республику. Теорія вашего суда будетъ теорією вашихъ правителей. Мѣра вашей философіи въ этомъ судѣ будетъ мѣрою свободы въ нашей конституціи. Къ чему даже воззваніе къ народу? Право простыхъ людей противъ королей есть право личное. Цѣлый народъ не могъ бы принудить и одного гражданина простить своему тирану. Но слышите! потому что нѣтъ гражданина, который бы не имѣлъ на него такого же права, какое Брутъ имѣлъ на Цезаря, Анкарстремъ на Густава! Людовикъ—второй Катилина. Убійца могъ бы поклясться, какъ римскій консулъ, что спасъ отечество, принеся въ жертву тирана. Вы видѣли его измѣнническіе замыслы, считали его армію; измѣнникъ не былъ королемъ французъ, но королемъ нѣсколькихъ заговорщиковъ. Онъ производилъ наборъ рекрутъ; онъ имѣлъ своихъ частныхъ министровъ, онъ втайнѣ гналъ всѣхъ добрыхъ и мужественныхъ людей; онъ—убійца Нанси, Куртрэ Марсова поля, Тюльери! Какой чужеземный врагъ сдѣлалъ намъ больше зла? И еще стараются возбудить состраданіе! Скоро будутъ покупать слезы, какъ на погребальныхъ

шествіяхъ въ Римѣ! Наблюдайте внимательно за своими сердцами! Народъ! если король когда-нибудь оправдается, то помни, что мы болѣе недостойны твоего довѣрія и не считай насъ ничѣмъ другимъ, какъ только измѣнниками!“

5.

Гора выразила сочувствіе этимъ словамъ самымъ энтузіазмомъ, съ которымъ она имъ рукоплескала. Казалось, чья-то смѣлая рука разорвала облако писанныхъ законовъ и показала судъ меча надъ челою всѣхъ королей. Фоше, пренебрегая изступленіемъ собранія, произнесъ, — хотя его и не слушали, — нѣсколько энергическихъ словъ о бесполезности смерти и о политической добродѣтели великодушія. „Нѣтъ, сохранимъ“, сказалъ онъ, „этого преступнаго челоука, который былъ королемъ. Пусть онъ остается живымъ зрѣлищемъ нещѣпости и униженія королевскаго сана. Мы скажемъ націямъ: „видите ли вы эту породу челоука — этого людоѣда, который забавлялся и нами и вами? Это былъ король. Никакой предыдущій законъ не предусмотрѣлъ его преступленія. Онъ перешелъ предѣлы посягательства, предусмотрѣнныхъ въ уголовномъ кодексѣ. Нація метитъ за себя, назначая ему казнь ужаснѣе самой смерти: она подвергаетъ его всегдашней выставкѣ предъ цѣлымъ свѣтомъ, ставя его на эшафотѣ позора“.

Грегуаръ, въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій, нападалъ на теорію о неприкосновенности королей. „Эта фикція не пережила конституціонной фикціи, которая ее создала“. Онъ требовалъ не прямо смерти, но суда со всѣми его послѣдствіями, хотя бы въ числѣ ихъ была и смерть; онъ предпринялъ приговоръ слѣдующими страшными словами: „найдется ли хотя одинъ родственникъ, другъ нашихъ братьевъ, убитыхъ на границахъ, который бы не имѣлъ права привлечь его трупъ къ ногамъ Людовика XVI и сказать ему: „вотъ твое дѣло!“ И этотъ челоукъ не подлежитъ будто бы суду народа!

„Я порицаю смертную казнь“, продолжалъ Грегуаръ, „и надѣюсь, что этотъ остатокъ варварства исчезнетъ изъ нашихъ законовъ. Обществу достаточно, чтобы виновный не могъ болѣе вредить. Вы осудите его, безъ сомнѣнія, на существованіе, чтобы упреки совѣсти и отвращеніе къ своимъ проступкамъ преслѣдовали виновнаго и среди безмолвія его плѣна. Но развѣ раскаяніе создано для королей? Исторія, на страницахъ которой будутъ отпечатлѣны преступленія Людовика, будетъ въ состояніи обрисовать его одной чертой. Въ Тюльери, 10 августа, перерѣзаны были тысячи людей; громъ пушки возвышалъ ужасную рѣзню; а здѣсь, въ этой залѣ, онъ ѣлъ!.. Измѣны его привели, наконецъ, къ нашему освобожденію. Толчекъ сообщенъ міру; утомленіе народовъ достигло крайней степени. Всѣ устремляются къ свободѣ. Вулканъ произведетъ низверженіе и политически возродитъ земной шаръ. Что произошло бы, если бы, въ ту минуту, когда народы ломаютъ свои оковы, вы провозгласили безнаказанность Людовика XVI? Европа усумнилась бы въ вашей неустрашимости, а деспоты исполнились бы довѣріемъ къ тому принципу, который служить основаніемъ нашего рабства, — именно, что они получили свои короны отъ Бога и благодаря своей шпагѣ!“

Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ были прочитаны многочисленные адреса депар-

таментовъ и городовъ, съ требованіемъ головы убійцы народа. Первою потребностью народа, повидимому, было не столько защитить себя, сколько отомстить за себя.

6.

Между членами національнаго конвента засѣдалъ иностранецъ: это былъ философъ Томасъ Пайнъ. Родившись въ Англіи, замѣшанный въ борьбу за американскую независимость, другъ Франклина, онъ былъ авторомъ „Здраваго смысла“, „Правъ человѣка“ и „Вѣка разума“,—книгъ, составляющихъ страницы новаго ученія, въ которыхъ онъ приводилъ политическія учрежденія и религіозныя вѣрованія къ первоначальнымъ свѣту и правосудію; имя Пайна пользовалось большимъ авторитетомъ между реформаторами обоихъ полушарій. Репутация замѣняла ему натурализацию во Франціи. Нація, которая мыслила, которая сражалась тогда не только за себя, но за всю вселенную, признавала своими соотечественниками всѣхъ ревнителей разума и свободы. Патріотизмъ Франціи не заключался ни въ общности языка, ни въ общности границъ, но основывался лишь на общности идей. Пайнъ, находившійся въ сношеніяхъ съ г-жей Роланъ, съ Кондорсе и Вриссо, былъ избранъ депутатомъ за городъ Кале. Жирондисты совѣщались съ нимъ и ввели его въ законодательный комитетъ. Самъ Робеспьеръ выказывалъ къ космополитическому радикализму Пайна уваженіе неопита къ идеямъ, получившимъ громкую извѣстность.

Пайнъ былъ осыпанъ знаками вниманія со стороны короля, когда явился въ Парижъ умолять о французской помощи въ пользу Америки. Людовикъ XVI сдѣлалъ молодой республикѣ подарокъ въ 6 милліоновъ. Пайнъ не сохранилъ памяти объ этомъ, не сохранилъ даже приличія въ своемъ положеніи. Не умѣя выражаться съ трибуны по французски, онъ написалъ и велѣлъ прочесть въ конвентѣ письмо, позорное по выраженіямъ, жестокое по мысли: оно было однимъ непрерывнымъ оскорбленіемъ, брошеннымъ въ самую глубину темницы человѣку, у котораго самъ же Пайнъ еще недавно просилъ великодушной помощи и которому обязанъ былъ спасеніемъ своего пріемнаго отчества. „Разсматриваемый, какъ отдѣльное лицо, этотъ человѣкъ недостойнъ вниманія республики; но какъ сообщника заговора противъ народовъ вы должны его судить“, говорилъ Пайнъ: „Что же касается до неприкосновенности, то въ этомъ отношеніи не нужно никакого упоминанія. Не должно видѣть въ Людовикѣ XVI ни кого иного, какъ только человѣка ограниченнаго, дурно воспитаннаго, какъ всѣ ему подобные,—подверженнаго, какъ говорятъ, частымъ припадкамъ пьянства,—человѣка, неблагоразумно возстановленнаго учредительнымъ собраніемъ на тронѣ, для котораго онъ не созданъ“.

Неблагодарность выражалась въ оскорбленіяхъ. Философія падала ниже деспотизма въ языкѣ Пайна. Г-жа Роланъ и ея друзья рукоплескали республиканской грубости поступка Пайна и его выраженій. Конвентъ единодушно постановилъ напечатать это письмо.

7.

Герцогъ Орлеанскій, котораго Эберъ, наканунѣ, въ засѣданіи коммуны, окрестилъ именемъ „Филиппа-Равенства“ и который принялъ это имя,

чтобы уничтожить, до послѣднихъ слоговъ, все, напоминавшее расу Бурбоновъ, взошелъ на трибуну по прочтеніи письма Томаса Пайна. „Граждане“, сказалъ онъ, „моя 15-лѣтняя дочь провела въ Англіи октябрь 1791 г., съ гражданкой Жанлис-Сильери, своей наставницей, и двумя молодыми особами, воспитанными съ нею съ дѣтства, изъ которыхъ одна—гражданка Генріетта Серсе, сирота,—а другая, гражданка Памела Сеймуръ, натурализованная во Франціи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Гражданка Сильери воспитала всѣхъ моихъ дѣтей, и ихъ образъ дѣйствій доказываетъ, что она ихъ заблаговременно сформировала въ республиканскихъ идеяхъ. Однимъ изъ поводовъ къ этому путешествію моей дочери было отвлечь ее изъ-подъ вліянія принциповъ ея матери,—женщины, безъ сомнѣнія, очень уважаемой, но мнѣнія которой о текущихъ дѣлахъ не всегда были сообразны съ моими. Когда столь сильные поводы удерживали дочь мою въ Англіи, мои сыновья были въ арміяхъ. Я не переставалъ оставаться вмѣстѣ съ ними среди васъ, и могу сказать, что мы не такіе граждане, которые бы рисковали меньшею опасностью, если бы дѣло свободы не восторжествовало. Невозможно, нелѣпо выставять путешествіе моей дочери какъ эмиграцію. Но и самаго легкаго сомнѣнія достаточно, чтобы встревожить отца. Такъ я прошу васъ, граждане, успокоить мою тревогу. Еслибы, сверхъ, ожиданія, чему я не могу вѣрить,—вы поразили мою дочь всею строгостью закона,—то какъ бы ни былъ жестокъ этотъ декретъ для меня, естественныя чувства не заглушили бы обязанностей гражданина; удаляя свою дочь изъ отечества, въ повиновеніе закону, я снова показалъ бы, какую цѣну придаю титулу гражданина, который предпочитаю всему“.

Собраніе презрительно отослало требованіе герцога Орлеанскаго въ законодательный комитетъ. Конвентъ, которому не было болѣе нужды въ сообщникахъ, начинать тревожиться, видя въ своей средѣ Бурбона. Герцогъ былъ слишкомъ близокъ къ трону, чтобы собраніе могло безопасно имъ воспользоваться,—слишкомъ вѣренъ революціи, чтобы она осмѣлилась обвинить его; собраніе прикрывало герцога терпимостью, похожею на забвеніе. Оно хотѣло его заставить забыть; онъ самъ хотѣлъ ступешаться. Но имя герцога, слишкомъ громкое, обвиняло его предъ недовѣрчивой республикой. Это было единственное преступленіе, котораго не могло загладить самое паденіе герцога ницъ предъ народомъ. Это имя, хотя и отвергнутое, давило герцога. Внимательныя Франція и Европа спрашивали себя, какимъ образомъ патріотизмъ герцога могъ вынести такое ужасное испытаніе, какъ процессъ его родственника и короля. Естественное чувство устранило герцога отъ этого дѣла; общественное мнѣніе требовало отъ него одобренія казни короля. Трудно было сказать, что восторжествовать,—природа или общественное мнѣніе.

8.

Въ то же время, Парижъ и департаменты, угрожаемые голодомъ, волновались, болѣе, впрочемъ, вслѣдствіе паники, чѣмъ подъ вліяніемъ дѣйствительной скудости. Малоцѣнность, въ которую впали ассигнаціи, бумажныя деньги,—послужила причиною оскуднѣнія хлѣба; оскуднѣніе хлѣба повело къ насиліямъ, какія дѣлались на рынкѣ и даже въ частныхъ жилищахъ. Всѣ малые города

вокругъ Парижа, житницы Франціи, находились въ состояніи постояннаго мятежа. Комиссары конвента, посланные на мѣста, подвергались оскорбленіямъ, угрозамъ и были прогнаны. Народъ требовалъ отъ нихъ хлѣба и священниковъ. Они возвратились въ конвентъ выставить на показъ свое оружіе, свои обиды и свое безсиліе. „Насъ ведутъ къ анархіи“, говорилъ Петіонъ. „Мы раздраемъ себя собственными руками. У этихъ смуть есть скрытыя причины. Смуты раздражаются именно въ департаментахъ, самыхъ изобильныхъ хлѣбомъ. Заговорщики, унижающіе конвентъ, скажите же намъ, чего вы отъ насъ хотите. Мы уничтожили всѣ тиранніи, мы уничтожили королевскій санъ; чего вы еще хотите?“

Религіозныя идеи, затронутыя въ совѣсти вѣрныхъ, въ то же время волновали департаменты. Мятежъ выставялъ своимъ знаменемъ крестъ. Дантонъ былъ этимъ взволнованъ. „Все зло не въ тревогѣ за съѣстные припасы“, сказалъ онъ конвенту. „Въ собраніе брошена неблагоразумная мысль: говорили, что не надо платить больше священникамъ. Опирались на философскія идеи, которыя мнѣ дороги, потому что я не знаю другого Бога, кромѣ Бога вселенной,—другого культа, кромѣ культа справедливости и свободы. Но человекъ, обиженный судьбой, ищетъ идеальныхъ наслажденій. Когда онъ видитъ, какъ богачъ предается удовольствію всѣхъ своихъ прихотей, лелѣетъ всѣ свои желанія, тогда онъ вѣритъ,—и эта мысль его утѣшаетъ,—что въ будущей жизни наслажденія умножатся пропорціонально лишеніямъ на этомъ свѣтѣ. Когда вы, въ теченіе нѣкотораго времени, будете имѣть такихъ блюстителей нравственности, которые прольютъ свѣтъ въ хижины, тогда хорошо будетъ говорить народу о нравственности и о философіи. Но до тѣхъ поръ было бы дѣломъ варварскимъ, преступленіемъ противъ націй,—хотѣтъ отнять у народа людей, въ которыхъ онъ надѣется еще найти какое-нибудь утѣшеніе. Я считалъ бы, поэтому, полезнымъ, чтобы, для убѣжденія народа, конвентъ составилъ адресъ, что онъ ничего не хочетъ разрушить, и лишь все усовершенствовать, и что, если онъ преслѣдуетъ фанатизмъ, то лишь потому, что хочетъ свободы религіозныхъ мнѣній. Но есть еще предметъ, который требуетъ неотложнаго рѣшенія собранія“, прибавилъ Дантонъ, болѣе встревоженный, чѣмъ увлеченный манифестаціей противъ Людовика XVI. „Судъ надъ бывшимъ королемъ ожидается съ нетерпѣніемъ. Съ одной стороны, республиканецъ приходитъ въ негодованіе на то, что этотъ процессъ кажется нескончаемымъ; съ другой, роялистъ волнуется во всевозможныхъ направленіяхъ, и, такъ какъ онъ обладаетъ еще и состояніемъ и гордостью, то вы увидите, можетъ-быть, къ великому скандалу для свободы, столкновеніе двухъ партій. Все повелѣваетъ вамъ поспѣшить судомъ короля“.

9.

Робеспьеръ, не желая оставить первенство за Дантономъ, присоединился къ нему съ требованіемъ, чтобы „послѣдній тиранъ французовъ, сборный пунктъ всѣхъ заговорщиковъ, причина всѣхъ смуть республики, былъ неотлагательно осужденъ принять кару за свои злодѣянія“. Марать, Лежандръ, Жанъ-Бонъ, Сентъ-Андре испустили такой же крикъ нетерпѣнія и направили противъ

короля одного волну гнѣва, тревоги и смуты, угрожавшую республикѣ. Процессъ сдѣлался безсмѣннымъ очереднымъ предметомъ занятій конвента.

Такимъ же онъ былъ и въ клубѣ якобинцевъ. Тамъ Шабо осыпалъ проклятіями Бриссо, упрекалъ его въ томъ, что онъ тайно радовался сентябрьскимъ убійствамъ въ надеждѣ, что его бывший сообщникъ и теперешній врагъ, памфлетистъ Морандъ, повѣренный его секретовъ, погибнетъ подъ топоромъ народа. „И ты, со своими друзьями, хвастаешься“, говорилъ ему Шабо, „что былъ героемъ 10 августа,—ты, который прятался въ своемъ комитетѣ до той самой минуты, когда возникъ вопросъ о возможности для тебя овладѣть министерствомъ подъ отвѣтственностью Ролана и Клавьера! Герой 10 августа,—ты, который, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, читалъ рѣчь, заслужившую рукоплесканія роялистовъ,—рѣчь, въ которой ты объявлялъ себя защитникомъ короля! Ты и твои друзья—герои 10 августа! Не твой ли это другъ Верньо, который заключалъ свою рѣчь о низложеніи посланіемъ къ королю, предназначеннымъ усыпить націю до прибытія Брауншвейга? Не Жеромъ ли Петіонъ, который помѣшалъ возстанію 28 іюля и бранилъ меня 9 августа за то, что я хотѣлъ звонить въ набатъ. Не твой ли другъ Ласурсъ, который 8 августа требовалъ высылки федератовъ, побѣдителей въ день 10 августа? Не Верньо ли опять, который, будучи президентомъ собранія, утромъ этого дня, клялся умереть за охраненіе конституціонныхъ правъ короля? Не твоя ли это партія, наконецъ, которая постановляла о назначеніи воспитателя королевскому принцу, въ то время, когда народная пушка низвергала дворецъ? Пусть же общественное мнѣніе разсудитъ между бывшимъ капуциномъ Шабо и бывшимъ полицейскимъ шпиономъ Бриссо!“ Заключеніемъ всѣхъ этихъ филиппикъ якобинцевъ противъ Ролана, Бриссо, Петіона, Верньо, былъ брошенный жирондистамъ вызовъ отступить въ процессѣ Людовика XVI, отказать въ его головѣ народу и тѣмъ выказать себя измѣнниками отечеству.

Въ томъ же засѣданіи клуба якобинцевъ, Робеспьеръ, какъ сдѣлалъ и Дантонъ въ конвентѣ,—отвергнувъ мысль объ отнятіи государственнаго жалованья отъ священниковъ. Робеспьеръ и другіе робко отступали, въ интересъ партій, предъ рациональнымъ примѣненіемъ догмата о независимости религіозныхъ вѣрованій и о безусловной эманципаціи свободою разума народовъ, въ дѣлѣ культа. Они провозгласили религію народа ложью и требовали, чтобы республика оплачивала священниковъ, обязанныхъ проповѣдывать и совершать то, что они называли ложью. Такимъ образомъ, люди, наиболѣе твердые въ революціонной вѣрѣ, не отступавшіе ни передъ кровью своихъ согражданъ, ни предъ арміями Европы, ни предъ собственнымъ своимъ эшафотомъ, отступали предъ могуществомъ національной привычки и лучше соглашались отсрочить разрѣшеніе отношеній человѣка къ Богу, чѣмъ отсрочить достиженіе своего могущества. „Мой Богъ“, говорилъ Робеспьеръ въ письмѣ къ своимъ довѣрителямъ, „есть тотъ, который создалъ всѣхъ людей для равенства и счастья. Это тотъ, который покровительствуетъ угнѣсненнымъ и искореняетъ тирановъ. Мой культъ—правосудіе и человѣчность. Я не больше всякаго другого люблю власть священниковъ. Это лишнія оковы, данныя человѣчеству; но оковы невидимыя, наложенныя на умы. Законодатель можетъ помочь разуму освободиться

отъ нихъ, но не можетъ ихъ разбить. Наше положеніе въ этомъ отношеніи кажется мнѣ благоприятнымъ. Господство суетвѣрія почти разрушено. Уже самъ священникъ, какъ предметъ уваженія, менѣе значитъ, чѣмъ идея религіи которую священникъ олицетворяетъ въ глазахъ толпы. Уже свѣточъ философіи, проникающій до самыхъ мрачныхъ классовъ, прогналъ всѣ эти смѣшныя призраки, которые честолюбіе священниковъ и политика королей повелѣваютъ намъ обожать во имя неба. Въ умахъ остаются только тѣ вѣчные догматы, которые оказываютъ поддержку нравственнымъ идеямъ,—и вѣчное, трогательное ученіе о милосердіи и равенствѣ, которымъ Сынъ Маріи училъ нѣкогда своихъ согражданъ. Вскорѣ, безъ сомнѣнія, евангеліе разума и свободы будетъ евангеліемъ всего міра. Догматъ Божества отпечатлѣлся въ умахъ. Этотъ догматъ народъ читаетъ въ томъ культѣ, какой онъ до сихъ поръ исповѣдывалъ. Нападать на этотъ культъ—значитъ посягать на нравственность народа. При томъ вспомните, что наша революція основана на справедливости, и что все, клонящееся къ ослабленію въ народѣ этого нравственного чувства, антиреволюціонно. Припомните, съ какою мудростью величайшіе законодатели древности умѣли управлять этими тайными пружинами человѣческаго сердца; съ какимъ высокимъ искусствомъ, щадя слабость или предразсудки своихъ согражданъ, они соглашались давать небесную санкцію дѣлу своего гения! Каковъ бы ни былъ нашъ энтузіазмъ, мы еще не достигли предѣловъ разума и человѣческой добродѣтели. Но какъ же неблагоприятно бросать новые зародыши раздора въ умы, внушать народу увѣренность, что, нападая на священниковъ, нападаютъ на самый культъ! Не говорите, что здѣсь дѣло не въ уничтоженіи культа, а только въ томъ, чтобы его не оплачивать; потому что тѣ, которые вѣрятъ въ культъ, признаютъ также и то, что не оплачивать его болѣе или оставить его на погибель значитъ—одно и то же. Не видите ли вы, кромѣ того, что, предавая гражданъ индивидуальности культовъ, вы подаете сигналъ къ раздорамъ въ каждомъ городѣ и каждой деревнѣ? Одни захотятъ имѣть культъ, другіе—обойтись безъ него, и всѣ сдѣлаются, другъ для друга, предметомъ ненависти и презрѣнія“.

10.

Такимъ образомъ, Дантонъ и даже Робеспьеръ, дѣлая странное и трусливое уклоненіе отъ своихъ принциповъ, хотѣли возстановить, во имя республики, то официальное единообразіе совѣсти, за которое сами же упрекали политику королей. Они отнимали короля у народа и не смѣли объявить, что перестаютъ оплачивать духовенство!

Эта непоследовательность Робеспьера, маскируя его слабость подъ софизмомъ, подавала поводъ къ сарказмамъ со стороны его враговъ. Карра, Горза, Бриссо, редакторы главныхъ журналовъ Жиронды, выражали сожалѣніе по поводу суетвѣрія Робеспьера и выставляли его снисходительность въ смѣшномъ видѣ. „Спрашивается“, говорили они, „почему столько женщинъ въ свитѣ Робеспьера, у него, у трибуны якобинцевъ, у кордельеровъ, въ конвентѣ? Это потому, что французская революція составляетъ религію, а Робеспьеръ хочетъ образовать секту. Онъ—нѣчто въ родѣ жреца, который имѣетъ своихъ ханжей,

своихъ Магдалинъ. Вся его сила—въ женщинахъ. Робеспьеръ проповѣдуетъ, Робеспьеръ критикуетъ, онъ приходитъ въ ярость, бываетъ суровъ, меланхоличенъ, экзальтированъ безъ одушевленія, послѣдователенъ въ своихъ мысляхъ и въ своемъ поведеніи. Онъ гремитъ противъ богатыхъ и сильныхъ міра. Текстъ его проповѣдей таковъ же, какъ у Христа: надо обобратъ всѣхъ буржуазныхъ мошенниковъ и одѣтъ санкюлотовъ. Онъ живетъ малымъ. Онъ не знаетъ физическихъ потребностей. У него только одна миссія—говорить, и онъ говоритъ постоянно. Онъ создаетъ учениковъ, имѣетъ тѣлохранителей вокругъ своей особы. Онъ говоритъ рѣчи у якобинцевъ, когда можетъ, приобрьсти тамъ себѣ послѣдователей. Онъ молчитъ, когда слово могло бы повредить его популярности. Онъ отказывается отъ такихъ мѣстъ, гдѣ могъ бы служить народу, и добивается такихъ постовъ, съ которыхъ могъ бы его поучать. Онъ показывается, когда можетъ произвести впечатлѣніе, и исчезаетъ, когда сцена занята другими. Онъ обладаетъ всѣми способностями главы религіи. Онъ составляетъ себѣ репутацію святости. Онъ говоритъ о Богѣ и Провидѣніи! называетъ себя душою бѣдныхъ и утѣсенныхъ. Онъ велитъ слѣдовать за собою женщинамъ и людямъ слабоумнымъ. Робеспьеръ—это первосвященникъ и никогда не будетъ ни чѣмъ другимъ!“

11.

Со своей стороны, Маратъ, не присутствовавшій въ конвентѣ и возвратившійся въ свое подземелье у кордельеровъ, со времени насилія, сдѣланнаго ему Вестерманомъ, и угрозъ федератовъ, обвинялъ оттуда предъ народомъ партію Жиронды, называя ее непрерывнымъ заговоромъ противъ отечества. „Не меня только“, писалъ онъ, „принуждаютъ они искать безопасности въ мрачномъ склепѣ, чтобы быть въ безопасности отъ лезвія ихъ разбойниковъ; свирѣпая партія накинута на Робеспьера, Дантона, Пани и всѣхъ депутатовъ, которыхъ они не могутъ заставить поладить со страхомъ. Они составляютъ списки осужденныхъ, подъ покровительствомъ своего патрона, Ролана. Кто же эти публичные враги каждаго хорошаго человѣка? Это тѣ, которые при учредительномъ собраніи жертвовали двору правами и интересами народа,—это Камюсы, Грегуары, Роланы, Сійесы, Бюзю; это тѣ, которые въ законодательномъ собраніи вели интриги съ исполнительною властью и заставили объявить несчастную войну, по соглашенію съ Нарбонномъ, Лафайетомъ и Дюмурею; это тѣ, которые требуютъ раздробленія Франціи и перемѣщенія національнаго собранія въ Руанъ; я говорю о Ласурсахъ, Лакруа, Фоше, Жансонне, Верньо, Бриссо, Керсенахъ, Барбару, Гаде,—объ этихъ низкихъ конвентскихъ игрушкахъ Ролана! И меня упрекаютъ, что я устранился отъ кинжаловъ убійцъ, напятыхъ этими людьми, скрывшись въ мое подземелье! Когда моя смерть будетъ въ состояніи скрѣпить счастье народа, тогда увидать, поблѣдитъ ли я предъ ней?“

Дѣйствительно, Маратъ не замедлилъ показаться подъ конвоемъ людей изъ народа, вооруженныхъ саблями и палками, въ сопровожденіи группъ дѣтей и женщинъ въ лохмотьяхъ. Съ этой свитой онъ показался въ дверяхъ конвента. „И меня обвиняютъ“, писалъ онъ на слѣдующій день, „въ проповѣдываніи убійствъ и рѣзни! Меня, который всегда требовалъ нѣсколькихъ капель не-

чистой крови только для того, чтобы отвратить потоки крови невинной! Лишь чистая любовь къ челоѣчеству заставила меня прикрытъ на нѣсколько минутъ свою чувствительность, чтобы провозгласить смерть этимъ врагамъ челоѣческаго рода. Чуткія и справедливыя сердца, я къ вамъ взываю противъ клеветы этихъ бездушныхъ людей, которые, не содрогаясь, смотрѣли бы, какъ цѣлая нація приносится въ жертву горсти злодѣевъ! На набережной Театиновъ, въ бывшемъ отелѣ Лабриффа, собираются ежедневно эти вожаки, Бюзо, Керсень, Жансонне, Верньо, Сійесь, Кондорсе. Тамъ они сплетаютъ свои планы. Чаше эти заговорщики собираются у любовницы Сильери, — Сентъ-Илеръ. Это одинъ изъ ихъ обычныхъ притоновъ. Начинаютъ совѣщаніемъ, кончаютъ оргіей. Ибо нимфы эмиграціи отправляются туда, чтобы подкупить этихъ *pères conscriptis* конвента. Саладенъ тамъ обѣдалъ 27 числа съ нѣсколькими депутатами этой клики, каковы Бюзо и Керсень. Ласурсъ тамъ ужиналъ съ этими анти-революціонными куртизанками и съ бывшимъ управителемъ почтъ, Вемеранжемъ. Въ томъ же загородномъ домѣ, въ Тилль, близъ деревни Гонессъ, собираются разъ въ недѣлю вожди этой крамолы, въ томъ же мѣстѣ и за тѣмъ же столомъ, гдѣ собирались назадъ тому два года, Шапелье, Дандре, Мори и Казалесь!“

12.

Въ тоже время Камилль Демуленъ, соединившись съ Мерленомъ де-Тюндемъ, издавалъ журналъ въ защиту дѣла Робеспьера съ слѣдующимъ эпиграфомъ, который каждый день указывалъ читателямъ постоянную мысль якобинцевъ: „нѣтъ для боговъ жертвы пріятію зарѣзаннаго короля“. — „Я не знаю“, говорилъ Камилль Демуленъ, „не долженъ-ли Робеспьеръ трепетать успѣховъ, какихъ онъ добился въ борьбѣ противъ своихъ низкихъ обвинителей. Ювеналь говоритъ, что именно вторая филиппика Цицерона, его возвышенная рѣчь, и была причиною убійства этого великаго челоѣка. Робеспьеръ также слишкомъ много побѣждалъ, его враги слишкомъ подавлены, чтобы такой успѣхъ не предсказывалъ катастрофы. Болѣе унижить своихъ враговъ невозможно. Луве покрылся позоромъ, Петіонъ казался совершенно пригвожденнымъ къ мѣсту при торжествѣ своего противника. Что же такое и добродѣтель, если Робеспьеръ не ея образъ? что такое краснорѣчіе и талантъ, если рѣчь Робеспьера не образцовое ихъ произведеніе, — эта рѣчь, въ которой я нашелъ соединеніе пропіи Сократа и остроумія Паскаля, съ двумя или тремя чертами, какія можно сравнить съ самыми блестящими порывами Демосфена? Робеспьеръ, Лакруа обвинялъ тебя, что ты произнесъ слово, достойное осужденія; но таково понятіе, которое составилось о твоей добродѣтели, что я, изъ этого одного факта, уже призналъ сказанное слово вовсе не преступнымъ, потому только, что ты его произнесъ. Что же касается до Марата, который меня называетъ иногда своимъ сыномъ, то такое родство не мѣшаетъ мнѣ держаться на нѣкоторомъ разстояніи отъ этого отца. Но Маратъ не составляетъ партіи. Маратъ живетъ одинъ. Бриссо! Бриссо! вотъ партія! Взгляните на комитеты конвента! Бриссо повсюду! Робеспьера нигдѣ! Знаете-ли, что соединяетъ жирондистовъ? Ненависть къ Парижу! ненависть къ народу! Они ненавидятъ Парижъ, потому что Парижъ

голова націи и заключаетъ въ себѣ громадную массу народа, грозу измѣнниковъ и интригановъ!“

13.

Одна изъ тѣхъ случайностей, которая судьбою иногда повергается среди событій, чтобы ихъ ухудшить и привести къ развязкѣ, неожиданно дала якобинцамъ новое оружіе противъ жирондистовъ, новое свидѣтельство противъ Людовика XVI. Мы уже видѣли, что король, не довѣряя безопасности Тюльери,—за нѣсколько дней до 10 августа, велѣлъ вдѣлать въ стѣну темнаго коридора, который велъ въ его кабинетъ, секретный шкафъ, прикрытый желѣзною дверью со вставкой столярной работы. Для этой операціи, занимаясь ею въ видѣ отдыха отъ заботъ трона, король пользовался услугами товарища въ своихъ ручныхъ работахъ. Этотъ человѣкъ, о которомъ мы уже говорили, по имени Гаменъ, былъ версальскій слесарь; онъ горячо любилъ Людовика XVI, и ни что бы не склонило Гамена къ предательству, если бы безуміе или бѣшенство его жены не искоренили мало-по-малу въ его сердцѣ привязанности къ королю. Этотъ дюжій работникъ, постигнутый изнурительною болѣзною, вскорѣ послѣ того, какъ была запечатана желѣзная дверь, подъ вліяніемъ безпокойно лихорадочнаго воображенія, старался додуматься, какимъ образомъ его тѣло, до тѣхъ поръ молодое и крѣпкое, могло вдругъ обезсидить, истощиться, точно подъ дуневіемъ смерти или подъ дѣйствіемъ какого-то фатума, составляющаго плодъ мрачнаго легковѣрія народа. Эта мысль постоянно вертѣлась въ его головѣ, и наконецъ—совсѣмъ воспламенило больное воображеніе Гамена. Вѣрно-ли онъ помнилъ или обманывался, только его память подсказывала обстоятельство, повидимому, очень незначительное, которое онъ извратилъ въ подозрѣніе. Отъ подозрѣнія до обвиненія, въ душѣ человѣка простаго и сильно пораженнаго, разстояніе не велико: воображеніе Гамена скоро перешагнуло этотъ промежутокъ. Гаменъ вспомнилъ, что однажды ему, удрученному усталостью и жаждою во время утомительной ручной работы, король предложилъ утолить жажду и далъ изъ собственныхъ рукъ выпить стаканъ холодной воды. Потому-ли, что леденая вода оцѣпенила его, или потому, что начало болѣзни этого человѣка естественно совпадало съ той эпохой его жизни, только Гаменъ счелъ себя отравленнымъ отъ руки своего господина и друга, заинтересованнаго, говорилъ онъ, въ уничтоженіи единственнаго свидѣтеля тѣхъ бумагъ, которые были скрыты въ стѣнахъ дворца.

Гаменъ сообщилъ свои подозрѣнія женѣ, которая ихъ поддержала и отравила. Онъ долго боролся противъ этихъ наущеній, но, наконецъ, побѣжденный боязнью погибнуть жертвою столь гнуснаго вѣроломства,—потрясаемый, еще болѣе, возрастающими судорогами революціи, и боясь, чтобы молчаніе не было когда-нибудь ему вѣнено въ преступленіе, Гаменъ рѣшился отомстить за себя прежде, чѣмъ умереть, и открыть тайну, которой былъ участникомъ. Онъ отправился къ министру внутреннихъ дѣлъ, Ролану, и сдѣлалъ ему заявленіе о скрытыхъ бумагахъ. Потому-ли, что Роланъ горѣлъ нетерпѣніемъ добыть новыя улики противъ королевскаго сана, или надѣялся найти въ этихъ отчетахъ издержекъ изъ королевскаго содержанія письменныя

доказательства подкупа Дантона, Марата, самого Робеспьера, или скорѣе потому, что боялся выдать конвенту такіа корреспонденціи, которыя бы компрометировали его собственныхъ друзей, только Роланъ такъ поспѣшилъ, какъ можетъ сдѣлать человѣкъ, который, завидѣвъ свою добычу, быстро бросается на нее. Роланъ не подумалъ, какую громадную отвѣтственность навлекаетъ на него подобное вскрытіе безъ всякихъ свидѣтелей. Онъ не призвалъ членовъ комитета конвента, чтобы снять со шкафа печать; онъ велѣлъ Гамену одному съѣсть съ собою въ экипажъ, отправился въ Тюльери, взломалъ желѣзную дверь, собралъ бумаги, содержащіяся въ шкафу, и отнесъ эти бумаги въ министерство внутреннихъ дѣлъ, для разсмотрѣнія ихъ, прежде, чѣмъ представить конвенту. Когда объявлено было объ открытіи такого клада для обвиненія, въ Парижѣ пронесся крикъ радости, а въ конвентѣ поднялся глухой ропотъ на смѣлость министра. Всѣ партіи заранѣе обвиняли другъ друга въ тайномъ сообществѣ дѣлу, доказательства чего противъ ихъ вождей заключалъ будто бы въ себѣ желѣзный шкафъ. Всѣ боялись, что Роланъ, по своему произволу, сдѣлалъ выборъ изъ этихъ доказательства измѣны. Всѣ, за исключеніемъ жирондистовъ, поставили ему въ преступленіе такое нетерпѣливое желаніе совершить рукою простого министра то, что подлежало взору цѣлой націи, когда предстояло изслѣдовать тайну продѣлокъ и измѣнъ, совершенныхъ противъ нея. Хотя Роланъ въ тотъ же день принесъ бумаги изъ желѣзнаго шкафа на бюро президента, но уже самый тотъ фактъ, что министръ одинъ присутствовалъ при вскрытіи бумагъ и пробѣжалъ ихъ прежде, чѣмъ передать конвенту, заставлялъ заподозрить министра въ утайкѣ и пристрастіи. Конвентъ поручилъ своему комитету двѣнадцати представить докладъ объ этихъ бумагахъ и о тѣхъ изъ своихъ членовъ, которые могли оказаться замѣшанными въ дѣло. Бумаги содержали въ себѣ тайный договоръ двора съ Мирабо и неопровержимыя доказательства подкупа этого великаго оратора. Истина исходила изъ стѣнъ дворца, гдѣ она была запечатана, чтобы поразить обвиненіемъ память Мирабо въ могилѣ. Бареръ, Мерленъ, Дюкенуа, Руйе и самые выдающіеся члены Законодательнаго собранія,—а подъ этимъ названіемъ подразумѣвали Гаде, Верньо, Жансонне—были, если не обвинены, то, по крайней мѣрѣ, обозначены, какъ лица, имѣвшія сношенія съ Людовикомъ XVI. Найденныя корреспонденціи, по большей части, открывали только тѣ неопредѣленные планы, которые предлагаются политическими авантюристами, въ обмѣнъ на нѣкоторое количество золота, властямъ, находящимся въ бѣдѣ; опредѣленныхъ плановъ и дѣйствительнаго сообщничества было гораздо менѣе; почти всѣ письма кончались непомѣрными денежными требованіями; домогались милліоновъ изъ казны короля. Последнему обѣщали содѣйствіе именъ и содѣйствіи такихъ людей, которые даже не знали, что ими торгуютъ. Бареръ, Гаде, Мерленъ, Дюкенуа безъ труда оправдались отъ подобныхъ химерическихъ обвиненій. Одинъ только человѣкъ въ собраніи предлагалъ двору свое слово и свое значеніе: этотъ человѣкъ былъ Дантонъ. Но доказательство его сношеній съ монархіей находилось въ Англіи, въ рукахъ министра Людовика XVI; желѣзный шкафъ о немъ молчалъ.

Барбару, желая отвлечь подозрѣнія, какія поднимались противъ Ролана, потребоваль, чтобы Людовикъ XVI былъ обвиненъ первый. Робеспьеръ, до тѣхъ поръ безгласный, заговорилъ, не какъ безпристрастный судья, но какъ врагъ, хватающійся за мечъ. Между Людовикомъ XVI и собою онъ не признавалъ другого закона, кромѣ смертельной антипатіи, существующей между господиномъ и рабомъ; забывая, что самъ онъ былъ только человѣкомъ, который обязанъ соображаться въ своихъ сужденіяхъ не съ одними письменными законами, но также и съ закономъ не письменнымъ, — съ закономъ милосердія и справедливости, — онъ поставилъ лицомъ къ лицу благо республики и жизнь короля и рѣшилъ, что смерть послѣднего была необходима для народа. Но у Робеспьера была, по крайней мѣрѣ, та заслуга, что онъ удалил отъ предполагаемаго государственнаго убійства всякое лицемеріе, сопряженное съ обычными формами процесса. Онъ осудилъ Людовика XVI, какъ будто бы самъ былъ верховнымъ судьей, и самъ же казнилъ его, точно Людовикъ XVI былъ только отвлеченнымъ понятіемъ. Эта-то откровенность и смѣлось Робеспьера увлекли потомъ столько умовъ и заставили его поклонниковъ забыть, что въ казнимомъ принципѣ былъ король, что въ этомъ королѣ былъ человѣкъ и что въ этомъ человѣкѣ была жизнь, — жизнь, которую общество не отнимаетъ ни у кого за то преступленіе, которое создается обстоятельствами, но лишь за такое, которое было дѣломъ собственныхъ рукъ и воли человѣка.

„Васъ отвлекаютъ отъ вопроса, здѣсь вовсе нѣтъ процесса!“ сказалъ онъ. „Людовикъ не обвиненный, вы не судьи“; вамъ не предстоить произносить приговора за или противъ человѣка, но просто принять известную мѣру для общественнаго блага, проявить актъ національной предусмотрительности! (Рукоплесканія). Какое рѣшеніе предписываетъ здравая политика для скрѣпленія рождающейся республики? Глубоко напечатлѣть въ сердцахъ презрѣніе къ королевскому сану и поразить оцѣпенѣніемъ всѣхъ партизановъ короля. Итакъ, показать свѣту преступленіе Людовика, только какъ проблему, — его дѣло, какъ предметъ разсужденія самаго серьезнаго, самаго благоговѣйнаго, какое когда-нибудь было, положить неизмѣримое разстояніе между воспоминаніемъ о томъ, чѣмъ онъ былъ, и титуломъ гражданина, это именно значитъ найти средство сдѣлать его болѣе опаснымъ для свободы. Людовикъ XVI былъ король, а теперь основана республика. Важный вопросъ, который васъ занимаетъ, разрѣшенъ однимъ этимъ словомъ. Людовикъ низложенъ своими преступленіями, онъ злоумышлялъ противъ республики; онъ осужденъ или республика вовсе не оправдывается. (Рукоплесканія). Предлагать вести процессъ Людовику XVI — значитъ ставить на карту революцію. Если его можно судить, то можно и оправдать; если онъ можетъ быть оправданъ, значитъ, можетъ быть и невиненъ. Но если онъ невиненъ, то что становится съ революціей? Если онъ невиненъ, то кто же мы, какъ не клеветники на него? Манифесты иностранныхъ дворовъ противъ насъ справедливы; самая тюрьма его составляетъ уже дерзость; федераты, парижскій народъ, всѣ патріоты французскаго государства

виновны; и великій процессъ, тянущійся въ трибуналъ природы въ теченіе столькихъ вѣковъ,—процессъ между преступленіемъ и добродѣтелью, между свободой и тиранніей, будетъ, наконецъ, рѣшенъ въ пользу преступления и и деспотизма.

„Граждане, берегитесь; вы обманываетесь здѣсь ложными понятіями. Величественныя движенія великаго народа, высокіе порывы добродѣтели представляются намъ, какъ изверженія вулкана и какъ ниспроверженіе политическаго общества. Когда нація вынуждена прибѣгнуть къ праву возстанія, она возвращается къ естественному состоянію относительно тирана. Какъ онъ можетъ сослаться на общественный договоръ? Онъ самъ его уничтожилъ! Какіе законы замѣняютъ этотъ послѣдній? Законы природы: народное благо. Право наказывать тирана и право низложить его составляютъ одно и то же; одно нераздѣльно по формѣ съ другимъ. Процессъ тирана—это возстаніе; судъ надъ нимъ—это паденіе его могущества; кара его—то, чего требуетъ свобода народа. Народы мечутъ громъ: вотъ ихъ приговоръ; они не осуждаютъ королей; они ихъ подавляютъ, погружаютъ опять въ ничтожество! Въ какой республикѣ необходимость карать королей была дѣломъ спорнымъ? Развѣ Тарквиній былъ призываемъ къ суду? Что сказали бы въ Римѣ, если бы граждане объявили себя его защитникомъ? А мы, мы призываемъ адвокатовъ для защиты дѣла Людовика XVI? Мы очень можемъ впоследствии присудить имъ гражданскіе вѣнки, потому что, если они защищаютъ дѣло, то могутъ надѣяться доставить ему торжество; иначе, мы представили бы міру только смѣшную комедію правосудія. (Рукоплесканія). И мы осмѣливаемся говорить о республикѣ! О, мы такъ нѣжны къ притѣснителямъ потому, что жестокосерды къ притѣсненнымъ! Какова же та республика, которую ея основатели ставятъ на рискъ и противниковъ которой сами возбуждаютъ, чтобы имѣли смѣлость напасть на нее въ самой колыбели! Два мѣсяца назадъ кто бы могъ даже подозрѣвать, что здѣсь заговорятъ о неприкосновенности королей? А сегодня членъ національнаго конвента, гражданинъ Петіонъ, подаетъ вамъ эту мысль, какъ предметъ серьезнаго разсужденія! О преступленіе! о позоръ! трибуна французскаго народа огласилась панегирикомъ Людовику XVI! Людовикъ борется еще противъ насъ изъ глубины своей темницы, а вы спрашиваете, виновенъ ли онъ, и можно ли обращаться съ нимъ какъ съ врагомъ! Вы позволяете, чтобы въ его пользу призывалась конституція? Если это такъ, то конституція васъ осуждаетъ; она вамъ запрещала низвергать его! Ступайте же къ ногамъ тирана умолять его о прощеніи и милосердіи!..

„Но, новое затрудненіе, къ какой карѣ присудимъ мы его?“ „Смертная казнь слишкомъ жестока“, говоритъ одинъ. „Нѣтъ“, говоритъ другой, „жизнь еще болѣе жестока; надо осудить его на жизнь“. Адвокаты! изъ состраданія или изъ жестокости хотите вы устранить его отъ кары за преступленія? Что касается до меня, то я ненавижу смертную казнь; я не питаю къ Людовику ни любви, ни ненависти; я ненавижу только его злодѣянія. Въ Учредительномъ собраніи я требовалъ уничтоженія смертной казни, и не моя вина, если первые принципы разума показались моральной и судебной ересью. Но вы, которые никогда не рѣшались требовать такой отмѣны казни, въ пользу несчастныхъ,

преступленія которыхъ—только личныя и достойныя прошенія,—по какой роковой силѣ вспоминаете вы о своемъ человеколюбіи, чтобы отстаивать дѣло величайшаго изъ преступниковъ? Вы требуете изыятія отъ смертной казни только для одного того, кто можетъ ее узаконить?.. Низложенный король среди революціи, еще не закрѣпленной! король, котораго уже одно имя навлекаетъ на націю вѣдущую войну! Ни тюрьма, ни изгнаніе не могутъ сдѣлать невиннымъ его существованіе. Я съ сожалѣніемъ высказываю эту роковую истину: скорѣе долженъ погибнуть Людовикъ, чѣмъ 100,000 добродѣтельныхъ гражданъ! Людовикъ долженъ умереть потому, что нужно сохранить въ живыхъ отечество!“

15.

Рѣчь Робеспьера, прерываемая зловѣщими рукоплесканіями, обрушилась на общественное мнѣніе, какъ желѣзная тяжесть падаетъ на вѣсы. Краснорѣчіе и смѣлость софизма изумили и согнули убѣжденія слушателей. Послѣдніе гордились своею безжалостностью какъ чѣмъ-то роковымъ; считали себя всемогущими. Націю поставили на мѣсто Провидѣнія; сочли себя уполномоченными издавать отъ его имени декреты. Это было заблужденіе: право націи составляетъ только изъ совокупности всѣхъ правъ, какія каждый членъ націи носитъ въ себѣ самомъ; но ни одному человѣку не присуще право убивать другого человѣка иначе, какъ на сраженіи, или по суду. Высказывая свои величественныя аксіомы, Робеспьеръ не только ставилъ короля внѣ закона; онъ его ставилъ внѣ природы и, въ этомъ блестящемъ, но ошибочномъ воззваніи къ естественному праву, краснорѣчивый софистъ не видѣлъ, безъ сомнѣнія, что давалъ каждому гражданину возможность вооружаться мечемъ и разить имъ самому человѣка безоружнаго, не осужденнаго, разить только на основаніи своей теоріи или своего гнѣва. Робеспьеръ смѣшивалъ возстаніе съ убійствомъ, а право борьбы съ правомъ рѣзни.

16.

Въ одномъ изъ засѣданій, слѣдовавшихъ за этою рѣчью, Бюзо предложилъ смертную казнь каждому, кто подумаетъ возстановить монархію подъ какой бы то ни было формой. Намекъ, сдѣланный этими словами на проектъ господства Робеспьера и якобинцевъ, возбудилъ сильный ропотъ. Этотъ ропотъ утихъ, какъ обыкновенно, сбросивъ на одного короля ярость всѣхъ партій. Бюзо потребовалъ, чтобы король предварительно былъ выслушанъ, хотя бы только для того, чтобы узнать его сообщниковъ. Движенія и улыбка его указывали на Робеспьера и Дантона.

Рюль продолжалъ чтеніе доклада о бумагахъ, найденныхъ въ желѣзномъ шкафу. Одна изъ бумагъ этой корреспонденціи содержала тайное совѣщаніе короля съ французскими епископами, чтобы спросить ихъ, можетъ ли онъ причаститься Св. Таинъ въ праздники воспоминанія о смерти и воскресенія Христа. „Я принялъ“, говорилъ онъ имъ, „гибельную гражданскую конституцію духовенства. Я всегда считалъ это принятіе вынужденнымъ, твердо рѣшившись возстановить католическій культъ, если возвращу себѣ власть“. Епископы отвѣчали ему строгимъ увѣщаніемъ и отлученіемъ отъ священныхъ отпращиваній до

тѣхъ поръ, пока виновный не омоетъ свою вину множествомъ достохвальныхъ удовлетвореній за преступное содѣйствіе революціи. Въ собраніи потребовали, чтобы прахъ Мирабо, уличеннаго въ продажности этими самыми бумагами, былъ вынесенъ изъ Пантеона. „Позорьте, если хотите, его память приговоромъ“, сказалъ Манюэль, „но не осуждайте его, не разобравъ дѣла“. Камилль-Демуленъ спросилъ Петіона, пригласивъ его объявить, почему, какъ парижскій мэръ, онъ не присутствовалъ при похоронномъ corteжѣ Мирабо. „Я всегда былъ убѣжденъ“, отвѣчалъ Петіонъ, „что Мирабо съ большими талантами соединялъ глубокую безправственность. Я думаю, что, когда Лафайетъ обманывалъ народъ, Мирабо имѣлъ преступныя сношенія съ дворомъ. Я думаю, что онъ получилъ отъ Талона сумму въ 48,000 ливровъ. Но хотя у меня и были нѣкоторые признаки и нѣкоторое убѣжденіе относительно этихъ фактовъ, но доказательствъ ихъ я не имѣлъ. Извѣстенъ планъ Мирабо дать возможность королю удалиться въ Руанъ. Достоверно то, что онъ часто ѣздилъ въ Сень-Клу и имѣлъ тамъ тайныя совѣщанія. По этимъ причинамъ, я не присутствовалъ при почестяхъ, какія воздавались его гробу“.

17.

Между тѣмъ, народъ, волнуемый боязнью голода и непріятельскаго нашествія, приходилъ въ нетерпѣніе отъ медленности собранія, толпился у его дверей и объявлялъ, что хлѣбъ явится на рынкахъ, а побѣда на границахъ только послѣ того, какъ смерть Людовика XVI искупитъ его злодѣянія и отниметъ надежду у барышниковъ и заговорщиковъ. Шумныя сборища отправились къ подъездамъ Тампля и угрожали взять приступомъ темницу, чтобы вырвать изъ нея плѣнника. Эти волненія послужили партіи Робеспьера предлогомъ, чтобы потребовать ареста безъ суда и немедленной смерти короля.

Конвентъ назначилъ 21 члена для составленія вопросовъ Людовику XVI и его обвинительнаго акта. Онъ рѣшилъ, сверхъ того, что король будетъ приведенъ къ рѣшеткѣ для выслушанія этого обвиненія,—что ему дано будетъ два дня для отвѣта, и что на слѣдующій день послѣ того, какъ онъ явится и отвѣтитъ, участь его будетъ рѣшена поименнымъ голосованіемъ всѣхъ присутствующихъ членовъ.

Маратъ, устремившійся на трибуну по прочтеніи этого декрета, обвинилъ Ролана и его друзей за то, что они систематически морятъ голодомъ народъ, чтобы довести его до излишествъ; потомъ, обратившись неожиданно къ Робеспьеру и Сень-Жюсту, сказалъ: „Стараются довести патріотовъ этого собранія до необдуманныхъ мѣръ, требуя, чтобы мы единодушно голосовали смерть тирана. Я же напоминаю вамъ о необходимости величайшаго спокойствія. Нужно при этомъ руководствоваться мудростью“. Собраніе изумлено, депутаты смотрятъ другъ на друга и, повидимому, не вѣрятъ своимъ ушамъ. Маратъ, возвысивъ голосъ, продолжаетъ съ важностью: „Да, не будемъ готовить врагамъ свободы предлогъ къ свирѣпымъ клеветамъ, какими они насъ осыплютъ, если мы дадимъ себя увлечь относительно Людовика XVI одному только чувству своей силы и своего гнѣва. Но чтобы узнать измѣнниковъ,—а въ этомъ собраніи они есть,—(нѣсколько голосовъ: „назовите измѣнниковъ!“), чтобы опредѣлить

съ достовѣрностью, кто измѣнники, я предлагаю вамъ вѣрное средство, именно, чтобы мнѣнія всѣхъ депутатовъ объ участи тирана были опубликованы!“ Рукоплесканія трибунъ сопровождали Марата на его скамью.

18.

Послѣ Марата, Шабо, по доносу нѣкоего Ашиля Віара, авантюриста, который добивался себѣ важнаго значенія путемъ двусмысленныхъ сношеній со всѣми партіями, обвинялъ жирондистовъ, и преимущественно г-жу Роланъ, въ соглашеніи съ Нарбонномъ, Малуэ и другими конституціонистами, бѣжавшими въ Лондонъ,—соглашеніи,—которое имѣло цѣлью спасти короля и запугать конвентъ сборищемъ 10,000 умѣренныхъ республиканцевъ, которые не хотѣли смерти тирана. Этотъ воображаемый заговоръ, придуманный Шабо, Базиромъ, Мерленомъ и нѣкоторыми другими экзальтированными членами наблюдательнаго комитета, вызвалъ сцену взаимныхъ оскорбленій между двумя партіями, въ которой слова, тѣлодвиженія, взгляды унижали достоинство представителей республики до уровня самой недостойной неурядицы.

Съ этого дня языкъ преній переимѣнился, какъ измѣнился и характеръ самихъ спорящихъ. Онъ усвоилъ себѣ грубость и тривіальность, составляющія порокъ черни, взаимныя изнѣженности и аффектаціи, которыя составляютъ язву дворовъ. Гнѣвъ обѣихъ партій, для лучшаго взаимнаго оскорбленія, употреблялъ позорныя выраженія, составляющія достояніе уличной толпы. Кулачный бой замѣнилъ шпагу. Въ угрозахъ ораторовъ сказывался близкій эшафотъ. Сентябрьская кровь пятнала пренія. „Это глупцы, плуты, подлецы!“ кричалъ Марать, указывая пальцемъ на Гранжнева и его друзей.—„Я сперва требую отъ тебя“, возражаетъ Гранжневъ, „чтобы ты сказалъ, какое имѣешь доказательство моей подлости!“ Трибуны принимаютъ сторону Марата и поднимаются съ мѣста, осылая жирондистовъ проклятіями.—„Посмотрите на правую сторону“, говоритъ Монто, „нѣтъ ли тамъ еще Рамона или Казалеса“.—„Я вызываюсь доказать“, возражаетъ Луве, „что Катилина на вашей сторонѣ“.—„Честные люди не боятся свѣта“, говоритъ Марать.—„Они вовсе не прячутся въ подземельяхъ“, кричитъ ему Буало. Рѣшаютъ, что два комиссара будутъ сопровождать Марата въ его жилище, чтобы удостовѣриться, что онъ не исказитъ смысла бумагъ, служащихъ основаніемъ для обвиненія. Для выполненія такого порученія указываютъ на Талліена, друга Марата, и на Бюзо, его врага. „Не думаю“, говоритъ Бюзо съ выраженіемъ презрѣнія, „чтобы конвентъ имѣлъ право приказывать мнѣ идти къ Марату“.

19.

Среди шума и взаимныхъ оскорбленій, г-жа Роланъ, вызванная конвентомъ для очной ставки съ своимъ обвинителемъ Віаромъ, является у рѣшетки.

Видъ женщины, прекрасной собою, главы партіи, соединяющей въ своемъ лицѣ соблазны природы съ обаяніемъ генія,—краснѣющей и вмѣстѣ съ тѣмъ гордой по поводу роли, какая предназначена ей важнымъ значеніемъ въ республикѣ, внушаетъ безмолвіе, приличіе, удивленіе собранію. Г-жа Роланъ объясняется съ простотою и скромностью обвиненной, которая увѣрена въ

своей невинности, и пренебрегаетъ другими способами пораженія своего обвинителя, кромѣ блеска истины. Голосъ ея, растроганный и звучный, трепещетъ среди внимательнаго и благосклонно-безмолвнаго собранія. Этотъ голосъ женщины, который впервые смѣнили хриплые вопли разъяренныхъ мужчинъ и—повидимому—внесъ новый отбѣнокъ въ выраженія трибунъ, прибавляетъ лишнюю прелесть къ граціозному краснорѣчію ея выраженій. Вѣдь, уличенный въ безстыдствѣ, молчитъ. Рукоплесканія служатъ оправданіемъ г-жѣ Роланъ и мстѣю за нее. Она выходитъ среди знаковъ уваженія и энтузіазма конвента. Всѣ члены встаютъ и преклоняются при ея проходѣ. Въ самой позѣ г-жи Роланъ высказывается невольнo тайная гордость, по поводу того, что она явилась среди лучшихъ людей своей родины, обратила на себя, на мгновение, взоры цѣлой Франціи, отомстила за своихъ друзей и смутила своихъ враговъ. „Взгляни на этотъ триумфъ!“ говорилъ Маратъ Камиллу-Демулену, сидѣвшему близъ него въ залѣ; „право, трибуны, остающіеся холодными,—народъ, который молчитъ,—умябѣ насъ“. Самъ Робеспьеръ отнесся съ презрѣніемъ къ смѣшной интригѣ, задуманной Шабо, и въ послѣдній разъ улыбнулся красотѣ и невинности г-жи Роланъ.

20.

Жирондисты, въ свою очередь, хотѣли сдѣлать диверсію процессу короля и бросить вызовъ якобинцамъ, предложивъ изгнать съ французской территоріи всѣхъ членовъ дома Бурбоновъ и именно герцога Орлеанскаго. Бюзо взялъ на себя предложить этотъ остракизмъ. „Граждане“, сказалъ онъ, „тронъ низвергнуть, тирана скоро не будетъ, но деспотизмъ еще живетъ. Подобно тѣмъ римлянамъ, которые, послѣ изгнанія Тарквинія, поклялись никогда не терпѣть царя въ своемъ городѣ, вы обязаны, для безопасности республики, изгнать фамилію Людовика XVI. Если бы какое-нибудь исключеніе и должно было сдѣлать, то, безъ сомнѣнія, не въ пользу Орлеанской вѣтви. Съ самаго начала революціи Орлеанскій привлекъ къ себѣ взоры народа. Его бюстъ, пронесенный по Парижу, въ самый день возстанія, представлялъ новаго идола. Вскорѣ онъ былъ обвиненъ въ проектахъ узурпаціи, и если справедливо, что онъ ихъ не питалъ, то, кажется, по крайней мѣрѣ, они существовали, и ихъ прикрывали его именемъ. Громадное состояніе, близкія сношенія съ англійскою знатію, имя Бурбона для иностранныхъ державъ, прозваніе „Равенства“ для французовъ,—сыновья, которыхъ молодое, кипучее мужество могло быть легко увлечено честолюбіемъ: всего этого слишкомъ много, чтобы Филиппъ могъ пребывать во Франціи безъ тревоги для свободы. Если онъ ее любитъ, если онъ ей служилъ, пусть же онъ завершитъ свою жертву и избавитъ насъ отъ присутствія потомка Капетовъ. Я требую, чтобы Филиппъ и его сыновья и жена и дочь несли изъ республики въ другое мѣсто свое несчастіе—быть рожденными близъ трона, знать его правила и примѣры,—и носить имя, которое можетъ служить сборнымъ пунктомъ крамольникамъ и не должно оскорблять слухъ чловѣка свободнаго“.

Это предложеніе, поддержанное Луве, опровергнутое Шабо, возобновленное Ланжюине, подозрительное Робеспьеру, нѣсколько дней волновало и конвентъ

и клубъ якобинцевъ и послѣ процесса короля было отсрочено по отношенію къ герцогу Орлеанскому. Цѣль жирондистовъ, при такомъ предложеніи, была двоякая: съ одной стороны, они хотѣли пріобрѣсти себѣ довѣріе у людей и партіи насилія, льстя страстямъ народа и даже его неблагодарности посредствомъ остракизма, болѣе суроваго и болѣе полного, чѣмъ остракизмъ одного короля; съ другой стороны, они хотѣли бросить на Робеспьера, Дантона и Марата подозрѣніе въ тайной угодливости будущему королевскому сану горцога Орлеанскаго. „Если эти демагоги“, говорили они, „будутъ защищать герцога, то прослывутъ его сообщниками, если они его оставляютъ, то въ конвентѣ сила нашихъ противниковъ уменьшится на сумму его голоса, его особы, богатства и партіи“. Петіонъ, Роланъ и Верньо, кажется, имѣли еще и другую мысль: мысль запугать якобинцевъ относительно участи герцога Орлеанскаго, и сдѣлать изъ его изгнанія предметъ переговоровъ съ Робеспьеромъ, чтобы, въ замѣнъ этого, добиться и съ другой стороны уступки, въ видѣ воззванія къ народу и сохраненія жизни короля.

21.

Но эти безсильныя диверсіи не прекращали, а только отвлекали народный гнѣвъ, который постоянно возвращался къ Тамплю. Пока назначенные конвентомъ комиссары выполняли у короля миссію, возложенную на нихъ декретомъ, Робертъ Ленде, депутатъ Эры, одинъ изъ тѣхъ людей, которые безстрастно и хладнокровно излагаютъ то, что страсть внушаетъ политической корпораціи, прочелъ второй обвинительный актъ. Когда самый процессъ былъ рѣшенъ, стали спорить уже по вопросу о воззваніи къ народу. Жирондисты настаивали на требованіи такого пересмотра суда послѣ процесса. Въ этомъ мнѣніи они нашли поддержку всѣхъ тѣхъ членовъ конвента, которые не принадлежали ни къ одной изъ двухъ наличныхъ партій, хотѣли отнять у свирѣпой мести республики кровь, которую считали себя не вправе проливать и къ которой республика вовсе не чувствовала жажды. Ихъ рѣчи, встрѣчаемыя сарказмами и угрожающими движеніями трибунъ, терялись среди общихъ воплей, но должны были, впослѣдствіи, найти почетный для себя отголосокъ въ оствшемъ настроеніи самого народа. Ожиданіе—вотъ вся месть справедливости.

22.

Бюзо, подавая голосъ за кару смертію преступленій Людовика XVI, удержалъ также и воззваніе къ народу. „Вы поставлены между двумя огнями, я это знаю“, сказалъ онъ своимъ товарищамъ; „если вы откажете въ воззваніи къ народу, то противъ выполненія вашего мнѣнія будетъ движеніе въ департаментахъ; если вы допустите воззваніе къ народу, то встрѣтите движеніе въ Парижѣ, и убійцы попытаются безъ васъ зарѣзать жертву. Но если злодѣи могутъ умертвить Людовика XVI, то эта не причина, чтобы намъ принимать на себя бремя ихъ преступленія. Что же касается преступленій, которыя постигли бы насъ самихъ въ этомъ случаѣ, то, хотя бы мнѣ предстояло сдѣлаться первою жертвою убійцъ, у меня все-таки достанетъ мужества сказать истину, я—по крайней мѣрѣ—я, умирая, буду имѣть утѣшительную надежду, что моя

смерть отомщена. Честные люди! дайте, по совѣсти, ваше мнѣніе о Людовикѣ и выполните, такимъ образомъ, свою обязанность!“

Робеспьеръ, во второй рѣчи, обвинилъ жирондистовъ въ желаніи длить опасность отечества, удлиняя процессъ, который они хотѣли представить суду 48,000 трибуналовъ. Потомъ, оставивъ самый вопросъ, чтобы схватиться лицомъ къ лицу съ врагами и обратить противъ нихъ снисходительность, какую они выказывали къ тирану, онъ вскричалъ въ заключеніе: „Граждане, великую истину произнесъ тотъ человѣкъ, который говорилъ вчера, что вы идите къ распушенію собранія путемъ клеветы. Нужны ли вамъ другія доказательства, кромѣ этихъ разсужденій? Не очевидно ли, что процессъ ведется не столько противъ Людовика XVI, сколько противъ горячихъ защитниковъ свободы? Развѣ возстаютъ противъ тираніи Людовика XVI? Нѣтъ, противъ тираніи малаго числа утѣсненныхъ патріотовъ. Не на заговоры ли аристократіи намъ указываютъ? Нѣтъ, это такъ-называемая диктатура какихъ-то депутатовъ народа, которые тутъ какъ-разъ и готовы прикинуться тиранами. Хотятъ сохранить тирана, чтобы противопоставить его патріотамъ безъ власти. Измѣнники! они располагаютъ всею правительственною силою, всею казною государства и насъ обвиняютъ въ деспотизмѣ! Нѣтъ такого селенія въ республикѣ, въ которомъ бы они насъ не позорили! Они истощаютъ государственную казну, чтобы распространять свои клеветы! Они нарушаютъ тайну писемъ, чтобы задерживать патріотическую переписку! И они же кричатъ о клеветѣ! Да, безъ сомнѣнія, граждане, существуетъ проектъ унижить и, быть можетъ, распустить конвентъ по поводу этого процесса. Онъ существуетъ, этотъ проектъ, не въ народѣ, не у тѣхъ, кто, какъ мы, всеѣмъ пожертвовалъ свободѣ, но среди десятковъ двухъ интригановъ, которые двигаютъ всѣ эти пружины, хранятъ молчаніе, воздерживаются высказывать свое мнѣніе о послѣднемъ королѣ, но глухая и гибельная дѣятельность которыхъ производитъ всѣ смуты, какія насъ волнуютъ. Но утѣшимся! добродѣтель была всегда въ меньшинствѣ на землѣ... (Гора поднимается съ мѣсто съ энтузіазмомъ, и рукоплесканія трибунъ надолго прерываютъ Робеспьера). Добродѣтель всегда была въ меньшинствѣ... А безъ того не была ли бы земля населена тиранами и рабами? Гемпденъ и Сидни были изъ меньшинства, потому что они испустили дыханіе на эшафотѣ. Цезари, Клодіа были въ большинствѣ. Но Сократъ принадлежалъ къ меньшинству, потому что онъ выпилъ цикуту. Катонъ былъ изъ меньшинства: вѣдь онъ разорвалъ себѣ внутренности! Я знаю здѣсь многихъ людей, которые послужили бы свободѣ по образцу Гемпдена и Сидни. (Рукоплесканія въ трибунахъ).

„Народъ“, продолжалъ Робеспьеръ, „пощади насъ, по крайней мѣрѣ, отъ этого позора, побереги свои рукоплесканія къ тому дню, когда мы создадимъ законъ, полезный для человѣчества! Развѣ ты не видишь, что, рукоплесканіями намъ ты подаешь нашимъ врагамъ предлогъ клеветать на твое святое дѣло, которое мы защищаемъ? О, бѣги скорѣе отъ зрѣлища нашихъ преній. Оставайся въ своихъ мастерскихъ. Вдали отъ твоихъ глазъ мы, однакожъ, не менѣе будемъ сражаться за тебя! А когда погибнетъ послѣдній изъ твоихъ защитниковъ, тогда отомсти за нихъ, если хочешь, и возьми самъ на себя доставить торжество твоему дѣлу!.. Граждане, кто бы вы ни были, наблюдайте вокругъ

Тампля! Арестуйте, если нужно, измѣнниковъ-злоумышленниковъ! Разрушайте заговоры вашихъ враговъ! Роковое положеніе!“ прибавилъ онъ, съ движеніемъ безнадежности, „не довольно ли уже того, что деспотизмъ столь долго тяготѣлъ надъ землей! Неужели нужно, чтобы самый надзоръ за нимъ сдѣлался для насъ новымъ бѣдствіемъ!“

Робеспьеръ умолкъ, заронивъ въ умы свои послѣднія слова, вмѣстѣ съ нетерпѣніемъ кончить неотлагательною казнью тяжелое положеніе, которое тяготѣло надъ республикой.

23.

Верньо, на молчаніе котораго былъ сдѣланъ очень прозрачный намекъ Робеспьеромъ, Верньо колебался между боязнью сдѣлать раздоры непримиримыми и ужасомъ, какой онъ ощущалъ при мысли о хладнокровномъ убійствѣ короля, котораго самъ же низвергнулъ; этотъ ораторъ не представлялъ ничего ни ощущенію, ни честолюбію, ни страху. Онъ обладалъ тѣмъ могуществомъ гения, которое возвышается до безпристрастія; онъ на все смотрѣлъ съ точки зрѣнія потомства. Наконецъ, онъ уступилъ просьбамъ своихъ друзей, настоятельности близкой казни, голосу собственного чувства и потребовалъ слова. Общественное вниманіе склоняло всѣ умы въ его пользу. Трибуны, хотя и преданныя Робеспьеру, ощущали, однакожъ, такъ сказать, невольное сладострастіе, готовясь слушать его соперника. Парижъ трепеталъ отъ нетерпѣнія услышать Верньо. Пока Верньо не говорилъ, всѣ сознавали, что самыхъ крупныхъ доводовъ еще не было высказано.

Доказавъ, что власть конвента была не болѣе, какъ делегаціей власти народа; что, если безмолвная ратификація націи и освящала второстепенныя дѣйствія правительства и администраціи, то иное дѣло было съ великими конституціонными актами, для которыхъ народъ сохранялъ прямое пользованіе своею державною властью; доказавъ, что осужденіе или оправданіе, казнь или прощеніе главы прежняго правительства были однимъ изъ такихъ существенныхъ, неотчуждаемыхъ проявленій верховной власти націи,—наконецъ, выказавъ несостоятельность возраженій противъ народныхъ собраній, которымъ было бы предоставлено рѣшеніе воззваніемъ къ народу, жирондистскій ораторъ обратился со всею силой своей діалектики и страсти противъ Робеспьера:

„Интрига, говорятъ вамъ, спасетъ короля, потому что добродѣтель всегда находится въ меньшинствѣ на землѣ. Но Катилина былъ въ меньшинствѣ въ римскомъ сенатѣ, и еслибы это наглое меньшинство получило преобладаніе, то дѣло было бы кончено и съ Римомъ, и съ сенатомъ, и со свободой. Но въ Учредительномъ собраніи Казалесъ и Мори были также въ меньшинствѣ; и если этому меньшинству, наполовину аристократическому, наполовину изъ духовенства, удалось бы подавить большинство, то покончено было бы съ революціей и вы бы еще ползали у ногъ того же короля, у котораго теперь отъ прошлаго величія осталось только угрызеніе совѣсти за злоупотребленіе имъ. Но короли на землѣ составляютъ меньшинство и, чтобы оковать народы, говорятъ, какъ и вы, что въ меньшинствѣ добродѣтель. Итакъ, по мысли тѣхъ, которые высказываютъ это мнѣніе, въ республикѣ нѣтъ людей истинно чистыхъ, истинно добро-

дѣтельныхъ, истинно преданныхъ народу, кромѣ нихъ самихъ и, быть можетъ, сотни ихъ друзей, которыхъ они будутъ имѣть великодушіе пріобщить къ своей славѣ. Такимъ образомъ, чтобы они могли основать правительство, достойное принциповъ, которые ими высказываются, надобно бы изгнать изъ французской территоріи всѣ тѣ семейства, испорченность которыхъ столь глубока, превратить Францію въ обширную пустыню и, для скорѣйшаго ея возрожденія, для большей ея славы, предать ее подъ управленіе ихъ высокихъ идей! Понятно, какъ было бы легко разсѣять всѣ эти призраки, которыми хотятъ насъ утратить. Чтобы заранѣе смягчить силу отвѣтовъ, которые предвидѣлись, прибѣгли къ самому низкому, самому подлому изъ средствъ,—къ клеветѣ. Насъ уподобляютъ Ламетамъ, Лафасейтамъ, всѣмъ этимъ интриганамъ трона, неспроверженію котораго мы столько способствовали. Насъ обвиняютъ; разумѣется, я этимъ не удивленъ; есть люди, каждое дыханіе которыхъ составляетъ клевету, какъ есть порода змѣй, существующая только для того, чтобы выдѣлывать свой ядъ; насъ обвиняютъ, на насъ указываютъ, какъ дѣлалось 2-го сентября, кинжаламъ убійцъ; но мы знаемъ, что Тиверій Гракхъ погибъ отъ руки обманутаго народа, котораго онъ постоянно защищалъ. Его участь насъ нисколько не пугаетъ; вся наша кровь принадлежитъ народу. Пролывая ее за него, мы будемъ жалѣть только объ одномъ, что не можемъ снова предложить ее ему.

„Насъ обвиняютъ въ желаніи воспламенить междоусобную войну въ департаментахъ, или, по крайней мѣрѣ, вызвать смуты въ Парижѣ, поддерживая мнѣніе, которое не нравится нѣкоторымъ друзьямъ свободы. Но отчего простое мнѣніе произвело бы смуты въ Парижѣ? Потому что эти друзья свободы грозятъ смертью гражданамъ, которые имѣютъ несчастье разсуждать не одинаково съ ними. Или хотятъ намъ доказать, что національный конвентъ свободенъ? Въ Парижѣ будутъ смуты, и это вы ихъ возвѣщаете. Удивляюсь проникательности подобнаго пророчества. Не затруднительно ли, въ самомъ дѣлѣ, граждане, предсказать пожаръ дома, когда къ нему сами же предсказывающіе подносятъ факелъ, который долженъ его воспламенить?

„Да, они хотятъ междоусобной войны,—тѣ люди, которые убійство возводятъ въ принципъ и въ то же время обыываютъ друзьями тиранніи жертвы, какія ихъ ненависть хочетъ зарѣзать. Они хотятъ междоусобной войны, тѣ люди, которые призываютъ кинжалы противъ представителей націи и возстаніе противъ законовъ. Они хотятъ междоусобной войны,—люди, которые требуютъ распушенія правительства, уничтоженія конвента,—которые провозглашаютъ измѣнникомъ cadaго человѣка, не стоящаго на высотѣ разбоя и убійства. Я понимаю васъ, вы хотите господствовать. Ваше честолюбіе было скромнѣе въ день Марсова Поля. Вы тогда составляли, заставляли подписывать петицію, которая имѣла цѣлью совѣщаться съ народомъ объ участи короля, возвращеннаго изъ Варенна. Тогда вамъ ничего не стоило признать самодержавіе народа. Не потому ли это, что оно благопріятствовало вашимъ тайнымъ видамъ, а нынѣ оно имъ противорѣчитъ? Существуетъ ли для васъ другое самодержавіе, кромѣ вашихъ страстей. Безумные! могли ли вы льстить себя мыслью, что Франція для того разбила скипетръ королей, чтобы согнуть голову подъ такое унижительное иго?

„Я знаю, что во время революцій необходимость заставляет закрыть статью закона, охраняющую тираннію, которую надо низвергнуть. Когда вы закроете ту, которая освящает самодержавіе народа, то начнете революцію къ выгодѣ тирановъ. Нужно было мужество въ день 10 августа, чтобы напасть на Людовика среди его всемогущества, но необходимо ли мужество въ такой же мѣрѣ, чтобы послать на казнь Людовика побѣжденнаго и безоружнаго? Кимврскій солдатъ входитъ въ темницу Марія, чтобы его умертвить; устранный видомъ своей жертвы, онъ бѣжитъ, не смѣя поразить ее. Еслибы этотъ солдатъ былъ членомъ сената, то думаете ли вы, что онъ поколебался бы подать голосъ за смерть тирана? Какое же мужество видите вы въ поступкѣ, къ которому былъ бы способенъ и трусъ? (Оглушительныя рукоплесканія).

„Я слишкомъ люблю славу своего отечества, чтобы предлагать въ конвентѣ руководствоваться, при столь торжественныхъ обстоятельствахъ, соображеніемъ о томъ, что дѣлаютъ или чего не дѣлаютъ иностранныя державы. Однакожъ, такъ какъ я слышалъ, что говорятъ, будто мы дѣйствуемъ въ этомъ судѣ какъ политическая власть, то я подумалъ, что не было бы противно ни вашему достоинству, ни разуму поговорить съ минуту голосомъ политическаго дѣятеля. Будетъ ли живъ Людовикъ или умереть,—возможно, что Англія и Испанія объявятъ себя нашими врагами; но если осужденіе Людовика XVI не служить причиною такого объявленія войны, то достовѣрно, по крайней мѣрѣ, что смерть будетъ къ тому предлогомъ. Вы побѣдите этихъ новыхъ враговъ, я вѣрю въ это; храбрость нашихъ солдатъ и справедливость нашего дѣла мнѣ въ томъ порукою. Но какою же признательностью обязано вамъ будетъ отечество за пролитіе лишннихъ потоковъ крови на материкъ и на моряхъ, и за совершеніе, отъ его имени, акта мести, сдѣлавшагося причиною столькохъ бѣдствій? Осмѣлитесь ли вы похвастать предъ нимъ своими побѣдами? Я уже устранию мысль о несчастіяхъ и неудачахъ; но теченіемъ обстоятельствъ, даже самыхъ счастливыхъ, отечество будетъ истощено самими своими успѣхами. Бойтесь, чтобы Франція, среди своихъ триумфовъ, не сдѣлалась похожа на тѣ знаменитые монументы, которые въ Египтѣ устояли противъ времени. Чужестранецъ, проходя мимо, удивляется ихъ величію; но если онъ захочетъ туда проникнуть, что найдетъ онъ? Безжизненный прахъ и безмолвіе могилъ. Граждане, тотъ изъ насъ, кто уступилъ бы личной боязни, былъ бы трусомъ; но опасеніе за отечество приноситъ честь сердцу человѣка. Я вамъ изложилъ часть своихъ опасеній; у меня есть еще и другія; я сообщу вамъ ихъ.

„Когда Кромвель хотѣлъ подготовить распаденіе партіи, съ помощью которой онъ низвергнулъ тронъ и возвелъ Карла I на эшафотъ, то сдѣлалъ парламенту, разрушенія котораго добивался, коварныя предложенія, какія,—онъ хорошо это зналъ, хотя и должны были возмутить націю, но онъ ихъ постарался подкрѣпить наемными рукоплесканіями и громкими воплями. Парламентъ уступилъ; вѣкоръ броженіе сдѣлалось общимъ, и Кромвель безъ труда разбилъ орудіе, которое ему служило для достиженія верховной власти.

„Вы слышите каждый день, въ этихъ стѣнахъ и внѣ ихъ, яростные крики:

„если хлѣбъ дорогъ, то виновникъ того въ Тамплѣ; если звонкая монета рѣдка, если наши арміи худо снабжены припасами, то причина всего этого въ Тамплѣ; если намъ каждый день приходится выносить зрѣлище общественныхъ безпорядковъ и бѣдствій, то все-таки причина этого въ Тамплѣ?“ Тѣ, которые говорятъ подобнымъ языкомъ, хорошо знаютъ, между тѣмъ, что дороговизна хлѣба, недостатокъ обращенія съѣстныхъ припасовъ, исчезновеніе денегъ, расточеніе запасовъ нашихъ армій, скудость въ народѣ и у солдатъ происходить отъ другихъ причинъ. Каковы же ихъ намѣренія? Кто мнѣ поручится, что тѣ же самые люди не закричатъ, послѣ смерти Людовика, съ еще большею свирѣпостью: „если хлѣбъ дорогъ, если звонкой монеты мало, если наши арміи худо снабжены, если бѣдствія войны усилились объявленіемъ ея со стороны Англіи и Испаніи, то причина этого въ конвентѣ, который вызвалъ такіа обстоятельства опротивительнымъ осужденіемъ Людовика XVI?“ Кто мнѣ поручится, что среди этой новой бури, когда выйдутъ изъ своихъ логовищъ убійатели 2 сентября, вамъ не покажутъ покрытаго кровью, съ титуломъ освободителя, защитника,—того вождя, который—скажутъ—сдѣлался необходимымъ? Вождь? О, еслибы такова была смѣлость убійцы, то они явились бы только для того, чтобы въ одно мгновеніе быть пораженными тысячею ударовъ. Но какимъ ужасамъ будетъ преданъ Парижъ, геройской храбрости котораго въ борьбѣ съ королями будетъ удивляться потомство, хотя и не пойметъ никогда его позорнаго порабощенія горсти разбойниковъ, отребью человѣчества, которые волнуются въ его нѣдрахъ и раздраютъ городъ по всѣмъ направленіямъ судорожными движеніями своего честолюбія и своей ярости! Кто могъ бы обитать въ городѣ, гдѣ господствуютъ отчаяніе и смерть? А вы, трудолюбивые граждане, все богатство которыхъ составляетъ трудъ, когда способы къ труду будутъ уничтожены, что съ вами будетъ? какія будутъ ваши средства? чьи руки подадутъ помощь вашимъ доведеннымъ до отчаянія семействамъ? Или вы пойдете разыскивать тѣхъ ложныхъ друзей, тѣхъ вѣроломныхъ льстецовъ, которые низвергли васъ въ пропасть? О, лучше бѣгите отъ нихъ; страшитесь ихъ отвѣта; я вамъ сообщу его: „ступайте въ каменоломни, оспаривайте тамъ у тлѣнія нѣсколько окровавленныхъ обрывковъ тѣхъ жертвъ, которыхъ мы умертвили. Или, хотите ли вы крови? Берите, вотъ она. Кровь и трупы, другой пищи мы предложить вамъ не можемъ...“ Вы трепещете, граждане! О мое отечество! Я, въ свою очередь, требую дѣйствія, чтобы спасти тебя изъ этого плачевнаго кризиса!

„Но нѣтъ! эти дни скорби никогда не наступятъ для насъ. Эти убійцы—трусы. Это трусы—наши маленькіе Маріи. Они знаютъ, что если бы осмѣлились посягнуть на выполненіе своихъ заговоровъ противъ безопасности конвента, то Парижъ вышелъ бы, наконецъ, изъ своего оцѣпенѣнія, то всѣ департаменты соединились бы съ Парижемъ, для искупленія злодѣяній, которыми они уже и такъ чрезмѣрно запятнали самую достопамятную изъ революцій. Они это знаютъ, и трусость ихъ спасетъ республику отъ неистовствъ. Я увѣренъ, по крайней мѣрѣ, что свобода не въ ихъ власти; что, обогрѣнная кровью, но побѣдоносная, она нашла бы себѣ силу и неодолимыхъ защитниковъ въ департаментахъ. Но разрушеніе Парижа, раздоръ въ федеративныхъ

властяхъ, который будетъ его результатомъ,—всѣ эти безпорядки, болѣе вѣроятныя, чѣмъ междоусобная война, которою намъ угрожали, не стоятъ ли быть брошенными на тѣ же вѣсы, гдѣ взвѣшивается жизнь Людовика? Во всякомъ случаѣ, я объявляю, каково бы ни было постановленіе конвента, что буду считать измѣнникомъ отечеству того, кто не подчинится этому приговору. Если дѣйствительно одержитъ верхъ мнѣніе о совѣщаніи съ народомъ, и если мятежники, возмущившись противъ этого торжества національнаго самодержавія, дойдутъ до возстанія, то вотъ ваша постъ; вотъ станъ, въ которомъ вы, не блѣднѣя, выждете своихъ враговъ“.

Эта рѣчь, казалось, вырвала на мгновеніе у конвента жизнь Людовика XVI.

Фоше, Кондорсе, Петіонъ, Бриссо отдѣлили, съ тѣмъ же величіемъ духа, человѣка отъ короля, месть отъ побѣды, и поочередно произнесли слова, достойныя свободы. Но на другой же день послѣ этихъ рѣчей свобода не слушала болѣе ничего, кромѣ своей подозрительности и своей вражды. Самыя возвышенныя рѣчи не нашли отголоска нигдѣ, кромѣ совѣсти нѣсколькихъ спокойныхъ людей; толпа заглушала разсудокъ. Возвратимся къ Тамплю.

XXXIV.

Тамплъ.—Людовикъ XVI у рѣшетки конвента.—Возвращеніе его въ Тамплъ.—Мальзербъ.—Его личность.—Десезъ, Тронше.—Завѣщаніе Людовика XVI.—Пренія о судѣ надъ королемъ.—Ланжюане.

1.

Король привыкалъ къ неволѣ. Душа его, созданная для покоя и безмолвія, сосредоточивалась въ самой себѣ подъ кровомъ стѣнъ Тампля, укрѣплялась размышленіемъ, становилась свободною въ молитвѣ и находила отраду въ постоянныхъ изліяніяхъ съ единственными существами, какихъ король когда-нибудь любилъ, въ томъ небольшомъ кружкѣ привязанностей, которыми ограничила его тюрьма. Легко забывая о величій своего сана, бремя котораго только давило его, Людовикъ XVI питалъ всего одно желаніе—быть забытымъ въ той баннѣ до тѣхъ поръ, пока непріятельское нашествіе или хладнокровіе, возвращенное народу побѣдами республики, или превратности революціи,—отдадутъ ему—не тронъ, но нѣчто болѣе пріятное: безвѣстность изгнанія и свободу семейству узника. Смягченіе тюремнаго надзора,—признаки состраданія и менѣе разъяренныя фізіономіи стражей поддерживали въ немъ, съ нѣкотораго времени, этотъ лучъ надежды. По этимъ признакамъ онъ думалъ видѣть уменьшеніе ярости за стѣнами тюрьмы. Ярость эта, дѣйствительно, поулеглась, но только по причинѣ близкаго удовлетворенія, въ которомъ она съ этихъ поръ была увѣрена. Не стоило уже труда ненавидѣть жертву, которую предстояло скоро зарѣзать.

2.

11 декабря, во время завтрака королевской семьи, вокругъ Тампля послышался непривычный шумъ: барабанный бой, ржаніе лошадей, топотъ многочисленныхъ батальоновъ по мостовой двора,—все это изумило и смутило узниковъ. Они спрашивали о томъ комиссаровъ, присутствовавшихъ при завтракѣ, но не получили отвѣта. Наконецъ, королю возвѣстили, что парижскій мэръ и прокуроръ коммуны явятся утромъ за нимъ, чтобы представить короля предъ рѣшетку конвента для допроса, и что эти войска были конвоемъ. Въ то же время ему вручили приказаніе войти въ свое помѣщеніе и снова разлучиться съ сыномъ: съ этихъ поръ онъ долженъ былъ лишиться свиданія съ нимъ, какъ и всякаго сообщенія со своей семьей, до дня суда.

Хотя, по мысли плѣнниковъ эта разлука была только временною, но при

ней не обошлось безъ раздирающихъ сценъ и безъ слезъ. Постель ребенка была отнесена въ комнату его матери. Король былъ растроганъ, обнимая свою семью, и обратившись, съ влажными глазами, къ комиссарамъ, сказалъ имъ: „какъ, господа! отрывать отъ меня даже сына, семилѣтняго ребенка!“—„Коммуна думала“, отвѣчалъ одинъ изъ муниципаловъ, „что такъ какъ вы должны быть въ одиночномъ заключеніи во все продолженіе вашего процесса, то необходимо, чтобы и вашъ сынъ былъ также заключенъ, или съ вами, или со своею матерью, коммуна наложила лишеніе на того, кто, по своему полу и по энергіи, предполагается болѣе сильнымъ и болѣе способнымъ переносить лишеніе“.

Король замолчалъ и долго прохаживался по комнатѣ со скрещенными руками и наклоненной головой; потомъ, бросившись на стулъ подлѣ своей кровати, оставался безмолвнымъ, закрывъ лицо руками, въ продолженіе двухъ часовъ, до прибытія коммуны. Увѣдомленный тайно, благодаря заботливости Тулона, о бурныхъ преніяхъ, происходившихъ по поводу своей участи въ конвентѣ, Людовикъ XVI мысленно припоминалъ свое царствованіе и готовился отвѣчать предъ своими судьями и предъ потомствомъ.

Въ полдень, Шамбонъ, за нѣсколько дней предъ тѣмъ назначенный парижскимъ мэромъ, и Шаметтъ, новый прокуроръ—синдикъ коммуны, вошли въ комнату короля, въ сопровожденіи Сантерра, группы офицеровъ національной гвардіи и муниципаловъ, опоясанныхъ трехцвѣтнымъ шарфомъ. Шамбонъ, преемникъ Балли и Петіона, былъ ученый и гуманный медикъ, возведенный, по выбору столицы, на первую должность Парижа не столько революціонною благосклонностью, сколько общественнымъ уваженіемъ. Это былъ человѣкъ умѣренныхъ мнѣній, добрый и человѣколюбивый,—привычный, по самой своей профессіи, питать состраданіе ко всѣмъ бѣдствіямъ человѣчества,—обязательный исполнитель распоряженія, противнаго собственному его чувству; на фizioноміи и во взорахъ Шамбона, сквозь безстрастіе должностнаго лица, видѣлось умиленіе человѣка. Король не зналъ новаго мэра. Онъ разсматривалъ его съ тѣмъ тревожнымъ любопытствомъ, какое старается, по наружности и позѣ, угадать языкъ и чувства человѣка, отъ котораго зависитъ извѣстная доля нашей участи.

Шаметтъ, сынъ башмачника, родомъ съ юга, перебивалъ поочередно юнгой, семинаристомъ, писцомъ у прокурора, послушникомъ монаховъ, парижскимъ журналистомъ, клубнымъ ораторомъ. Это былъ одинъ изъ авантюристовъ, встречающихся какъ въ области идей, такъ и въ общественной сферѣ,—которые, благодаря судьбѣ и своей безпокойной натурѣ, колеблются между двумя крайностями социальнаго порядка, успѣваютъ даже подняться очень высоко, а потомъ падаютъ съ высоты и разбиваются. Разстроенная, отвратительная и наглая въ одно и то же время фizioномія Шометта носила отпечатокъ всѣхъ общественныхъ положеній, какія онъ прошелъ прежде, чѣмъ достигъ второй должности въ Парижѣ. Онъ не обладалъ стыдливостью силы предъ слабостью. По лицу Шометта, по звуку его голоса замѣтно было, что онъ гордился тѣмъ насильственнымъ перемѣщеніемъ положеній, котораго краснѣлъ Шамбонъ, и что Шометтъ, припоминая о скромномъ состояніи своего отца, внутренно торжествовалъ при видѣ униженія трона предъ лавкой и при видѣ возможности говорить повелительнымъ языкомъ павшему королю.

3.

Прежде прочтенія королю секретаремъ коммуны, Коломбо, декрета, который призывалъ Людовика къ рѣшеткѣ конвента, Шамбонъ сказалъ ему нѣсколько словъ съ печальнымъ достоинствомъ и съ растроганнымъ выраженіемъ, личнымъ въ должностномъ лицѣ, которое говоритъ во имя народа низложенному государю. Коломбо громко прочиталъ декретъ. Конвентъ, желая уничтожить всѣ монархическіе титулы и возвратить короля, какъ простаго человѣка, къ одному только первоначальному фамильному имени, называлъ его Людовикомъ Капетомъ. Король выказалъ болѣе впечатлительности при этомъ униженіи своего фамильнаго имени, чѣмъ при низверженіи другихъ своихъ титуловъ; при этомъ словѣ онъ сдѣлалъ движеніе негодованія: „господа“, отвѣчалъ онъ, „Капетъ вовсе не мое имя, это имя одного изъ моихъ предковъ. Я желалъ бы, чтобы мнѣ оставили сына, по крайней мѣрѣ на тѣ часы, которые я провелъ въ ожиданіи васъ. Впрочемъ, этотъ поступокъ только продолженіе тѣхъ, которые я выношу здѣсь въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Я слѣдую за вами, не изъ повиновенія конвенту, но только потому, что сила на сторонѣ моихъ враговъ“. Онъ взялъ у Клері сюртукъ темнаго цвѣта, который надѣлъ сверхъ своего платья,—взялъ свою шляпу и послѣдовалъ за мѣромъ, который шелъ передъ нимъ; приди къ воротамъ башни, король сѣлъ въ экипажъ мэра. Опущенныя стекла позволяли видѣть внутренность кареты. Экипажъ медленно покатился по дворамъ Тампля; стукъ колесъ по мостовой далъ знать королевѣ и принцессамъ, что король уѣхалъ; дубовыя доски, загораживавшія отъ взора основаніе башни, мѣшали принцессамъ слѣдить глазами за поѣздомъ. Онѣ слѣдовали за нимъ сердцемъ и слухомъ. Во все время отсутствія короля онѣ оставались на колѣняхъ предъ окномъ, сложивъ руки, опершись лбомъ на камень; онѣ просили для него мужества, хладнокровія, присутствія духа, столь необходимыхъ обвиненному среди враговъ.

4.

Парижъ, въ этотъ день, былъ похожъ на лагерь подъ ружьемъ; видъ пушекъ и штыковъ сдерживалъ все, даже любопытство. Движеніе жизни какъ бы прекратилось. Всѣ военные посты были удвоены. Каждый часъ дѣлали переключку, чтобы удостовѣриться въ наличности національныхъ гвардейцевъ. Пикетъ изъ 200 штыковъ сторожилъ во дворѣ каждаго изъ 48 отдѣловъ. Резервъ съ пушками расположился въ Тюльери. Сильные патрули обмѣнивались окликами по всѣмъ площадямъ и на всѣхъ улицахъ.

Конвой, явившійся утромъ къ Тамплю, былъ цѣлымъ армейскимъ корпусомъ, состоявшимъ изъ кавалеріи, пѣхоты и артиллеріи. Эскадронъ конныхъ національныхъ жандармовъ ѣхалъ во главѣ поѣзда. Сзади катились три артиллерійскія орудія со своими фурами. Экипажъ короля слѣдовалъ за этими пушками; съ боковъ онъ былъ окруженъ двойной колонной пѣхоты, шедшей между колесами экипажа и домами; полкъ линейной кавалеріи составлялъ арьергардъ, за которымъ слѣдовали еще три пушки. Каждый изъ солдатъ, составлявшихъ въ этотъ день вооруженную силу Парижа, былъ избранъ и указанъ коммуною,

на основаніи отзывовъ, данныхъ начальниками. Фузелеры несли по 16 зарядовъ въ своихъ патронташахъ. Готовые открыть огонь, батальоны и эскадроны конвоя шли на такомъ разстояніи одни отъ другихъ, что при первой тревогѣ имѣли достаточно мѣста выстроиться въ боевой порядокъ. Праздные граждане были грубо удалены съ дороги и отосланы къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Аллеи, окаймляющія бульвары, двери и окна домовъ были загромождены зрителями. Всѣ взоры искали короля. Король самъ смотрѣлъ на толпу, частью потому, что его глаза, долгое время не выдавшіе многочисленныхъ собраний, испытывали машинальное удовольствіе при видѣ ихъ, частью потому, что на лицахъ этого народа король искалъ какого-нибудь знака участія или умиленія. Фигура короля, измѣнявшаяся подъ вліяніемъ столькихъ мѣсяцевъ страданій и уединенія, поражала народъ, не внушая ему умиленія. Мракъ Тампля сообщилъ лицу короля багровый цвѣтъ, который какъ бы вообще служить цвѣтомъ тюрьмы. На подбородкѣ короля щетинилась борода, которую онъ вынужденъ былъ отпустить съ тѣхъ поръ, какъ у него отняли всѣ острые принадлежности туалета; на щекахъ и губахъ явились бѣлокурые, вѣтвистые волосы, которые отнимали всякое выраженіе и даже всякую меланхолію у его рта. Близорукій взглядъ короля блуждалъ по толпѣ, смущенный и какъ бы ослѣпленный, напрасно ища дружественнаго лица, на которомъ бы могъ остановиться. Прежняя тучность стана, опавшая подъ вліяніемъ тревоги и бессонницы, превратилась въ худощавость. Иссохшія щеки упирались морщинами въ воротничъ. Платье, сдѣлавшееся теперь слишкомъ просторнымъ, скользило съ плечъ короля и походило на заемное, брошенное изъ милости на тѣло какого-нибудь несчастнаго. Вся наружность короля, казалось, была нарочно прилажена, благодаря чьей-то ненависти, или случайно получила такой видъ, чтобы представлять взорамъ народа болѣе грубаго и отталкивающаго, чѣмъ печальнаго и внушающаго состраданіе. Это былъ призракъ королевскаго сана, отводимый на казнь и костюмированный такъ, чтобы, мимоходомъ, оставить въ толпѣ своей отпечатокъ и воспоминаніе о себѣ.

5.

Поѣздъ, на пути къ залѣ конвента, слѣдовалъ по бульвару, по улицѣ Капуциновъ и по Вандомской площади; глубокое молчаніе господствовало въ толпѣ. Казалось, каждый таилъ въ груди волненіе и задерживалъ дыханіе. Сознавалось всѣми, что великая минута судьбы совершается надъ Франціей. Король казался болѣе безстрастнымъ, чѣмъ народъ. Онъ разглядывалъ и узнавалъ кварталы, улицы, монументы и громко называлъ ихъ мѣру. Проѣзжая подъ воротами Сень-Дени и Сень-Мартенъ, онъ спросилъ, которая изъ этихъ двухъ триумфальныхъ арокъ должна быть сломана по распоряженію конвента?

По прибытіи во дворъ фельяновъ, Сантерръ сошелъ съ лошади и, вставъ у дверецъ, взявъ за руку плѣнника, котораго привелъ къ рѣшеткѣ собранія.

„Граждане трибунъ“, сказалъ президентъ, „Людовикъ предъ рѣшеткой. Вы дадите великій урокъ королямъ, великій и полезный примѣръ націямъ. Вспомните о томъ молчаніи, которое сопровождало Людовика, возвращеннаго изъ Варенна, и было предвѣстникомъ суда королей народами“.

Король сѣлъ въ кресло, за той же самой рѣшеткой, куда являлся присягать конституціи. Стали читать обвинительный актъ: это былъ длинный перечень всѣхъ нападокъ, какія послѣдовательно ввозились на короля революціонными партіями, включая сюда и ихъ собственныя дѣйствія отъ версальскихъ дней 5 и 6 октября до 10 августа. Всѣ попытки короля сопротивляться движенію, которое низвергало монархію, были названы измѣнами; это былъ болѣе обвинительный актъ противъ характера короля и противъ обстоятельствъ, чѣмъ обвинительный актъ его преступленій. Виновна была только натура короля. Эпоха казалась слишкомъ тяжелою для силъ всѣхъ гражданъ; ее всю и сбросили на одного человѣка. Онъ расплачивался за тронъ, за аристократію, за духовенство, за эмиграцію, за Лафайета, за жирондистовъ, за самихъ якобинцевъ.

По мѣрѣ того, какъ раскрывали предъ королемъ картину ошибокъ его царствованія и припоминали кровь Марсова Поля, дней 20 іюня и 10 августа, чтобы сложить отвѣтственность за нее на него одного,—нѣкоторые изъ заговорщиковъ этихъ дней, засѣдавшіе между судьями короля,—какъ, напримеръ, Петіонъ, Барбару, Луве, Карра, Марать, Дантонъ, Лекандръ, не могли не покраснѣть и не опустить глаза. Совѣтъ говорила имъ, что постыдно объявлять виновникомъ этихъ событій того, кто былъ ихъ жертвою. Еще за нѣсколько дней они громко хвастались тѣмъ, что сами задумали эти заговоры противъ трона. Но чувство правды такъ сильно въ людяхъ, что они, даже нарушая его, все-еще сохраняютъ лицемѣрное его признаніе, и самые отъявленные интриганы, не довольствуясь побѣдою, хотятъ имѣть на своей сторонѣ также и законность.

6.

Король выслушалъ чтеніе обвинительнаго акта съ безстрастнымъ вниманіемъ. Только въ двухъ или трехъ мѣстахъ, гдѣ обвиненіе переходило всякія границы несправедливости и неправдоподобія и гдѣ королю ставили въ вину кровь народа, которую онъ такъ благоговѣйно берегъ во все время своего царствованія, онъ не могъ не обнаружить горькой улыбкой и невольнымъ движеніемъ плечъ того сдержаннаго негодованія, которое его волновало. Видно было, что онъ ожидалъ всего, кромѣ обвиненія въ кровожадности. Онъ поднялъ глаза къ небу и призвалъ Бога въ свидѣтели противъ людей.

7.

Бареръ, который въ этотъ день предсѣдательствовалъ въ конвентѣ, изложилъ въ нѣсколькихъ фразахъ каждый изъ мотивированныхъ тезисовъ обвиненія и приступилъ къ допросу короля. Одинъ изъ секретарей собранія, Валазе, приблизясь къ рѣшеткѣ, постепенно складывалъ на глазахъ обвиненнаго всѣ бумаги, какія относились къ его дѣлу. Президентъ спрашивалъ у короля, узнаетъ ли онъ эти бумаги? Такимъ образомъ, ему представили всѣ бумаги, касавшіяся измѣны Мирабо и Лафайета, найденныя въ желѣзномъ шкафу, куда онъ ихъ спряталъ самъ; конфиденціальное письмо короля къ епископамъ съ отреченіемъ отъ принятія гражданскаго уложенія духовенства; другія обвинительныя письма,

подписанныя королемъ или вполнѣ написанныя его рукою; наконецъ, секретныя замѣтки Лапорта, управлявшаго частной королевской казной, которыя доказывали употребленіе значительныхъ суммъ для подкупа якобинцевъ, трибунъ собранія, предметовъ.

Людовикъ XVI обладалъ двумя, равно благородными, способами защиты: первый былъ—отказъ отъ всякаго отвѣта, прикрытіе себя королевскою неприкосновенностью или самоотверженіемъ побѣжденнаго; второй—громкое признаніе въ тѣхъ усиліяхъ, которыя онъ дѣлалъ и долженъ былъ дѣлать, чтобы привести къ умѣренности великихъ вождей партіи революціи и поставить ихъ на сторонѣ угрожаемаго королевскаго сана, защищать который обязывали его и происхожденіе, и высокое положеніе, и присяга конституціи, такъ какъ часть этой послѣдней составлялъ и самъ королевскій санъ. Король могъ это сдѣлать тѣмъ болѣе, что ни одна изъ бумагъ желѣзнаго шкафа не доказывала прямо соглашенія съ иностранными державами противъ Франціи. Король, при всемъ своемъ присутствіи духа, не выбралъ ни одной изъ этихъ двухъ системъ отвѣта, которыя, если бы не спасли его жизни, то, по крайней мѣрѣ, охранили бы его достоинство. Въмѣсто того, чтобы отвѣчать, какъ король, молчаніемъ, или, какъ государственный человѣкъ, смѣлымъ и мотивированнымъ изложеніемъ своихъ дѣйствій, онъ отвѣчалъ, какъ обвиненный, который оспариваетъ то, что обнаружили факты. Онъ отрекся отъ записокъ, отъ писемъ, отъ актовъ, отрекся даже отъ желѣзнаго шкафа, который былъ запечатанъ имъ же самимъ. Душевные муки короля не дали ему времени разсуждать о томъ, чего требовалъ отъ него его санъ; быть можетъ первое отрицаніе, сдѣланное необдуманно, побудило его отрицать и все послѣдующее; поводомъ къ тому могла служить боязнь быть уличеннымъ въ заpiresельствѣ или своими признаніями скомпрометировать своихъ слугъ. Король хотѣлъ также, безъ сомнѣнія, сохранить своимъ защитникамъ полную свободу слова. Наконецъ, онъ болѣе думалъ о женѣ, сестрѣ, дѣтяхъ, чѣмъ быть можетъ слѣдовало въ подобную минуту. Такимъ образомъ, король лишилъ энергіи свою защиту. Съ этого дня онъ былъ уже не королемъ, который сражается съ народомъ, а обвиненнымъ, который спорить съ судьями и допускаетъ вмѣшательство адвокатовъ между величіемъ трона и величіемъ эшафота.

8.

Послѣ допроса, Сантерръ опять взялъ короля за руку и отвелъ его въ пріемную конвента, въ сопровожденіи Шамбона и Шометта. Продолжительность засѣданія и душевное волненіе истощили силы обвиненнаго. Онъ шатался отъ изнуренія. Шометтъ спросилъ, не хочетъ ли онъ принять нищи. Король отказался. Но, спустя минуту, побѣжденный своей натурой и видя, что одинъ гренадеръ изъ конвоя предлагаетъ прокурору коммуны полхлѣба, Людовикъ XVI приблизился къ Шометту и попросилъ у него въ полголоса кусокъ хлѣба. „Требуйте громко чего желаете“, отвѣчалъ Шометтъ, отступая назадъ, какъ будто бы боялся даже подозрѣнія въ состраданіи.—„Я прошу у васъ кусокъ хлѣба“, повторилъ король, возвышая голосъ.—„Теперь возьмите, отломите“

сказалъ ему Шометтъ, „это завтракъ чисто спартанскій. Еслибъ у меня были какія-нибудь овощи, я бы вамъ отдалъ половину“.

Извѣстили, что экипажъ поданъ. Король сѣлъ въ него, держа еще въ рукѣ свой кусокъ хлѣба; онъ сѣлъ изъ него только корку. Стѣсняемый, наконецъ, своимъ хлѣбомъ, но боясь его выкинуть изъ дверецъ кареты, чтобы не сочли это движеніе какимъ-нибудь условнымъ знакомъ и не подумали, что въ мякишѣ хлѣба спрятана записка, король передалъ хлѣбъ субституту коммуны, Коломбо, сидѣвшему противъ него въ экипажѣ. Коломбо выбросилъ кусокъ на улицу. „0“, сказалъ король, „нехорошо бросать хлѣбъ въ такое время, когда его мало“.—„А почему вы знаете, что его мало?“ спросилъ Шометтъ.—„Потому, что тотъ хлѣбъ, который я ѣлъ, пахнетъ пылью“.—„Моя бабушка“, возразилъ Шометтъ, съ шутивой фамильярностью, „говорила мнѣ въ дѣтствѣ: „никогда не бросайте хлѣбныхъ крошекъ, потому что вы не можете сдѣлать, вмѣсто нихъ, другія“.—„Господинъ Шометтъ“, сказалъ, улыбаясь, король, „ваша бабушка была умная женщина; хлѣбъ дается Богомъ“. Такимъ образомъ, на обратномъ пути разговоръ принялъ спокойный и почти веселый оттѣнокъ.

Король считалъ и называлъ по именамъ всѣ улицы. „А, вотъ улица Орлеанскаго“, воскликнулъ онъ, когда ее переѣзжали.—„Говорите: улица Равенства“, грубо возразилъ Шометтъ.—„Да, да“, сказалъ король, „потому что...“ Онъ не докончилъ и оставался съ минуту угрюмымъ и молчаливымъ.

Нѣсколько далѣе, Шометту, который ничего не ѣлъ съ утра, сдѣлалось дурно въ экипажѣ Король оказалъ нѣкоторую помощь своему обвинителю. „Это, безъ сомнѣнія, тряска экипажа васъ беспокоитъ“, сказалъ онъ ему. „Испытали ли вы когда-нибудь тряску корабля?“—„Да“, отвѣтилъ Шометтъ, „я былъ на войнѣ подъ начальствомъ адмирала Ламоттъ-Пике“.—„0“, сказалъ король, „Ламоттъ-Пике былъ храбрый человѣкъ“. Пока, такимъ образомъ, внутри экипажа шелъ разговоръ, торговцы хлѣбнаго рынка и угольщики, изъ которыхъ были составлены батальоны, пѣли вокругъ колесъ самые кровожадные куплеты Марсельезы:

Tirans! qu'un sang impur abreuve nos sillons! *)

Продолжительные крики „да здравствуетъ революція!“ поднялись изъ толпы при приближеніи поѣзда и, на всей линіи до Бастиліи, слились въ одинъ непрерывный вопль отъ Тюльери до Тампля. Король показывалъ видъ, что не слышитъ этихъ вѣстниковъ смерти. Въѣхавъ во дворъ Тампля, онъ поднималъ глаза и долго, печально смотрѣлъ на стѣны башни и на окна комнаты королевы, какъ будто бы его взглядъ, прегражденный досками и засовами, могъ сообщить мысли узника тѣмъ, кого онъ любилъ. Мэръ отвелъ короля въ его комнату и вручилъ ему снова декретъ конвента, которымъ предписывалось раздѣлить узника отъ его семьи и уединить вполне. Король умолялъ мэра взять назадъ столь жестокое приказаніе. Онъ добился, по крайней мѣрѣ, того, что королеву уведомили объ его возвращеніи. Шамбонъ сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло. Камердинеръ Клері, оставленный съ королевемъ, имѣлъ послѣднее

*) Тираны! пусть нечистая кровь ороситъ наши поля!

свиданіе съ принцессами и передалъ имъ подробности, сообщенныя ему господиномъ относительно допроса послѣдняго. Клері увѣрилъ королеву въ дѣятельномъ вмѣшательствѣ иностранныхъ кабинетовъ въ дѣло спасенія короля; онъ подалъ надежду, что кара ограничится заточеніемъ въ Испаніи,—странѣ, которая не объявляла войны Франціи. „Была ли рѣчь о королевѣ?“ спросила съ тревогою принцесса Елизавета. Клері отвѣчалъ, что она не была упомянута въ обвинительномъ актѣ. „Ахъ!“ сказала принцесса, нѣсколько облегченная отъ тягостнаго безпокойства, „быть можетъ, на короля они смотрятъ, какъ на жертву, необходимую для ихъ безопасности; но королева! но бѣдная дѣти! какую помѣху эти-то существа могутъ дѣлать ихъ честолюбію?..“ На этомъ свиданіи, происходившемъ тайкомъ, вопреки приказаній коммуны, Клері условился съ принцессами относительно боязливыхъ сношеній, какія, благодаря великодушному участію стража, по имени Тюржи, устроились между плѣнными. Одежда, мебель, бѣлье, проносимыя или пересылаемыя изъ одного этажа въ другой, содержали тайныя шифры этой корреспонденціи, посредствомъ которой король освѣдомлялся о физическомъ и душевномъ состояніи принцессы, дѣтей, а принцессы, въ свою очередь, узнавали о главнѣйшихъ актахъ процесса короля. Послѣдній, принявъ эти предосторожности, которыя нѣсколько его утѣшили, поужиналъ и легъ спать, но не переставалъ обращать взоры къ тому мѣсту, съ котораго унесли постель его сына, и просилъ комиссаровъ внести ее опять.

9.

Между тѣмъ, какъ только король вышелъ изъ конвента, Петіонъ и Трельяръ добились, чтобы ему было дозволено, какъ всякому обвиненному, избрать себѣ двухъ защитниковъ. Напрасно Кара, Дюгемъ, Бильо Вареннъ, Шаль протестовали изступленными воплями противъ этого права защиты, смѣло требуя исключенія всякой гуманности по отношенію къ тирану, мятежнику противъ націи; напрасно Тюріо восклицалъ: „тиранъ долженъ сложить свою голову на эшафотѣ!“ Конвентъ почти единодушно возсталъ противъ такого нетерпѣнія палачей и сохранилъ достоинство судьи. Четверо изъ его членовъ, Камбасересь, Тюріо, Дюпонъ де-Вигорръ и Дюбуа-Крансе получили порученіе отнести въ Тамплъ декретъ, который позволялъ королю выбрать себѣ совѣтъ защиты. Законъ уполномочивалъ обвиненнаго составить его изъ двухъ защитниковъ.

Король выбралъ двухъ, самыхъ извѣстныхъ, парижскихъ адвокатовъ: Тронше и Тарже. Онъ самъ далъ комиссарамъ адресъ загороднаго дома, въ которомъ жилъ Тронше, объявивъ, что жилище Тарже ему неизвѣстно. Когда эти имена были сообщены въ засѣданіи конвента, министръ юстиціи, Гара, получилъ полномочіе сообщить обоимъ защитникамъ выборъ, какой былъ сдѣланъ королемъ для послѣдней услуги дѣлу преданности и спасенія.

Тронше, адвокатъ, привычный къ политической борьбѣ среди бурь Учредительнаго собранія, котораго онъ былъ трудолюбивымъ членомъ, принималъ, не колеблясь, почетную миссію, какая пала на его имя, выйдя изъ сердца обвиняемаго.

Тарже, человѣкъ, обладавшій звучнымъ словомъ, но трусливой натурой,

устрашилсѣ опасности даже кажущагося соучастія съ послѣднею мыслію умирающаго. Онъ написалъ конвенту извинительное письмо, гдѣ отстранялъ отъ себя обязанность, которую его принципы, говорилъ онъ, не позволяли ему принять на себя. Это малодушіе, нисколько не сообщивъ Тарже популярности, сдѣлало его предметомъ состраданія всѣхъ партій.

Нѣсколько именъ было предложено замѣнить Тарже. Король выбралъ Десеза, бордоскаго адвоката, поселившагося въ Парижѣ. Молодой Десезъ былъ достоинъ этого выбора и гордился имъ; этому же выбору онъ былъ обязанъ извѣстностью своей долгой жизни, первую судебную должность при другомъ царствованіи и вѣчною знаменитостію своего имени въ своемъ родѣ.

Но эти два человѣка были только адвокатами короля. Ему нуженъ былъ другъ. Въ утѣшеніе послѣднихъ дней узника и для чести человѣческаго сердца, такой другъ нашелся.

10.

Въ уединеніи, близъ Парижа, жилъ тогда старецъ, изъ фамиліи Ламуаньоновъ,—имя знаменитое и высокопоставленное въ правительственныхъ рядахъ бывшей монархіи. Ламуаньоны происходили изъ тѣхъ парламентскихъ фамилій, которые возвышались съ каждымъ столѣтіемъ до первыхъ степеней въ королевствѣ, вслѣдствіе многихъ услугъ, оказанныхъ націи, а не по однимъ только милостямъ двора или капризамъ королевъ. Эти фамиліи хранили, въ своихъ мнѣніяхъ и нравахъ, нѣчто популярное, дѣлавшее ихъ втайнѣ дорогими націи и сообщало имъ больше сходства съ крупными патриційскими родами республики, чѣмъ съ фамиліями воинскаго происхожденія или съ выскочками, какіе встрѣчаются при монархіяхъ. Слабый остатокъ свободы, какой оставленъ былъ нравами въ древней монархіи, покоился всецѣло на этой кастѣ. Одни только эти сановники напоминали королямъ отъ времени до времени, почтительными представленіями, что существовало еще общественное мнѣніе. Это была наслѣдственная оппозиція страны.

Этотъ старецъ, по имени Мальзербъ, 74 лѣтъ отъ роду, былъ два раза министромъ при Людовикѣ XVI. Оба раза министерская дѣятельность его была непродолжительна; за нее было заплачено неблагодарностію и изгнаніемъ, не со стороны короля, но вслѣдствіе ненависти духовенства, аристократіи и придворныхъ. Либеральный философъ, Мальзербъ, былъ среди порядка, основаннаго на произволѣ и злоупотребленіяхъ, однимъ изъ предвѣстниковъ наступленія новаго порядка—справедливости и разума, которыхъ призываютъ идеи, по которымъ противятся обстоятельства. Если бы такіе люди находились всегда во главѣ правительства, то едва-ли была бы необходимость въ законахъ. Они сами—законъ, потому что въ нихъ воплощаются свѣтъ, правосудіе и добродѣтель данной эпохи.

Воспитанникъ Жанъ-Жака Руссо, другъ Тюрго, которымъ впервые въ администрацію внесена была философія, Мальзербъ снискалъ себѣ благосклонность философвъ XVIII вѣка, благопріятствуя, въ качествѣ главнаго директора книжной торговли, введенію во Франціи „Энциклопедіи“, этого арсенала новыхъ идей. Въ эпоху законодательства, полнаго официальнымъ мракомъ и

цензурой, онъ смѣло обличалъ господствующія злоупотребленія, объявивъ себя сторонникомъ свѣта. Церковь и аристократія ему не простили этого. Онъ стоялъ въ числѣ тѣхъ именъ, которыя наиболѣе обвинялись въ подрываніи религіи и власти, подъ видомъ подрыванія суевѣрія и тиранніи. Въ глубинѣ души Мальзербъ былъ настоящимъ республиканцемъ, но его взгляды и чувства оставались еще монархическими. Онъ представлялъ живой примѣръ того внутреннего противорѣчія, какое существуетъ въ этихъ людяхъ, рожденныхъ, такъ сказать, на границахъ революцій и идеи которыхъ принадлежать одной эпохѣ, а привычки разума—другой. Республиканскія убѣжденія Мальзерба относились къ современной республикѣ такъ же, какъ философская идея мудреца относилась къ бурнымъ движеніямъ народа. Теорія Мальзерба трепетала и приходила въ негодованіе предъ собственнымъ осуществленіемъ. Онъ не отрекался отъ ученій своей жизни, но закрывалъ свои глаза, чтобы не видѣть ихъ крайностей. Несчастія короля вырывали у Мальзерба горькія слезы. Этотъ государь составлялъ надежду, а иногда и иллюзію Мальзерба. Свидѣтель и повѣренный его обѣтовъ счастья народа и реформы монархіи, Мальзербъ думалъ видѣть въ молодомъ королѣ одного изъ тѣхъ государей-реформаторовъ, которые сами отрываются отъ деспотизма, оказываютъ поддержку революціямъ, давая имъ совершиться и направляя ихъ къ умѣренности, и сообщаютъ законность королевскому сану путемъ благодѣяній, изливаемыхъ королемъ—честнымъ человекомъ. Министръ на нѣсколько минутъ, Мальзербъ потерялъ свое мѣсто, но не утратилъ привязанности къ королю. Онъ чувствовалъ, что хотя вліяніе двора и вырвало у него воспитанника, но все-таки въ лицѣ государя оставался ему тайный другъ.

Изъ глубины своего изгнанія онъ слѣдилъ за королемъ со времени генеральныхъ штатовъ до самой Тампльской тюрьмы. Тайная переписка, съ рѣдкими перерывами, сообщала Людовику XVI воспоминанія, пожеланія, состраданіе его стараго слуги. По полученіи извѣстія о процессѣ короля, Мальзербъ покинулъ свое сельское уединеніе и написалъ конвенту. Президентъ Бареръ прочиталъ его письмо въ собраніи:

„Гражданинъ-президентъ“, писалъ Мальзербъ, „не знаю, дастъ ли конвентъ Людовику XVI совѣтъ для его защиты и предоставитъ ли ему выборъ совѣта. На такой случай я желаю, чтобы Людовикъ XVI зналъ, что, если онъ меня изберетъ для такой обязанности, то я готовъ отдаться ей. Я не прошу васъ сообщать конвенту о моемъ желаніи; я очень далекъ отъ того, чтобы считать себя такимъ важнымъ лицомъ, которымъ бы собраніе стало заниматься. Но меня два раза призывали въ совѣтъ того, кто былъ моимъ государемъ, въ такое время, когда этой должности добивались всѣ. Я обязанъ оказать ему ту же услугу и въ такую эпоху, когда многіе считаютъ это для себя опаснымъ. Если бы я зналъ средство сообщить прямо ему мои намѣренія, то не взялъ бы смѣлости обращаться къ вамъ. Я думаю, что на томъ мѣстѣ, какое вы занимаете, вы больше, чѣмъ кто-нибудь, имѣете средствъ сообщить ему это заявленіе“.

При имени Мальзерба, весь конвентъ ощутилъ то электрическое сотрясеніе, какое сообщается собранію людей именемъ человѣка, посвятившаго себя добру,—ощутилъ трепетъ, который вообще охватываетъ толпу при видѣ акта муже-

ства и добродѣтели. Сама ненависть признала священные права дружбы въ требованіи Мальзерба. Эта просьба была удовлетворена. Нѣкоторые члены протестовали противъ системы медлительности, какую формальности процесса ставили между преступникомъ и эшафотомъ. „Такими отсрочками хотѣтъ протянуть это дѣло на мѣсяцъ“, сказалъ Тюріо. „Короли“, воскликнулъ Лежандръ, „не откладываютъ своей мести народу, а вы будете откладывать правосудіе народа къ королю!“—„Надо разбить бюстъ Брута“, продолжалъ Бильо-Вареннъ, указывая на статую этого римлянина, „вѣдь онъ не колебался, какъ мы, отомстить тирану за народъ?“

11.

Мальзербъ, введенный въ тотъ же день въ башню, гдѣ томился его государь, былъ принужденъ ждать нѣкоторое время въ передней каморкѣ; комиссары коммуны, имѣвшіе порученіе наблюдать, чтобы не было тайно пронесено оружіе, которое могло бы избавить короля отъ эшафота путемъ самоубійства, долго задерживали Мальзерба въ этой каморкѣ. Имя и наружность старца внушили нѣкоторую совѣстливость стражамъ. Онъ самъ себя обыскалъ предъ ихъ глазами. У него были при себѣ нѣсколько дипломатическихъ бумагъ и журналъ засѣданій конвента. Дора-Кюберъ, членъ коммуны, — человѣкъ болѣе тщеславный, чѣмъ жестокій, фанфаронившій свободою, будуарный писатель, попавшій въ революціонную трагедію, находился на караулѣ въ прихожей короля. Дора-Кюберъ зналъ Мальзерба и уважалъ въ немъ философа, котораго его учитель, Вольтеръ, называлъ достойнымъ признательности мудрецовъ. Кюберъ подозвалъ старца къ камину и дружески съ нимъ разговаривалъ: „Мальзербъ“, сказалъ онъ ему, „какъ вы, другъ Людовика XVI, могли принести сюда журналы, въ которыхъ онъ увидитъ всю ненависть къ себѣ народа?“—„Король не такой человѣкъ, какъ другіе“, отвѣтилъ Мальзербъ, „онъ обладаетъ сильнымъ духомъ и вѣрою, которая возвышаетъ его надъ всѣмъ“.—„Вы честный человѣкъ“, возразилъ Кюберъ, „но если бы вы имъ не были, то могли бы пронести ему оружіе, ядъ, посоветовать ему добровольную смерть!“

Молчаніе Мальзерба при этихъ словахъ обнаружило въ немъ мысль объ одномъ изъ тѣхъ античныхъ видовъ смерти, которые отнимали человѣка у судьбы и, въ крайнихъ обстоятельствахъ, дѣлали его самого собственнымъ судьей и освободителемъ; потомъ, какъ бы самъ отклонившись отъ такой мысли, онъ сказалъ: „если-бы король придерживался религіи философовъ, если-бъ онъ былъ Катонъ или Брутомъ, то могъ бы убить себя. Но король набоженъ, онъ христіанинъ; онъ знаетъ, что религія запрещаетъ ему посягать на свою жизнь; онъ не убьетъ себя“. При этихъ словахъ, оба собесѣдника обмѣнялись выразительнымъ взглядомъ и замолкли, какъ бы обдумывая, какое изъ этихъ двухъ ученій было болѣе сильнымъ и болѣе святымъ,—то ли, которое позволяетъ укрываться отъ своей судьбы, или то, которое повелѣваетъ безропотно выносить ее, принимая всю до конца.

Дверь въ комнату короля отворилась. Мальзербъ подошелъ къ своему государю, склонившись и колеблющимся шагомъ. Людовикъ XVI сидѣлъ за

маленькимъ столомъ. Онъ держалъ въ рукѣ томъ Тацита, въ чтеніе котораго углубился. При видѣ своего стараго министра, король бросилъ книгу, всталъ и устремился къ нему съ распростертыми объятіями и слезами на глазахъ. „Ахъ“, сказалъ онъ, сжимая старца въ своихъ объятіяхъ, „вотъ гдѣ вы меня находите! вотъ куда привело меня стремленіе улучшить судьбу народа, котораго мы оба такъ любили! Какъ вы меня розыскали? Ваша преданность подвергаетъ опасности вашу собственную жизнь, не спасая моей!“

Мальзербъ, заливаясь слезами въ объятіяхъ короля, выразилъ радость, какую ощущалъ при возможности посвятить ему остатокъ жизни и выказать въ неволѣ привязанность, всегда подозрительную во дворцахъ. Онъ попытался внушить узнику надежду на справедливость судей и на состраданіе народа, утомленнаго преслѣдованіемъ. „Нѣтъ, нѣтъ“, возразилъ король, „они готовятъ мнѣ смерть; я въ томъ увѣренъ; они обладаютъ для того и властью и волею. Что нужды! займемся моимъ процессомъ, какъ будто бы я долженъ былъ его выиграть; и я, въ самомъ дѣлѣ, его выиграю, потому что оставляю по себѣ незапятнанную память“.

12.

Тронше и Десезъ, пропускаемые каждый день въ Тамплъ вмѣстѣ съ Мальзербомъ, подготовили средства защиты. Король, просматривая съ ними доводы обвиненія и припоминая различныя обстоятельства своего царствованія, которыя, по его мысли, служили опроверженіемъ обвиненію, въ теченіе долгихъ часовъ раскрывалъ предъ защитниками свою общественную жизнь. Тронше и Десезъ приходили въ пять часовъ, а удалялись въ девять. Мальзербъ, опережавшій эти засѣданія, допускался къ королю каждое утро. Онъ приносилъ ему газеты, читалъ ихъ вмѣстѣ съ нимъ и приготавлиалъ работу къ вечеру.

Въ этихъ-то интимныхъ разговорахъ между государемъ и философомъ душа короля умилялась и раскрывалась свободно; дружба Мальзерба иногда превращала эти изліянія въ надежды, а въ утѣшенія — всегда. Грубость комиссаровъ коммуны часто прерывала эти разговоры требованіемъ оставлять дверь комнаты короля открытою, чтобы можно было слышать разговоръ. Тогда король и старецъ удалялись въ глубину башенки и, заперевъ за собою двери, ускользали отъ ненавистнаго инквизиторства этихъ людей, которые искали преступленія даже въ разговорахъ жертвы съ ея утѣшителемъ.

Вечеромъ, когда Мальзербъ, Тронше и Десезъ удалялись, король одинъ читалъ рѣчи, произнесенныя наканунѣ въ конвентѣ за или противъ него. По безстрастію его замѣчаній можно бы было подумать, что онъ читаетъ исторію какого-нибудь отдаленнаго царствованія. „Какъ вы можете хладнокровно читать эти ругательства?“ спросилъ у него однажды Клерн. — „Я хочу узнать, до какихъ поръ можетъ идти людская злоба“, отвѣтилъ король. „Я не думалъ, чтобы подобная могла существовать“, и вслѣдъ за этими словами онъ заснулъ.

Клубокъ нитокъ, въ который была вмотана бумага съ иголочными уколами, замѣнявшими буквы, служилъ для переписки между принцессами и узникомъ. Тюржи, который одновременно прислуживалъ за столомъ и королю и королевѣ, пряталъ клубокъ въ шкафу столовой. Тамъ Клерн бралъ его и опять воз-

вращалъ съ отвѣтами короля. Такимъ образомъ, однѣ и тѣ же надежды и опасенія, пробираясь сквозь тюремныя стѣны, трепетали одновременно въ двухъ этажахъ и соединяли одною мыслью сердца плѣнниковъ.

Потомъ, шнурокъ съ привязанной на концѣ его запиской, опускался рукою королевы въ воронкообразный абажуръ, защищавшій окно короля, которое помѣщалось прямо подъ ея окномъ, и поднимался назадъ съ нѣжными изліяніями Людовика, обращенными къ женѣ и сестрѣ.

Съ начатіемъ своего одиночнаго заключенія, король отказывался сходить въ садъ, чтобы подышать воздухомъ. „Я не могу рѣшиться выходить одинъ“, говорилъ онъ, „прогулка мнѣ была пріятна только тогда, когда я ею пользовался вмѣстѣ съ моими женою и дѣтьми“. 19-го декабря, во время завтрака, онъ сказалъ Клері, предъ четырьмя сторожевыми муниципалами: „Четырнадцать лѣтъ назадъ, вы поднялись со сна раньше, чѣмъ сегодня“. Печальная улыбка объяснила Клері значеніе этихъ словъ. Растроганный слуга замолчалъ, шадя чувства отца. „Въ этотъ день“, продолжалъ король, „родилась моя дочь! Сегодня день ея рожденія! быть лишеннымъ возможности ее видѣть!“ Слезы показались на его хлѣбѣ. Муниципалы, безмолвные и растроганные, казалось, отнесли съ уваженіемъ къ этому воспоминанію счастливыхъ дней, освѣтившему темницу только для того, чтобы сдѣлать ее еще мрачнѣе.

13.

На слѣдующій день, Людовикъ заперся одинъ въ своемъ кабинетѣ и долго писалъ. Это было его завѣщаніе, послѣднее прости надеждъ. Съ этого дня онъ уже надѣялся только на безсмертіе. Онъ завѣщалъ въ мірѣ все, что могъ завѣщать въ своей душѣ: свою нѣжность семьѣ, признательность—слугамъ, прощеніе—врагамъ. Совершивъ это, король казался болѣе спокойнымъ. Онъ подписалъ христіаниномъ послѣднюю страницу своей судьбы.

Вотъ что заключалось, въ подлинныхъ, но болѣе пространныхъ выраженіяхъ, въ этой посмертной исповѣди, гдѣ человѣкъ какъ бы говоритъ уже изъ другой жизни:

„Я, по имени Людовикъ XVI, король Франціи, запертый, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, съ моимъ семействомъ, въ башнѣ Тампля, въ Парижѣ, тѣми, которые были моими подданными, и лишенный уже одиннадцать дней всякаго сообщенія съ кѣмъ бы то ни было, даже съ моимъ семействомъ,—запутанный, кромѣ того, въ процессъ, исходъ котораго невозможно предвидѣть по причинѣ людскихъ страстей,—не имѣя никого, кромѣ Бога, свидѣтелемъ моихъ мыслей и къ кому бы я могъ обратиться,—я объявляю здѣсь, въ Его присутствіи, мою послѣднюю волю и мои чувства. Вручаю мою душу Богу, моему создателю. Молю Его милосердно принять ее. Я умираю вѣрнымъ Церкви и покорнымъ духу ея велѣній. Молю Бога простить всѣ мои грѣхи. Я старался тщательно изслѣдовать ихъ, возненавидѣть ихъ и смириться предъ нимъ... Прошу всѣхъ, кого могъ оскорбить невольно (ибо не помню, чтобы сознательно нанесъ кому-либо оскорбленіе) простить мнѣ зло, какое, по ихъ мнѣнію, я могъ имъ сдѣлать... Прошу всѣхъ тѣхъ, которое имѣютъ милосердіе, соединить свои молитвы съ моими... Прощаю отъ всего сердца тѣхъ, которые сдѣлались моими

врагами, безъ всякаго повода съ моей стороны, и молю Бога простить имъ, такъ же, какъ и тѣмъ, которые, по ложной и дурно понятой ревности, причинили мнѣ много зла... Вручаю Богу моихъ жену, дѣтей, сестру, тегокъ, братьевъ и всѣхъ тѣхъ, которые мнѣ близки по крови или какимъ бы то ни было другимъ образомъ. Молю Бога, въ особенности, взглянуть милосерднымъ окомъ на моихъ — жену, дѣтей, сестру, которыя съ давняго времени страдаютъ со мною; подкрѣпить ихъ своею благодатью, если они меня потеряютъ и пока останутся въ этомъ тлѣнномъ мірѣ...

„Поручаю дѣтей моихъ женѣ; я никогда не сомнѣвался въ ея нѣжности къ нимъ. Поручаю ей, въ особенноти, приучить ихъ смотрѣть на величіе здѣшняго міра, если они осуждены испытать его, не иначе, какъ на благо опасное и преходящее, и обращать ихъ взоры къ единственной надеждѣ и продолжительной славѣ,—къ славѣ вѣчности... Прошу сестру мою продолжать быть нѣжной къ моимъ дѣтямъ и замѣнить имъ мать, если бы они имѣли несчастье потерять свою настоящую мать... Прошу жену мою простить мнѣ бѣдствія, какія она выстрадала за меня, и печаль, какую я могъ причинить ей въ продолженіе нашего союза; она также можетъ оставаться въ увѣренности, что я не уношу ничего противъ нея, хотя бы она и думала, что можетъ въ чемъ-нибудь себя упрекнуть.

„Поручаю моимъ дѣтямъ,—послѣ обязанностей къ Богу, который долженъ быть прежде всего,—оставаться всегда дружными между собою, покорными и послушными матери, признательными за всѣ скорби, какія она за нихъ выносить, и въ память меня... Прошу ихъ смотрѣть на сестру мою, какъ на вторую мать...

„Поручаю моему сыну, если бы онъ имѣлъ несчастье сдѣлаться королемъ, подумать о томъ, что онъ обязанъ всецѣло отдаться счастію своихъ согражданъ, забыть всякую ненависть и вражду, и именно все, относящееся къ несчастіямъ и скорби, какія я выношу. Пусть онъ помнитъ, что нельзя иначе составить счастье народа, какъ только царствуя по законамъ, но въ то же время, что король не можетъ заставить уважать законы и осуществить добро, заключенное въ его сердцѣ, какъ соразмѣрно находящейся у него необходимой власти, въ противномъ же случаѣ, встрѣчая сопротивленіе своимъ дѣйствіямъ и не внушая къ себѣ уваженія, онъ болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ!.. Пусть онъ подумаетъ, что я обязанъ священнымъ долгомъ признательности дѣтямъ тѣхъ, которые погибли за меня, и тѣхъ, которые терпятъ несчастье за мое дѣло!.. Поручаю ему гг. Гю и Шамильи, которыхъ неподдѣльная привязанность ко мнѣ побудила затвориться въ этомъ печальномъ убѣжищѣ. Поручаю ему также Клери, попеченіями котораго могу похвалиться съ тѣхъ поръ, какъ онъ находится со мною; и такъ какъ онъ остался со мною до конца, то прошу коммуны вручить ему мои платья, мои книги, часы, кошелекъ и другую мелкую движимость, которая у меня была отнята и сложена въ совѣтъ коммуны... Прощаю моимъ стражамъ ихъ дурное обхожденіе и стѣсненія, какія они считали своею обязанностью приложить ко мнѣ... Я нашелъ среди ихъ нѣсколько людей съ чувствомъ и состраданіемъ. Пусть они наслаждаются въ своемъ сердцѣ спокойствіемъ, какое долженъ сообщить имъ ихъ образъ мысли!.. Прошу

гг. Мальзербъ, Тронше и Десеэ принять здѣсь искреннюю мою благодарность и выраженіе моего чувства за всѣ заботы и труды, какіе они приняли за меня...

„...Кончаю заявленіемъ предъ лицомъ Бога, готовый предстать предъ Нимъ, что не могу упрекнуть себя ни въ одномъ изъ преступленій, въ которыхъ обвиняють меня!“

„Написано въ двухъ экземплярахъ, въ башнѣ Тампля ... января 1793 г.

„Людовикъ“.

14.

Такимъ образомъ, эта душа, раскрываясь въ послѣднемъ самонепытаніи предъ свѣтомъ безсмертія, не находила въ самыхъ тайныхъ своихъ мысляхъ ничего, кромѣ честныхъ намѣреній, нѣжности и прощенія. Человѣкъ и христіанинъ были безъ пятна. Все преступленіе или, лучше сказать, все несчастіе заключалось въ положеніи. Эта бумага, носившая отпечатокъ нѣжности короля, омоченная его слезами, а вскорѣ и кровью, была неопровержимымъ свидѣтельствомъ того, что совѣсть узника сама возносилась предъ Богомъ. Какой народъ не любилъ бы такого человѣка, если бы этотъ человѣкъ не былъ королемъ? Но и какой народъ, владѣя хладнокровіемъ, не оправдалъ бы такого короля, который самъ умѣлъ такъ прощать и любить? Это завѣщаніе, величайшій актъ жизни Людовика XVI, потому что было актомъ одной только души, болѣе непогрѣшимо судило его жизнь и царствованіе, чѣмъ непреклонный судъ, произнесенный вскорѣ людьми раздраженными. Раскрываясь самъ, такимъ образомъ, предъ будущностью, Людовикъ невольно обвинялъ суровость эпохи, которая осуждала его на казнь. Онъ думалъ только прощать, а между тѣмъ путемъ самага величія своей кротости, отомстилъ за себя навсегда.

15.

Въ тотъ же день защитники представили королю полный планъ его защиты. Мальзербъ и самъ король доставили документы фактическіе, Тронше—аргументы права, Десеэ составилъ защитительную рѣчь. Десеэ прочиталъ эту защиту. Заключение рѣчи вызвало къ сердцу народа и старалось смягчить судей патетическою картиною превратностей судьбы королевскаго семейства. Это воззваніе къ націи извлекло слезы изъ глазъ Мальзербъ и Тронше. Король самъ былъ тронутъ состраданіемъ, какое защитникъ хотѣлъ внушить его врагамъ. Однакожъ, гордость короля заставила его покраснѣть при мысли о вымаливаніи отъ нихъ какого бы ни было другого правосудія, кромѣ правосудія ихъ совѣсти. „Надобно выпустить это заключеніе“, сказала Людовикъ Десеэ, „я вовсе не хочу дѣйствовать умиленіемъ на моихъ обвинителей!“ Десеэ противился, но умирающему всегда принадлежитъ право умереть съ достоинствомъ. Защитникъ уступилъ. Когда онъ удалился съ Тронше, король, оставшись одинъ съ Мальзербомъ, казалось, былъ пораженъ тайною мыслью. „Ко многимъ другимъ заботамъ у меня прибавилась еще одна крупная забота. Десеэ и Тронше не обязаны мнѣ ничѣмъ; они отдають мнѣ свое время, свой трудъ и, быть можетъ, свою жизнь. Какъ вознаградить такую услугу? У меня болѣе ничего нѣтъ; если бы я имъ завѣщалъ имѣніе, это завѣщаніе не было бы

выполнено. Да и притомъ, подобный долгъ оплачивается не имуществомъ!“ — Государь, сказали Мальзербъ, собственная совѣсть и потомство вознаграждать ихъ. Но вы и теперь можете дать имъ награду, которую они будутъ цѣнить выше самыхъ щедрыхъ вашихъ милостей того времени, когда вы были счастливы и могучи. — „Какую?“ спросилъ король. — „Государь, обнимите ихъ!“ На слѣдующій день, когда Десеэ и Тронше вошли въ комнату узника, чтобы сопроводить его въ конвентъ, король безмолвно подошелъ къ нимъ, раскрылъ свои объятія и долго обнималъ своихъ защитниковъ. Обвиненный и защитники говорили не иначе, какъ только рыданіями. Король почувствовалъ себя облегченнымъ. Онъ далъ все, что имѣлъ, искренно прижалъ къ сердцу Десеэ и Тронше, и они удалились вознагражденные. Они получили все, чего могло добиваться ихъ честолюбіе: благодарную слезу несчастнаго, оставленнаго всѣми своими подданными, и знакъ признательности умирающаго.

16.

Черезъ нѣсколько минутъ, Сантерръ, Шамбонъ и Шометтъ пришли за королемъ и вторично отвезли его, съ прежнею выставкою войскъ, въ конвентъ. Конвентъ заставилъ обвиненнаго подождать около часу, какъ простаго кліента, въ залѣ, которая предшествовала непосредственному помѣщенію его засѣданій. Наружность короля была болѣе прилична, костюмъ его менѣе плачевенъ, чѣмъ при первомъ допросѣ. Фигура короля выказывала уже меньшіе слѣды пребыванія въ тюрьмѣ. Друзья короля совѣтовали ему не обрѣзывать бороды, чтобы жестокость тюремщиковъ, написанная на его лицѣ, возбуждала съ перваго же взгляда негодованіе и участіе народа. Король съ презрѣніемъ отвергнулъ это театральное средство возбужденія къ себѣ сочувствія. Право на состраданіе къ себѣ онъ оставилъ въ своей душѣ, а не въ одеждѣ. Комиссары, по просьбѣ короля, согласились передать Клери ножницы, чтобы остричь его господина. Черты лица короля были спокойны, глаза ясны. Людовикъ XVI былъ созданъ болѣе для самоотверженія, чѣмъ для борьбы съ судьбою; приближеніе роковаго несчастія возвеличивало его.

Онъ проаживался съ равнодушнымъ видомъ между своими двумя защитниками, среди группъ любопытныхъ депутатовъ, которые нарочно вышли изъ залы посмотрѣть на него. Безъ особаго одушевленія, но и безъ смущенія разговаривалъ онъ съ Мальзербомъ. Старецъ, отвѣчая ему, употребилъ титулъ величества, полный особенной почтительности именно по причинѣ возрастающей немилости судьбы къ бывшему королю. Трельяръ услыхалъ это выраженіе. Вставъ между королемъ и Мальзербомъ, онъ сказалъ бывшему министру: „кто вамъ даетъ опасную смѣлость произносить здѣсь титулы, запрещенные націей?“ — „Презрѣніе къ жизни!“ отвѣчалъ съ пренебреженіемъ Мальзербъ и и продолжалъ разговоръ.

17.

Конвентъ велѣлъ войти королю въ сопровожденіи его защитниковъ и выслушалъ со спокойнымъ безмолвіемъ рѣчь Десеэ. По положенію Горы видно было, что въ конвентѣ нѣтъ болѣе волненія, потому что нѣтъ и сомнѣнія.

Судьи обладали терпѣніемъ увѣренности. Они жертвовали часть времени королю, жизнь котораго, въ ихъ мысляхъ, уже рѣшено было отнять. Десезъ говорилъ съ достоинствомъ, но безъ блеска. Онъ сохранялъ хладнокровіе разсудка предъ пыломъ общественной страсти. Его защитительная рѣчь, стоявшая на уровнѣ обязанностей защитника, лишь въ нѣсколькихъ фразахъ возвышалась надъ уровнемъ обстоятельствъ. Онъ разсуждалъ, когда нужно было разить. Онъ забывалъ, что для народа нѣтъ другого убѣжденія, кромѣ ощущеній,—что смѣлость слова, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, бываетъ высшимъ благоразуміемъ и что въ крайнихъ обстоятельствахъ только отчаянное краснорѣчіе можетъ спасти все, рискуя все погубить.

Одною изъ роковыхъ случайностей въ жизни Людовика XVI было то, что онъ не нашелъ, для отстаиванія своей жизни или для упрека народу за свою смерть,—такого голоса, который возвышаетъ состраданіе до высоты несчастія и передаетъ изъ вѣка въ вѣкъ отголосокъ паденія троновъ, катастрофы имперій и отзвукъ топора, который рубить головы королей,—передаетъ словами столъ же возвышенными, великими, торжественными, какъ самыя эти событія. Если-бы Боссеюэтъ, Мирабо, Верньо заняли мѣсто Десеза, Людовикъ XVI не былъ бы, положимъ, защищенъ съ большимъ рвеніемъ, съ большимъ благоразуміемъ, съ большею логикою, но слово этихъ ораторовъ, вполне политическое, а не судебное, прозвучало было местию надъ головою судей, угрозеніемъ совѣсти на сердцѣ народа, и если бы это дѣло не было выиграно предъ судомъ, то оно навсегда прославилось бы предъ потомствомъ. Въ такихъ дѣлахъ, которыя не составляютъ достояніе одного дня, бываетъ ошибкою обращаться только къ современной эпохѣ; надобно обращаться къ будущему, потому что только оно является истиннымъ судьей. Людовикъ XVI и его защитники забыли это. Но все-таки и отъ защитительной рѣчи Десеза осталось одно знаменательное выраженіе, которое прямо выражало все положеніе вещей: „я ищу среди васъ судей, а вижу только обвинителей!“

18.

Король, который слушалъ собственную защиту съ интересомъ, болѣе относившимся, повидимому, къ защитнику, чѣмъ къ себѣ самому, всталъ по окончаніи рѣчи Десеза. „Вамъ изложили“, сказалъ онъ, „мои средства къ защитѣ, я не буду повторять ихъ. Говоря съ вами, быть можетъ, въ послѣдній разъ, я объявляю, что совѣсть не упрекаетъ меня ни въ чемъ и что мои защитники сказали вамъ одну только истину. Я никогда не боялся публичнаго разсмотрѣнія моего образа дѣйствій; но мое сердце разрывается при видѣ внесеннаго въ обвинительный актъ нареканія, будто бы я хотѣлъ пролить кровь народа и, особенно, при видѣ того, что мнѣ приписываются несчастія 10 августа. Объявляю, что многочисленныя доказательства любви къ народу, данныя мною въ разное время, кажется мнѣ, поставили меня выше этого упрека,—меня, который отдалъ бы себя самого, чтобы спасти каплю крови народа!“ Послѣ этихъ словъ онъ вышелъ.

„Пусть его судить безотлагательно!“ требуетъ Базиръ.—„Поименную подачу голосовъ сейчасъ же!“ восклицаетъ Дюгемъ, „пора уже націи узнать,

права ли она, желая быть свободной, или это составляет для нея преступление! — „А я требую“, возражает Ланжюине, „чтобы был отмѣненъ декретъ, которымъ мы назначаемся судьями Людовика XVI! Вотъ мой отвѣтъ на предложеніе, которое вамъ дѣлаютъ! Пусть Людовикъ XVI! будетъ судимъ, то есть, пусть будетъ примѣненъ къ его процессу законъ, пусть охранительныя формы, предоставленныя всеѣмъ гражданамъ, будутъ дарованы и ему, какъ всякому другому человѣку; но чтобы его судилъ не національный конвентъ, чтобы его судили не заговорщики, которые сами себя объявили, на этой трибунѣ, виновниками дня 10 августа!..“ — „Въ аббатство!“ кричатъ голоса Горы. — „Вы слишкомъ открыто объявляете себя сторонникомъ тиранніи!“ говоритъ Тюріо. — „Это роялистъ! онъ порицаетъ дѣло 10 августа!“ вопиютъ вмѣстѣ Дюгемъ, Лежандръ, Бильо, Дюкенуа. — „Онъ вскорѣ обратитъ насъ въ обвиненныхъ, а короля въ судью“, иронически замѣчаетъ Жюльентъ. — „Я говорю“, возражаетъ Ланжюине, „что вы, признанные заговорщики 10 августа, хотите быть разомъ и врагами, и обвинителями, и обвинительнымъ журіи, и присяжными, и судьями!..“ — „Заставьте его замолчать! Это призывъ къ междоусобной войнѣ! Я требую его обвиненія! доказательства на лицо!“ говоритъ Шудье. — „Вы меня выслушаете“, начинаетъ опять Ланжюине. — „Нѣтъ! нѣтъ! долой съ трибуны! къ рѣшеткѣ, къ рѣшеткѣ обвиненныхъ!“ кричатъ тысяча голосовъ. — „Въ аббатство! въ аббатство!“ вторятъ имъ голоса трибунъ. Возстановляется молчаніе.

„Я вовсе не обвинялъ“, холодно начинаетъ Ланжюине, „заговоръ 10 августа. Я самъ говорю, что бываютъ святыя заговоры противъ тиранніи; я знаю, что Брутъ, изображеніе котораго здѣсь вижу, былъ однимъ изъ такихъ знаменитыхъ и святыхъ заговорщиковъ; но, продолжая разсуждать, я говорю: Вы не можете быть судьями безоружнаго человѣка, котораго сами же объявили себя смертельными и личными врагами, вы не можете быть судьями послѣ того, какъ все или почти все заранѣе объявили свое мнѣніе и нѣкоторые — даже съ возмутительною свирѣпостью. (Гнѣвный ропотъ снова раздается на нѣкоторыхъ скамьяхъ). Существуетъ законъ, естественный, безпрекословный, положительный, который требуетъ, чтобы каждый обвиняемый былъ судимъ подъ покровительствомъ законовъ своей страны. Но если правда, что мы не можемъ остаться судьями, если правда, что я и нѣкоторые другіе предпочитаютъ умереть, чѣмъ осудить на смерть, въ нарушеніе правосудія, самаго гнуснаго изъ тирановъ...“ Чей-то голосъ говоритъ: „значитъ, вы предпочитаете спасеніе тирана благу народа?“ Ланжюине ищетъ глазами прервавшаго, какъ бы желая поблагодарить его за нить, которую тотъ ему подаетъ. „Я слышу, что говорятъ о благѣ народа“, продолжаетъ Ланжюине, „вотъ прекрасный переходъ, въ которомъ именно я и нуждался. Значитъ, вы призваны обсуждать мысль политическую, а не судебную. Значитъ, я былъ правъ, говоря, что вы должны засѣдать здѣсь не какъ судьи, но какъ законодатели. Хочетъ ли политика, чтобы конвентъ былъ обезчещенъ? Хочетъ ли политика, чтобы конвентъ уступилъ бурной измѣнчивости общественнаго мнѣнія? Конечно, въ общественномъ мнѣніи только одинъ шагъ отъ ненависти и мести къ любви и состраданію. Я вамъ также говорю: подумайте о благѣ народа. Благо на-

рода требуетъ, чтобы вы воздержались отъ суда, который навлечетъ страшныя бѣды на націю,—отъ суда, который послужитъ на пользу вашимъ врагамъ въ тѣхъ ужасныхъ заговорахъ, какіе ими замышляются противъ васъ!“ Ланжюине сходитъ съ трибуны среди ропота.

„Васъ спрашиваютъ“, отвѣчаетъ Амаръ, „каковы будутъ судьи?“ Вамъ говорятъ: „вы всѣ заинтересованная сторона!“ Но не скажутъ ли вамъ также, что и французскій народъ—заинтересованная сторона, потому что на него падали удары тирана? Къ кому же надо будетъ обратиться? Безъ сомнѣнія, къ планетамъ“.—„Нѣтъ, къ собранію королей“, прибавляетъ Лежандръ съ хохотомъ, который находитъ отголосокъ въ трибунахъ.—„Произнесемъ судъ безотлагательно“, повторяетъ Дюгемъ, „когда австрійцы бомбардировали Лилль во имя тирана, то они вѣдь не откладывали“.—„Къ чему эти декламации“, возражаетъ Керсенъ, „мы его судьи, а не палачи!“ Нѣсколько членовъ, утомленные или нерѣшительные, требуютъ отсрочки преній до другого засѣданія. Президентъ передаетъ это предложеніе на голоса. Большинство высказывается за него. 84 депутата Горы устремляются со своихъ скамеекъ къ трибунѣ и угрожаютъ президенту. Жюльенъ завладѣваетъ трибуною при рукоплесканіяхъ Горы. „Насъ хотятъ распустить“, говоритъ Жюльенъ, поддерживаемый знаками Робеспьера и одобрительными движеніями Лежандра и Сень-Жюста.—„Да, хотятъ, только это вы!“ кричитъ ему Луве.—„Хотятъ уничтожить республику“, продолжаетъ Жюльенъ, „подрывая конвентъ въ самыхъ его основахъ. Но мы, друзья народа, мы поклялись умереть за республику и за него. (Рукоплесканія Горы).“

„Я помѣщаюся на высотахъ“, продолжаетъ Жюльенъ, указывая на возвышенныя скамьи лѣвой стороны, „онѣ будутъ Фермопилами народа!“—„Да! да! мы всѣ умремъ здѣсь!“ отвѣчаютъ, вставая съ мѣстъ и протягивая руки къ Жюльену, депутаты, которые засѣдаютъ на Горѣ. Жюльенъ обвиняетъ президента въ пристрастіи и въ соглашеніи съ Мальзербомъ. Президентъ оправдывается. Возстанавливается порядокъ. Кинеттъ представляетъ проектъ декрета, которымъ устанавливается способъ суда надъ королемъ. Камилль Демунъ и Робеспьеръ требуютъ опроверженія этого проекта.

Кутонъ велитъ внести себя на трибуну, „Граждане“, говоритъ онъ, „Капетъ обвиненъ въ великихъ преступленіяхъ; въ моей совѣсти, онъ уже изобличенъ. Если онъ обвиненъ, то надо же, чтобы онъ былъ и судимъ; вѣчная справедливость требуетъ, чтобы всякій преступникъ подвергался осужденію. Кто его будетъ судить? Вы, потому что васъ нація облекла значеніемъ великаго государственнаго трибунала. Вы не могли сами себя сдѣлать судьями, но вы ими сдѣлались въ силу верховной воли народа“. Салль хочетъ говорить въ такомъ же смыслѣ, какъ и Ланжюине, но его голосъ заглушается шумомъ. „Заявляю“, восклицаетъ Салль, „что насъ заставляютъ разсуждать подъ ножомъ!“

Петіонъ, три раза отраженный воплями Горы и бранью Марата, который устремился, чтобы столкнуть его съ трибуны, успѣваетъ, наконецъ заставить себя слушать. Но при первыхъ же словахъ Петіона Дюгемъ кричитъ ему: „мы не хотимъ слушать мнѣнія Петіона“.—„Мы не нуждаемся въ его лекціяхъ“, прибавляетъ Лежандръ.—„Долой короля Жерома Петіона!“ вопятъ тѣ самые

трибуны, которые, четыре мѣсяца назадъ, провозглашали Петіона королемъ народа.

Барбару, Серръ, Ребекки, Дюперре, всѣ молодые депутаты, друзья Ролана, бросаются къ скамьямъ Горы, откуда раздается брань противъ Петіона. Угрожающія тѣлодвиженія, оскорбленія той и другой сторонъ перекрещиваются. „Мы взываемъ къ народу! Мы взываемъ къ департаментамъ! Подлецы! разбойники! убійцы! роялисты!“ Слова недостаточны, чтобы выразить гнѣвъ; они дополняются тѣлодвиженіями. Президентъ накрывается при видѣ такой неурядицы въ собраніи. Конвентъ изумленъ, молчаніе восстанавливается.

19.

Петіонъ продолжаетъ: „Развѣ такъ, граждане, обсуждаются вопросы великой важности для страны? Изъ-за разногласія въ мнѣніяхъ мы честимъ другъ друга названіями враговъ свободы, роялистовъ? Развѣ мы не поклялись всѣ, что у насъ нѣтъ короля? Кто же нарушить свою клятву? Кто хочетъ короля? Мы не хотимъ его!“—„Нѣтъ, нѣтъ, никто, никогда!“ восклицаетъ, поднимаясь съ мѣстъ цѣлый конвентъ. Герцогъ Орлеанскій, окруженный группою депутатовъ Горы, громче своихъ товарищей произносить эту клятву въ ненависти къ королевскому сану и размахиваетъ шляпою надъ головой, чтобы съ большею очевидностью присоединиться къ энтузіазму, отвергающему монархію.

„Но“, продолжаетъ Петіонъ, „здѣсь идетъ дѣло не объ уничтоженномъ королевскомъ санѣ и не объ участи короля, потому что Людовикъ Капетъ болѣе не король; нужно высказаться объ участи человѣка. Вы объявили себя его судьями; надо же, чтобы вы могли судить съ полнымъ убѣжденіемъ въ фактахъ. Истинные друзья свободы и правосудія—тѣ, которые хотятъ изслѣдовать прежде чѣмъ судить! Нѣкоторые члены хотятъ, вмѣстѣ съ Ланжюине, чтобы былъ отмененъ декретъ о судѣ надъ Людовиковъ; другіе требуютъ, чтобы просто высказались о его участи, какъ о мѣрѣ политической. Я перваго мнѣнія. Но не нужно предрѣшать ни котораго изъ нихъ. Я требую, чтобы резолюція, предложенная Кутономъ, была поддержана, но съ сохраненіемъ вопроса, поднятаго въ теченіе засѣданія“. Конвентъ, обращенный къ хладнокровію мужественнымъ и все-еще внушительнымъ голосомъ Петіона, голосовалъ предложеніе Кутона и оговорки Петіона, которыя ставили преграду,—въ видѣ возможности разныхъ случайностей, времени и размышленія,—между приговоромъ народа и жизнью короля.

20.

Пока это волненіе въ залѣ конвента обнаруживало тревогу и нерѣшимость судей, король, возвратившись въ залу зрителей конвента, бросился въ объятія Десеэ. Онъ сжималъ руки защитника въ своихъ рукахъ, вытиралъ его лобъ своимъ платкомъ и самъ согрѣлъ рубашку, въ замѣнъ надѣтой на Десеэ и смоченной пятичасовымъ потомъ на трибунѣ. Въ этихъ дружескихъ заботахъ, возвышаемыхъ его положеніемъ и саномъ, король казалось забывалъ, что сосѣдняя зала волнуется изъ-за вопроса о его собственной жизни. Изъ стѣнъ конвента, слышны были непрерывный шумъ и раскаты голосовъ, но

нельзя было ни различить словъ, ни предрѣшить результата преній. Вниманіе, съ какимъ былъ выслушанъ Десезъ, болѣе мирныя лица и болѣе благопріятное настроеніе общественнаго мнѣнія, проявлявшееся, въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ дней, въ театрахъ и общественныхъ мѣстахъ, давали Людовику XVI нѣкоторый лучъ надежды. Быстрота, съ какою въ этотъ разъ провезли узника въ Тамплъ, избѣгая многолюдныхъ кварталовъ, заставила короля думать, что друзья его бодрствовали. На слѣдующій день, комиссаръ, по имени Венсенъ, который, отправляя свои обязанности, искалъ случая облегчить суровую судьбу плѣнниковъ, взялся тайно доставить королевѣ печатный экземпляръ защитительной рѣчи Десеза.

Возвратившись въ Тамплъ, король, которому нечего было предложить своему защитнику, снялъ свой галстухъ и отдалъ его послѣднему.

1 января, при пробужденіи короля, Клері приблизился къ постели своего господина и въ полголоса высказалъ ему пожеланія скорого конца его несчастій. Король съ умиленіемъ принялъ эти пожеланія и поднялъ глаза къ небу, вспоминая другія времена, когда такія же поздравленія, произносимыя теперь шопотомъ единственнымъ товарищемъ его заточенія, приносились ему пѣльмъ на родомъ въ галереяхъ дворцовъ. Онъ всталъ, молился ревностию обыкновеннаго и заклиналъ муниципала сходить освѣдомиться о здоровьи своей больной дочери и отнести королевѣ и сестрѣ затаенныя пожеланія узника. До 16 января ничто не измѣнилось въ обычномъ порядкѣ дней короля, кромѣ того, что Мальзерба не выпустили въ башню. Въ этихъ различныхъ попыткахъ свиданія съ королевемъ, Мальзерба сопровождалъ молодой роялистъ, увлеченный симпатіей къ несчастію; впослѣдствіи, въ болѣе счастливые дни, онъ былъ министромъ и суровымъ совѣтникомъ монархіи Бурбоновъ, которую хотѣлъ примирить со свободой. Этотъ молодой человѣкъ назывался Гидъ де-Невиль; подавъ руку Мальзербу, онъ поддерживалъ его колеблющіеся шаги, когда почтенный защитникъ Людовика XVI отправлялся въ Тамплъ или въ конвентъ.

Король проводилъ время, читая исторію Англіи, и особенно тотъ томъ, который содержалъ въ себѣ судъ и смерть Карла I. Людовикъ XVI какъ-бы старался утѣшить себя, находя на тронѣ другой образецъ своихъ несчастій, и какъ-бы желая пріучиться къ смерти и сообразовать свои послѣднія мгновенія съ послѣдними минутами обезглавленнаго короля.

21.

Въ теченіе этихъ дней, когда ничто не проникало въ темницу, двѣ партіи, боровшіяся изъ-за преобладанія въ конвентѣ, продолжали терзать другъ друга, споря изъ-за участи короля. Сенъ-Жюстъ опять заговорилъ 27 декабря и въ короткихъ, рѣзкихъ, точно топоръ, выраженіяхъ опровергнулъ защиту, произнесенную наканунѣ. Онъ заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „Если король невиненъ, то преступенъ народъ! Вы провозгласили войну противъ тирановъ всего свѣта, и не примѣняете этого начала лишь къ своему! Революція начинается только тогда, когда кончается жизнь тирана.“ Барбару говорилъ, не сдѣлавъ никакого заключенія, и такими недомолвками, столь несвойственными

его энергическому характеру, подалъ первый примѣръ колебанія въ настроеніи всей партіи жирондистовъ.

Лекиньо отвѣчалъ на слова Барбару: „еслибъ я могъ собственной рукой“, сказалъ онъ, „и однимъ ударомъ умертвить всѣхъ тирановъ, то я поразилъ бы ихъ сейчасъ же!“ Зала разразилась рукоплесканіями; президентъ погрозилъ прибѣгнуть къ силѣ для восстановленія порядка; тогда въ собраніи поднялась буря. Верньо жаловался на такую неурядицу, которая покрывала раждающуюся республику отвратительною внѣшностью анархій. Онъ потребовалъ, чтобы имена подвергшихся порицанію депутатовъ были разосланы въ департаменты. „Мы не парижскій конвентъ“, вскричалъ Бюзо, „но конвентъ Франціи и ея департаментовъ!“

Въ засѣданіи 17 января, министръ иностранныхъ дѣлъ, Лебрень, сообщилъ ноты испанскаго двора. Посланникъ этой страны вступался за жизнь Людовика XVI и общалъ, цѣною сохраненія этой жизни, удаленіе войскъ, собранныхъ Испанією на границахъ Пиренеевъ. „Прочь всякое иностранное вліяніе!“ отвѣчалъ Тюріо.—„Мы договариваемся не съ королями, а только съ народами!“ прибавилъ Шаль, „объявимъ же, что на будущее время ни одинъ изъ нашихъ агентовъ не вступитъ въ переговоры съ коронованной особой прежде, чѣмъ республика будетъ признана!“

Переходъ къ очередному порядку былъ презрительнымъ отвѣтомъ на попытку испанскаго посланника.

Возобновили пренія о судѣ надъ королемъ. Бюзо и Бриссо стояли за воззваніе къ народу. Карра, хотя и жирондистъ, опровергалъ его. Жансонне въ длинной рѣчи прямо обратился къ Робеспьеру съ порицаніями.

„Существуетъ, говорите вы, партія, которая хочетъ отдѣлить конвентъ отъ Парижа и произвести рѣзню гражданъ гражданами. Успокойтесь, Робеспьеръ! васъ не умертвятъ: я даже думаю, что и вы никого не умертвите. Добродушіе, съ которымъ вы постоянно повторяете это притворное нареканіе, заставляютъ меня только опасаться, не составляетъ ли оно у васъ результатъ мучительнаго сожалѣнія. Нельзя не назвать справедливымъ то, что любовь къ свободѣ имѣетъ также свое лицемѣріе и своихъ тартюфовъ. Ихъ можно узнать по ненависти къ свѣту и къ философіи, по ихъ умѣнью ласкать предрасудки и страсти народа. Пора уже указать на эту партію цѣлой націи. Это она господствуетъ въ парижскомъ клубѣ яковинцевъ, а среди насъ засѣдаютъ ея главные вожди. Чего они хотятъ? Какая ихъ цѣль? Какое странное правительство намѣрены они дать Франціи? Не говорятъ ли они, что на французской территоріи не останется ни одного республиканца, если Людовика не отошлутъ на казнь, и что тогда надо будетъ избрать республикѣ защитника? Какъ! вы не составляете партій, а между тѣмъ обозначаете себя именемъ депутатовъ Горы, какъ бы желая этимъ названіемъ напомнить намъ одного азіятскаго тирана, извѣстнаго въ исторіи только ордой убійцъ, которыхъ онъ влачилъ за собою, и ихъ фанатическимъ повиновеніемъ кровожаднымъ приказаніямъ этого вождя! Не сказалъ ли вамъ Робеспьеръ съ неопѣнною наивностью, что народъ долженъ не столько стремиться къ непосредственному пользованію своими державными правами, сколько къ тому, чтобы ввѣрять ихъ людямъ, которые сдѣ-

лаютъ изъ нихъ хорошее употребленіе? Оправдательное слова деспотизма всегда такъ начинается. Нельзя допустить, чтобы судъ надъ Людовикомъ прослылъ въ Европѣ дѣломъ этой партіи! Одинъ только народъ долженъ спасать народъ!“

22.

Обвиненіе въ прежнемъ сообщничествѣ съ дворомъ, направленное противъ Верньо, Гаде, Бриссо и Жансонне, было на слѣдующій день отвѣтомъ на порицанія Жансонне. Письмо этихъ четырехъ депутатовъ, адресованное до 10 августа къ королевскому живописцу Бозу,—письмо, въ которомъ они давали королю совѣты, доказывало, что республиканскій духъ не чуждъ былъ въ этихъ людяхъ колебаній и уступокъ, и что если конституція 1791 года и не удовлетворяла ихъ принципамъ, то была вполне достаточною для ихъ честолюбія, съ условіемъ лишь, чтобы они сами ею руководили. Эта переписка,—впрочемъ вполне конституціонная, не представляла собою никакого другого преступленія. Гаде, Жансонне, Верньо легко выпутались изъ этого обвиненія, при помощи своего обычнаго краснорѣчія и при содѣйствіи большинства, которымъ все-еще располагали. Тѣмъ не менѣе, подобное обвиненіе, брошенное въ нихъ неожиданно друзьями Робеспьера,—и подозрѣнія, какія оно заронило въ народъ, указали жирондистамъ необходимость отвѣчать на эти подозрѣнія неопровержимыми проявленіями ненависти къ монархіи и самимъ подписать свой титулъ республиканцевъ нѣсколькими каплями крови короля. Съ этого дня они начали раздумывать, что именно избрать—пожертвовать ли жизнью короля или согласиться на потерю своего собственного значенія. Партія, которая только и жила вѣтромъ народной благосклонности, не могла ее утратить, не погибнуть сама. Но она хотѣла жить. Это значило, что король долженъ умереть.

23.

Камилль Демуленъ, который всегда къ смерти примѣшивалъ пропію и находилъ кровь жертвъ недостаточно горькою, если она не была приправлена сарказмомъ, опровергалъ воззваніе къ народу въ рѣчи, которую нельзя было разслышать, но которую онъ велѣлъ напечатать. Вотъ проектъ декрета, въ которомъ передана эта рѣчь: „На Карусельской площади будетъ воздвигнутъ эшафотъ. На него отвѣдутъ Людовика съ ярлыкомъ, на которомъ спереди будутъ написаны слова: „клятвопреступленникъ и измѣнникъ націи“, а сзади: „король!“ Сверхъ того, конвентъ постановляетъ, что погребальный склепъ королей, въ Сентъ-Дени, будетъ съ этихъ поръ мѣстомъ погребенія разбойниковъ, убійцъ и измѣнниковъ!“

Мерленъ де-Тіонвиль, Гаусманъ и Ревбель, комиссары конвента при арміяхъ, писали также съ границъ: „Мы окружены ранеными и убитыми; во имя Людовика Капета тираны убиваютъ нашихъ братьевъ, а мы узнаемъ, что Людовикъ Капетъ все-еще живъ!“ Камбасересъ требовалъ воззванія къ народу. Дантонъ предложилъ новую форму преній, которая дѣлала спорнымъ все, что было до тѣхъ поръ постановлено; казалось, Дантонъ тайлъ въ мысляхъ намѣ-

реніе спасти короля при помощи неурядицы, какую породить такое размноженіе вопросовъ.

„Очень прискорбно“, замѣтилъ Кутонъ, „видѣть безпорядокъ, въ который подвергаютъ собраніе. Вотъ уже мы потеряли три часа изъ-за короля. Какіе мы республиканцы? Мы низкіе рабы!“ Наконецъ, по предложенію Фонфреда, конвентъ постановилъ произвести поименную подачу голосовъ по слѣдующимъ тремъ вопросамъ поочередно; первый: „Виновенъ ли Людовикъ?“ второй: „слѣдуетъ ли рѣшеніе конвента подвергать на утвержденіе народа?“ третій: „какое будетъ наказаніе?“

По первому вопросу, — за исключеніемъ Лаланда изъ Мерты, Баральона изъ Крезы, Лафона изъ Коррезъ, Ломона изъ Кальвадоса, Гентриха Ларивьера, д'Изарнъ Валади, де-Ноеля изъ Вогезовъ, Мориссона изъ Вандей, Воделинкура изъ Верхней Марны, де-Рузе — изъ Верхней Гаронны, которые устранились, объявивъ себя некомпетентными въ этомъ вопросѣ, а обязанности законодателей — несомнѣнными съ обязанностями судей, — всѣ остальные, т. е. 683 члена, — отвѣчали: „Да, Людовикъ виновенъ!“

24.

По второму вопросу, 281 голосъ былъ поданъ въ пользу воззванія къ народу, 423 голоса противъ всякаго обращенія къ націи. Въ числѣ первыхъ находились: Ребекки, Барбару, Дюпра, Дюранъ де-Мальянъ, Дюперре, Фоше, Камбонъ, Бюзо, Петіонъ, Бриссо, Верньо, Гаде, Жансонне, Гранжневъ, Ланжюине, Луве, Салль, Гарди, Молльво, Валазе, Манюэль, Дюсо, Бертюка изъ Соны и Луары, Сильери, другъ герцога Орлеанскаго, который начиналъ отдѣляться отъ якобинцевъ и приближаться къ теоріямъ и къ эшафоту жирондистовъ.

Въ числѣ вторыхъ: всѣ члены Горы и нѣсколько членовъ жирондистской партіи, у которыхъ молодость, пылъ и революціонное омыаніе заглушали голосъ разсудка. Результатъ такого испытанія встревожилъ энергическихъ людей этой партіи и увлекъ нерѣшительныхъ.

Дантонъ, до тѣхъ поръ остававшійся безмолвнымъ наблюдателемъ, на слѣдующій же день, 16-го числа, ухватился за первый поводъ, чтобы энергически выразить нетерпѣливую жажду крови, которой не имѣлъ въ душѣ, но которую притворно выказывалъ, чтобы остаться вѣрнымъ себѣ.

Разсуждали о распоряженіи закрыть театры, отданномъ исполнительнымъ совѣтомъ. „Признаюсь вамъ граждане“, сказалъ Дантонъ, поднимаясь съ мѣста и принимая позу человѣка сентябрскихъ дней, „я думалъ, что есть другіе предметы, которые должны насъ занимать, кромѣ комедій!“ — „Дѣло идетъ о свободѣ!“ откликнулись нѣсколько голосовъ. — „Да, дѣло идетъ о свободѣ!“ повторилъ Дантонъ, „дѣло идетъ о трагедіи, которую вы должны разыграть предъ націями! Дѣло идетъ о томъ, чтобы подъ мечемъ закона пала голова тирана! Я требую, чтобы мы безотлагательно высказались объ участи Людовика!“

Предложеніе Дантона было передано на голоса. Когда Ланжюине потомъ предложилъ, чтобы наказаніе было рѣшено двумя третями голосовъ, а не простымъ большинствомъ, Дантонъ заговорилъ опять, какъ человѣкъ, который

сгѣшить покончить съ тягостнымъ положеніемъ. „Говорятъ“, сказалъ онъ, „будто бы важность этого вопроса такова, что для разрѣшенія его недостаточно обыкновенныхъ формъ всякаго совѣщательнаго собранія. Я спрашиваю, почему же, — если простымъ большинствомъ высказались объ участи цѣлой націи, — если не подумали даже возбудить этотъ вопросъ, когда шло дѣло объ отмѣнѣ королевскаго сана, почему хотятъ постановлять рѣшеніе объ участи отдѣльнаго лица, заговорщика, съ соблюденіемъ формъ болѣе мелочныхъ и болѣе торжественныхъ. Мы постановляемъ рѣшеніе, какъ представители, въ силу своего державнаго права. Спрашиваю васъ, не вы ли голосовали простымъ большинствомъ республику, войну? Спрашиваю также, развѣ не безапелляціонно проливается кровь въ сраженіяхъ? Развѣ сообщники Людовика XVI не понесли кару непосредственно, безъ всякаго обращенія къ народу? Неужели заслуживаетъ исключенія только тотъ, кто былъ душою всѣхъ этихъ заговоровъ?“ Рукоплесканія.

Ланжюине не допустилъ свою совѣсть увлечься этимъ потокомъ рукоплесканій, вызванныхъ словами Дантона. „Вы отвергли всѣ формы, какихъ требовали правосудіе и, безъ сомнѣнія, человеколюбіе, — отвергли отводъ, тайную подачу голосовъ, охраняющую свободу совѣсти и мнѣній; здѣсь, въ конвентѣ, разсужденія свободы только по наружности, но въ дѣйствительности мы разсуждаемъ подъ кинжалами и пушками крамольниковъ!“ Собраніе отвергло эти соображенія и объявило засѣданіе непрерывнымъ до произнесенія приговора. Послѣдняя поименная подача голосовъ началась въ восемь часовъ вечера.

XXXV.

Наружность города и собранія. — Осужденіе короля. — Верньо. — Людовикъ XVI. —
Аббатъ Фирмонъ. — Последнее свиданіе короля съ его семействомъ. — Процессія. —
Казнь. — Оцѣнка суда надъ Людовикомъ XVI.

1.

Видъ города былъ угрожающій, видъ собранія зловѣщій. Коммуна и якобинцы, рѣшившись вынудить осужденіе Людовика XVI, — видя въ этомъ личную побѣду надъ своими врагами, рѣшившись довести нравственное принужденіе до насилія, собрали, въ теченіе нѣсколькихъ дней, въ Парижѣ всѣ силы, какими позволяли располагать ихъ журналы, письменныя сношенія и связи въ департаментахъ. Вожаки предмѣстій набрали толпы женщинъ и дѣтей въ лохмотьяхъ, чтобы вопить о смерти тирана въ улицахъ, которыя находились по сосѣдству съ конвентомъ. Теруанъ де-Мерикуръ и Севъ-Хюрюжъ, авиньонскіе убійцы, сентябрскіе убиватели, бойцы 10-го августа, — федераты, скопившіеся въ Парижѣ передъ отправленіемъ на границу; волонтеры и солдаты, удержанные въ Парижѣ военнымъ министромъ Пашемъ больше для того, чтобы усилить мятежъ, нежели для его подавленія, — населеніе, чуждое всякихъ политическихъ страстей, но не имѣющее ни работы, ни хлѣба и заглушающее свое отчаяніе волненіемъ; массы любопытныхъ, которые были такимъ рѣдкимъ зрѣлищемъ вызваны изъ своихъ жилищъ, подобно рою пчелъ, вылетающему изъ улья при приближеніи бури, и хотя не побуждались сами личною страстью, но сообщали волненію подобіе народнаго движенія; затѣмъ, отголоски августовскихъ и сентябрскихъ дней, все еще волновавшіе воображеніе; ночь, способствовавшая смятенію; суровое время года, которое возбуждало воспріимчивость и вело къ отчаяннымъ порывамъ; наконецъ, самое имя короля, олицетворявшее въ себѣ всѣ бѣдствія, всѣ неправды, всѣ измѣны, которыя приписывались королевскому сану, и заставлявшее народъ думать, что, убивая человѣка, который носилъ этотъ титулъ, можно было уничтожить тѣмъ же ударомъ и всѣ бѣдствія, преступленія, воспоминанія и надежды отвергнутаго учрежденія: все сообщало ночи 16-го января характеръ непреодолимаго порыва, который даетъ народнымъ манифестаціямъ чисто стихійную силу.

2.

Утромъ, одинъ изъ побѣдителей Бастиліи, по имени Лувенъ, осмѣлился сказать въ своемъ отдѣлѣ, что республику можно было утвердить и не проливая

крови Людовика XVI; вмѣсто всякаго отвѣта, стоявшій тутъ же федератъ вонзилъ саблю въ его сердце. Народъ влачилъ раненаго за ноги по уличной мостовой, пока несчастный не испустилъ послѣднее дыханіе.

Вечеромъ, разносчикъ книгъ и журналовъ, вышедшій изъ кабинета для чтенія, заподозрѣннаго въ роялизмѣ, въ галереѣ Пале-Рояля, и обвиненный какимъ-то прохожимъ въ томъ, что раздавалъ листки въ пользу воззванія къ народу, былъ умерщвленъ 30 ударами ножа людьми, гулявшими въ саду. Шайки злодѣевъ, освобожденные изъ тюремъ Консержери и Шатлэ сентябрьскими убійцами, составили скопища убійцъ, которые въ общественномъ возбужденіи видѣли предлогъ и прикрытіе безнаказанныхъ злодѣяній. Республиканскіе драгуны, прогнавъ часовыхъ въ своихъ казармахъ, разбѣжались, съ саблями въ рукахъ, по общественнымъ мѣстамъ, по Пале-Роялю, по Тюльери, потрясая оружіемъ и распѣвая патріотическія пѣсни. Оттуда они отправились въ церковь Val-de-Grace, гдѣ, въ серебряныхъ, позолоченныхъ урнахъ, хранились сердца нѣкоторыхъ королей и королевъ, царствовавшихъ во Франціи. Они разбили эти погребальныя вазы, растоптали ногами эти останки монархіи и бросили ихъ въ водосточную трубу. Такой фанатизмъ профанаціи, который по-скотски метилъ на безжизненныхъ останкахъ за долгое терпѣніе и за продолжительные предразсудки рабства, былъ проявленіемъ не столько силы, сколько безумія свободы. Такіе симптомы ясно показывали, какого состраданія можетъ ожидать себѣ живой представитель королевскаго сана, когда даже мертвые его останки возбуждали подобную злобу.

3.

Подъѣзды и внутренность залы конвента казались приговоренными болѣе для казни, чѣмъ для суда. Время, мѣсто, узкіе проходы, извилистые дворы, мрачные своды стариннаго монастыря, рѣдкіе фонари, которые боролись съ мракомъ зимней ночи и освѣщали блѣднымъ свѣтомъ людскія лица; оружіе, которое сверкало и гремѣло у каждой двери, пушки, которыя артиллеристы, съ зажженными фитилями, какъ бы нарочно приберегали при двухъ главныхъ входахъ не для устрашенія народа, а чтобы обратить эти орудія противъ залы, если изъ нея не выйдетъ роковой приговоръ; глухой ревъ безчисленной толпы, которая сторожила въ смежныхъ улицахъ и напирала со всѣхъ сторонъ на стѣны, какъ бы желая вырвать у нихъ приговоръ; движеніе патрулей, которые съ трудомъ разсѣкали этотъ океанъ людей, очищая мѣсто запоздалымъ представителямъ; костюмы, фizioноміи, красныя шапки, карманьола, искаженные лица, хриплые голоса, — свирѣпыя и многозначительныя тѣлодвиженія, все, повидимому, было такъ рассчитано, чтобы внести всеми путями въ душу судей неумолимый приговоръ, произнесенный уже заранѣе народомъ. „Или его смерть или твоя!“ только эти слова и шептались тихо, но повелительно на ухо каждому депутату, какой проходилъ чрезъ группы народа, управляясь на свое мѣсто.

Обычные посѣтителы засѣданій конвента, которые знали всѣхъ въ лицо, были разставлены на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого. Эти шпионы народа громко называли по именамъ депутатовъ, указывали сомнительныхъ,

угрожали робкимъ, оскорбляли снисходительныхъ, рукоплескали непоколебимымъ. При именахъ Марата, Дантона, Робеспьера, Колло д'Эрбуа, Камилла Демулена, толпа разступалась съ уваженіемъ и пропускала представителей народнаго гнѣва и народной надежды. При именахъ Бриссо, Верньо, Ланжюине, Буасси д'Англа, разъяренныя фигуры, сжавъ кулаки, потрясая пиками и саблями надъ ихъ головою, прямо объявляли, что народъ хочетъ видѣть себѣ повиновеніе или быть о т о м щ е н н ы м ъ. Сами часовые, — поставленные для охраненія безопасности представителей, подавали примѣръ оскорбленій и насилія. Бывшій маркизь де-Вильетъ, ученикъ и другъ Вольтера, сдѣлавшійся членомъ конвента, былъ узнанъ въ коридорѣ манежа, который велъ въ собраніе, схваченъ за платье и уже видѣлъ острія сабель, готовыя вонзиться въ его сердце, если онъ не приметъ обязательства подать голосъ за смерть т и р а н а. Вильетъ, который въ хиломъ тѣлѣ носилъ неустрашимый духъ и не вѣрилъ, чтобы педесталомъ философіи былъ эшафотъ, отбился отъ тѣсноты, отведя руками сабельные клинки, угрожавшіе его груди, и смѣло смотря на своихъ преслѣдователей сказалъ: „Нѣтъ, я не подамъ голоса за смерть, и вы меня не зарѣжете. Вы уважите во мнѣ совѣсть, свободу и націю“. И прошелъ дальше.

Коридоры конвента, предоставленные самымъ кроваважднымъ вождямъ парижскихъ шаекъ, были, равнымъ образомъ, заняты вооруженными отрядами. Эти люди сохраняли здѣсь порядокъ и молчаніе изъ уваженія къ мѣсту; но были сюда поставлены, какъ живое выраженіе ужаса, какой ихъ имена, оружіе и воспоминанія о прошломъ должны были внушать судьямъ короля. Мальяръ, Фурнье-американецъ, Журданъ-головорѣзъ, отдавали приказанія знаками своимъ бывшимъ сообщникамъ, указывали имъ на тѣ имена и лица, которые они должны были замѣтить и удержать въ памяти; чтобы проникнуть въ залу собранія, нужно было пройти предъ глазами этихъ людей. Казалось, они хотѣли запечатлѣть въ своей памяти всѣ отличительные признаки извѣстныхъ лицъ. Это были статуи убійства, поставленныя у дверей народнаго суда, чтобы повѣлывать депутатамъ произносить смерть. Каждый депутатъ, при входѣ, сталкивался съ ними.

4.

Самая зала собранія была неодинаково освѣщена. Лампы бюро и люстра, сверкавшія сверху изъ подъ свода, бросали на нѣкоторыя части залы ослѣпительный блескъ, а другія части оставляли въ темнотѣ. Публичныя трибуны, спускаясь ступеньками, расположенными амфитеатромъ, до самыхъ возвышенныхъ скамеекъ Горы, съ которыми и сливались, какъ въ римскихъ циркахъ, были переполнены зрителями. Какъ бывало на древнихъ зрѣлищахъ, въ первомъ ряду этихъ трибунъ сидѣло много молодыхъ женщинъ, одѣтыхъ въ трехцвѣтные костюмы; онѣ безопасно разговаривали, обмѣнивались словами, движеніями, улыбками и становились серьезными и внимательными только при счетѣ голосовъ, которые и обозначали булавками на особыхъ билетахъ. Прислуга залы ходила между скамейками съ подносами, нагруженными шербетомъ, мороженымъ, апельсинами; всѣ такія лакомства разносились этимъ женщинамъ. На самыхъ высокихъ скамейкахъ люди изъ народа, въ повседневныхъ костюмахъ,

соотвѣтственно своему общественному положенію, — стоя внимательно слушали и громко повторяли другъ другу имя и голосъ каждаго вызываемаго депутата, и сопровождали послѣдняго на скамью рукоплесканіями или ропотомъ. Первые скамейки этихъ народныхъ трибунъ были заняты мальчиками-мясниками, окровавленные передники которыхъ были подобраны съ одной стороны къ поясу, а рукоятки длинныхъ мясничихъ ножей не безъ аффектаціи выглядывали изъ складокъ холста, замѣнявшаго имъ ножны.

Пустое пространство у подножія бюро, рѣшетки, входы дверей, выходы, которые вели къ скамьямъ депутатовъ и къ публичнымъ трибунамъ, кипѣли сплошными волнами депутатовъ, смѣшавшихся съ зрителями, которые не могли найти мѣста въ трибунахъ и вторгнулись въ огороженное пространство, предназначенное для законодателей. Эти группы безпрестанно волновались, мѣняли свой видъ отъ прохода депутатовъ, которые то призывались на трибуну, то сходили съ нея; общій видъ всего этого не столько напоминалъ публику предъ трибуналомъ, сколько народную сумятицу гдѣ-нибудь на площади.

Движеніе замирало на минуту лишь тогда, когда имя какого нибудь значительнаго депутата, произносимое глашатаемъ, заставляло поднимать глаза къ подающему голосъ, чтобы минутою раньше уловить въ его позѣ и движеніи губъ жизнь или смерть, присуждаемая имъ королю. Скамьи депутатовъ были почти пусты. Утомленные 15-часовымъ засѣданіемъ, которое должно было продолжаться, безъ перерыва, до окончанія суда, одни разсѣялись рѣдкими группами по оконечностямъ возвышенныхъ скамеекъ и разговаривали между собою въ полголоса, съ видомъ самоотверженнаго терпѣнія; другіе, вытянувъ ноги, перегнувшись корпусомъ, прислонялись къ стѣнкѣ своей опустѣлой скамьи, дремали подъ гнетомъ своихъ мыслей и просыпались только при особенно громкихъ восклицаніяхъ, какія раздражались отъ времени до времени при какомъ нибудь особенно энергическомъ поясненіи поданнаго мнѣнія. Но самая большая часть депутатовъ безпрестанно переходила съ мѣста на мѣсто подъ вліяніемъ внутреннего волненія; эти депутаты только и дѣлали, что выходили изъ залы и опять входили туда. Они переходили отъ одной группы къ другой, быстро и въ полголоса мѣнялись словами со своими товарищами, писали свое мнѣніе у себя на колѣняхъ, зачеркивали написанное, писали снова и снова зачеркивали, — до тѣхъ поръ, пока голосъ глашатая не заставлялъ ихъ среди этого колебанія и не заставлялъ самихъ произносить роковое слово, которое за минуту раньше замѣнилось бы другимъ и въ которомъ они же, быть можетъ, рассказывались послѣ того, какъ его произнесли.

5.

Первые голоса, поданные въ собраніи, оставляли еще нѣкоторую неувѣренность въ умахъ. Слова смерти и изгнаніе, казалось, уравнивали другъ друга въ подаваемыхъ голосахъ. Участъ короля зависѣла отъ перваго голоса, какой подастъ одинъ изъ вождей жирондистской партіи. Этому голосу предстояло обозначить собою и вѣроятное мнѣніе цѣлой партіи, а численность послѣдней безвозвратно опредѣлила бы большинство. Итакъ, жизнь и смерть зависѣли, нѣкоторымъ образомъ, отъ слова, какое произнесетъ Верньо.

Всѣ съ тревогою ожидали, когда по алфавитному порядку переключки департаментовъ, дойдутъ до буквы Ж и вызовутъ на трибуну депутатовъ Жиронды. Верньо долженъ быть явиться первымъ. Припоминали его знаменитую рѣчь противъ Робеспьера, которая имѣла цѣлю вырвать судъ надъ низверженнымъ королемъ у его враговъ. Извѣстны были ненависть и отвращеніе Верньо къ партіи, которая хотѣла казней. Повторялись частные разговоры, въ которыхъ онъ двадцать разъ высказывалъ свои чувства относительно участи государя, наибольшее преступленіе котораго, въ его глазахъ, было слабостью, доходившею почти до невинности. Извѣстно было, что еще наканунѣ и за нѣсколько часовъ до начала подачи голосовъ, Верньо, ужиная съ женщиною, которая жалѣла Тампльскихъ узниковъ, поклялся ей своимъ краснорѣчіемъ и своею жизнью, что спасетъ короля. Никто не сомнѣвался въ мужествѣ оратора. Это мужество въ ту самую минуту, казалось, было написано на его спокойномъ челѣ и въ строгихъ складкахъ рта, недоступнаго ни для какой откровенности.

При имени Верньо, разговоры прекратились, взоры устремились только на него. Онъ медленно взошелъ по ступенькамъ трибуны, помолчалъ съ минуту, полузакрывъ глаза, какъ человѣкъ, который въ послѣдній разъ размышляетъ передъ рѣшительнымъ поступкомъ, потомъ глухимъ голосомъ и, какъ бы самъ противясь состраданію, которое говорило въ его душѣ, Верньо произнесъ: смерть.

Безмолвное изумленіе подавило ропотъ и даже стѣснило дыханіе всѣхъ присутствующихъ въ залѣ. Робеспьеръ какъ-то неудовимо улыбнулся, и въ этой улыбкѣ было больше презрѣнія, чѣмъ радости. Дантонъ пожалъ плечами. „Ну, хвастайтесь вашими ораторами“, сказалъ онъ тихо Бриссо, „слова высокія, поступки подлые, что можно дѣлать съ такими людьми? Не говорите мнѣ о нихъ больше, это партія погибая“.

Надежда погасла въ сердцахъ немногихъ друзей короля, скрытыхъ въ залѣ и въ трибунахъ. Всѣ понимали, что жертва предана рукою Верньо. Напрасно Верньо, послѣ подачи голоса, какъ бы задерживалъ его значеніе, требуя, подобно Мельгу, чтобы собраніе, высказавшись въ пользу смерти, обсудило, не лучше ли будетъ для общественной безопасности допустить отсрочку казни. Якобинцы же ясно видѣли, что какъ только будетъ признана справедливость приговора, то жирондистамъ не одолѣть ихъ въ вопросѣ о безотлагательности казни. Самъ Верньо объявилъ, что его голосъ въ пользу смерти былъ независимъ отъ принятія отсрочки или отказа въ ней. Это значило заранѣе отнимать у себя возможность овладѣть снова жизнью короля, которую онъ выпускалъ изъ рукъ. Верньо сошелъ по ступенькамъ трибуны, опустивъ голову, и затерялся въ толпѣ.

6.

Поименная подача голосовъ продолжалась. Всѣ жирондисты, Бюзю, Петіонъ, Барбару, Инаръ, Ласуръ, Ребекки, Бриссо — подали голоса въ пользу смерти. Большая часть изъ нихъ, подавая голосъ, требовали отсрочки казни. Фонфредъ и Дюко подали голосъ за безусловную смерть. Сійесъ, который въ собраніяхъ и тайныхъ совѣщаніяхъ своей партіи болѣе всего настаивалъ на томъ, чтобы

отнять радость у Робеспьера, триумф у якобинцевъ, напрасную и опасную кровь у революціи,—Сійесь, послѣ побѣды якобинцевъ въ поименной перекличкѣ, призналъ всякое сопротивленіе безполезнымъ. Оставить одному Робеспьеру подобное кровавое право на отчаянное довѣріе народа значило, въ глазахъ Сійеса, отказаться, съ перваго же шага, отъ управленія республикою, а, быть можетъ, и отъ жизни. Если уже нельзя было остановить движеніе, то нужно, думалъ Сійесь, самому броситься въ его средину и еще разъ попытаться его направить. Сійесь въ свою очередь, взойдя на трибуну, произнесъ только одно слово: смерть. Онъ произнесъ его нехотя, съ холодною математика, который высказываетъ аксіому, и съ уныніемъ побѣжденнаго, который уступаетъ роковой судьбѣ. Къ этому слову онъ не прибавилъ другого проницательнаго слова, какое ему приписывается. Голосъ, поданный Сійесомъ, былъ лакониченъ, но не жестокъ. Кондорсе, вѣрный своимъ принципамъ, не согласился проливать кровь; онъ потребовалъ, чтобы Людовикъ XVI былъ осужденъ на самую высшую кару послѣ смертной казни. Ланжюинне, Дюсо, Буассе д'Англа, Керсенъ, Рабо-Сентъ-Этьенъ, Сильери, Салль не послѣдовали примѣру вождей своей партіи и устояли противъ запугиванія якобинцевъ. Они почти всѣ подали голосъ въ пользу заточенія короля въ продолженіе войны и изгнанія послѣ заключенія мира. Самъ Манюэль, побѣжденный зрѣлищемъ королевскихъ несчастій, которыя онъ видѣлъ близко въ Тамплѣ, подаль голосъ нѣ въ пользу сохраненія жизни короля. Дону, философъ-республиканецъ, имѣвшій, какъ онъ самъ говорилъ, въ душѣ только двѣ бекорыстныя страсти,—къ Богу и свободѣ, громко отбѣили, при подачѣ голоса, право судить и низлагать королей отъ права дѣлать ихъ жертвами. Онъ высказалъ, что литературныя занятія укрѣпляютъ чувство справедливости въ сердцѣ писателя, просвѣщая его разумъ, и что въ занятіяхъ древнею литературою, вмѣстѣ съ принципами великодушія, онъ почерпнулъ мужество осуществлять ихъ принципы даже передъ смертію. Гора, почти вся безъ исключенія, высказалась въ пользу смерти. Робеспьеръ, напомнивъ въ нѣсколькихъ словахъ свою первую рѣчь, попытался примирить свое отвращеніе къ смертной казни съ осужденіемъ, которое соскользнуло съ его губъ. Онъ сдѣлалъ это, сказавъ, что тираны составляютъ исключеніе изъ человѣчества, и объявляя, что нѣжное чувство къ угнетеннымъ одерживаетъ верхъ въ его душѣ надъ состраданіемъ къ притѣснителямъ.

Парижскіе депутаты, Маратъ, Дантонъ, Бильо-Вареннъ, Лежандръ, Пани, Сержанъ, Колло д'Арбуа, Фреронъ, Фабръ д'Эглантинъ, Давидъ, Робеспьеръ младшій послѣдовали примѣру Робеспьера и, какъ монотонное эхо, повторяли, проходя по трибунѣ, 21 разъ сряду слово „смерть“.

Герцогъ Орлеанскій былъ вызванъ послѣднимъ. При его имени воцарилось глубокое молчаніе. Сильери, повѣренный и любимецъ герцога, подаль голосъ противъ смерти. Ожидали, что принцъ подастъ голосъ одинаково со своимъ другомъ, или устранилъ себя во имя природы и крови. Въ глазахъ самихъ якобинцевъ онъ подлежалъ отводу. Герцогъ не отвелъ себя. Онъ медленно, безъ волненія, поднялся по ступенькамъ трибуны, развернулъ бумагу, которую держалъ въ рукѣ, и стойчески прочиталъ слѣдующія слова: „Посвятить себя единственно своему долгу, убѣжденный, что всѣ тѣ, которые посягали или посяг-

нуть въ послѣдствіи на державныя права народа, заслуживаютъ казни, я подаю голосъ въ пользу смерти!“ Эти слова прозвучали среди безмолвнаго изумленія даже той партіи, которой герцогъ Орлеанскій давалъ ихъ въ видѣ залога. Въ цѣлой Горѣ не нашлось ни одного взгляда, ни движенія, ни голоса, который бы высказалъ ему сочувствіе. Члены Горы, осуждая на смерть плѣннаго и безоружнаго короля, могли оскорблять правосудіе, возмущать человѣколюбіе, но они не тревожили природы. Сама природа въ нихъ возмущалась противъ такого голоса, поданнаго первымъ принцемъ крови. По скамьямъ и трибунамъ собранія пробѣжалъ трепетъ. Герцогъ Орлеанскій, смущенный, сошелъ съ трибуны, сомнѣваясь уже, по этимъ первымъ симптомамъ, хорошо ли онъ поступилъ. Истинное геройство свободы не вноситъ содроганія въ сердце человѣка. Того, чему удивляются, ужасаться не могутъ. Добродѣтели, подобныя добродѣтели Брута, такъ близки къ преступленію, что даже совѣтъ республиканцевъ возмутилась при этомъ поступкѣ. Жертвовать чувствами природы законамъ, съ перваго взгляда, прекрасно, но одиноковіе есть также законъ.

Если этотъ голосъ былъ жертвою свободѣ, то отвращеніе конвента показало герцогу Орлеанскому, что жертва не была принята; если это былъ залогъ, то такого залога отъ него и не требовалось; если это была уступка личной безопасности, то цѣна за жизнь была слишкомъ дорога. Подвергаясь уже нападкамъ жирондистовъ, едва терпимый Робеспьеромъ, кліентъ Дантона, герцогъ, въ случаѣ отказа какому-нибудь требованію Горы, рисковалъ тѣмъ, что она потребуетъ его головы. Герцогъ не обладалъ такимъ величіемъ духа, чтобы самому предложить ее. Самъ Робеспьеръ, возвратившись вечеромъ въ домъ Дюплэ и разговаривая о судѣ надъ королемъ, казалось, хотѣлъ выразить протестъ противъ мнѣнія герцога Орлеанскаго. „Несчастный!“ сказалъ онъ своимъ друзьямъ; „ему одному только было бы позволительно послушаться голоса своего сердца и устранился; онъ не хотѣлъ или не посмѣлъ этого сдѣлать; нація была великодушнѣе его!“

7.

Счетъ голосовъ былъ продолжителенъ, полонъ сомнѣнія и тревоги. Жизнь и смерть, вступивъ въ борьбу между собою, поочередно, одерживали перевѣсъ, смотря по тому, какъ случай группировалъ голоса въ спискахъ, читаемыхъ секретарями. Казалось сама судьба не рѣшалась вымолвить роковое слово. Всѣ сердца трепетали, одни надеждою спасти революцію отъ новой скорби, другіе отъ боязни потерять эту жертву. Наконецъ, всталъ президентъ, чтобы произнести приговоръ. Это былъ Верньо. Онъ былъ блѣденъ, замѣтна была дрожь въ его губахъ, въ рукахъ, державшихъ бумагу, по которой онъ долженъ былъ прочесть цифру голосовъ. По странной случайности или по жестовой насмѣшкѣ, заключавшейся въ выборѣ сотоварищей, Верньо, въ качествѣ президента, долженъ былъ провозглашать и приговоръ о низложеніи короля въ законодательномъ собраніи и постановленіе о его смерти въ конвентѣ. Онъ хотѣлъ бы сохранить даже цѣною своей крови умѣренную монархію и жизнь Людовика XVI, а между тѣмъ два раза въ теченіе трехъ мѣсяцевъ былъ вынужденъ противорѣчить своему сердцу и служить органомъ мнѣній

своихъ враговъ. Ложное и жестокое положеніе Верньо въ этихъ обоихъ случаяхъ было эмблемою положенія всей его партіи. Жирондисты сыграли роль Пилата по отношенію къ монархіи и къ королю: первую они предали народу, не будучи убѣждены въ ея порокахъ; другого предали якобинцамъ, не будучи убѣждены въ его преступности; они проливали публично кровь, которую втайнѣ оплакивали,—чувствовали, что на ихъ языкѣ угрызенія совѣсти борются съ приговоромъ, и умывали себѣ руки предъ потомствомъ!

8.

Въ эту минуту депутатъ, по имени Дюпатель завернувшись въ одѣяло, велѣлъ принести себя со смертнаго одра въ конвентъ, среди угрозъ, и, умирающимъ голосомъ, заявилъ возраженіе противъ смерти короля. Затѣмъ возвѣстили о новомъ ходатайствѣ короля испанскаго въ пользу Людовика XVI. Дантонъ заговорилъ, даже не потребовавъ предварительнаго слова. „Ты еще не король, Дантонъ!“ вскричалъ ему Луве. „Я удивленъ“, продолжалъ Дантонъ, „наглостью державы, которая не боится претендовать на вліяніе на наши разсужденія. Если бы всѣ раздѣляли мое мнѣніе, то уже за это одно объявили бы немедленно войну Испаніи. Какъ! она не хочетъ признать республику, а думаетъ предписывать ей законы! Впрочемъ, если хотятъ, пусть выслушаютъ этого посла. Но пусть же президентъ дастъ ему отвѣтъ, достойный народа, который онъ представляетъ: пусть онъ ему скажетъ, что побѣдители при Жеммапѣ не посрамятъ пріобрѣтенной славы, и найдутъ въ себѣ силу, чтобы истребить всѣхъ королей, какіе сговорились противъ нихъ! Не нужно переговоровъ съ тиранніей! Народъ будетъ судить своихъ представителей, если представители ему измѣняютъ!“

Верньо, тономъ горести, сказалъ: „граждане, вамъ предстоитъ великій актъ правосудія. Надѣюсь, что человеколюбіе побудитъ васъ хранить самое благоговѣйное молчаніе. Когда правосудіе сказало свое слово, человеколюбіе должно, въ свою очередь, заставить себя выслушать!“.

Онъ прочиталъ результатъ подачи голосовъ. Въ конвентѣ считалось 721 человекъ подающихъ голоса. 334 голоса высказались за изгнаніе или заточеніе; 387 въ пользу смерти, считая въ томъ числѣ и голоса тѣхъ, которые высказались за смерть подъ условіемъ ея отсрочки. Смерть короля имѣла за себя, слѣдовательно, 53 голосами болѣе, чѣмъ изгнаніе; но, если выпустить изъ поданныхъ въ пользу смерти голосовъ 46, которые допустили ее подъ условіемъ отсрочки казни, то большинство въ пользу смерти составляло только семь голосовъ. Такимъ образомъ перемѣщеніе только трехъ человекъ перемѣщало общую цифру и измѣняло приговоръ. Это именно рука 12 или 15 вождей Жиронды бросила тяжесть на вѣсы до тѣхъ поръ почти равные. Смерть, составлявшая желаніе якобинцевъ, была дѣломъ жирондистовъ. Верньо и его друзья сдѣлались Робеспьеровскими палачами. Смерть тирана, дѣло порыва страсти у народа, была уступкою со стороны Жиронды. Одни требовали жизни Людовика XVI для спасенія республики, другіе жертвовали этою жизнью для спасенія своей партіи. Если страсть однихъ была слѣпа и безжалостна, то

какъ назвать уступчивость другихъ? Если убійство изъ за-мести преступно, то убійство изъ-за трусости преступно вдвое.

9.

Во время этой подачи голосовъ король, лишенный всякаго сообщенія съ вѣншнимъ міромъ со времени своего послѣдняго появленія предъ судьями, зналъ только, что его жизнь и смерть находились въ эту минуту въ рукахъ людей. Въ силу несчастій, размышленій и внутренняго посвященія себя волѣ Бога, онъ дошелъ до того состоянія высокаго равнодушія, когда человѣкъ, безстрастный уже и къ надеждѣ и къ страху, отдастъ предпочтеніе только рѣшенію свыше; это—особое состояніе человѣческаго духа, когда человѣческая натура, возвышаясь надъ своими собственными желаніями, пренебрегаетъ всѣ оскорбленія судьбы, страдаетъ уже только вѣншнимъ образомъ и не имѣетъ другого желанія, кромѣ вѣншней Провидѣнія. Философія давала такіе совѣты въ несчастіи мудрецамъ древности; христіанство сдѣлало изъ этого самоотверженія догматъ и подало обновленному міру примѣръ его съ высоты креста.

Людовикъ XVI безпрерывно созерцалъ этотъ крестъ и чрезъ него возводилъ свою казнь въ подобіе мученичества. Онъ могъ бы, если бы потребовалъ, имѣть сообщеніе въ послѣдніе дни со своимъ семействомъ. Онъ слышалъ шаги и голоса жены и дѣтей чрезъ своды, находившіеся надъ нимъ. Король боялся, что жестокій переходъ отъ жизни къ смерти, отъ надежды къ отчаянію, сдѣлается еще болѣе жестокимъ въ присутствіи любимыхъ существъ, слишкомъ растрогаетъ его сердце и изранитъ сердца тѣхъ, которыхъ онъ любилъ, новыми терзаніями; онъ лучше хотѣлъ выпить одинъ чашу разлуки однимъ разомъ, чѣмъ давать ее капля по каплѣ своему семейству.

Утромъ 19 числа двери тюрьмы отворились, и король увидалъ Мальзербъ. Онъ всталъ, чтобы встрѣтить своего друга. Старецъ, упавъ къ ногамъ своего государя и орошая ихъ слезами, долго не могъ ничего говорить. Подобно древнему живописцу, который покрывалъ фигуру Горести, боясь, чтобы она не слишкомъ живо изобразила терзанія человѣческаго сердца, Мальзербъ, безмолвный, своимъ видомъ, своимъ молчаніемъ, старался сообщить королю слово, которое страшился произнести. Король понялъ его, повторилъ это слово, не блѣднѣя, поднималъ своего друга, прижалъ его къ груди и, казалось, былъ занятъ только тѣмъ, чтобы утѣшить и подкрѣпить почтеннаго вѣтника своей смерти. Съ спокойнымъ любопытствомъ, какъ-бы чуждымъ собственной судьбѣ, онъ освѣдомился объ обстоятельствахъ, о числѣ голосовъ, о голосахъ нѣсколькихъ лицъ, которыхъ онъ зналъ въ конвентѣ. „О Петіонѣ и Манюэлъ“, сказалъ король Мальзербу, „я не спрашиваю, я увѣренъ, что они не подали голосъ за мою смерть“. Король спросилъ, какой голосъ подалъ его кузень, герцога Орлеанскій. Мальзербъ сказалъ. „Ахъ“, возразилъ король, „за него огорченъ я больше, чѣмъ за кого-нибудь другого“. Это были слова Цезаря, который, среди своихъ убійцъ, узналъ лицо Брута, и только этотъ послѣдній вынулъ его заговорить.

10.

Министры Гара и Лебрень, мэръ Шамбонъ и прокуроръ коммуны Шометтъ, въ сопровожденіи Сантерра, президента и публичнаго обвинителя въ уголовномъ судѣ, явились объявить королю о приговорѣ со всѣми формальностями, требуемыми закономъ, когда послѣдній отнимаетъ у преступника жизнь. Стоя, съ поднятымъ челою, устремивъ глаза на своихъ судей, король выслушать осужденіе на смерть въ 24 часа съ неустрашимостью праведника. Одинъ только взглядъ, поднятый къ небу, обнаруживалъ въ душѣ короля воззваніе къ непогрѣшному, верховному судѣ. Когда чтеніе было кончено, Людовикъ XVI подошелъ къ секретарю исполнительнаго совѣта, Грувелю, взявъ декретъ въ руки, сложилъ его и уложилъ въ свой портфель, потомъ, обернувшись къ Гара, сказалъ ему голосомъ, въ которомъ, вмѣстѣ съ мольбою, слышалась королевская нотка: „Господинъ министръ юстиціи, прошу васъ передать это письмо конвенту“. Когда Гара выказалъ колебаніе взять бумагу, король возразилъ: „я вамъ ее прочту“, и прочиталъ: „Прошу у конвента трехдневной отсрочки, чтобы приготовиться къ появленію предъ Богомъ; для этого прошу доставить мнѣ возможность свободно видѣться съ духовникомъ, какого я укажу комиссарамъ коммуны. Прошу, чтобы онъ былъ въ безопасности отъ всякаго преслѣдованія за этотъ актъ милосердія, какое выкажетъ относительно меня. Прошу освободить меня отъ непрерывнаго надзора, въ какомъ меня держать нѣсколько дней, не спуская съ глазъ... Прошу въ эти послѣднія минуты позволить мнѣ видѣться съ семьей, когда я того пожелаю и безъ свидѣтелей. Я очень желалъ бы, чтобы конвентъ теперь же рѣшилъ участь моей семьи и позволилъ ей свободно удалиться туда, гдѣ она сочтетъ для себя удобнымъ найти убѣжище. Поручаю благосклонности націи всѣхъ лицъ, которыя были мнѣ преданы... Въ числѣ ихъ есть много старцевъ, женщинъ и дѣтей, которые жили только моею помощью и теперь должны находиться въ нуждѣ. Написано въ Тампльской башнѣ, 20 января 1793 года“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, король вручилъ Гара другую бумагу, съ адресомъ духовника, утѣшенія и разговора котораго желалъ для своихъ послѣднихъ часовъ. На этомъ адресѣ, писанномъ не почеркомъ короля, а другимъ, значилось: „г. Эджвортъ де-Фирмонъ, улица дю-Бакъ“. Когда Гара взялъ обѣ бумаги, король, поклонившись, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ, какъ дѣлалъ въ прежнія времена, при концѣ придворной аудіенціи, давая понять, что хочетъ остаться одинъ. Министры вышли.

11.

Послѣ ихъ ухода, король твердыми шагами прошелся по комнатѣ и спросилъ обѣдать. Такъ какъ столоваго ножа у него не было, то онъ раздѣлялъ пищу ложкою и разламывалъ хлѣбъ руками. Такія предосторожности муниципаловъ приводили короля въ негодованіе даже больше, чѣмъ самый смертный приговоръ. „Или меня считаютъ такимъ трусомъ, который въ состояніи утаить свою жизнь отъ враговъ? Мнѣ приписываютъ преступленія, но я въ нихъ

невиненъ и умру безъ слабости. Я желалъ бы, чтобы моя смерть составила счастье французовъ и могла отвратить бѣдствія, какія я предвижу для націи!“.

Въ шесть часовъ, Сантерръ и Гара пришли съ отвѣтомъ конвента на требованія короля. Несмотря на усиленные старанія Барбару, Бриссо, Бюзо, Петіона, Кондорсе, Шамбона, Томаса Пайна,—конвентъ еще наканунѣ рѣшилъ не допускать никакой отсрочки казни. Фурнье-американецъ, Журданъ-головорѣзъ и ихъ приверженцы занесли сабли надъ головами Барбару и Бриссо, въ коридорѣ конвента, и, приставивъ остріе къ сердцу, велѣли выбирать между молчаніемъ и смертью. Но эти мужественные депутаты пренебрегали смертью и боролись пять часовъ, чтобы добиться отсрочки. Напрасно протестовали Казенавъ, Бриссо, Манюэль, Керсень, послѣдній въ письмѣ, которое было въ эту минуту однимъ изъ самыхъ геройскихъ вызововъ смерти, какіе только могли вырваться у гражданина. 34 голоса большинства, собранные Тюріо, Кутономъ, Маратомъ, Робеспьеромъ, отвергли отсрочку. Вотъ письмо Керсена: „Граждане! Мнѣ невозможно переносить стыдъ оставаться долѣе въ стѣнахъ конвента вмѣстѣ съ людьми крови, когда ихъ мнѣніе, подкрѣпляемое ужасомъ, превозмогаетъ мнѣнія людей добра,—когда Маратъ одерживаетъ верхъ надъ Петіономъ. Если любовь къ отечеству заставляла меня выносить несчастье быть товарищемъ хвалителей и виновниковъ рѣзни 2 сентября, то я хочу, по крайней мѣрѣ, защитить свою память отъ позора быть ихъ сообщникомъ. Я только теперь, въ настоящую минуту, могу сказать это; завтра уже будетъ поздно“.

Болѣе раздраженный, чѣмъ растроганный подобными выраженіями, конвентъ уполномочилъ министра юстиціи отвѣчать на требованія Людовика XVI, что онъ можетъ призвать какого хочетъ священника и видѣть свое семейство безъ свидѣтелей, но что требованіе трехдневной отсрочки для приготовления къ смерти отвергнуто и что казнь совершится въ 24 часа.

12.

Король безъ ропота принялъ такое сообщеніе исполнительнаго совѣта. Онъ не думалъ утягивать часы у смерти; все, чего онъ требовалъ, было нѣсколько часовъ самоуглубленія на исходѣ жизни, между жизнью и вѣчностью. Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ уже былъ занятъ мыслью о религіозномъ освященіи предстоявшаго ему пожертвованія жизнью. Во время одного изъ разговоровъ съ Мальзербомъ, король возложилъ на него порученіе передать тайное посланіе почтенному иностранцу—священнику, скрытому въ Парижѣ; онъ умолялъ этого старца о духовной помощи на случай своей смерти. „Странное порученіе для философа“, сказалъ онъ Мальзербу съ грустною улыбкою. „Но я всегда хранилъ вѣру христіанина, какъ узду противъ увлеченія властью, какъ утѣшеніе въ моихъ бѣдствіяхъ; я нахожу эту вѣру и въ глубинѣ моей темницы. Если бы вы были обречены на смерть, подобную моей, то желаю, чтобы вы нашли такое же утѣшеніе въ свои послѣднія минуты“.

Мальзербъ нашелъ жилище избраннаго королемъ руководителя его совѣсти и сообщилъ ему просьбу своего государя. Служитель Бога ожидалъ минуты, когда двери тюрьмы раскроются для его милосердія; хотя бы оно должно было стоить ему жизни, онъ все-таки не колебался. Посвятить себя утѣшенію по-

слѣднихъ мучительныхъ минутъ людской жизни, старецъ несъ и сюда свою святую обязанность въ такія же минуты: въ этомъ состоитъ геройство христіанскаго священника. Сверхъ того, чистая дружба связывала съ давняго времени священника съ королемъ. Тайно проводимый въ Тюльери, въ торжественные для христіанъ дни, этотъ священникъ часто исповѣдывалъ короля. Христіанская исповѣдь, которая заставляетъ человѣка расprostираться у ногъ священника, короля у ногъ подданнаго, установила между исповѣдникомъ и кающимся, съ одной стороны, отеческое довѣріе, съ другой сыновнее. Это довѣріе, хотя по принципу и сверхъестественно,—однакожъ, часто преобразуется въ чело-вѣческую привязанность между людьми, которые говорятъ другъ съ другомъ столь откровенно. Религія составляетъ связь между людьми въ подобнаго рода духовной привязанности. Но эта связь, завязанная во имя неба, не всегда совершенно ломается и на землѣ. При такомъ полномъ сліянніи чело-вѣческихъ душъ, сердца часто также сливаются. Такъ было и здѣсь, между королемъ и священникомъ. Въ лицѣ аббата Фирмона Людовикъ XVI имѣлъ друга, поставленнаго между здѣшнимъ міромъ и будущимъ. Онъ призывалъ его въ тяжелые дни и берегъ его для самыхъ роковыхъ минутъ своей жизни.

13.

Въ среду 20 января, съ наступленіемъ ночи, въ дверь безвѣстнаго убѣжища, гдѣ укрывался этотъ бѣдный священникъ, неожиданно постучался незнакомецъ и велѣлъ слѣдовать за собою въ засѣданіе совѣта министровъ. Фирмонъ послѣдовалъ за незнакомецъ. По приходѣ въ Тюльери, его привели въ кабинетъ, гдѣ министры разсуждали о выполненіи казни, которую конвентъ возложилъ на ихъ отвѣтственность. Мягкосердый философъ Гара, — холодный дипломатъ Лебрень, — сострадательный республиканецъ Роланъ, который, въ лицѣ короля, не могъ все-таки не любить человѣка, хотѣли, во что бы то ни стало, отстранить, отъ своихъ сердецъ, отъ именъ и отъ памяти, зловѣщую миссію, какою поражала ихъ судьба. Было уже поздно. Солидарные съ жирондистами, заложники якобинцевъ въ министерствѣ, они должны были казнить короля или умереть сами. Физіономіи, волненіе, оцѣненіе этихъ людей обнаруживали ужасъ ихъ положенія. Они старались скрыть отъ самихъ себя жестокость предстоявшей мѣры, посредствомъ внимательности и состраданія. Они встали, окружили священника, выразили уваженіе къ его мужеству, обѣщали покровительство возложенному на него порученію. Гара взялъ священника въ свой экипажъ и отвезъ его въ Тамплъ. Дорогою, министръ конвента излилъ предъ служителемъ алтаря свое отчаяніе: „Великій Боже“ вскричалъ онъ, „какое ужасное порученіе на меня возложено! Какой человѣкъ!“ прибавилъ онъ, говоря о Людовикѣ XVI, „какое самоотверженіе, какое мужество! Нѣтъ, одна природа не могла бы дать такихъ силъ, тутъ есть что-то сверхъестественное!“ Священникъ молчалъ, боясь оскорбить министра или выразить осужденіе его убѣжденіямъ. Послѣ этихъ словъ между обоими господствовало молчаніе до самыхъ дверей башни. При имени Гара, дверь отворилась. Черезъ залу, наполненную вооруженными людьми, министръ и духовникъ прошли въ другую залу, болѣе обширную. Своды, разрушенныя архитектурныя украшенія,

ступеньки низверженного алтаря, все показывало, что тутъ была когда-то часовня, давно уже оскверненная. 12 комиссаровъ коммуны держали совѣтъ въ этой залѣ. Ихъ физіономіи, разсужденія, написанное на лицахъ полное отсутствіе чувства и даже приличія въ виду смерти обнаруживали въ нихъ скотскую натуру, неспособную ничего уважать во врагѣ, не исключая даже роковой горести и смерти. Только одно или два лица, — моложе другихъ, тайкомъ отъ своихъ товарищей, выказали нѣсколько мимолетныхъ знаковъ сочувствія миссіи священника. Пока обыскивали аббата Фирмона, министръ вошелъ. Потомъ духовника отвели къ королю. Послѣдній, замѣтивъ Фирмона, устремился къ нему, увлекъ его въ свою комнату и заперъ дверь, чтобы безъ свидѣтелей насладиться присутствіемъ человѣка, котораго такъ сильно желалъ видѣть. Священникъ упалъ къ ногамъ кающагося; прежде, чѣмъ подать утѣшеніе, онъ плакалъ самъ. Король также не могъ удержаться отъ слезъ. „Простите“, сказалъ онъ духовнику, „за эту минутную слабость: я такъ давно живу среди враговъ, что привычка сдѣлала меня зачерствѣлымъ предъ ихъ ненавистью, а сердце закрылось предъ нѣжнымъ чувствомъ. Но видъ вѣрнаго друга возвращаетъ мнѣ впечатлительность, которую я считалъ уже угасшею, и вопреки моему желанію умиляетъ меня“. Потомъ король увлекъ духовника въ уединенную башенку, куда онъ обыкновенно удалялся для размышленія. Столъ, два стула, небольшая фаянсовая печь, въ родѣ ручныхъ очаговъ, которыми бѣдныя женщины рабочаго класса согрѣваютъ свои мансарды, — нѣсколько книгъ, образъ распятаго Христа, сдѣланный изъ слоновой кости, составляли все убранство этой каморки. Король посадилъ Эджворта и самъ сѣлъ противъ него, по другую сторону печки. „Вотъ я приблизился“, сказалъ ему осужденный, „къ великой и единственной цѣли, какая должна занимать меня въ жизни: оставить ее чистымъ или прощеннымъ предъ Богомъ, чтобы тѣмъ приготовить себѣ и моимъ близкимъ жизнь лучшую...“ Сказавъ эти слова, король вынулъ со своей груди бумагу и сломалъ ея печать. Это было его завѣщаніе. Онъ прочиталъ его два раза медленно, взвѣсивая каждый слогъ, чтобы ни одно изъ чувствъ, какія онъ тамъ выражалъ, не ускользнуло отъ внимательнаго контроля служителя Бога, признаннаго имъ судьей. Казалось, король боялся, чтобы, въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, которыми онъ завѣщалъ свое прощеніе здѣшнему міру, не вырвалось, безъ его вѣдома, какое-нибудь злое чувство или упрекъ и не отняло невольно нѣкоторой доли кротости и святости у его прощенія. Голосъ короля былъ растроганъ и глаза его увлажнились только при тѣхъ строкахъ, гдѣ онъ произносилъ имена королевы, своихъ сестры и дѣтей. Видно было, что вся нѣжность его характера, смиренная или приниженная по отношенію къ себѣ самому, совмѣщалась уже только въ имени, въ образахъ и въ судьбѣ его близкихъ. Живого и страдающаго на землѣ для короля была уже только его семья. За этимъ чтеніемъ послѣдовалъ откровенный и спокойный разговоръ объ обстоятельствахъ послѣднихъ мѣсяцевъ, неизвѣстныхъ королю. Онъ освѣдомился о судьбѣ нѣкоторыхъ лицъ, ему дорогихъ, печалился по поводу преслѣдованія однихъ, радовался бѣгству и спасенію другихъ; король говорилъ обо всѣхъ, не съ равнодушіемъ человѣка, который уѣзжаетъ навсегда изъ отечества, но съ полнымъ участіемъ любопытствомъ возвращеннаго изъ даль-

нихъ странъ, который освѣдомляется о всемъ томъ, что любилъ. Хотя часы на сосѣдней башнѣ показывали приближеніе ночной поры, и хотя жизнь короля измѣрялась уже только часами, но онъ еще медлил обращаться къ занятію благочестивымъ дѣломъ, для котораго призвалъ духовника. Въ семь часовъ королю предстояло послѣднее свиданіе съ семьей. Приближеніе этой минуты, столь желанной и вмѣстѣ съ тѣмъ столь страшной, волновало короля въ тысячу разъ больше, чѣмъ мысль объ эшафотѣ. Онъ не хотѣлъ, чтобы эти роковыя терзанія смутили спокойствіе приготовленія къ смерти,—не хотѣлъ, чтобы еще и слезы примѣшивались къ крови той жертвы, какую осужденному черезъ нѣсколько минутъ предстояло принести людямъ и Богу.

14.

Между тѣмъ, королева и принцессы, постоянно и внимательно прислушиваясь у оконъ, узнали въ тотъ же день, что въ отерочкѣ отказано и казнь должна совершиться въ 24 часа; онѣ узнали это изъ криковъ публичныхъ глашатаевъ, которые провозглашали приговоръ по всеѣмъ кварталамъ Парижа. Съ этихъ поръ всякая надежда угасла въ душѣ принцессы, и ихъ тревога сосредоточивалась уже только на одной мысли: увидитъ ли ихъ король передъ смертью, обниметъ ли, благословитъ ли? Добиться послѣдняго роковаго изліянія нѣжности у его ногъ, въ послѣдній разъ прижать его къ сердцу, услышать и удержать въ памяти послѣднее его слово, сохранить въ душѣ послѣдній его взглядъ,—этимъ ограничивались все ихъ надежды, все желанія, все мольбы. Собравшись съ утра, безмолвныя, въ молитвѣ, въ слезахъ въ комнатѣ королевы,—отликаясь сердцемъ на каждый шумъ, спрашивая взоромъ все попадавшіяся лица, онѣ уже поздно узнали, что декретъ конвента позволялъ имъ видѣться съ королемъ. Это была радость среди предсмертной агоніи. Принцессы долго готовились къ ней передъ этой минутой. Онѣ тѣснились у дверей, обращались съ мольбой къ комиссарамъ и тюремщикамъ, не переставая ихъ спрашивать; несчастнымъ казалось, что нетерпѣніе ихъ ускоряло ходъ времени и что трепетъ ихъ сердецъ можетъ раскрыть эти двери ранѣ назначенной минуты“.

15.

Со своей стороны, и король, по наружности спокойный, въ душѣ былъ не менѣе смущенъ. У него всегда была только одна любовь — къ женѣ, одна дружба — къ сестрѣ, одна радость въ жизни — дочь и сынъ. Эти нѣжныя чело-вѣческія чувства, разсѣянные и остывавшія, хотя никогда не угасавшія совсѣмъ, на тронѣ, сосредоточивались, согрѣвались и какъ бы врѣзывались въ его душу съ началомъ несчастій и особенно со времени тюремнаго уединенія. Но все это продолжалось уже такъ долго, что міръ не иначе существовалъ для короля, какъ въ томъ небольшомъ кружкѣ людей, благодаря которымъ и его опасенія и радости и печали увеличивались. Сверхъ того, столько страшиться, столько надѣяться, столько выстрадать вмѣстѣ, — это значить жить общою мыслью,

общими чувствами. Слезы, проливаемые вмѣстѣ, крѣпко соединяють сердца. Одинаковыя страданія соединяють людей въ тысячу разъ больше, чѣмъ одинаковыя радости. Эти пять душъ, посредствомъ взаимной нѣжности, составляли одно цѣлое. Одно обстоятельство лишь смущало заранѣе предстоявшій разговоръ: мысль, что это послѣднее свиданіе, въ которомъ естественныя чувства должны были проявиться со всею свободою отчаянія, со всемъ увлеченіемъ нѣжности, будетъ имѣть свидѣтелями тюремщиковъ; что самыя тайныя изліянія сердца мужа, жены, брата, сестры, отца, дочери будутъ сочтены, послужатъ утѣхою врагамъ, а быть можетъ и поставятся даже въ вину узникамъ. Король, основываясь на точныхъ словахъ декрета конвента, требовалъ, чтобы свиданіе происходило безъ свидѣтелей. Комиссары, отвѣтственные передъ коммунуой, не осмѣливались открыто неповиноваться и конвенту; они совѣщались между собою, какъ примирить намѣренія декрета со строгостями закона. Рѣшили, что разговоръ будетъ происходить въ столовой; изъ этой комнаты была стеклянная дверь въ другую, гдѣ находились комиссары; дверь можетъ быть заперта за королемъ и его семействомъ, но комиссары будутъ наблюдать надъ плѣнниками сквозь дверныя стекла. Такимъ образомъ, если позы, движенія, слезы и будутъ выставлены на показъ постороннимъ, то, по крайней мѣрѣ, слова останутся неприкосновенными. Король незадолго до той минуты, когда принцессы должны были спуститься, оставилъ своего духовника въ башенкѣ: онъ просилъ его не показываться, боясь, чтобы видъ служителя алтаря не напомнилъ королевѣ, что смерть очень близка. Онъ перешелъ въ столовую, чтобы приготовить кресла и мѣсто, необходимыя для послѣдняго разговора. „Принесите воды и стаканъ“ сказалъ онъ своему слугѣ. На столѣ былъ графинъ воды со льдомъ. Клеры указалъ ему на нее. „Принесите воды безъ льда“, сказалъ король, „если королева выпьетъ этой воды, то ей можетъ быть дурно“. Наконецъ дверь открылась. Королева, держа за руку сына, устремилась первая въ объятія короля и сдѣлала быстрое движеніе, какъ-бы желая увлечь его въ свою комнату, дальше отъ постороннихъ глазъ, „Нѣтъ, нѣтъ“, сказалъ король глухимъ голосомъ, удерживая жену на своей груди и направляя ее къ залѣ, „я могу васъ видѣть только здѣсь!“

Затѣмъ слѣдовала принцесса Елизавета съ королевской принцессой. Клеры заперъ за ними дверь. Король съ нѣжностью заставилъ королеву сѣсть на кресло съ правой стороны отъ себя, а сестру на другое кресло по лѣвую руку; самъ онъ сѣлъ между ними. Кресла были поставлены такъ близко, что обѣ принцессы, наклонившись, обвили плечи короля руками и склонили головы къ нему на грудь. Королевская принцесса, наклонивъ голову и спустивъ волосы по колѣнямъ отца, какъ-бы распростерлась на немъ. Дофинъ сидѣлъ на одномъ изъ колѣнъ короля, обвивъ одной рукой его шею. Эти пять человѣкъ размѣстившіеся такъ по указанію инстинкта взаимной нѣжности и судорожно сжимавшіе другъ друга въ объятіяхъ, представляли собою одну нераздѣльную группу головъ, рукъ, трепещущихъ членовъ, содрагавшихся отъ горести и ласкъ; изъ этой группы исходили сдержанный лепетъ, глухой ропотъ и раздражающіе вопли; отчаяніе этихъ пяти душъ, соединенныхъ въ одну, должно было здѣсь вполне разразиться и тутъ же замереть въ одномъ, долгомъ объятіи.

Въ продолженіе болѣе получаса ни одно слово не могло вырваться у несчастныхъ. Тутъ былъ лишь одинъ непрерывный вопль, гдѣ голоса отца, женщинъ, дѣтей терялись въ общемъ стоѣ, — замирали, откликались другъ другу, взаимно вызывались новыми воплями, безпрерывно повторяемыми; по-временамъ, все это сливалось въ одинъ раздрающій вопль, который проходилъ чрезъ двери, окна, стѣны башни и даже былъ слышенъ изъ сосѣднихъ домовъ. Наконецъ, истощеніе силъ заставило притихнуть эти порывы жгучей горести. Слезы высохли на глазахъ; головы приблизились къ головѣ короля, какъ-бы для того, чтобы слиться съ его душою, и тихій разговоръ, прерываемый отъ времени до времени поцѣлуями и рукопожатіями, продолжался въ теченіи двухъ часовъ, которые превратились въ одно долгое объятіе. Никто посторонній не слышалъ этихъ сердечныхъ изліяній умирающаго къ остающимся въ живыхъ. Сказанныя слова угасли вмѣстѣ съ сердцами, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ могилахъ или въ темницахъ. Одна только королевская принцесса сохранила слѣды этой бесѣды въ своей памяти и впослѣдствіи сообщила нѣчто изъ послѣдняго разговора. Взаимный разговоръ о своихъ мысляхъ со времени разлуки, повторяемые приказанія принести въ жертву Богу всякое мнѣніе, если-бы когда нибудь превратности судьбы предали враговъ въ руки страдальцевъ, порывы души Людовика XVI къ небу; внезапное умиленіе и возвращеніе къ земному, при видѣ милыхъ сердцу, объятія которыхъ, казалось, призывали его на землю и хотѣли на ней удержать; неопредѣленная надежда, преувеличенная благодушію ложью, съ цѣлю утѣрить горестъ королевы; самоотверженіе предъ Богомъ; высокое желаніе, чтобы жизнь осужденнаго не стоила и капли крови его народу; наставленія сыну, болѣе христіанскія, чѣмъ королевскія; все это прерываемое поцѣлуями, слезами, объятіями, общими молитвами, — особыми, еще болѣе нѣжными и интимными прощаніями, какія шептались на ухо одной только королевѣ, — вотъ что наполнило два часа, въ которые продолжался этотъ похоронный разговоръ. Извнѣ слышался только нѣжный, несвязный лепетъ. Комиссары отъ времени до времени бросали мимоветный взглядъ сквозь стеклянную дверь, какъ бы предупреждая короля, что время истекаетъ.

Когда сердца были переполнены нѣжностью, глаза утомлены слезами, губы устали говорить, — король всталъ и соединилъ всю свою семью въ одномъ продолжительномъ объятіи. Королева бросилась къ ногамъ мужа и заклинала его позволить имъ остаться подлѣ него всю эту роковую ночь. Онъ отказалъ въ такой просьбѣ изъ любви къ дорогимъ существамъ, которыя только терзались бы лишними минутами нѣжности. Онъ выставилъ предлогомъ къ такому отказу необходимость дать себѣ нѣсколько часовъ спокойствія, чтобы собрать на-завтра всѣ свои силы. Но на слѣдующій день король общалъ семьъ призвать ее въ восемь часовъ. „Отчего не въ семь?“ сказала королева. „Ну хорошо, въ семь часовъ“, отвѣчалъ король. — „Вы общаете намъ это?“ вскричали всѣ. „Общаю“, повторилъ король. Королева, проходя по передней, обняла руками шею мужа; королевская принцесса обхватила отца въ своихъ объятіяхъ; принцесса Елизавета обнимала брата съ той же стороны; дофинъ, поддерживаемый за

одну руку королевой, за другую королемъ, скользиль у ногъ отца, поднявъ къ нему глаза и все лицо. По мѣрѣ того, какъ плѣнники подходили къ двери, которая вела на лѣстницу, рыданія ихъ удвоивались. Они вырывались изъ объятій другъ друга и опять туда падали, изнемогая подъ бременемъ отчаянія и любви. Наконецъ, король бросился назадъ и, протягивая руки къ королевѣ, вскричалъ ей: „прощай... прощай!..“ Въ его движеніи, взорѣ, звукѣ голоса въ одно и то же время звучали и прошлая нѣжность, и терзанія настоящей минуты, и вѣчность будущей разлуки, но тутъ же слышался и нѣкоторый отбѣнокъ ясности, надежды и религіозной радости, который, казалось, предназначалъ для соединенія этой семьи неопредѣленное, но полное упованія свиданіе въ будущей жизни.

При этомъ послѣднемъ прощаньи, молодая принцесса выскользнула, безъ чувствъ, изъ объятій принцессы Елисаветы и упала безъ движенія къ ногамъ короля. Тетка, королева, Клері бросились поднимать ее и поддерживали принцессу по пути къ лѣстницѣ. Во время такого движенія король вырвался, закрылъ глаза руками, и повернувшись съ порога своей полуоткрытой комнаты, крикнулъ въ послѣдній разъ: „Прощайте!“ Голосъ его порвался подъ душевными муками. Дверь затворилась. Король бросился въ башенку, гдѣ ждалъ его духовникъ. Агонія монархіи кончилась.

17.

Король отъ изнуренія упалъ на стулъ и долго былъ не въ состояніи говорить. „О, мой отецъ“, сказалъ онъ аббату Эджворту, „какое свиданіе я сейчасъ перенесъ! Зачѣмъ я такъ люблю!“ Увы, прибавилъ онъ послѣ короткой паузы, „и зачѣмъ меня такъ любятъ!... Но теперь съ временнымъ міромъ кончено“, продолжалъ король болѣе мужественнымъ голосомъ, — „займемся вѣчностью“. Въ эту минуту вошелъ Клері и умолялъ короля принять сколько-нибудь пищи. Король сначала отказался, потомъ, припомнивъ, что силы ему будутъ нужны даже для того, чтобы энергически выдержать приготовления и видѣ казни, рѣшился что-нибудь съѣсть. Обѣдъ продолжался не болѣе пяти минутъ. Король, оставаясь на ногахъ, взялъ только нѣсколько хлѣба и вина, какъ путникъ, который не садится въ дорогѣ. Священникъ, который зналъ вѣру Людовика XVI въ святыя таинства христіанской религіи и хотѣлъ дать ему послѣднюю радость своимъ присутствіемъ въ его тюрьмѣ, спросилъ короля, не будетъ ли для него утѣшеніемъ отелушать божественную службу завтра утромъ до разсвѣта и причаститься изъ его руки Св. Тайнъ. Король, лишенный съ давняго времени возможности присутствовать при священнослуженіи, — что составляло благочестивый обычай прежнихъ королей его фамиліи, — былъ пораженъ удивленіемъ и радостью при этой мысли. Осужденному казалось, что самъ распятый на Голгофѣ Спаситель поѣщаетъ его въ темницѣ въ послѣдній часъ, какъ другъ, который приходитъ навстрѣчу друга. Впрочемъ, король не надѣялся получить эту милость отъ жестокости и безвѣрія комисаровъ коммуны.

Священникъ, ободренный знаками уваженія, выраженными къ его порученію со стороны Гара, питалъ болѣе довѣрія. Онъ сошелъ въ залу совѣта и по-

просить разрѣшенія совершить божественную службу въ комнатѣ короля и добыть необходимые для того предметы. Нужны были—просфора, вино, священныя книги, чаша и священное облаченіе. Комиссары, въ нерѣшимости, боясь, съ одной стороны, отказать въ высшемъ утѣшеніи на послѣдній часъ умирающему,—съ другой стороны, боясь навлечь на себя обвиненіе въ фанатизмѣ, если позволять совершать на своихъ глазахъ обряды отвергаемаго культа, долго совѣщались въ полголоса. „Кто намъ поручится“, сказалъ одинъ изъ этихъ людей священнику, „что вы не отравите осужденнаго въ самомъ причастіи, развѣ въ первый разъ короли отравляются такимъ образомъ?“ Духовникъ отнялъ всякій предлогъ къ подозрѣнію, попросивъ самихъ муниципаловъ доставить вино, просфоры, сосуды и священныя принадлежности. Онъ явился объявить королю такую радость.

18.

Король встрѣтилъ это послѣднее утѣшеніе какъ первый лучъ безсмертія. Онъ углубился въ себя, упалъ на колѣни, припомнилъ предъ Богомъ поступки, мысли, намѣренія цѣлой своей жизни; онъ принялъ при жизни, не предъ потомствомъ, не предъ людьми, но предъ лицомъ Бога, свой послѣдній судъ. Такой обзоръ совѣсти, такое самоосужденіе продолжались долго среди ночи. Судъ Божій, всегда соединенный съ прощеніемъ, не есть судъ людей. Король всталъ, сознавая себя если не невиннымъ, то, по крайней мѣрѣ, оправданнымъ. Священникъ, который въ христіанской исповѣди налагаетъ, по своему усмотрѣнію, кару за ошибки, поставилъ кающагося, въ искупленіе грѣховъ ту смертную кару, которая предстояла королю; кровь его должна была сдѣлаться жертвой, чтобы омыть тронъ отъ всѣхъ грѣховъ его фамиліи. Духовникъ обѣщалъ королю допустить его на слѣдующій день въ знакъ примиренія и надежды, и къ св. причастію. Чувство душевнаго обновленія, ощущаемое христіаниномъ послѣ исповѣди, успокоило короля. Внимательное изслѣдованіе слабостей своей жизни отвлекло мысли короля отъ настоящей минуты. Царствованіе Людовика XVI было болѣе безукоризненнымъ въ его совѣсти, чѣмъ въ исторіи. Даже въ сдѣланныхъ ошибкахъ онъ находилъ добрыя намѣренія. Чувствуя себя чистымъ предъ Богомъ, король считалъ себя невиннымъ предъ людьми. Онъ долженъ былъ вѣрить въ оправданіе предъ потомствомъ, какъ и въ оправданіе предъ Богомъ.

19.

Ночь на половину прошла. Осужденный легъ и заснулъ такимъ неожиданно мирнымъ сномъ, какъ будто бы для него за этою ночью долженъ былъ слѣдовать еще день. Священникъ провелъ ночныя часы въ молитвѣ, въ комнатѣ Клері, отдѣленной отъ комнаты короля досчатой перегородкой. Оттуда слышно было ровное и тихое дыханіе заснуваго короля, которое показывало глубину его покоя и правильность движеній его сердца, подобно движеніямъ стѣнныхъ часовъ, которые, однакожъ, скоро остановятъ. Въ пять часовъ нужно было разбудить короля. „Развѣ пять часовъ пробило?“ сказалъ онъ Клері. „На башенныхъ часахъ нѣтъ еще“, отвѣчалъ Клері, „но пробило уже на нѣ-

скольких городских колокольнях“. „Я хорошо спал“, сказал король, „мнѣ это было нужно, вчерашній день меня утомил“. Клері зажегъ огонь и помогъ своему господину одѣться. Среди комнаты онъ приготовилъ алтарь. Священникъ тутъ совершилъ божественную службу. Король, стоя на колѣняхъ, съ молитвенникомъ въ рукахъ, казалось, соединялъ свою душу и съ внутреннимъ значеніемъ и со всѣми словами этой церемоніи, въ которой священникъ воспоминаетъ послѣднюю вечерю, томленія, смерть и воскресеніе Христа. Король почувствовалъ себя укрѣпленнымъ противъ смерти, принявъ въ себя божественнаго заложника другой жизни. Послѣ обѣдни, пока священникъ разоблачался, король одинъ прошелъ въ свою башенку для размышленія. Клері вошелъ туда, чтобы испросить на колѣняхъ его благословеніе. Людовикъ XVI обнялъ Клері, поручивъ передать отъ своего имени привѣтъ всѣмъ, которые къ нему выказывали привязанность, и въ особенности—тѣмъ изъ своихъ стражей, которые, подобно Тюржи, имѣли состраданіе къ его неволѣ и умиротворяли ея строгости; потомъ, увлекши Клері въ амбразуру окна, король тайкомъ передалъ ему печать, которую отдѣлилъ отъ своихъ часовъ, небольшой пакетъ, который вынулъ со своей груди и брачное кольцо, которое снялъ съ пальца. „Послѣ моей смерти“, сказалъ король, „вы передадите эту печать моему сыну, а это кольцо королевѣ. Скажите ей, что мнѣ тяжело разстаться съ нимъ, но я это дѣлаю для того, чтобы оно не было осквернено вмѣстѣ съ моимъ тѣломъ!... Вы ей передадите также этотъ маленькій пакетъ съ волосами всего моего семейства. Скажите королевѣ, моимъ милымъ дѣтямъ, моей сестрѣ, что хотя я и общалъ видѣть всѣхъ ихъ сегодня утромъ, но счелъ за лучшее избавить ихъ отъ пытки повторенія столь жестокой разлуки. Чего мнѣ стоитъ отправляться на смерть, не заключивъ ихъ еще разъ въ объятія!...“ Рыданія прервали его слова. „Поручаю вамъ“, прибавилъ онъ съ нѣжностью, которая захватывала слова въ его голосѣ, „передать имъ мое прощанье!...“ Клері удалился, заливаясь слезами.

Спустя минуту, король вышелъ изъ своего кабинета и спросилъ ножницы, чтобы слуга отрѣзалъ ему волосы,—единственное наслѣдство, какое осужденный могъ оставить своей семьѣ. Въ этой милости ему было отказано. Клері просилъ у муниципаловъ позволенія сопровождать своего господина и раздѣвать его на эшафотѣ, чтобы рука преданнаго слуги замѣнила въ этомъ послѣднемъ служеніи позорную руку палача“. „Хорошъ для него и палачъ“, отвѣчалъ одинъ изъ комиссаровъ. Король удалился снова.

20.

Духовникъ, войдя въ башенку, увидѣлъ, что король грѣтся у печки и, одушевленный какою-то печальною радостью, размышляетъ, что наступилъ, наконецъ, предѣлъ его несчастій. „Боже мой!“ вскричалъ король, „какъ я счастливъ, что сохранилъ на тронѣ вѣру! Гдѣ бы я былъ теперь безъ этого утѣшенія! Да, существуетъ на небесахъ справедливый Судья, который окажетъ мнѣ правосудіе, въ которомъ здѣсь отказываютъ люди!“

Лучи дня стали проникать въ башню сквозь желѣзные засовы и доски, заграждавшіе доступъ свѣта. Отчетливо слышны были гулъ барабановъ, которые

во всѣхъ кварталахъ били призывъ гражданъ подъ ружье, топотъ жандармскихъ лошадей и стукъ колесъ пушекъ и фуръ, перевозимыхъ съ мѣста на мѣсто во дворахъ Тампля. Король равнодушно слушалъ этотъ шумъ и объяснялъ его своему духовнику. „Это, вѣроятно, національная гвардія, которую начинаютъ собирать“, сказалъ онъ при первомъ боѣ. Нѣсколько минутъ спустя, слышно было, какъ по мостовой, у подножія башни, застучали подковы лошадей многочисленной кавалеріи, послышались голоса офицеровъ, которые устанавливали свои эскадроны въ боевой порядокъ. „Вотъ они приближаются“, сказалъ онъ, прерывая и потомъ опять возобновляя разговоръ. Король не обнаруживалъ ни нетерпѣнія, ни боязни, какъ человѣкъ, который первымъ прибылъ на свиданіе и давно ждетъ. Онъ ждалъ долго. Въ теченіе двухъ часовъ, все приходило и стучалось, одинъ за другимъ, въ дверь его кабинета подъ различными предлогами. Каждый разъ духовникъ думалъ, что это уже роковой призывъ. Король, не смущаясь, поднимался съ мѣста, отпиралъ дверь, отвѣчалъ и опять садился. Въ девять часовъ, по лѣстницѣ раздался стукъ шаговъ вооруженныхъ людей; двери съ шумомъ отворились: показался Сантерръ, въ сопровожденіи 12 муниципаловъ и во главѣ 10 жандармовъ, которыхъ онъ выстроилъ въ комнатѣ двумя рядами. Заслышавъ этотъ шумъ, король пріотворилъ дверь своего кабинета: „вы пришли за мною“, сказалъ онъ Сантерру твердымъ голосомъ и съ повелительнымъ видомъ, „я сейчасъ выйду къ вамъ; подождите меня тамъ!“ Онъ указалъ на порогъ своей комнаты, опять заперъ дверь и преклонилъ колѣни предъ священникомъ. „Все кончено, отецъ мой!“ сказалъ онъ ему; „дайте мнѣ послѣднее благословеніе и молитѣ Бога, чтобы онъ поддержалъ меня до конца“. Потомъ онъ всталъ, отворилъ дверь и вышелъ съ яснымъ лицомъ, съ величіемъ смерти въ движеніяхъ и на челѣ, между двумя рядами жандармовъ. Въ рукахъ король держалъ сложенную бумагу: это было его завѣщаніе. Онъ обратился къ муниципалу, который находился прямо передъ нимъ: „прошу васъ“, сказалъ Людовикъ XVI, „передать эту бумагу королевѣ!“ Движеніе изумленія, выразившееся при этомъ словѣ на лицахъ республиканцевъ, напомнило королю, что онъ ошибся въ выраженіи... „моей женѣ“, сказалъ онъ, оправясь. Муниципаль отступилъ назадъ: „Это меня вовсе не касается“, отвѣчалъ онъ грубо, „я здѣсь только для того, чтобы отвести васъ на эшафотъ“. Этотъ муниципаль былъ Жакъ Ру, бывшій священникъ, который, сложивъ съ себя санъ, вмѣстѣ съ нимъ изгналъ изъ своего сердца и всякое милосердіе. „Это правда“, тихо вымолвилъ король, видимо опечаленный. Потомъ, оглянувъ лица окружающихъ, онъ обернулся къ одному изъ нихъ, болѣе кроткое выраженіе котораго обнаруживало меньшую душевную жесткость; король приблизился къ этому муниципалу, по имени Гобо. „Передайте, пожалуйста, моей женѣ эту бумагу, вы можете прочесть ее; тутъ есть распоряженія, которыя коммуна должна знать“. Муниципаль, съ согласія своихъ товарищей, принялъ завѣщаніе.

Клери, который боялся, подобно камердинеру Карла I, чтобы его господинъ трепещущій отъ холода, не показался дрожащимъ предъ эшафотомъ, подалъ королю свой плащъ. „Мнѣ нѣтъ въ немъ нужды“, сказалъ король, „дайте мнѣ только мою шляпу“. Взявъ шляпу, онъ схватилъ руку своего вѣрнаго слуги

и сильно сжать ее, въ знакъ нѣжности и прощанія; потомъ, повернувшись къ Сантерру и смотря ему прямо въ лицо, съ рѣшительнымъ видомъ, король сказалъ повелительнымъ тономъ: „идемъ!“

Сантерръ и его отрядъ,—можно было сказать,—сопровождали осужденнаго, а не вели его подъ стражей. Король твердымъ шагомъ сошелъ съ лѣстницы башни; въ нижнихъ сѣняхъ онъ встрѣтилъ привратника башни, по имени Матеи, который наканунѣ выказалъ ему недостатокъ уваженія и котораго король тогда съ раздраженіемъ упрекалъ за наглость,—теперь король подошелъ къ нему: „Матеи“, сказалъ онъ ему съ искреннимъ движеніемъ, „вчера я былъ нѣсколько раздраженъ противъ васъ; простите мнѣ для такой минуты“. Матеи, вмѣсто отвѣта, отвернулся и удалился, какъ будто-бы прикосновеніе умирающаго было заразительно.

Проходя пѣшкомъ первый дворъ, король два раза обернулся къ башнѣ и поднять къ окнамъ королевы взоръ, въ которомъ вся его душа, казалось, посылала нѣмое прощаніе тому, что оставалось дорогого для него въ тюрьмѣ.

При входѣ во второй дворъ, короля ожидалъ экипажъ; у дверей стояли два жандарма; одинъ изъ нихъ вззошелъ первымъ и сѣлъ на передокъ; потомъ вззошелъ король и посадилъ духовника по лѣвую руку отъ себя; второй жандармъ вззошелъ послѣднимъ и заперъ дверцу. Карета покатила.

60 барабановъ били маршъ подлѣ лошадей. Подвижная армія, состоявшая изъ національных гвардейцевъ, изъ федератовъ, изъ линейныхъ войскъ, кавалеріи, жандармовъ и артиллерійскихъ батарей, шла спереди, сзади, по бокамъ экипажа. Цѣлый Парижъ былъ запертъ въ своихъ домахъ. Приказомъ коммуны было запрещено каждому гражданину, не принадлежавшему къ вооруженной милиціи, проходить по улицамъ, которыя выходили на бульвары, или показываться въ окнахъ, на пути процессіи. Даже рынки были пусты. Пасмурное, туманное небо только на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ позволяло различать лѣсъ пикъ и штыковъ, расположенныхъ неподвижными рядами, отъ Бастильской площади до подлѣжія эшафота на площади Революціи. На нѣкоторыхъ промежуткахъ, эта двойная стальная стѣна была подкрѣплена отрядами пѣхоты, взятыми изъ лагеря подлѣ Парижемъ, съ ранцами на спинахъ и съ заряженными ружьями, какъ въ день сраженія. Пушки на прицѣлѣ, заряженные картечью, дымящіеся фитили, охраняли линію процессіи противъ главныхъ выходовъ улицъ. Молчаніе было глубокое, какъ и ужасъ, господствовавшій въ городѣ. Никто не высказывалъ своей мысли сосѣду. Физиономіи оставались безстрастными даже подлѣ взглядомъ донощиковъ; что-то машинальное замѣчалось въ лицахъ, въ движеніяхъ, во взглядахъ этой толпы. Можно было бы сказать, что Парижъ отказался отъ своего обычнаго настроенія для того, чтобы трепетать и повиноваться. Короля, который сидѣлъ въ глубинѣ экипажа и былъ прикрытъ штыками и обнаженными саблями конвоя, едва можно было замѣтить. На немъ были надѣты коричневый сюртукъ, черные шелковые штаны, жилетъ и бѣлые чулки. Волосы были забраны подлѣ шляпу. Громъ барабановъ, пушекъ, топотъ лошадей и присутствіе жандармовъ въ экипажѣ—мѣшали ему разговаривать съ духовникомъ. Король попросилъ у аббата Эджворта молитвенникъ и искалъ тамъ псалмовъ, стenanія и надежды которыхъ соответствовали его соб-

ственному положенію. Эти священные пѣснопѣнія, которыя произносились гудами осужденнаго и воспринимались его душой, скрыли, такимъ образомъ, отъ короля шумъ и видъ народа, во все время переѣзда отъ тюрьмы до мѣста смерти. Священникъ молился подлѣ него. Жандармы, помѣщавшіеся прямо противъ короля, носили на лицахъ отпечатокъ удивленія и уваженія, какія внушало имъ благочестивое самоуглубленіе короля. Нѣсколько криковъ сожалѣнія послышалось, при выѣздѣ экипажа, въ толпѣ, собравшейся при входѣ въ улицу Тамплъ. Эти крики замерли безъ отголоска въ шумѣ и народномъ смятеніи. Изъ толпы не вырвалось ни одной обиды, ни одного проклятія. Если бы у каждаго изъ 200,000 гражданъ, которые были дѣйствующими лицами или зрителями этихъ похоронъ живого человѣка, спросить: „нужно ли, чтобы этотъ человѣкъ умеръ одинъ за всѣхъ?“ никто, вѣроятно, не сказалъ бы—да. Но, силою несчастія и суровости эпохи, обстоятельства сложились такъ, что всѣ, не колеблясь, выполняли то, чего не хотѣли, быть можетъ, выполнить никто, взятый отдѣльно. Эта толпа, силою взаимнаго давленія, какое оказывала сама на себя, препятствовала себѣ уступить предъ умиленіемъ и ужасомъ къ смерти; она была подобна каменному своду, въ которомъ каждый камень, взятый отдѣльно, могъ бы податься и упасть, а всѣ вмѣстѣ остаются неподвижными, влѣдствіе сопротивленія, какое оказывается крѣпкимъ сплоченіемъ ихъ паденію.

21.

При сліянніи многолудныхъ улицъ, которыя примыкаютъ къ бульвару между воротами Сень-Дени и Сень-Мартенъ,—въ этомъ мѣстѣ дорога расширяется, а крутая покатость замедляетъ бѣгъ лошадей,—внезапное волненіе на минуту остановило процессію. Семь или восемь молодыхъ людей, выйдя массою изъ улицы Борегаръ, разсѣкли толпу, разорвали ряды и бросились къ экипажу съ саблями въ рукахъ, съ крикомъ: „сюда, кто хочетъ спасти короля!“ Въ числѣ этихъ людей были баронъ де-Батцъ, авантюристъ заговоровъ, и его секретарь Деву. 3,000 молодыхъ людей, тайно завербованные и вооруженные для такой попытки, должны были отвѣчать на этотъ сигналъ и попытаться потомъ произвести возстаніе въ Парижѣ, при поддержкѣ Дюмурье. Спрятанные до тѣхъ поръ въ Парижѣ, эти неустрашимые заговорщики теперь увидѣли, что никто за ними не слѣдуетъ, однакожъ все-таки, пользуясь изумленіемъ и смятеніемъ, проложили себѣ путь чрезъ ряды національной гвардіи и затѣмъ потерялись въ сосѣднихъ улицахъ. Отрядъ жандармовъ преслѣдовалъ ихъ и захватилъ нѣсколько человѣкъ, которые заплатились жизнью за свою попытку.

Процессія, остановившаяся на минуту, продолжала путь среди безмолвія неподвижнаго народа, до выхода изъ Королевской улицы на площадь Революціи. Тамъ, лучъ зимняго солнца, пробившись сквозь туманъ, освѣтилъ площадь, покрытую сотнею тысячъ человѣкъ; полки парижскаго гарнизона составляли каре вокругъ эшафота, палачи ожидали жертву, а орудіе казни высилось среди толпы своими толстыми досками и столбами, окрашенными краснымъ цвѣтомъ крови.

Это была гильотина. Эта машина, изобрѣтенная въ Италіи и ввезенная во Францію благодаря челоѣколюбію извѣстнаго медика учредительнаго собранія,

по имени Гильотена, служила замѣною жестокихъ и позорныхъ орудіямъ казни, которая революція хотѣла уничтожить. По мысли законодателей учредительнаго собранія, гильотина имѣла еще и то преимущество, что тутъ кровь человѣка проливалась не руками другого человѣка, ударъ котораго могъ быть худо направленъ, но безжизненнымъ инструментомъ,—безчувственнымъ, какъ дерево, и безошибочнымъ, какъ желѣзо. По знаку палача, топоръ падалъ самъ собою. Этотъ топоръ, тяжесть котораго увеличивалась во сто разъ грузами, привязанными подъ эшафотомъ, скользилъ по двумъ жолобамъ, по направленію горизонтально-перпендикулярному, какъ пила, и отдѣлялъ голову отъ туловища силою тяжести, приобретаемой при паденіи, съ быстротою молніи. Въ ощущеніи смерти уничтожались всякая боль и медлительность. Въ этотъ день гильотина была воздвигнута среди площади Революціи, предъ большой аллеей Тюльерійскаго сада, какъ бы въ насмѣшку, противъ самаго фасада королевскаго дворца, недалеко отъ того мѣста, гдѣ фонтанъ, ближайшій къ Сенѣ, омываетъ мостовую.

Съ самаго разсвѣта, проходы къ эшафоту, мостъ Людовика XVI, террасы Тюльери, набережная рѣки, кровли домовъ Королевской улицы, обнаженные вѣтви деревьевъ Елисейскихъ Полей были загромождены безчисленной толпой, которая ожидала событія, среди волненія, шума и жужжанія людскаго улья; эта толпа какъ бы не вѣрила казни короля, пока не увидѣла ее своими глазами. Непосредственные доступы къ эшафоту были заняты, благодаря позволенію коммуны и снисхожденію начальниковъ войскъ, людьми крови изъ числа кордельеровъ, якобинцевъ и сентябрскихъ героевъ, неспособныхъ ни къ колебанію, ни къ жалости. Расположившись сами вокругъ эшафота, въ качествѣ свидѣтелей со стороны республики, они хотѣли, чтобы казнь, совершившись, получила рукоплесканія.

При приближеніи экипажа короля, всю толпу и даже этихъ людей охватила, однакожь, торжественная неподвижность. Экипажъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ эшафота. Переѣздъ продолжался два часа.

22.

Король, замѣтивъ, что экипажъ пересталъ двигаться, поднялъ глаза, которые держалъ устремленными на книгу, и, какъ человѣкъ, который прерываетъ чтеніе на минуту, наклонился къ уху духовника и сказалъ ему тихо, вопросительнымъ тономъ: „Мы, кажется, пріѣхали?“ Священникъ отвѣчалъ ему только молчаливымъ, утвердительнымъ знакомъ. Одинъ изъ трехъ братьевъ Сансонъ, парижскихъ палачей, отворилъ дверцу. Жандармы спустились. Но король, запирая дверцу и положивъ правую руку на колѣно духовника, сказалъ, съ покровительственнымъ видомъ, обращаясь къ властямъ и къ палачамъ, къ жандармамъ и къ офицерамъ, тѣснившимся около колесъ: „господа, поручаю вамъ этого старца! Постарайтесь, чтобы послѣ моей смерти ему не было сдѣлано никакого оскорбленія. Возлагаю на васъ позаботиться о томъ“. Никто не отвѣчалъ. Король хотѣлъ повторить, съ большимъ удареніемъ, эти слова палачамъ. Но одинъ изъ нихъ прервалъ его: „Да, да“, сказалъ онъ съ зловѣщимъ выраженіемъ, „будь спокоенъ, мы о немъ позаботимся, предоставь ужъ это намъ“. Людовикъ вы-

шелъ изъ кареты. Трое помощниковъ палача окружили его и хотѣли раздѣть у подножія эшафота. Король величественно оттолкнулъ ихъ, самъ снялъ свой сюртукъ, галстукъ и спустилъ рубашку до пояса. Тогда палачи снова бросились на осужденнаго. „Что вы хотите дѣлать?“ прошепталъ онъ съ негодованіемъ. „Связать васъ“, отвѣчали они и уже держали его за руки, чтобы скрутить ихъ веревками. „Связать меня!“ возразилъ король такимъ тономъ, въ которомъ звучала вся честь его рода, возмущенная подобнымъ позоромъ... „Нѣтъ, нѣтъ! Я никогда не соглашусь на это! Дѣлайте свое дѣло, но меня вы никогда не свяжете, оставьте это!“ Палачи настаивали, возвышали голосъ, призывали на помощь, поднимали руку, готовились къ насилію. Рукопашная схватка готова была осквернить жертву у подножія эшафота. Король, изъ уваженія къ достоинству смерти и къ спокойствію своей послѣдней мысли, взглянулъ на священника, какъ-бы спрашивая у него совѣта. „Государь“, сказалъ духовный наставникъ, „перенесите безропотно это новое оскорбленіе, какъ послѣднюю черту сходства между вами и распятымъ Христомъ, который будетъ вашею наградою“. Король поднялъ глаза къ небу съ такимъ взоромъ, въ которомъ виднѣлись покорность и безмолвный упрекъ. „Дѣйствительно“, сказалъ онъ, „нуженъ примѣръ Бога, чтобы подчиниться подобному оскорбленію!“ Потомъ, обернувшись и самъ протягивая руки къ палачамъ, онъ сказалъ: „Дѣлайте, что хотите, я выпью чашу до дна!“

Поддерживаемый подъ руку священникомъ, осужденный взомель по высокимъ, скользкимъ ступенькамъ эшафота. Тяжело двигавшійся корпусъ короля, повидимому, показывалъ упадокъ его душевной силы; но, достигнувъ послѣдней ступеньки, онъ быстро отошелъ отъ духовника, прошелъ твердымъ шагомъ всю ширину эшафота,—взглянулъ, мимоходомъ, на машину и топоръ, и, вдругъ обернувшись налѣво, прямо противъ своего дворца, на той сторонѣ, гдѣ наибольшая масса народа могла его видѣть и слышать, сдѣлалъ барабанамъ знакъ молчанія. Барабаны машинально повиновались.

„Народъ!“ сказалъ Людовикъ XVI голосомъ, который звучно раздался среди безмолвія и былъ отчетливо слышенъ на другомъ концѣ площади, „народъ! я умираю невиннымъ во всѣхъ тѣхъ преступленіяхъ, какія на меня взводятъ! Я прощаю виновникамъ моей смерти и молю Бога, чтобы кровь, которую вы проливаете, не пала когда-нибудь на Францію...“ Онъ хотѣлъ продолжать; трепетъ охватилъ толпу. Начальникъ штаба войскъ изъ лагеря подъ Парижемъ, графъ де-Вогранше-д'Айа, приказалъ барабанамъ бить. Сильный и продолжительный грохотъ заглушилъ и голосъ короля и ропотъ толпы. Осужденный самъ, медленными шагами, возвратился къ гильотинѣ и отдался палачамъ. Въ ту минуту, когда его привязывали къ доскѣ, онъ бросилъ еще взглядъ на священника, который молился на колѣняхъ на краю эшафота. Людовикъ XVI остался вполнѣ человѣкомъ, владѣлъ всѣми чувствами до самой той минуты, когда вручилъ свою душу Богу, принявъ смерть отъ руки палача. Доска опрокинулась, топоръ помчался, голова упала.

Одинъ изъ палачей, взявъ голову казненнаго за волосы, показалъ ее народу и оросилъ кровью края эшафота. Федераты и фанатики-республиканцы взошли на помость, омочили острія своихъ сабель и пикъ въ крови и потря-

сали ими въ воздухѣ съ крикомъ: „да здравствуетъ республика!“ Ужась этого поступка заглушилъ тотъ же крикъ на губахъ народа. Воскличаніе походило скорѣе на громадный стонъ. Пущенные залпы возвѣстили самымъ отдаленнымъ предметамъ, что монархія была казнена вмѣстѣ съ королемъ. Толпа безмолвно разошлась. Останки Людовика XVI свезли въ простой повозкѣ на кладбище Мадлены и въ яму насыпали извести, чтобы кости этой жертвы революціи не сдѣлались впослѣдствіи предметомъ поклоненія роялизма. Улицы опустѣли. Толпы вооруженныхъ федератовъ пробѣжали по парижскимъ кварталамъ, возвѣщая о смерти тирана и распѣвая кровавадный припѣвъ Марсельезы; имъ не откликнулся ни малѣйшій энтузіазмъ: городъ остался нѣмымъ. Народъ не смѣшивалъ казни съ побѣдой. Въ жилища гражданъ, вмѣстѣ со свободой, проникла тревога. Тѣло короля еще не успѣло охолодѣть на эшафотѣ, а народъ уже усумнился въ совершенномъ поступкѣ и, съ тревогою, близкою къ угрызенію совѣсти, спрашивалъ себя: была ли пролитая кровь пятномъ на славѣ Франціи или печатью свободы. Даже совѣсть республиканцевъ смутилась предъ этимъ эшафотомъ. Смерть короля оставляла націю проблему, которую нужно было разобрать.

23.

Съ того дня протекло 53 года *); эта проблема все еще волнуетъ чело-вѣческую совѣсть и раздѣляетъ самую исторію на двѣ партіи, характеризуемыя словами—преступленіе и стоицизмъ; смотря по точкѣ зрѣнія, на которую становятся для разсмотрѣнія этой казни, она составляетъ или отцеубійство, въ глазахъ однихъ, или, въ глазахъ другихъ, составляетъ правосудіе, которое свобода геройски воздала самой себѣ,—актъ политическій, который кровью короля записалъ права народа,—который долженъ былъ сдѣлать монархію и Францію навсегда непримиримыми и который, не оставляя для скомпрометированной Франціи другого исхода, кромѣ мненія деспотовъ или побѣды надъ ними, осуждалъ націю на побѣду самую громадностью проступка и невозможностью прощенія.

Что касается до насъ, которые обязаны справедливостію и состраданіемъ предъ жертвою, но обязаны также справедливостію и къ судьямъ, то, въ заключеніе этого печальнаго разсказа, спросимъ себя: что нужно обвинить, что нужно оправдать въ королѣ, въ его судьяхъ, въ націи или въ судьбѣ? И если возможно остаться безпристрастнымъ во время умиленія, то поставимъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ, тотъ роковой вопросъ, который заставляетъ колебаться исторію, сомнѣваться правосудіе, трепетать чело-вѣчество:

Имѣла ли право нація, законнымъ, обыкновеннымъ судомъ, судить Людовика XVI? Нѣтъ: чтобы быть судьей, надо быть безпристрастнымъ и безкорыстнымъ, а нація не была ни тѣмъ ни другимъ. Въ этой страшной, но неизбежной борьбѣ, какую подъ именемъ революціи завязали монархія и свобода изъ-за порабоженія или освобожденія гражданъ, Людовикъ XVI олицетворялъ тронъ, нація—свободу. Это не была ихъ ошибка; это была ихъ натура. По-

*) Писано въ 1846 году.

пытки переговоровъ были напрасны; противоположные элементы боролись, не смотря ни на чью отдѣльную волю. Между этими двумя противниками, королемъ и народомъ, изъ которыхъ одинъ, по инстинкту, долженъ былъ хотѣть удержать за собою, другой—вырвать права націи,—не было другого суда, кромѣ борьбы,—другого судьи, кромѣ побѣды. Мы не думаемъ сказать этимъ, что надъ обѣими сторонами не было высшихъ нравственныхъ началъ и дѣйствій, которыя судятъ самую побѣду. Высшее право не гибнетъ никогда среди помраченія законовъ и гибели монархій; но оно не имѣетъ такого суда, предъ который могло бы призвать законно своихъ обвиняемыхъ; это—правосудіе государственное, правосудіе, которое не имѣетъ ни установленныхъ судей, ни писанныхъ законовъ, но произноситъ свои приговоры по совѣсти и своимъ кодексомъ ставитъ правду.

Ни по политическимъ причинамъ, ни по правдѣ, Людовикъ XVI не могъ быть судимъ иначе, какъ посредствомъ государственнаго процесса.

Имѣла ли нація право судить его подобнымъ способомъ? это значить спрашивать, имѣла ли она право сражаться съ нимъ и побѣдить его; другими словами, значить спрашивать, неприкосновененъ ли деспотизмъ, свобода не составляетъ ли мятѣжа, существуетъ ли на землѣ справедливость для кого либо другого, кромѣ королей, существуетъ ли для народовъ другое право, кромѣ права служить и повиноваться! Всякое сомнѣніе въ этомъ составляетъ уже преступленіе по отношенію къ народамъ.

Нація, обладая въ самой себѣ неотчуждаемымъ державнымъ правомъ, которое покоится въ разумѣ, въ правѣ и въ волѣ каждаго изъ гражданъ, составляющихъ въ совокупности народъ, конечно, имѣла правоспособность видоизмѣнить виѣшнюю форму своего державнаго права, нивелировать свою аристократію, лишить правъ церковную іерархію, принизить или даже уничтожить свой тронъ, чтобы управляться самой чрезъ посредство собственныхъ должностныхъ лицъ. Но съ той минуты, какъ нація получила право бороться и освобождаться, она имѣла право и наблюдать за результатами своей побѣды и упрочивать ихъ; если же Людовикъ XVI, король, слишкомъ недавно лишенный всемогущества,—король, для котораго всякое возвращеніе власти народу должно было казаться низложеніемъ,—король мало удовлетворяемый той долей власти, какая ему оставалась,—стремившійся добыть себѣ и другую часть,—допекаемый съ одной стороны узурпаторскимъ собраніемъ, съ другой—безпокойной королевой, униженнымъ дворянствомъ, духовенствомъ, которое примѣшивало Небо къ своему дѣлу,—неумолимой эмиграціей,—своими братьями, обѣгавшими, отъ его имени, цѣлую Европу, въ поискахъ враговъ революціи; если Людовикъ XVI, король, казался націи живымъ заговоромъ противъ ея свободы,—если нація подозрѣвала его въ чрезмѣрномъ сожалѣніи, въ глубинѣ души, о верховной власти, въ умысленномъ распатываніи новой конституціи, съ цѣлью извлечь выгоду изъ ея паденія, завести свободу въ западню, услаждаться анархіей, обезоружить отечество,—подозрѣвала въ тайномъ желаніи ему неудачъ, въ сношеніяхъ съ его врагами, то нація имѣла и право вызвать короля съ престола, заставить снизойти оттуда, призвать предъ національное собраніе и низложить во имя собственной диктатуры или собственного спа-

сенія. Если бы нація не обладала этимъ правомъ, то безнаказанная измѣна народамъ сдѣлалась бы въ новой конституціи одною изъ прерогативъ королей.

24.

Мы видѣли, что никакого письменнаго закона нельзя было примѣнить къ королю, и что такъ какъ его судьи были его же врагами, то судъ надъ королемъ не могъ быть законнымъ судомъ, но лишь великой государственной мѣрой, подкрѣплять побужденія и диктовать приговоръ которой могла только правда. Что говорила правда и какую кару могла она произнести, если побѣдители имѣть право налагать кару на побѣжденнаго?

Людовикъ XVI, лишенный сана, обезоруженный, заточенный, виновный, быть можетъ, по буквѣ, былъ ли преступенъ по духу, если взвѣситъ нравственный и физическій гнетъ его печальнаго положенія? Былъ ли онъ тираномъ? Нѣтъ. Притѣнителемъ народа? Нѣтъ. Соумышленникомъ аристократіи? Нѣтъ. Врагомъ свободы? Нѣтъ. Все его царствованіе, съ самаго вступленія на престолъ, свидѣтельствовало о философскихъ стремленіяхъ его ума и о народныхъ инстинктахъ сердца съ цѣлью предохранить монархію отъ соблазновъ деспотизма, возвести на тронъ законы, требовать отъ націи совѣтовъ,—доставить, чрезъ себя и въ своемъ лицѣ, власть правамъ и интересамъ народа. Государь революціонный, онъ самъ призвалъ революцію къ себѣ на помощь. Онъ хотѣлъ дать ей многое; она хотѣла вырвать у него еще болѣе: отсюда борьба.

Однакожь, со стороны короля не все было политически безупречно въ этой борьбѣ. Несвязность и противорѣчіе мѣръ правительства изобличали въ немъ слабость и часто служили предлогомъ насиліямъ и покушеніямъ народа. Такъ Людовикъ XVI созвалъ генеральные штаты, но не во-время вздумалъ ограничивать право разсужденія, и тогда нравственное возстаніе, подъ видомъ присяги мячеваго зала, вынудило его поступить иначе. Онъ хотѣлъ запугать—учредительное собраніе собраніемъ войскъ въ Версаль, а парижскій народъ взялъ Бастилію и склонилъ къ бѣгству французскую гвардію. Король думалъ удалить мѣстопробываніе національнаго собранія изъ столицы, а парижская чернь пошла на Версаль, взяла дворецъ, перерѣзала стражу, заточила королевскую семью въ Тюльери. Король пытался бѣжать въ среду своей, а быть можетъ и иностранной арміи, а нація вернула его, скованнаго, на тронъ и навязала ему конституцію 91 года. Онъ договаривался съ эмиграціей и королями, ея мстителями, а парижская чернь сдѣлала 20-е іюня. Повинуясь своей совѣсти, король отказался утвердить законы, которые предписывала народная воля, и жирондисты, въ соединеніи съ якобинцами, совершили событія 10 августа. Смотря по духу, въ какомъ изображались эти превратности послѣдняго царствованія, съ самаго начала революціи, было въ чемъ обвинить короля и было за что его пожать. Онъ не былъ ни вполнѣ невиненъ, ни вполнѣ виновенъ: онъ, прежде всего, былъ несчастливъ! Если народъ могъ упрекнуть короля въ слабостяхъ и притворствѣ, то онъ, король, могъ упрекнуть народъ въ жестокихъ насиліяхъ. Дѣйствіе и реакція, ударъ и противоположный ударъ смѣнялись съ той и другой стороны съ такою быстротою, что трудно было

сказать, кто первый нанесъ ударъ. Ошибки были взаимныя, подозрительность обоюдная, опасности равныя. Которая же сторона имѣла право осудить другую и сказать ей вполне справедливо и безпристрастно: „ты умрешь?“ Ни которая: король не болѣе могъ, въ случаѣ побѣды, судить народъ, какъ и народъ не могъ законно судить короля. Подлежащаго суду тутъ никого не было; былъ побѣжденный—вотъ и все. Законный процессъ былъ лицемеріемъ правосудія; одинъ только топоръ представлялъ собою логику. Робеспьеръ такъ и сказалъ. Но топоръ послѣ сраженія, поражающій безоружнаго человѣка, отъ имени его враговъ, чѣмъ онъ называется на всѣхъ языкахъ? Хладнокровнымъ убійствомъ, не имѣющимъ оправданія съ той минуты, какъ въ немъ нѣтъ необходимости,—короче, зарѣзываніемъ.

25.

Низложить Людовика XVI, изгнать его съ національной почвы или удержатъ безсильнымъ для интригъ и для всякаго вреда, вотъ что предписывалось членамъ Конвента благомъ республики, безопасностью революціи. Зарѣзатъ безоружнаго узника значило не что иное, какъ дѣлать уступку гнѣву или уступку страху. Тутъ мщеніе, тамъ трусость, повсюду свирѣпость. Зарѣзатъ побѣжденнаго, спустя пять мѣсяцевъ послѣ побѣды,—хотя бы этотъ побѣжденный былъ преступникъ, хотя бы онъ былъ опасенъ,—это было дѣло безжалостное. Жалость не пустое слово между людьми. Она инстинктивно побуждаетъ силу смягчать ея руку по мѣрѣ слабости и несчастій жертвъ. Это великодушная справедливость человѣческаго сердца,—болѣе дальновидная, въ сущности, и болѣе непогрѣшимая, чѣмъ непоколебимое правосудіе разсудка; потому-то всѣ народы считаютъ состраданіе добродѣтью. Если отсутствіе всякаго состраданія составляетъ преступленіе деспотизма, то почему оно будетъ добродѣтью въ республикахъ? Развѣ пороки и добродѣтели перемѣняютъ названіе, перемѣнивъ партію? Развѣ народы не нуждаются въ великодушій? Только враги народа осмѣлились бы претендовать на это, потому что хотѣли бы его обезчестить. Самая сила народа предписываетъ имѣть болѣе великодушій ему, чѣмъ тиранамъ.

26.

Наконецъ, было ли необходимо убійство короля, какъ мѣра, полезная для общаго блага? Мы спросили бы сначала, было ли это убійство справедливо, такъ какъ ничто, несправедливое само по себѣ, не можетъ быть необходимо для дѣла націй? Право, красота и святость дѣла народовъ достигаются только полною нравственностью ихъ поступковъ. Если они отступаютъ отъ правосудія, то утрачиваютъ народное знамя. Они—не что иное, какъ отпущенники деспотизма, подражающіе всѣмъ порокамъ своихъ господъ. Жизнь или смерть Людовика XVI, низложеннаго или плѣннаго, не равнялась вѣсу даже одного штыка на судебныхъ вѣсахъ республики; кровь его была объявленіемъ войны, болѣе вѣрнымъ, чѣмъ низложеніе. Смерть короля была, разумѣется, болѣе опредѣленнымъ предлогомъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ, чѣмъ плѣнъ, въ дипломатическихъ совѣтахъ враждебныхъ революціи дворовъ. Государь изну-

ренный и лишенный популярности четырехлѣтнею неравною борьбою съ націей,— преданный двадцать разъ на милость народа, безъ всякаго вѣса въ глазахъ солдатъ,—характеръ, боязливость и нерѣшительность котораго такъ часто были испытаны, переходившій отъ униженія къ униженію и постепенно спустившійся съ трона въ тюрьму, Людовикъ XVI былъ единственнымъ принцемъ своей расы, которому невозможно было и думать царствовать. Въ страны, онъ потерялъ вѣсъ вслѣдствіе уступокъ; внутри ея былъ терпѣливымъ и безобиднымъ заложникомъ республики, украшеніемъ ея триумфа, живымъ доказательствомъ ея великодушія. Наоборотъ, его смерть отчуждала отъ французскаго дѣла ту огромную часть населенія, которая судитъ о человѣческихъ событіяхъ только по сердцу. Въ натурѣ человѣка есть нѣчто патетическое; республика забыла это и дала королевскому сану ореолъ мученичества, а свободу выставила мстительницею. Она подготовила, такимъ образомъ, реакцію противъ республиканскаго дѣла. Кто можетъ отрицать, что умиленіе къ участи Людовика XVI и его семейства имѣли большое значеніе въ возвратѣ къ монархіи нѣсколько лѣтъ спустя? Проигранныя дѣла имѣютъ свои возвраты, причины которыхъ надо часто искать только въ крови жертвъ, гусно зарѣзанныхъ противоположной стороной. Общественное чувство, разъ взволнованное неправдою, успокоивается только тогда, когда оно, такъ сказать, получаетъ оправданіе какимъ-нибудь громкимъ и неожиданнымъ удовлетвореніемъ. Кровь Людовика XVI была во всѣхъ трактатахъ, какіе заключались европейскими державами между собою съ цѣлью обвинить и задушить республику; кровь Людовика XVI участвовала въ помазаніи Наполеона, происходившемъ такъ скоро послѣ клятвъ свободѣ; кровь Людовика XVI была въ монархическомъ энтузіазмѣ, который облегчилъ во Франціи реставрацію Бурбоновъ; наконецъ, та же кровь сказала даже въ 1830 г., въ отверженіи имени республики, которое повергло нерѣшительную націю въ объятія другой династіи. Республиканцы должны больше всего оплакивать эту кровь потому, что на ихъ дѣло она безпрерывно падала и даже стояла имъ республики!

27.

Что же касается судей, то въ совѣти отдѣльныхъ лицъ читаетъ только Богъ. Исторія читаетъ лишь въ совѣсти партій; одно отвлеченное намѣреніе не составляетъ преступленія и не даетъ объясненія подобнымъ дѣламъ. Одни подали голосъ въ пользу смерти, вслѣдствіе сильнаго убѣжденія въ необходимости уничтожить живаго представителя монархіи, послѣ отжѣны самой монархіи; другіе дѣлали это въ смыслѣ неустрашимаго вызова европейскимъ королямъ, которые, по мнѣнію людей этой партіи, не сочли бы ихъ настоящими республиканцами, если-бы они не казнили короля; одни хотѣли подать сигналъ и примѣръ поработеннымъ народамъ, чтобы сообщить послѣднимъ смѣлость сломить предрасудокъ относительно королей; другіе дѣйствовали подъ вліяніемъ твердаго убѣжденія въ измѣнахъ Людовика XVI, котораго въ печати и на трибунахъ клубовъ имъ описывали, съ самаго начала революціи, какъ заговорщика; нѣкоторые побуждались нетерпѣніемъ при видѣ угрожавшихъ отечеству опасностей; другіе, какъ напримѣръ, жирондисты, поступали

такъ нехотя и изъ честолюбиваго соперничества въ томъ, кому дать самый несомнѣнный залогъ вѣрности республикѣ; иные—подъ вліяніемъ невольнаго увлеченія, которое уносить слабые умы въ вихрь народныхъ собраній; нѣкоторые изъ-за особаго рода трусости, которая вдругъ овладѣваетъ сердцами и заставляетъ жертвовать жизнью другого, какъ бы своею собственною; наконецъ, наибольшее число подавало мнѣніе въ пользу смерти обдуманно, въ силу стоическаго фанатизма, который не заблуждался ни относительно недостаточности преступленій короля, ни неправильности формъ, ни жестокости кары, ни даже относительно того, что потомство потребуетъ отчета за эту казнь отъ памяти ихъ самихъ; эти люди считали свободу достаточно святою, чтобы ея учрежденіемъ уже было оправдано то, чего не доставало въ ихъ глазахъ для справедливости, считали свободу достаточно неумолимою, чтобы приносить ей въ жертву свое собственное состраданіе.

28.

Всѣ они ошиблись. Между тѣмъ, исторія, даже произнося обвиненіе за казнь Людовика XVI, при видѣ всѣхъ политическихъ послѣдствій, противныхъ справедливости, жестокихъ для чувства и роковыхъ для свободы, не можетъ не замѣтить, что въ созданіи этого эшафота не участвовала никакая отдѣльная, личная сила. Это была лишь сила отчаянія партій, сила безвозвратныхъ рѣшеній. Казнь короля предавала Францію мести троновъ и, путемъ свирѣпости, сообщала республикѣ судорожную силу цѣлой націи,—силу отчаянія. Въ Европѣ эта казнь раздалась громовымъ ударомъ; Франція откликнулась на него съ своей стороны. Переговоры, нерѣшительность, сдѣлки прекратились, и смерть, съ царевубйственнымъ топоромъ въ одной рукѣ и съ трехцвѣтнымъ знаменемъ въ другой, была избрана единственнымъ посредникомъ и единственнымъ судьей между монархіей и республикой, между рабствомъ и свободой, между прошедшимъ и будущимъ европейскихъ націй.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА.

СТР.

- XVII. Реакція противъ 20-го іюня. — Парижское департаментское управленіе пріостанавливаетъ власть Петіона. — Негодованіе арміи. — Лафайетъ пріѣзжаетъ въ Парижъ. — Его рѣчь въ собраніи. — Двучленная роль Дантона. — Дѣйствія Лафайета остаются безъ результата. — Королева разсчитываетъ на Дантона. — Сношенія жирондистовъ съ дворомъ. — Гаде тайно введенъ въ Тюльери. — Его умиленіе. 1
- XVIII. Третье письмо Лафайета къ собранію. — Тревога патріотовъ — Робеспьеръ поодаь отъ движенія. — Предложенія Дантона. — Лафайетъ обвиненъ собраніемъ. — Король утверждаетъ отставку Петіона. — Раздраженіе партій. — Верньо начинаеть говорить. — Нравъ и характеръ Верньо. — Его воспитаніе. — Его личность. — Рѣчь Верньо. — Адресъ якобинцевъ къ федератамъ, редактированный Робеспьеромъ. — Дантонъ вызываетъ новую петицію на Марсовомъ Полѣ. 11
- XIX. Первые возстанія въ Бретани и Виварѣ. — Экзальтація патріотовъ. — Шабо. — Гранжневъ. — Попытка примирить партіи въ собраніи. — Ламуреттъ. — Отставка Петіона ожесточаетъ вражду. — Страхъ королевы при приближеніи дня федерации. — Тревоги королевской семьи. — Надежды королевы. — Король съ семействомъ на Марсовомъ Полѣ. — Убійство. — Деприменіиъ. — Положеніе національной гвардіи. — Барбару и Ребекки — вожди марсельцевъ. — Г-жа Роланъ — душа событія 10-го августа. — Петіонъ сообщникомъ. — Барбару, Дантонъ, Сантерръ во главѣ движенія — Тайныя совѣщанія въ Шарантонѣ. — Пиръ въ Елисейскихъ Поляхъ. — Схватки между марсельцами и роялистами. — Попытки друзей Робеспьера доставить ему диктатуру. 23
- XX. Броженіе умовъ. — Марсельцы и парижская коммуна требуютъ низложенія короля. — Дворъ готовится къ сопротивленію. — Предложеніе о преданіи суду Лафайета отвергнуто. — Конституционные депутаты подвергаются оскорбленіямъ. — Приготовленія инсургентовъ. — Ночь съ 9-го на 10-ое августа. — Набать. — Интимныя сцены у заговорщиковъ. — Душевные мученія королевы и принцессы Елизаветы. — Описаніе Тюльерійскаго замка — Численность войскъ. — Настроеніе ихъ. — Возможность отразить инсургентовъ. 42
- XXI. Мужество королевы и занятое ею положеніе. — Инсurreкціонная коммуна преобразуется въ муниципалитетъ. — Притворный арестъ Петіона. — Убійство Мандата. — Сантерръ замѣняетъ его въ званіи главнокомандующаго національной гвардіи. — Внутренность дворца. — Придворныя дамы королевы. — Герцогиня

де Малье.—Редереръ.—Постоянно возрастающая масса нападающих.—Король дѣлаетъ смотръ войскамъ.—Двойственное настроеніе національной гвардіи.—Дантонъ говоритъ рѣчь марсельцамъ.—Онъ возвращается домой, чтобы выждать событія.

62

XXII. Инсургенты выступаютъ въ походъ.—Вестерманъ беретъ на себя командованіе надъ авангардомъ.—Его распоряженія.—Его прошлое.—Редереръ приглашаетъ короля отправиться въ собраніе.—Король рѣшается на это.—Отъѣздъ.—Переходъ чрезъ садъ.—Наружный видъ собранія.—Слова короля.—Отвѣтъ президента (Верньо).—Король съ семьей въ ложѣ стенографа.—Отвѣтъ королю живописца Давида.—Арестъ Сюло и нѣкоторыхъ другихъ роялистовъ.—Они убиты.—Общее смятеніе во дворцѣ.—Временная побѣда швейцарцевъ.—Волненія собранія.—Марсельцы снова атакуютъ Тюльери.—Защита швейцарцевъ и поголовная рѣзня ихъ.—Народъ предаетъ дворецъ разграбленію.—Убіиства.—Вирье, Ламартинъ, Виомениль.—Молодой Карлъ д'Отинанъ.—Виконтъ де Бровъ.—Статсдамы и женская прислуга королевы.—Салла, Марше, Діе.—Убіиство Клермонъ-Тоннера.—Вестерманъ у Дантона.

78

XXIII. Собраніе и народъ.—Власть находится въ ратушѣ.—Вожди партій выходятъ изъ своихъ убѣжищъ.—Совѣтъ коммуны, зародышъ конвента.—Внѣшній видъ собранія.—Петиціонеры у рѣшетки его.—Добыча изъ дворца принесена сражающимися.—Приостановка королевской власти.—Декретъ о созваніи конвента.—Лагерь подъ Парижемъ.—Роланъ, Клавьеръ и Серванъ возстановлены.—Дантонъ — министръ юстиціи.—Рѣчь его въ ратушѣ.—Парижъ въ вечеръ 10-го августа.—Народъ и буржуазія.—Сантерръ и Лафайетъ.—Король и королевская семья почуютъ въ зданіи фельяновъ.—Народъ требуетъ еще убійствъ.—Дантонъ отстрочиваетъ народную месть.—Королевская семья отвезена въ Тамплъ.

103

XXIV. Жирондисты принуждены отказаться отъ власти.—Настроеніе арміи.—Лафайетъ оставляетъ отечество.—Дюмуре присягаетъ націи.—Кутонъ.—Вестерманъ посланъ Дантономъ къ арміи.—Дюмуре замѣняетъ Лафайета въ арміи.—Онъ приобретаетъ довѣріе войскъ.—Парижская коммуна присвоиваетъ себѣ исполнительную власть.—Учрежденіе уголовного трибунала.—Маратъ поддерживаетъ идею объ истребленіи враговъ народа.—Дантонъ ее выполнять.

120

XXV. Парижъ лишенъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ.—Домовыя обыски.—Заподозрѣнные въ тюрьмахъ.—Дантонъ готовится къ событію.—Робеспьеръ предоставляетъ революціи идти своимъ порядкомъ.—Сень-Жюсть и Робеспьеръ.—2 сентября.—Убіиства въ тюрьмахъ.—Швейцарцы.—Баронъ Редингъ.—Королевскіе тѣлохранители.—Монморень.—Де-Сомбрель и его дочь.—Казотъ и его дочь.—Тьерри.—Де-Малье, де-Роганъ-Шабо.—Молодой Монсабрэ.—Аббатъ Сикаръ.—Арльскій архіепископъ.—Принцесса Ламбаль.—Негръ Делормъ.

146

XXVI.	Неистовства.—Убийство герцога Ларошфуко въ Жизорѣ.— Убийства въ Орлеанѣ, Лионѣ, Мо, Реймсѣ, Версали.—Мэръ Ришо.—Дантонъ принимаетъ на себя отвѣтственность за сентябрскіе дни	173
XXVII.	Армія.—Дюмуре держится въ Аргоннѣ.—Келлерманъ.—Ми- ранда.—Лагерь въ Сентъ-Менегу.—Позиція Келлермана.— Герцогъ Шартрскій.—Его личность.—Вальми.—Побѣда.—От- ступление прусской арміи.—Бездѣйствіе.—Настойчивость Дю- муре.—Онъ умиряетъ ропотъ своихъ войскъ.—Республика признана въ лагеряхъ	179
XXVIII.	Тайные переговоры въ арміяхъ.—Дантонъ пытается обуздать революцію.—Дюмуре въ Парижѣ.—Онъ входитъ въ соглашеніе съ Дантономъ	201
XXIX.	Конецъ Законодательнаго собранія.—Конвентъ.—Несогласія.— Монархія.—Республика.—Жирондисты.—Колло д'Эрбуа требуетъ уничтоженія королевскаго сана.—Жирондисты при- нимаютъ это предложеніе.—Верньо предлагаетъ немедленно составить актъ о низложеніи	212
XXX.	Республика принята единодушно.—Жирондисты у г-жи Ро- ланъ.—Обвиненіе противъ Марата.—Рѣчь Верньо.—Дантонъ.— Робеспьеръ.—Интимныя подробности.—Бурныя сцены.—Ма- ратъ.—Его личность.—Разрывъ между Дантономъ и жирон- дистами	222
XXXI.	Дипломатія Дюмуре.—Вестерманъ.—„Другъ народа“.—Бриссо дѣлаетъ попытку сопротивленія крайнимъ.—Дуве.—Его лич- ность.—Онъ обвиняетъ Робеспьера.—Онъ позоритъ Марата.— Отвѣтъ Робеспьера.—Бареръ.—Фабръ д'Эглантинъ.—Конфи- денціальное письмо Верньо.—Фонфредъ.—Партіи оспариваютъ одна у другой популярность	261
XXXII.	Людовикъ XVI и королевская фамилія въ Тамплѣ.—Описаніе Тампли.—Манюэль.—Тизонъ и его жена.—Башмачникъ Симонъ и помощникъ его Роше.—Король отдѣленъ отъ своей семьи.— Клери.—Туланъ	295
XXXIII.	Якобинцы принуждаютъ жирондистовъ высказаться въ про- цессѣ короля.—Сенъ-Жюсть.—Его личность.—Онъ требуетъ смерти короля.—Гора.—Ея мысль.—Томасъ Пайнъ.—Голодь въ Парижѣ.—Жакованье духовенству.—Желѣзный шкафъ.— Обвиненія.—Чернь вокругъ Тампли.—Г-жа Роланъ у рѣшетки. —Робеспьеръ требуетъ, чтобы король былъ судимъ безъ апел- ляціи.—Верньо борется за жизнь короля	325
XXXIV.	Тамплъ.—Людовикъ XVI у рѣшетки Конвента.—Возвращеніе его въ Тамплъ.—Мальзербъ.—Его личность.—Десезъ, Тронше. —Завѣщаніе Людовика XVI.—Пренія о судѣ надъ королемъ.— Ланжюне	351
XXXV.	Наружность города и собранія.—Осужденіе короля.—Верньо.— Людовикъ XVI.—Аббатъ Фирмонъ.—Послѣднее свиданіе ко- роля съ его семействомъ.—Процессія.—Казнь.—Оцѣнка суда надъ Людовикомъ XVI.	376